# Боборыкин П.Д.
# т.11

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

3 ТМОО Т. 3.600.000 З. 3104—88

65011

3
PKP

№. 11. 1897 г.

СБОРНИКЪ
„НИВЫ“
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ,
ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

# П. Д. БОБОРЫКИНА.

Въ 12 томахъ.

## Томъ XI.

НОЯБРЬ 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897 г.

29-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1898 г.

# „НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими безплатными приложеніями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1898 года:

**52 №№** художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

## ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

# И. С. ТУРГЕНЕВА,

которое явится **первымъ по полнотѣ содержанія**, такъ какъ въ него войдутъ «Стихотворенія» Тургенева, не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ. Полное собраніе сочиненій Тургенева будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе **одного 1898 года**, въ **12 томахъ**, отпечатанныхъ на **хорошо глазированной** бумагѣ, еще болѣе четко, чѣмъ приложенія предыдущихъ лѣтъ, съ приложеніемъ **автографа и портрета** И. С. Тургенева, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ **„Сборника Нивы“**, по одному тому въ **началѣ каждаго мѣсяца**. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Портретъ и факсимиле И. С. Тургенева. Предисловіе. Біографія И. С. Тургенева. Записки охотника. ТОМЪ II. Отцы и дѣти. Наканунѣ. ТОМЪ III. Дымъ. Дворянское гнѣздо. ТОМЪ IV. Новь. Рудинъ. ТОМЪ V. Андрей Колосовъ. Бреттеръ. Три портрета. Жидъ. Пѣтушковъ. Дневникъ лишняго человѣка. Три встрѣчи. Муму. Постоялый дворъ. Томъ VI. Два пріятеля. Затишье. Переписка. Яковъ Пасынковъ. Фаустъ. Поѣздка въ Полѣсье. Ася. ТОМЪ VII. Первая любовь. Призраки. Довольно. Собака. Исторія лейтенанта Ергунова. Бригадиръ. Несчастная. Странная исторія. Степной Король Лиръ. ТОМЪ VIII. Вешнія воды. Стукъ... стукъ... стукъ! Пунинъ и Бабуринъ. Часы. Сонъ. Разсказъ отца Алексѣя. Отрывки изъ воспоминаній. Пѣснь торжествующей любви. ТОМЪ IX. Клара Миличъ. Стихотворенія въ прозѣ. Стихотворенія. ТОМЪ X. Вмѣсто предисловія. Неосторожность Безденежье. Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Наслѣдникъ. Холостякъ. ТОМЪ XI. Завтракъ у предводителя. Мѣсяцъ въ деревнѣ. Провинціалка. Разговоръ на большой дорогѣ. Вечеръ въ Соррентѣ. ТОМЪ XII. Литературныя и житейскія воспоминанія. Критическія статьи и рѣчи. Некрологи, письма. Переводы. Хронологическій и алфавитный указатели.

☛ Соч. Тургенева могутъ быть пріобрѣтены въ видѣ **безплатнаго** приложенія **только въ теченіе 1898 г.** и отдѣльно отъ „Нивы“ не продаются. ☚

**12 КНИГЪ** «ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ срединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и проч. современныхъ авторовъ.

**12 №№** „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ:

**12 ЛИСТОВЪ** рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1898** г., печатанный красками.

**Подписная цѣна** за годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ СПБ. **5 р. 50 к.** Съ доставкою въ СПБ. **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) **6 р. 25 к.** Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **7 р.**, ЗА ГРАНИЦУ **10 р.**

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ). Малая Морская д. № 22.

# СОБРАНІЕ

## РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

# П. Д. БОБОРЫКИНА

**въ 12 томахъ.**

---

**ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.**

65011

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1897 г.

АБ | Ирбитская городская ЦБС

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

Публичная библиотека

# РАННІЕ ВЫВОДКИ.

(повѣсть.)

(Памяти М. В. Авдѣева.)

## I.

Дѣвочка-подростокъ, съ виду — лѣтъ подъ пятнадцать, вышла на крыльцо длиннаго, дощатаго, со стеклами, хода, заслонила отъ солнца глаза рукой, оглянула дворъ и крикнула густымъ, совсѣмъ уже не дѣтскимъ голосомъ:

— Епифанъ! Гдѣ Гамлетка?

Отвѣта ни откуда не было. Обширный дворъ, въ эту минуту, обдавала жаркая іюльская тишь. Отъ того мѣста, гдѣ стояла дѣвочка, поднималось другое крыльцо, съ деревянной „галдарейкой", пристроенное къ каменному, низменному дому. Зеленая крыша его, вся облитая свѣтомъ, радостно жарилась на солнцѣ. Красные кирпичики стѣнъ, съ большими штукатуренными наугольниками, пестрѣли по бокамъ галдарейки, откуда сходили двѣ лѣстницы съ яркими точеными балясинами. Все было точно вылощено и вымыто. Дворъ—ровный и чистый—шелъ полукружіемъ. Отъ главнаго крыльца сторонились, уходя вглубь, людскія службы, сарай, двѣ конюшни, коровникъ, выкрашенные въ веселую, сиреневую краску. Еще правѣе, около воротъ—четырехугольникъ, огороженный деревянной рѣшеткой, съ свѣтло-зелеными столбиками и бѣлыми шарами на углахъ. Черная, взрыхленная земля виднѣлась сквозь рѣшетку. Кусокъ жирной почвы рѣзко выступалъ на глинистомъ, ровно убитомъ, красно-

ватомъ грунтѣ двора. Домъ заворачивалъ влѣво и глядѣлъ маленькими квадратными окошками антресолей поверхъ стекляннаго хода. Совсѣмъ влѣво, другой его фасадъ выходилъ въ густой палисадникъ, тоже съ зеленой рѣшеткой и съ большой каменной террасой, обтянутой полосатой парусиной.

— Епифанъ, а Епифанъ! — крикнула громче дѣвочка, отняла руку ото лба и наморщила правую бровь.

Ей всякій бы далъ пятнадцать лѣтъ; а ей всего съ апрѣля пошелъ тринадцатый. Крѣпко, широко и дебело сплоченъ былъ ея корпусъ. Стоило, въ воображеніи, увеличить нѣсколько размѣры, и получилась бы женщина, вполнѣ сформированная. Ровный, бѣлый, съ чуть замѣтными веснушками, цвѣтъ припухлаго лица отъ загара сдѣлался золотистымъ. Все въ немъ было крупно: и сѣрые съ мясистыми вѣками глаза, немного навыкатъ, и полный ротъ, и круглый подбородокъ съ глубокой ямочкой посрединѣ, и несложившійся еще носъ, и уши, немного оттопыренныя сверху. Свѣтлые, плоскіе, тугіе волосы, заплетенные въ двѣ косицы, точно стягивали черепъ. Шея, открытая четырехугольной выемкой лифа, атласистая и выпуклая, переходила въ грудь, удивительно высокую для такого возраста. Руки были наполовину обнажены засученными короткими рукавами розоваго платья изъ плотнаго полосатаго оксфорда. Платье сидѣло, какъ на взрослой, чуть-чуть выше пятокъ, сшитое по-новому, съ длинной тальей и рядомъ пуговицъ вдоль спины. Оно рѣзко выказывало нарождающіяся формы дѣвочки. Кисти рукъ и локти еще краснѣли. Ноги, обутыя въ открытые черные башмаки съ вырѣзами, подходили къ большимъ размѣрамъ ея назрѣвающаго тѣла. Зато онѣ стояли на половицѣ крыльца прочно, смотрѣли носками въ разныя стороны, щеголяли крутымъ подъемомъ и тонкой вязкой ступни у щиколки. Цвѣтные чулки сквозили между вырѣзами башмаковъ.

Не дождавшись отвѣта, дѣвочка прикрыла опять глаза ладонью и побѣжала, тяжело ступая и подгибая колѣна, черезъ дворъ, въ сторону конюшни. Между коровникомъ и конюшней открывался узкій проходъ. Въ глубинѣ его былъ навѣсъ, отгороженный заборчикомъ, съ сквозной калиткой. Тамъ стоялъ теленокъ, сизой шерсти, уже порядочно откормленный. Какъ только онъ увидалъ дѣвочку—тотчасъ просунулъ голову и мягко замычалъ. Мра-

морная, влажная морда зашевелилась, ища подачки, розовыя ноздри раздулись, хвостъ весело закрутился на спину.

— Гамлетушка!—любовно окликнула она, отворила калитку, вывела теленка и стала его обнимать; а онъ все обнюхивалъ мордой, не дастъ ли она ему хлѣбца изъ своей пухленькой, бѣлой ладони.

— Нѣтъ у меня ничего, нѣтъ; а ты пойдемъ, пойдемъ къ намъ... Тамъ мы тебя покормимъ... и кашки, и всего, всего...

Правой рукой она обхватила тонкую шею теленка и точно подъ ручку повела его къ крыльцу. Онъ не сопротивлялся, только безпрестанно спотыкался и ступалъ не той ногой, какой слѣдовало.

Дверь на крыльцо стекляннаго хода была настежь растворена. Дѣвочка ввела своего питомца подъ навѣсъ, а оттуда и въ длинную галлерею. Не въ первый разъ приводилось Гамлеткѣ ходить по полу: онъ началъ ступать твердо, весело, поднималъ морду и встряхивалъ округлыми ушами. Не доходя до двери, ведущей въ комнаты, дѣвочка втолкнула Гамлетку вправо, въ узкую дверку—и оба очутились въ палисадникѣ, около каменной террасы.

— Муза, Муза!—позвала она нараспѣвъ, по направленію къ террасѣ, и потянула теленка къ кустамъ, гдѣ на скамейкѣ стояло небольшое корыто съ какимъ-то бѣлесоватымъ кормомъ.

— Что тебѣ?—отозвался изъ-за большого куста бузины густой и низкій, дѣвичій голосъ.

— Сойдите сюда... и Василія Семеныча шлите... Что вы тамъ забились... Вѣдь конченъ урокъ. Я ему Гамлетку отрекомендую.

И Юленька (такъ звали ее) начала опять ухаживать за теленкомъ, подставила ему корытцо и гладила его рукой по бокамъ, смѣясь и слѣдя за тѣмъ, какъ его кожа вздрагиваетъ продольнымъ трепетомъ...

## II.

Съ террасы спустились ея двѣ сестры, Лидія и Муза; а за ними молодой человѣкъ, Банарцевъ, только что дававшій урокъ младшимъ двумъ сестрамъ. Самая старшая, Лидія, была головой ихъ выше, но такого же сложенія и поразительнаго сходства въ лицѣ. Она смахивала чуть

не на замужнюю женщину, несмотря на свои девятнадцать лѣтъ. Еще годъ, и ея полнота должна была перейти въ толщину. У всѣхъ трехъ сестеръ были свѣтлые, точно двуцвѣтные волосы, сѣрые глаза, круглые подбородки, сверху оттопыренныя уши. Только вторая, Муза, выдѣлялась немного приземистой фигурой и высокимъ подъемомъ плечъ. Двѣ младшія сестры одѣты были одинаково; а старшая—въ батистовое, песочнаго цвѣта платье, сшитое такъ же ловко и въ обтяжку, какъ и у Юленьки. Короткіе рукава съ кружевцами открывали ея блестящія, налитыя руки. На груди былъ такой же вырѣзъ. На шеѣ висѣлъ медальонъ. Отъ нихъ самихъ и отъ ихъ платьевъ шелъ запахъ свѣжаго молодого тѣла, чистаго, крахмаленнаго бѣлья и чуть-чуть жасминной помады.

— Василій Семенычъ!—позвала Юленька,—да подойдите же сюда. Вы еще не знакомы съ моимъ Гамлеткой.

Она обращалась съ нимъ, какъ съ пріятелемъ, да и видно было, что онъ въ домѣ—свой человѣкъ и слишкомъ молодъ, чтобы играть роль учителя. Некрасивое лицо его, смугловатое, несовсѣмъ чистое, съ нахмуренными бровями, скрашивалось взглядомъ темнокарихъ глазъ и очертаніями большой головы съ длинными черными волосами, которые онъ, сойдя въ палисадникъ, привычнымъ движеніемъ закинулъ за уши. Худощавость его была еще юношеская, почти ученическая; но широкія, мужественныя плечи, тонкіе усы, кисти рукъ, выраженіе лба—все это говорило, что ему лѣтъ довольно, да и по душевному складу онъ—уже давно не мальчикъ. На немъ кое-какъ сидѣло измятое парусинное пальтецо, поверхъ узкихъ суконныхъ панталонъ, по всѣмъ признакамъ—отъ гимназической форменной пары.

— Какъ вы его прозвали? — спросилъ онъ, улыбаясь довольно большимъ ртомъ съ мелкими, желтоватыми, крѣпкими зубами.

— Гамлеткой, — повторила старшая сестра, низкимъ, совсѣмъ мужскимъ голосомъ.—А вамъ, поди, не нравится?

— Какъ же это вы, Лидія Сергѣвна, позволили теленка прозвать Гамлетомъ?

— Что же такое?—протянула Лидія.

— Не хорошо-съ... ужъ это больно реально... Вѣдь принцъ датскій скорбѣлъ... за все человѣчество...

— Ахъ, полноте!—закричала Юленька, тыча морду теленка въ корыто,—у насъ давно, еще пять лѣтъ будетъ,

такой же теленокъ родился, и тогда дяденька, Павелъ Григорьичъ, его Гамлеткой прозвалъ... Ужасно ловко звать: Гамлетка, Гамлетка!

Она начала обнимать теленка и цѣловать въ бѣлую звѣздочку между рогами.

— Вы все въ сурьёзъ, Василій Семенычъ, — лѣниво и ласково промолвила Лидія,—вѣдь ужъ насъ вамъ не передѣлать: каковы въ колыбелькѣ, таковы и въ могилкѣ... Муза, что жъ ты новымъ-то вареньемъ не угостишь... скряга какая! Только бы тебѣ копить.

Вторая сестра стояла поодаль, въ неподвижной позѣ. Глаза ея куда-то ушли; но не мечтательно; скорѣе уперлись во что-то. Она, навѣрно, обдумывала, въ эту минуту, что-нибудь хозяйственное. Голова ея, съ высокимъ и круто свернутымъ изъ косъ шиньономъ, наклонилась на бокъ. Грудь тихо и сладко дышала, поднимая воротъ лифа. Ей было всего пятнадцать лѣтъ, но она смотрѣла уже зрѣлой невѣстой и давно носила длинныя платья.

При словѣ „варенье“ она покраснѣла сразу, во всю щеку, и сѣрые, мало подвижные глаза заискрились.

— Я — скупая! — откликнулась она почти такимъ же низкимъ голосомъ и такъ же медленно, какъ и Лидія.— Кто это сказалъ? Оттого, что я Юлѣ объѣдаться не даю?.. Такъ ее и такъ рвало...

Она оглянулась на Банарцева и точно застыдилась несовсѣмъ нарядnаго слова.

— Ей-Богу, Василій Семенычъ, — оживленнѣе продолжала она, — Юленька такъ клубничныхъ пѣнокъ наѣлась, что ее два дня сряду тошнило... Правду я говорю, Юля?

— Мамочка ты моя, милая,— приговаривала Юленька, лаская Гамлетку,— погоди, я тебѣ молочка сейчасъ принесу.

Въ жару заботъ, она и не слыхала вопроса сестры.

— Ну, считаться вамъ нѣчего,—рѣшила Лидія тономъ старшей.—Поведи насъ къ себѣ въ кладовую... Мы тамъ увидимъ, скупа ты или нѣтъ; а Юля пускай тутъ Гамлетку облизываетъ.

Муза подняла сбоку правой рукой юбку, которая очень плотно обхватывала ей бедра, и торопливо пошла на терасу, сказавъ имъ на ходу:

— Ты, Лидія, пройди галлереей; а я сбѣгаю за ключами и блюдечекъ захвачу.

Ея круглая фигура обогнула кустъ бузины и скрылась. Лидія съ Банарцевымъ прошли черезъ дверку въ галлерею — она впереди, и взяли направо, въ широкія, дощатыя сѣни, гдѣ ихъ обдалъ смолистый запахъ свѣжаго сосноваго тёса. Сквозь щелки, между тёсомъ, проскользали лучи свѣта и шли по полу полосами, въ которыхъ играла чуть замѣтная пыль.

Въ углу дощатая же дверь, съ висячимъ, тяжелымъ замкомъ и просвѣтомъ сверху, вела въ кладовую.

— Вотъ это—владѣнія Музы,—промолвила все такъ же медленно Лидія, прислонившись къ косяку и мягко оглядывая своего спутника.

Онъ на нее не смотрѣлъ. Вообще, онъ былъ гораздо тревожнѣе ея; а въ ней точно все давно уже улеглось и текло изо-дня-въ-день тихой и сильной волной растительной жизни.

— Будто ужъ она ничѣмъ другимъ и не заинтересуется?—спросилъ онъ, какъ бы про себя.

— Вамъ ближе знать: вы съ ней два года работаете.

— Муза Сергѣвна старательна.

— Что ей прикажутъ — выучитъ; а ученой вы ни изъ одной не сдѣлаете—будьте покойны. Вотъ варенье и сушенье, это—ея страсть.

Въ тонѣ Лидіи слышалась легкая насмѣшка, но не надъ сестрой, а скорѣе надъ нимъ или надъ чѣмъ-то, что̀ она давно оспаривала въ разговорахъ со своимъ ровесникомъ.

## III.

Съ радостнымъ лицомъ вернулась Муза, держа въ одной рукѣ связку ключей, а въ другой—два стеклянныя блюдечка и двѣ чайныя ложки.

— Посмотрите, какъ у меня хорошо, — нѣсколько запыхавшись выговорила она.—Какой запахъ... чудо!.. Тутъ у меня варенье остываетъ, которое только что сварено.

— Василія Семеныча все это очень, поди, мало интересуетъ, — вбокъ замѣтила Лидія, пока Муза отпирала замо́къ, дѣловито ввинчивая ключъ.

По лбу у ней пошли маленькія морщинки, и ротъ немного скосился. Большимъ, красивымъ пальцемъ она ловко отомкнула дугу замка́ и отворила одну половинку двери.

Изъ прохладной и темной кладовой пахнуло вареньемъ и всякими снадобьями: розовымъ цвѣтомъ, яблоками, ко-

рицей, французскимъ черносливомъ, еще чѣмъ-то пряным. Банарцевъ проникъ туда вслѣдъ за обѣими сестрами и прищурился, осматривая полки, кадочки, ящики, разную провѣсную снѣдь.

— Грибы-то у насъ еще прошлогодніе, — указала ему Муза на нѣсколько связокъ сухихъ бѣлыхъ грибовъ, свѣшенныхъ съ потолка. — Нынче грибовъ совсѣмъ нѣтъ. Вотъ мамаша, не знаю, привезетъ съ хутора, не знаю — нѣтъ. Къ бѣлымъ-то на базарѣ приступу нѣтъ, мнѣ сами бабы говорили; однѣ сыроѣжки, да маслёнки... Грузди будутъ и рыжики... да тѣ позднѣе... за рѣкой.

Пока она все это степенно и очень вкусно выговаривала, Лидія подозвала Банарцева къ двумъ большимъ мискамъ, прикрытымъ кисеей.

— Вотъ этого-то она намъ не показываетъ—небось,— весело вскричала она,—а все насчетъ грибковъ прохаживается. Ну-ка, ну-ка, Муза Сергѣвна, извольте развязать эти великолѣпія... Тутъ что?

— Тутъ розовый цвѣтъ; только его, кажется, переварить придется: жидокъ что-то.

— Мы это разсудимъ съ Василіемъ Семенычемъ. А въ этой вотъ мискѣ?

— Клубника. Кажется, хорошо. Мамаша до четырехъ разъ варитъ... да этакъ очень ужъ густо выходитъ. Я и ванили кусочекъ припустила.

Старательно сжавъ губы, начала Муза развязывать миски. Для этого она встала на одно колѣно—миски помѣщались на скамейкѣ—и оглядѣла ихъ сперва со всѣхъ сторонъ, точно хотѣла удостовѣриться, не дотрогивался ли кто до варенья, тайкомъ отъ нея. Не спѣша, развязала она узлы и тихонько откинула кисею съ каждой миски. Лидія и Банарцевъ глядѣли на нее улыбаясь. Имъ обоимъ сдѣлалось весело и уютно среди этихъ ящиковъ, полокъ, банокъ, связокъ сушенья. У обоихъ явилось почти одновременно какое-то пріятно щекотанье, подъ которое и стоя легко можно было бы задремать.

— Не угодно ли?—поднесла Муза первому Банарцеву блюдечко съ розовымъ цвѣтомъ.

— Куда же вы столько!.. Чуть не черезъ край! — разсмѣялся онъ, берясь за ложечку, — да я и не большой охотникъ.

— Это чтобы я ее въ скупости не уличала,—замѣтила чрезъ его плечо Лидія, поддразнивая сестру своимъ го-

лосомъ,—вы не съѣдите, я съѣмъ, а я не съѣмъ—Муза все обчиститъ.

— Лидочка!

— Нечего жантильничать... Ты отчего такъ и пристрастилась къ хозяйству. По цѣлой двухфунтовой банкѣ можешь истреблять въ одну ночь! Вотъ мы съ Музой Сергѣвной каковы!

— Какъ, въ одну ночь? — спросилъ Банарцевъ, и съ нѣкоторымъ усиліемъ проглотилъ густую кашу изъ розовыхъ лепестковъ.

— А вы не знаете этихъ талантовъ за вашей ученицей?

— Лидія!.. Гадкая!..

Муза не на шутку начала сердиться. Она всегда страдала отъ спокойнаго юмора старшей сестры и нѣсколько разъ сбиралась ее „ненавидѣть“, но, по мягкости нрава, не могла.

— Не хочешь ли мы допросимъ Юленьку? Она—ангельская душа, лгать не умѣетъ. Она своими глазами видѣла, какъ Муза Сергѣвна изволили тихонько подъ постель поставить банку съ черной смородиной... А на утро только на донышкѣ осталось... И ничего—какъ встрепанная была на другой день.

Всѣ трое расхохотались. Муза только покраснѣла слегка и тотчасъ же наклонила голову надъ второй миской.

— А вотъ клубника... Ужъ за это варенье я постою. Василій Семенычъ... Вкусно? Вы еще ложечку... Развѣ такъ ѣдятъ?

— Покажи-ка, покажи, — заговорила Лидія, подходя близко-близко къ Банарцеву и беря у него изъ рукъ блюдечко.

— Какъ же я буду показывать... Ты сама всё съѣшь.

Лидія начала ѣсть аппетитно и степенно и въ три-четыре пріема обчистила блюдечко.

— Вы видите, Василій Семенычъ: должно-быть, я одна ѣмъ варенье, а Лидія Сергѣвна не умѣетъ совсѣмъ!

Какъ ни старалась Муза придать своей фразѣ язвительности, но это ей не удалось.

— Сладкій ужъ очень здѣсь запахъ, — замѣтилъ Банарцевъ и потянулъ въ себя струю воздуха.

— Пожалуй, и затошнитъ, — прибавила Лидія и круто повернулась къ двери. Каблуки ея прюнелевыхъ боти-

нокъ скрипнули, и даже матерія на лифѣ издала маленькій трескъ.

— На славу угостили, — сказалъ, уходя, Банарцевъ и носовымъ платкомъ утеръ себѣ ротъ. Онъ еще разъ оглянулъ кладовую, улыбнулся своей ученицѣ и, сгорбившись— привычку эту онъ давно уже имѣлъ — пошелъ опять вслѣдъ за Лидіей.

Муза осталась покрывать свои миски, потрогала связки сушеныхъ яблоковъ и грибовъ, взяла въ углу, въ открытомъ кулечкѣ, щепоть сухого, зеленаго горошку — она любила его грызть пуще варенья — и заперла чуланъ такъ же внимательно и дѣловито, какъ и отпирала его. Звукъ замка, когда она выдергивала винтовой ключъ, каждый разъ давалъ ей какое-то особое чувство довольства. Она уже воображала себя полной хозяйкой. И никуда ей не хотѣлось вонъ изъ такого же точно дома, какъ этотъ, гдѣ было бы все подъ рукой, гдѣ круглый годъ можно дѣлать запасы, уставлять кладовую, ледникъ и погребъ банками и баночками съ вареньемъ, кадочками и кадушками, боченками и бочками съ разной соленой и моченой ѣдой.

## IV.

— Вы у насъ не посидите немножко?

Лидія спросила это небрежно; но ей хотѣлось удержать Банарцева, какъ обыкновенно, послѣ урока сестрамъ.

Они стояли въ очень большой комнатѣ, выходящей на террасу и раздѣленной пополамъ аркой съ колоннами. Первая, ближайшая къ балкону половина отдѣлана была „залой“, а часть за колоннами—„гостиной“. Такое устройство часто попадается въ губернскихъ городахъ. Прохладно и какъ-то особенно пріятно чувствовалъ себя каждый въ этомъ покоѣ. Цвѣтныя шторы пропускали голубоватый свѣтъ. Мебель за колоннами стояла свѣтло-синяя, изъ шелковаго репса. Въ углахъ много цвѣтовъ. Надъ каждымъ окномъ по клѣткѣ съ канарейками. У одной изъ боковыхъ стѣнъ — огромный орѣховый шкапъ съ зеркаломъ, новой, петербургской работы. Противъ него — другой, поменьше, штучный, весь въ стеклахъ, переполненный фарфоромъ и хрусталемъ.

— Я тороплюсь, — переминаясь отвѣтилъ Лидіи Банарцевъ.

— Куда же это?..

Она усмѣхнулась своимъ крупнымъ, пасмѣшливымъ ртомъ.

— Нужно. Соблаговолите газетку, если свободна.

— Что это вы, Василій Семенычъ... какъ выражаетесь сегодня?.. Точно мы—какіе судейскіе... Соблаговолю, приготовила вамъ два номера... Да не хотите ли еще? Иллюстрація пришла.

— Есть что-нибудь съ Дуная... виды?

— Я еще хорошенько не просмотрѣла.

Лидія видимо задерживала его. Онъ стоялъ передъ ней въ неловкой позѣ и поглядывалъ бочкомъ на ломберный столъ, гдѣ у него лежала фуражка, парусинная, съ холщевымъ козырькомъ.

— Ну, ужъ воля ваша,—оживленно вскричала Лидія.— Я вамъ покажу и свой департаментъ. Подите-ка сюда.

Она взяла его за руку и повела въ гостиную, къ большому шкапу съ зеркаломъ, отъ котораго во всѣ стороны расходился блескъ. Банарцевъ увидалъ себя въ немъ во весь ростъ, рядомъ съ фигурой Лидіи. Она показалась ему такая роскошная, смѣлая, увѣренная въ своемъ безмятежномъ довольствѣ. За себя ему даже стыдно стало: и пальтишко его поднялось и смялось, и потертые панталоны прикрывали худыя ноги съ поджатыми колѣнами, и горбился онъ страшно, и въ лицѣ было что-то кислое, хмурое, скованное...

— Я и не замѣтилъ этого шкапа,—выговорилъ онъ.

— Да вѣдь вы ничего не замѣчаете, кромѣ книжекъ и газетъ... Это мы, на той недѣлѣ, по случаю купили. Акцизный ревизоръ — онъ переведенъ въ Полтаву — все распродавалъ... Петербургской работы. Мамаша семьдесятъ рублей дала; а новый-то онъ полтораста заплаченъ... Я тутъ со своимъ добромъ расположилась.

Бережно вынула она изъ кармана портмонэ, достала изъ бокового отдѣленія маленькій, фигурный ключъ и отперла шкапъ, обернулась къ Банарцеву и глазами пригласила его насладиться тѣмъ, что лежало на полкахъ. Сверху, на трехъ полкахъ разложены были дюжины салфетокъ, скатертей, чайныхъ салфеточекъ, наволочекъ, простынь, полотенецъ. На нижнихъ—переложенное въ чистую замшу серебро—ножи, вилки, ложки—новое, отливающее металлической игрой выпуклостей и лезвій. Отъ дорогого камчатнаго бѣлья шелъ тонкій, свѣжій запахъ. Лидія наклонила голову и понюхала одну изъ дюжинъ.

— Вотъ это — моя слабость, Василій Семенычъ. Выше ничего нѣтъ на свѣтѣ, какъ бѣлье... и столовое, и такое!

Ласкающимъ жестомъ погладила она верхнюю скатерть цѣлой дюжины и поправила бантикъ красной ленточки, которой перевязаны были чайныя салфеточки.

— Будто бы ужъ ничего выше и нѣтъ?—спросилъ Банарцевъ и тряхнулъ волосами.

— Вамъ этого не понять... вы все тамъ гдѣ-то витаете. Жизни вы не знаете настоящей.

Отступивъ шага на два, она съ разгорѣвшимися щеками оглядывала внутренность шкапа съ верху до низу. Онъ поглядѣлъ на нее нѣсколько удивленно.

Никогда еще онъ *такой* не видалъ ея, а ходилъ къ нимъ больше года по три раза въ недѣлю. Правда, и прежде онъ замѣчалъ, что Лидія Сергѣвна — „вся въ вещахъ“—какъ онъ выражался про себя. Но ему только теперь было вдомёкъ, что „вещи“ такъ наполняли ее. Она стала втрое красивѣе: глаза блистали, грудь громко дышала, правую руку она прислонила къ раскрытой двери шкапа въ позѣ несказаннаго довольства и душевнаго равновѣсія.

Онъ хотѣлъ было возразить ей, что она сильно ошибается, что онъ знаетъ „жизнь“ ужъ никакъ не хуже ея— онъ, существующій на свой „счетъ“ съ тринадцати лѣтъ; но спорить съ ней, въ эту минуту, ему не захотѣлось. Такая она была цѣльная и прочная: точно мать семейства, обороняющая вереницу дѣтей, или женщина въ лѣтахъ, на плечахъ которой огромный домъ. И все-таки не лежало у него сердце къ этой прочной и самостоятельной дѣвушкѣ, не желающей ничего знать, кромѣ жизни въ домѣ, гдѣ у ней *все* есть, гдѣ она можетъ копить и укладывать свое бѣлье, любоваться серебромъ и фарфоромъ, насмѣшливо относиться къ тому, что̀ не вещи, не матерія, не денежная независимость, не спокойное, безпробудное самодовольство и себялюбіе...

— Вѣдь славно?—окликнула Лидія Банарцева.

— Хорошо-съ,—отвѣтилъ онъ несовсѣмъ пріятельскимъ тономъ.

— Вы не сердитесь... Дайте, я закрою. Извините, что обезпокоила васъ... А я-было хотѣла показать вамъ новый кофейный сервизъ. Намъ изъ Москвы прислали. Гарднера фабрики... нынѣшній, знаете, чашки такими стаканчиками. Намъ всѣмъ ужасно понравилось, да вѣдь вы—

физикусъ! Вотъ приходите какъ-нибудь въ воскресенье кофе пить, я велю въ новомъ сервизѣ подать... Сейчасъ я вамъ достану газеты; онѣ въ угловой, на столикѣ лежатъ.

— Позвольте, я самъ...

— Ничего, мнѣ полезно ходить... А вы не хотите ли покурить? Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Да я нынче отстаю.

— Что такъ?

— Дурная привычка... да и дорого.

Лидія глазами какъ будто одобрила то, что Банарцевъ отстаетъ отъ куренья. Положивъ опять въ портмонэ ключикъ отъ шкапа, она прошла уже гораздо скорѣе въ угловую комнату и принесла оттуда два нумера какой-то московской газеты.

— Вы сказывали, Василій Семенычъ,—заговорила она, подходя къ нему,—лучше бы намъ на другую газету подписаться?

— Да коли вамъ все равно... петербургскія газеты теперь куда живѣе... И депеши, и корреспонденціи... Какъ же можно!

— Намъ куда же за всѣмъ слѣдить! Мамаша привыкла вѣдомости по вечерамъ читать... больше объявленія. Эта—самая дешевая, да и листъ большой.

Банарцевъ усмѣхнулся, принимая изъ рукъ ея газетные листы.

— Смѣйтесь, Василій Семенычъ, я и сама такая.

— Не вѣрю я этому,—выговорилъ онъ, взглянувъ на нее строже обыкновеннаго.

— Чему же это вы не вѣрите?

— Чтобы вы теперь... не хотѣли знать, что дѣлается тамъ...

Голосъ его немного дрогнулъ.

— Гдѣ это *тамъ*?—протянула Лидія.

— Тамъ... гдѣ звѣрства совершались... гдѣ Черняевъ. Вся Россія теперь за славянъ, а вы точно и не знаете, что Сербія воевать собралась... И у насъ выискиваются...

— Кто это выискивается? — остановила она, — добровольцы, что ли... такъ вѣдь ихъ называютъ? Скажите, пожалуйста! Одно обезьянство... Отличиться захотѣли!

— Какое же это обезьянство? — рѣзко, почти гнѣвно вскрикнулъ Банарцевъ.

— Ну, ну, не сердитесь, пожалуйста. Вольно же вамъ

со мной о политикѣ толковать! Какое мнѣ дѣло до этихъ разныхъ разностей!.. Я знаю свой домъ и не намѣрена волноваться изъ-за сербовъ какихъ-то! Что за Сербія?.. насъ въ институтѣ этому не учили, а послѣ мнѣ нѣкогда было. Я на себя смотрю, какъ на главную ключницу— вотъ и все. Да и скажите, пожалуйста: вотъ вы живете своей работой, въ университетъ сбираетесь... и тамъ опять надо учить и бѣгать, и братишку вашего поддерживать... Такъ и всякому.—Какіе тутъ сербы! Куда ни посмотришь: такая-то бѣдность, нищенство, охаютъ, жалуются... Просто свѣтопреставленія ждутъ. Гдѣ же тутъ добровольцевъ отправлять? И на какія это деньги? У кого онѣ есть?

— Комитеты помогаютъ.

— Какіе комитеты?

— Тамъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ... вы вѣдь читаете газеты...

— Да эти самые комитеты, гдѣ же они деньги-то берутъ? Вѣдь собираютъ же съ кого-нибудь?

— Вся Россія жертвуетъ.

— Ужъ не знаю, изъ какихъ такихъ благополучій!

— У кого мало—тотъ даетъ.

— Это вы въ нашъ огородецъ камешки? У насъ много, такъ мы не даемъ—такъ вѣдь?

— Я вовсе не то...

— Полноте... Вотъ вы какъ разсердились. И неправда: мамаша хотѣла послать, да я отсовѣтовала.

— Вы? — изумленно переспросилъ Банарцевъ и даже попятился назадъ.

— Собственной персоной. Такъ и сказала ей: хочешь, мама, помогать несчастнымъ, такъ лучше вонъ Ѳоминишнѣ слѣпой назначь пенсію—хоть два рубля. А то ты на войну деньги будешь давать, чтобъ больше перерѣзали народу... насчетъ русскихъ благодѣтелей!

Банарцевъ замолчалъ и взялся за фуражку. Лидія еще разъ протянула ему руку и гораздо мягче выговорила:

— Политику мы бросимъ, Василій Семенычъ. Вы меня не передѣлаете, да и вамъ вѣдь не въ добровольцы идти... И въ университетъ-то ѣхать—не шутка!

Въ звукѣ ея послѣднихъ словъ проникла явственная тревога.

— Это полегче, чѣмъ на Дунай отправляться.

— Какъ сказать,—задумчиво вымолвила Лидія и про-

должала:—такъ вы хоть напослѣдяхъ... почаще къ намъ заходите, а то только на урокахъ васъ и видишь.

Онъ взялся за часы и, поглядѣвъ на циферблатъ, наморщилъ лобъ: вѣроятно, времени было больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Торопитесь... ждутъ, вѣрно?—съ удареніемъ подсказала Лидія.

— Пора,—кратко и сухо отвѣтилъ Банарцевъ и пошелъ къ террасѣ некрасивой походкой провинціальнаго гимназиста, торопливо, съ перебираніемъ плечъ.

Лидія проводила его до палисадника.

## V.

Ему хотѣлось придти на условленное мѣсто, въ городской садъ, ровно къ половинѣ шестого. Онъ каждый разъ поспѣвалъ туда къ этому времени, послѣ урока дѣвицамъ Пшеницовымъ. Сегодня онъ, отъ разговора съ Лидіей, уходилъ непріятно возбужденный. Досадно и скверно у него было на душѣ. Злобствовать на кого бы ни было—онъ не любилъ. Но не хотѣлъ онъ соглашаться съ разсужденіями этой Лидіи Сергѣвны. Что за мѣщанство! И въ молодой дѣвушкѣ, его ровесницѣ?! Имъ обоимъ, около Преображенія, минетъ по двадцати лѣтъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ совсѣмъ пустыми и пыльными, плохо мощеными улицами губернскаго города Z., мысли его укладывались. Онъ сталъ возстановлять въ своей памяти всѣ впечатлѣнія изъ дома Пшеницовыхъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ туда ходитъ. Не даромъ прозвалъ онъ его, еще въ первый мѣсяцъ своего учительства, „скитомъ“. Да, это, дѣйствительно—*скитъ*, гдѣ почти что не хотятъ ничего знать о томъ, что̀ дѣлается „на міру“, гдѣ копятъ всякую благостыню, моютъ и чистятъ, хозяйничаютъ и сидятъ сидѣмъ, точно не видя ничего выше и блаженнѣе на свѣтѣ прозябанья изо-дня-въ-день, безъ тревогъ, безъ порываній, безъ горькихъ заботъ о кускѣ хлѣба, но и безъ поэзіи, безъ великодушныхъ помысловъ. Не зря сложилось такое семейство. Папенька служилъ, получалъ „безгрѣшные“ доходы, копилъ, умеръ отъ водяной, не выѣзжая изъ Z. Онъ настроилъ всѣ эти галдарейки, крыльца, ходы, чуланы, террасы, коровники, навѣсы; разбилъ палисадникъ и отгородилъ даже мѣсто для разведенія шампиньоновъ на дворѣ. Его самодовольно пріобрѣтательская душа перешла во всѣхъ трехъ дочерей. А

тѣло онѣ наслѣдовали отъ „мамаши“, бывшей гувернантки, которая, черезъ годъ замужества, преобразилась въ пухлую, медленную, безобидную, аккуратную, губернскую барыню-насѣдку. Дочери росли хозяйственно, какъ растутъ и зрѣютъ парниковые овощи и шампиньоны. Лидію мать, по старой памяти, отдала въ мѣстный дворянскій институтъ года на три, а младшихъ, Музу и Юлію, по смерти мужа, воспитывала дома. Воспитаніе это идетъ само собою. Ходятъ учителя, въ томъ числѣ и Банарцевъ. Его взяли какъ перваго ученика гимназіи: оно и подешевле. Учатся онѣ не бойко, но старательно—по учебнымъ книжкамъ. Читать, даже журналовъ, не любятъ, „своими словами“ мало разсказываютъ, музыки терпѣть не могутъ, сентиментальностей—никакихъ. Зато насчетъ соленья, варенья, кухни, коровъ, лошадей, телятъ, хуторского хозяйства, насчетъ варенца и простокваши, свѣжихъ и сухихъ грибовъ, бѣлья, хрусталя, фарфора и серебра — это какое-то святилище, гдѣ матерія, питательныя вещества, торжество тѣла и его безпробудное довольство доведены самою жизнью до невиданныхъ предѣловъ.

Банарцевъ, когда присмотрѣлся, не вѣрилъ даже своимъ глазамъ. Онъ съ дѣтства зналъ губернскую жизнь. Родился и выросъ тутъ, въ Z., въ семьѣ портного, обшивавшаго когда-то все „благородное дворянство“. Въ чистой комнатѣ, гдѣ у отца лежали куски сукна и трико, мальчикъ слышалъ часто дворянскіе разговоры, сплетни, расчеты, дѣловыя сужденія кто какъ живетъ, по старому или по модному, сводятъ ли концы съ концами или нѣтъ, строго ли воспитываютъ дѣтей, удержатъ ли землю, отрѣзанную отъ надѣла, проѣли ли свои выкупныя свидѣтельства, или кое-что осталось?.. Вася, еще до поступленія въ гимназію, зналъ наперечетъ всѣ „дома“: и старые помѣщичьи, удержавшіеся отъ крѣпостныхъ временъ, и новѣйшіе чиновничьи, пріѣзжихъ „пароходскихъ“ и „банковскихъ“. И отъ товарищей въ гимназіи онъ слышалъ все, что̀ дѣлается, хотя и не любилъ болтать зря. Въ классѣ, со „старшимъ“, съ первымъ ученикомъ всегда охотнѣе разговариваютъ: иные поддѣлываются, лебезятъ, любятъ похвастать тѣмъ, какъ у нихъ живутъ дома; другіе начинаютъ сейчасъ зазывать къ себѣ въ гости обѣдать или чай пить, или заходятъ къ старшему послѣ классовъ—узнать „что̀ задано къ завтрему?“ и тутъ еще болѣе изливаются. Такъ онъ и росъ въ воз-



65011 АБ Ирбитская городская ЦБС

духѣ губернскихъ исторій и присматривался къ семейнымъ порядкамъ во всякихъ домахъ. Съ тринадцати лѣтъ—знакомство еще расширилось: онъ сталъ давать уроки, очень много уроковъ, такъ что еле хватало времени самому готовиться, заучивать греческія спряженія, переписывать латинскія тетрадки и поддерживать себя первымъ на „первой партѣ“. Случилось такъ потому, что отецъ уже больше двухъ лѣтъ хворалъ, пролѣчилъ какія были деньжонки, домишко заложилъ; а передъ смертью его все съ молотка продали. Надо было перебраться на квартиру, распустить „молодцовъ“ и перебиваться съ хлѣба на квасъ. Вася хотѣлъ-было бросить ученье и вести портняжное дѣло съ хорошимъ закройщикомъ, но отецъ такъ разгнѣвался, что онъ насилу его успокоилъ. Матери давно не было въ живыхъ, да оставался еще на рукахъ маленькій братишка Степа. И его надо было кормить, одѣвать, помѣстить въ приготовительный классъ гимназіи: жалко ужъ очень стало отдавать его въ „мальчики“ къ мастеровому, на грубость, пьянство, побои, всяческую грязь... Цѣлыя девять лѣтъ пробылъ Василій Банарцевъ въ гимназіи, изъ-за тифа потерялъ лишній годъ—добрые люди поддержали, не дали съ голоду умереть. Весь почти городъ переучилъ онъ — больше все въ „хорошихъ“ домахъ, особливо въ послѣдніе два года, не однихъ мальчиковъ, а и дѣвочекъ, даже большихъ барышень.

Семья Пшеницновыхъ не сразу показалась ему такой своеобразной. Сначала онъ принялъ ихъ жизнь за простую барскую обломовщину. Но не прошло и мѣсяца, какъ онъ распозналъ совсѣмъ другія черты. Тутъ, въ этомъ „скиту“, пахло не помѣщичьей усадьбой, не безпробудной растительной лѣнью, на даровыхъ хлѣбахъ, не сладкимъ сномъ крѣпостничества—нѣтъ! Мать, хотя и очень толстая, сырая женщина, старательно занималась дѣлами: ѣздила часто на хуторъ, гдѣ велось большое хлѣбопашество, поддерживала домъ въ образцовомъ порядкѣ, заботилась о ремонтѣ, покупала процентныя бумаги и слѣдила за цѣной ихъ по газетамъ, думала и о томъ: кого пригласить учителемъ къ дочерямъ, гдѣ и когда купить имъ мѣховъ на салопы, полотна, матерій на платья, зимнихъ и лѣтнихъ модъ? Все это у ней вносилось въ книгу, каждая малость, и по вечерамъ она, несмотря на толщину, провѣряла счеты со старшей дочерью. Скопидомство шло безъ всякой скупости: платили хорошо, но съ умомъ, какъ слѣ-

Ростовская городская библ. АБ

дуетъ, поторговавшись; покупали всего много; заказывали самымъ лучшимъ мастерамъ и мастерицамъ; прислугу кормили сытно и вкусно, охотно дѣлали подарки горничнымъ, повару, кучеру; выѣзжали въ отличномъ фаэтонѣ, на откормленныхъ лошадяхъ, даже городскому пастуху приплачивали особенно, чтобъ онъ берегъ ихъ „Бурёнушку“ и „Чернавку“. Что-то купеческое, а не помѣщичье, сказывалось во всемъ веденіи дома. Никто изъ дѣвицъ сложа руки не сидѣлъ: Лидія была, какъ она сегодня прозвала себя, „главная ключница“, Муза вдалась вся, съ четырнадцати лѣтъ, въ варенье и соленье, Юленька до страсти обожала лошадей, коровъ, телятъ, куръ и каждый день захаживала, и зимой, и лѣтомъ, въ конюшни, въ птичникъ, въ хлѣвъ. Вездѣ стояла какая-то совсѣмъ ужъ не дворянская, а скорѣе раскольничья чистота. Дѣвицы занимались туалетомъ, мѣняли бѣлье чуть не каждый день; но нельзя сказать, чтобы франтили, а точно дѣло дѣлали, одѣваясь аккуратно и со вкусомъ. Младшія готовили уроки, сами исполняли мелкія работы: починить, зашить, заштопать; сами хранили и считали свой гардеробъ, ѣздили часто въ лавки, выдумывали кушанья, долго и пространно говорили о „заготовкахъ“ и запасахъ; лѣтомъ проводили вечера на воздухѣ, въ палисадникѣ или уѣзжали на хуторъ; зимой, по вечерамъ, вязали и вышивали, пересмѣиваясь между собой, ужинали плотно и рано ложились спать. Онѣ умѣли все то дѣлать, что̀ требуется отъ толковой кухарки, горничной, экономки. Барства въ нихъ Банарцевъ не находилъ никакого—чѣмъ больше присматривался къ нимъ. Что̀ такое трудъ—онѣ точно инстинктомъ понимали, знали цѣну деньгамъ и часто вслухъ разсуждали о томъ, больше чего ни одна изъ нихъ не можетъ проживать, когда мамаша ихъ выдѣлитъ. Но, какъ онъ ни старался возбудить въ своихъ ученицахъ, Музѣ и Юліи, что-нибудь похожее на умственную тревогу, на вкусъ къ работѣ воображенія, къ литературнымъ о̀бразамъ, даже къ самымъ ходячимъ *новымъ* идеямъ, которыя уже въ губернскомъ-то городѣ превратились въ мелкую, обиходную монету — ничего не выходило изъ его усилій. А ему, на первыхъ порахъ, ужасно хотѣлось „сломить эту твердыню“. Дѣвицы слушали то, что̀ онъ имъ прочтетъ на урокѣ словесности, но никакихъ собственныхъ мыслей у нихъ не являлось. Просто не въ ту сторону работала ихъ голова. Да и примѣръ старшей сестры, самостоятель-

ной, самодовольной Лидіи, дѣйствовалъ на нихъ. Обѣ чувствовали къ ней больше почтенія, чѣмъ даже къ матери: съ той онѣ обращались почти фамильярно. Для нихъ Лидія олицетворяла собой жизнь, выше которой ничего быть не можетъ. И Банарцевъ видѣлъ ясно, что каждая изъ нихъ превратится въ Лидію, съ той только разницей, что ни Муза, ни Юленька не пріобрѣтутъ ея спокойно-насмѣшливаго резонёрства. Муза останется нѣсколько задумчивой и болѣе ограниченной, а у Юленьки прирожденная доброта и мягкость, послѣ телятъ и куръ, обратятся на собственныхъ дѣтей. Обѣ знали, что учиться надо — не очень много, а сколько слѣдуетъ; въ семнадцать лѣтъ пора и успокоиться, и жить себѣ въ свое удовольствіе, ни о чемъ не тревожась, тихо, аккуратно, безъ риска, безъ скуки. О замужествѣ ни одна изъ нихъ еще не мечтала. Онѣ были увѣрены, что послѣ Лидіи и онѣ выйдутъ, если ужъ это имъ на роду написано.

Сегодняшній разговоръ съ Лидіей какъ-то особенно рѣзко оттѣнилъ для Банарцева нравственный складъ пшеницовскаго „скита“. Кругомъ, въ этомъ на видъ пустомъ и мертвенномъ городѣ, шевелилось нѣчто — про то онъ зналъ доподлинно: газеты бойко продавались, шли оживленные разговоры и въ адвокатскомъ кружкѣ, и въ гимназіи, и въ присутственныхъ мѣстахъ, даже въ самыхъ темныхъ семьяхъ, гдѣ прежде не знали никакой политики. А неглупая, грамотная, богатая дѣвушка такъ безцеремонно, такимъ холоднымъ и язвительнымъ тономъ говоритъ ему, что все это — пустяки, обезьянство одно, пустая блажь!

## VI.

Дума Василія Банарцева оборвалась. Онъ подходилъ къ угловымъ воротамъ городского сада, обнесеннаго старой, ржавой и поломанной рѣшёткой. Ни души не было видно на первой дорожкѣ. Жаръ туго спадалъ. Жидкіе кусты жимолости и тщедушныя кленовыя деревья точно доживали свой вѣкъ въ этомъ заброшенномъ саду, гдѣ когда-то, лѣтъ за тридцать, бывали парадныя гулянья, съ иллюминаціями и музыкой посреди пруда, заросшаго теперь зеленой плѣсенью. Изрытая дорожка, кое-гдѣ съ кучками щебня, повела Банарцева сначала влѣво, потомъ вправо къ пруду. На проталинкѣ, съ кускомъ дерна, уцѣлѣвшаго отъ жара и пыли, подъ тѣнью двухъ развѣси-

стыхъ рябинъ, пріютилась дерновая скамейка со старой плитой, въ видѣ ступеньки.

Тутъ было всегда прохладно. Банарцевъ сѣлъ бокомъ къ пруду и вынулъ изъ кармана парусиннаго пальто два нумера газеты, полученные имъ отъ Лидіи. Онъ и дорогой хотѣлъ было проглядѣть телеграммы, да ему совѣстно стало развертывать большой листъ на улицѣ и, ходя, читать. Лидія его очень раздражила. Даже и теперь онъ не могъ еще съ полнымъ интересомъ отдаться тому, что „тамъ“ происходитъ. Кругомъ стояло безмятежье послѣобѣденнаго сна. Здѣсь читать можно было на просторѣ. Банарцевъ посмотрѣлъ на часы.

„Въ десять минутъ,—подумалъ онъ:—пробѣгу всѣ депеши, и ей можно будетъ сообщить“.

Мысль о депешахъ мгновенно переполнила его тѣми ощущеніями, съ которыми онъ ходилъ вотъ уже болѣе недѣли. Когда Лидія говорила ему о его поѣздкѣ въ Петербургъ, объ университетскомъ ученіи, ему хотѣлось крикнуть ей:

— А почемъ вы знаете, что я въ студенты пойду? Быть-можетъ, я совсѣмъ не туда угожу?

Но онъ ей этого не сказалъ, да и не скажетъ: съ такой „скитницей“ нечего изливаться. Пускай она подтруниваетъ надъ „добровольцами“. Онъ рѣшилъ покончить уроки на будущей недѣлѣ.

Быстро и уже привычнымъ движеніемъ развернулъ онъ листъ и тотчасъ же попалъ глазами на рубрику съ депешами.

— Вотъ оно что! — вдругъ вскричалъ онъ и не могъ уже больше усидѣть на мѣстѣ, а, широко шагая, заходилъ вдоль скамейки.

Жадно поглощалъ онъ короткія фразы, и, когда дошелъ до большого столбца, остановился съ пылающими щеками.

— Еще бы, еще бы! Такъ оно и нужно было! — выговорилъ онъ опять вслухъ и даже скомкалъ газету отъ волненія.

Читать простыя извѣстія въ отдѣлѣ политики онъ уже не могъ: все вѣдь это запоздало, уходило на задній планъ. Только большой столбецъ депешъ изъ Бѣлграда опять привлекъ къ себѣ. Три раза перечелъ онъ его, послѣ чего тотчасъ сѣлъ на скамейку, скинулъ фуражку и обтеръ голову платкомъ.

Въ эту самую минуту, слѣва изъ-за кустовъ, показалась, по ту сторону пруда, темная женская фигурка. Банарцевъ поднялъ голову, вскочилъ и замахалъ платкомъ.

— Любочка! — крикнулъ онъ радостно, показывая газетный листъ.

Она сдѣлала жестъ рукой и поспѣшно пошла къ нему навстрѣчу.

Ему съ мѣста видно было, какъ она немного запыхалась, ускоряла шагъ, бралась одной рукой за юбку, путалась въ платьѣ, наклоняя безпрестанно голову и взглядывая на него изъ-подъ клеенчатой низкой шляпки. Черное люстриновое платье, съ широкимъ кушакомъ, дѣлало ее еще меньше, тоньше, сухощавѣе. Борты шляпки бросали тѣнь на маленькое, немного загорѣлое, совсѣмъ прозрачное личико со свѣтлыми, быстрыми глазками, ровными и тонкими бровями, нѣсколько вздернутымъ носикомъ и выдающимся подбородкомъ. Бѣлокурые, вьющіеся волосы выбивались на лобъ изъ-подъ шляпки. Юбку она придерживала лѣвой рукой, а въ правой у нея была цвѣтная мапка, которою она помахивала, какъ дѣлаютъ гимназисты, идя по улицѣ.

— Любочка!—крикнулъ еще разъ Банарцевъ, когда она обогнула уже прудъ и была отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

Въ саду, въ эту минуту, и около пруда, и на ближнихъ дорожкахъ стояло полнѣйшее безлюдье. Только у берега, наискосокъ рябинъ, барахтались утки и два крупныхъ, грудастыхъ гуся.

— Запоздала сегодня, — еще на ходу заговорила дѣвушка, поправляя шляпку, отъ скорой ходьбы чуть не слетѣвшую съ маковки.—А вы, Вася, давно здѣсь?

Они встрѣтились около дернового дивана и крѣпко, въ нѣсколько пріемовъ, пожали другъ другу руку. Любочка говорила глуховато, грудным, нутрянымъ голосомъ, который обрывался часто на высокихъ ноткахъ. Вблизи она смотрѣла еще моложавѣе, почти дѣвочкой: никто бы не сказалъ, что и она — почти ровесница Банарцеву.

— Поглядите-ка, поглядите! — съ возрастающимъ волненіемъ выговорилъ онъ, указывая ей на депешу.

Любочка тоже впилась глазами въ газетный столбецъ и быстро-быстро пробѣжала его.

— Главнокомандующимъ назначенъ? — вопросительно

воскликнула она и тотчасъ же закусила губы, точно чего испугалась.

— Видите, куда оно идетъ! Теперь и Россія двинется!

— Будто вся?—пугливо переспросила она.

— Да какъ же, помилуйте! Чѣмъ это пахнетъ! Развѣ бы ему позволили? Къ нему теперь страсть сколько народу повалитъ! Герой!

— Хорошо! — страстно и сдержанно прошептала Любочка.

Они оба приблизились къ дивану и молча сѣли, все еще не отрывая глазъ отъ большой депеши изъ Бѣлграда. Въ душѣ каждаго изъ нихъ шевелились и близкія, и совсѣмъ ужъ не родственныя чувства. Банарцевъ готовъ былъ сію минуту что-то такое объявить; но ему хотѣлось и ее увлечь. Она ждала точно этого „чего-то", боялась и сочувствовала, ждала и знала напередъ, что она не въ силахъ будетъ помѣшать, если ужъ онъ твердо рѣшилъ...

Такъ протекла длинная минута.

— Вы отъ Пшенисновыхъ?—первая спросила Любочка.

— Раззадорила меня эта Лидія!

Банарцевъ тряхнулъ волосами и нахмурилъ брови. Она чуть замѣтно улыбнулась.

— Что такъ?

— Да вотъ вы видите сами, Любочка, какое теперь время. Вѣдь онѣ получаютъ газеты—я отъ нихъ же беру. А она мнѣ вдругъ сегодня... прощается и говоритъ: всѣ, дескать, эти добровольцы и пожертвованія... это—такъ, для форсу дѣлается... Я чуть ее не обругалъ!

Еще разъ и уже замѣтнѣе улыбнулась она и выговорила:

— Такую важную барышню, да вдругъ и обругать!

— Жиромъ онѣ тамъ заросли. А ужъ эта Лидія... самая вредная личность! Обѣ сестры на нее молятся, и только то и свято, что̀ она изволитъ изречь.

Легкій румянецъ выступилъ на щекахъ Любочки изъ-подъ загара. Слова ея пріятеля, должно-быть, особенно нравились ей.

— Да ну ее къ Богу!—съ силой вскричалъ Банарцевъ и сдѣлалъ жестъ рукой, которой держалъ газету, какъ бы приглашая ее опять вернуться къ тому, что̀ должно было одушевлять ихъ обоихъ больше всякихъ толковъ о сестрахъ Пшенисновыхъ.

## VII.

Низко опустила Любочка голову. Она еще напряженнѣе ждала. Банарцевъ громко вздохнулъ. У него точно что подступало къ груди.

— Мнѣ все боязно,—тихо началъ онъ,—какъ бы теперь вдругъ не остановили.

— Чего?—съ недоумѣніемъ вымолвила Любочка.

— Да вотъ всего этого.—Онъ не находилъ слова.—У насъ вѣдь испугаются сейчасъ. А какъ хорошо! Вѣдь хорошо, Любовь Гавриловна?

Онъ давно ее такъ не звалъ. Въ этомъ имени-отчествѣ Любочка почуяла что-то новое, гораздо серьезнѣе всего, чѣмъ они такъ часто дѣлились вотъ тутъ, на скамейкѣ, а то и у нихъ дома, въ осенніе и зимніе вечера.

— Я сама нахожу, что нашъ городъ совсѣмъ другой сталъ. Куда ни придешь на урокъ, сейчасъ пристаютъ: Любовь Гавриловна, разскажите, что въ газетахъ? Какъ Черняевъ? Нѣтъ ли депешъ какихъ хорошенькихъ? Даже купечество, и то интересуется.

Она остановилась, замѣтивъ, что Банарцевъ опять куда-то ушелъ мыслями и плохо ее слушаетъ.

Не оборачиваясь къ ней лицомъ, онъ началъ думать вслухъ, сначала отрывисто и нерѣшительно, а потомъ все горячѣе и стремительнѣе.

— Такая минута! Никогда еще такъ не жилось. Была воля крестьянская, да малы мы были—не помнимъ ужъ хорошенько. А теперь—вдругъ! И точно всѣхъ ожгло! Легко, и себя не помнишь... сейчасъ бы свои дѣла, расчеты, ученье...

Онъ вдругъ остановился, всталъ, близко подошелъ къ ней и взялъ ее за обѣ руки.

— Ахъ, Любочка! — вскричалъ онъ. — Мнѣ вотъ и съ вами жутко—не умѣю все это выразить. Очень ужъ я засидѣлся... Оба мы съ вами сколько лѣтъ лямку-то эту тянемъ: сегодня три урока дашь, завтра — четыре; и себя-то самихъ перестанемъ скоро понимать... Нешто не такъ?..

Ей тоже хотѣлось сказать, но она боялась. Она только тихо усмѣхнулась, не довѣряя даже своему смѣху.

— Такъ, такъ, — наконецъ, вымолвила она и сильно покраснѣла.

Въ эту минуту, она хотѣла отогнать одну назойливую

мысль и не знала какъ. Глаза ея остановились на гусяхъ, похаживающихъ около воды. Любочка усиленно начала слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ. Одинъ изъ нихъ сталъ точно кашлять, поднималъ голову и разѣвалъ ротъ.

— Вы вотъ что мнѣ скажите, — говорилъ Банарцевъ, все еще держа ее за обѣ руки, мужественнымъ, почти рѣзкимъ голосомъ, — хорошо ли это хоть бы такому балбесу, какъ я... чуть не двадцати лѣтъ малому, и сидѣть тутъ, точно барчонку какому, дожидаться поступленія въ университетъ? Мало, что ли, безъ меня поступятъ и въ медики, и въ словесники, и въ естественники, и въ юристы? Пристроиться-то каждому хочется, да потомъ, на службѣ, жалованье брать! Особливо теперь... Всякій объ этомъ только и мечтаетъ. Поскорѣе бы ему курсъ кончить, да въ адвокаты или практику половчѣе завести, или на казенный счетъ за границу—на магистра держать. А нѣтъ, ты поди-ка просто, какъ теперь отставные солдаты идутъ или казаки... Вонъ я читалъ: одинъ явился въ комитетъ, а у него на груди три георгіевскіе креста! Или опять мужики простые: „для души спасенья“ — такъ и говорятъ... Вотъ это—люди, не намъ чета! И старые вѣдь, почти убогіе...

— Вы ихъ видѣли?—кротко остановила его Любочка.

— Нѣтъ, не видалъ! Здѣсь еще объ такихъ не слыхать. Да все равно, въ вѣдомостяхъ пишутъ. И не одинъ, не десятокъ, а сотни пойдутъ! Опять тоже и молодёжь... Долго ли еще ждать такого времени—вотъ что вы мнѣ скажите? Когда оно повторится?

Глаза его разгорѣлись, волосы сильно попадвинулись на виски, онъ тяжело дышалъ и качался взадъ и впередъ, стоя на мѣстѣ, точно хотѣлъ сдержать порывистый размѣръ своей рѣчи.

— Что и говорить! — вскричала высокой ноткой Любочка.—Да передъ вами-то, Вася, другая дорога...

— Кто это сказалъ? Сейчасъ вотъ изволила Лидія Сергѣвна такъ точно выражаться... Вы, дескать, не какъ другіе прочіе, вамъ пора въ университетъ отправляться... Что жъ это, подвигъ что ли какой? Подвигъ, я васъ спрашиваю?

— Вы не для себя одного... Будете, какъ и теперь, воспитывать Степу.

— И безъ меня не пропадетъ... Я же пропитывался съ тринадцати лѣтъ? Чѣмъ онъ лучше меня? Найдутся доб-

рые люди. А убьютъ меня — тѣмъ паче ему поддержка будетъ.

При словѣ „убьютъ“, вѣки Любочкиныхъ глазъ вздрогнули; она сдвинула брови, подняла глаза и пытливо взглянула на Банарцева.

— Вы взаправду?—медленно и раздѣльно спросила она.

— Почему жъ и не взаправду? — вдругъ очень весело и шумно вскричалъ онъ, разсмѣялся и тряхнулъ ея правую руку.

— Такъ скоро?

— А что жъ годить? Только это — чтобъ между нами... Не знаю я, Любочка, что выйдетъ: точно ли я угожу туда, или нѣтъ, только не очень-то я высоко ставлю теперь и самую свою дорогу въ студенты—ей-Богу!..

Онъ присѣлъ рядомъ съ ней.

— Я спорить съ вами не стану, дайте обдумать!—сказала Любочка.

— Да вѣдь и я не съ бухта-барахту сдѣлаю. Только вы ужъ, честью васъ прошу, не расхолаживайте. Многое бы я перебрать долженъ насчетъ братишки и прочаго, да думать-то не хочется — не такое время... Хоть сегодняшній-то день оставьте мнѣ. Есть у меня такой человѣчекъ, ужъ чуетъ душа моя, что онъ замыселъ мой одобритъ. Авось, сегодня или завтра увижу его, коли онъ изъ деревни пріѣхалъ. Только — ни гу-гу! Ни маменькѣ, ни папенькѣ...

— Что это вы, Вася, — обидчиво, но все такъ же ласково и искренно отозвалась Любочка.—Я-то проболтаюсь?

И по выраженію ея прозрачнаго личика дѣйствительно можно было сказать, что она не проболтается.

— А теперь прощайте! — громко и дѣловымъ тономъ вскричалъ Банарцевъ, поспѣшно поднялся и подалъ Любочкѣ одну правую руку.

— Прощайте, коли такъ,— задумчиво выговорила она, также приподнимаясь.—Послѣзавтра мы съ вами объ эту же пору увидимся, или къ намъ завернете?

— Нѣтъ, ужъ къ вамъ я заходить не стану. Я денька бы на два закатился...

— Куда же это?—съ тихой усмѣшкой спросила она.

— За рѣку... Въ Ортемьевски луга (Банарцевъ держался мѣстнаго выговора на „о“ и часто усѣкалъ окончанія), съ охотничками, а то и одинъ.

— Ну, какъ знаете.

Она выговорила это безъ всякаго раздраженія, тономъ товарища, а не взрослой дѣвицы, претендующей на вниманіе и любезность.

— Вамъ вѣдь туда?—спросила Любочка, показывая рукой влѣво.

— Да, я черезъ Мытный Дворъ.

— До вторника.

Они кивнули другъ другу головой и, не оборачиваясь, разошлись: онъ повернулъ сейчасъ на дорожку влѣво, а она стала огибать прудъ къ заднимъ воротамъ сада.

## VIII.

Съ ранней весны они три раза въ недѣлю встрѣчались тутъ послѣ уроковъ. Банарцевъ шелъ обыкновенно отъ Ишенисновыхъ, Любочка тоже „съ кондиціи“, изъ одного купеческаго семейства, живущаго въ Горшечной улицѣ, за Звѣздаковымъ прудомъ. Но они оба очень бы удивились, еслибъ ихъ встрѣчи показались кому-нибудь „свиданіями“. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ они зовутъ другъ друга „Любочка“—„Бася“. Банарцевъ жилъ съ ними когда-то въ одномъ домѣ, далеко, у „Богадѣльни“, въ каморкѣ подъ крышей; а семейство Любочки занимало низъ. Они долго ходили вмѣстѣ въ классы, вплоть до площади. Любочка поворачивала направо и шла въ женскую гимназію, по Грузинской улицѣ; а ему надо было дойти только до угла. Случалось, что и возвращались вмѣстѣ. Такъ они и росли, изъ года въ годъ, не замѣчая того, что стали большими, женихомъ съ невѣстой. Банарцевъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ постарше ея; но она уже два года, какъ кончила курсъ — тоже съ медалью, какъ и онъ теперь — и продолжала давать уроки, что она дѣлала и въ гимназіи, опять совершенно такъ, какъ и онъ.

И это ихъ всего больше сблизило. Они смотрѣли на себя во всемъ одинаково. Нужно было обоимъ добывать копейку, не для однихъ себя, но и на поддержку: ему—братишки, а ей—и всей семьи, отца съ матерью. Отецъ больше трехъ лѣтъ, какъ лишился ногъ. На своей актёрской и режиссёрской службѣ не скопилъ онъ ничего. Мать иной разъ играла урывками отъ Покрова до поста, тутъ же, на городскомъ театрѣ, ѣзжала и въ отъѣздъ, да теперь перепадать стала здоровьемъ, растолстѣла, потеряла половину памяти, опустилась; а, можетъ, и не везло ей, не могла добыть хорошихъ ангажементовъ. Любочка, съ

пятнадцати лѣтъ, впрягла себя въ учительскій заработокъ. Когда, по окончаніи курса, блеснула передъ ней мысль ѣхать въ Петербургъ, учиться высшимъ наукамъ, попытать счастья на широкой, ученой дорогѣ, она испугалась и даже пріятелю своему Васѣ запретила поминать объ этихъ „мечтаніяхъ“. Они частенько, перебирая свою долю, повторяли:

— „Овому—талантъ, овому—два“.

И ихъ наполняло немного гордое, но сладкое чувство. Они видѣли, какъ кругомъ ихъ копошилась мелкая, полная дрязгъ и безпомощной нужды, жизнь губернскаго разночинства. Прежній бытъ рухнулъ. То, что не доѣдало барскихъ крохъ или не промышляло чѣмъ-нибудь попрочнѣе—торговлей, крупнымъ ремесломъ или ростовщичествомъ—перебивалось въ непрестанной и назойливой, и явной, и тайной нуждѣ; даже и тѣ семьи, гдѣ ни пьянство, ни болѣзнь не прибавляли горечи и нищеты. Мало кто умѣлъ работать, да и *что* работать? Этотъ вопросъ Вася и Любочка рано поняли и оцѣнили собственнымъ, житейскимъ опытомъ. За что взяться, въ самомъ дѣлѣ, когда ничему никто не обученъ, да и спроса нѣтъ ни на какой трудъ? Особливо женщины, старыя дѣвушки, подростки... Игла? На хлѣбъ да на квасъ хватитъ, если не разгибая спины сидѣть; да и то, коли свой домишко и давальцевъ много.

А они оба, еще ребятами, стали *деньги* зарабатывать, и не пустяшныя, а *хорошія* деньги, такія, что можно было безъ нужды цѣлой семьей жить. И на ихъ товаръ являлся спросъ. Оба они переучили чуть не цѣлый городъ, и учителя гимназіи у нихъ уроковъ не отбивали. Брали они вдвое меньше. Вездѣ ими оставались довольны. Даже отказываться приходилось. Теперь Любочка съ восьми часовъ утра до восьми вечера бѣгаетъ по городу. И лѣтомъ есть кондиціи, почти столько же, сколько и зимой. Какъ же не пріятно сознавать себя, среди общей безпомощности, настоящими работниками? Хвалиться они другъ передъ дружкой не хвалились, но молча чувствовали это и тянули кротко и выносливо преждевременную лямку.

Мѣсяцъ прошелъ, какъ Вася Банарцевъ кончилъ курсъ. Объ университетѣ онъ уже два года толковалъ съ Любочкой, особливо въ зимніе вечера, когда заходилъ къ нимъ почитать вслухъ. Ему—прямая дорога въ студенты, въ ученые; не даромъ же онъ совладалъ съ классически-

ми языками; не даромъ сталъ подготовляться къ университетскому ученью, читать спеціальныя книжки. Онъ собирался на физико-математическій факультетъ. Къ хлѣбнымъ спеціальностямъ: медицинѣ и юриспруденціи, его не влекло. *Васинъ* университетъ — это было для Любочки что-то незыблемое, къ чему она сама душевно готовилась нѣсколько лѣтъ.

И вдругъ его охватилъ точно какой вихорь! Нежданно-негаданно разразилась буря. Стали печатать въ газетахъ, пошли слухи, депеши, потянуло всѣхъ туда, на Дунай, въ невѣдомую страну. Она — хорошая учительница и отвѣтитъ сейчасъ, гдѣ стоитъ Бѣлградъ и какъ велико княжество Сербское; но и у ней въ головѣ никогда не было никакихъ ясныхъ образовъ: что это за народъ? чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ? какой у него видъ? какъ звучитъ его говоръ? почему такъ вдругъ всѣхъ повлекло къ нему? Кругомъ—никто ничего не знаетъ про эту самую Сербію. Кому же объ этомъ судить, какъ не ей, Любочкѣ? Она вѣдь учительница, переучила полгорода. Такихъ познаній по исторіи, географіи и всему прочему нѣтъ здѣсь ни у одной серьезной дѣвицы. О дамахъ со шлейфами и говорить смѣшно!

Любочка шла скорыми шагами домой, не глядя ни на что, съ опущенной внизъ головой, сильно помахивая своей папкой. Она припоминала и то, что Банарцевъ говорилъ ей сейчасъ про старшую Пшениснову. Ей вдругъ стало больно и жутко. Давно она не любитъ этого „истукана“. Она такъ прозвала Лидію, по разсказамъ Банарцева. Пшенисновыхъ она знала очень мало. Года съ два назадъ, начала она давать уроки младшимъ сестрамъ и отказалась. А когда Банарцева пригласили, она смолчала; но ей было это сильно не по нутру—не изъ зависти, конечно, а почему-то другому.

Неужели она, другъ Васи, жившая съ нимъ душа въ душу, могла разсуждать какъ какая-нибудь Лидія? Вѣдь порывъ Васи прекрасный: она бы бросилась ему на шею, еслибъ... еслибъ вполнѣ сочувствовала. Но она не могла сочувствовать. Въ ней не было еще чего-то... чего? Она не умѣла опредѣлить. Да и Вася... Развѣ онъ—солдатъ? Ждалъ онъ этого? Обрекалъ онъ себя на служеніе этому именно дѣлу? Вѣдь нѣтъ? Столько лѣтъ усилій, упорной подготовки къ свѣту, къ наукѣ, къ свободѣ мысли и труда—и разомъ все полетитъ! А тамъ кровь, звѣрство,

смерть или того хуже: калѣка, нищій, проклинающій свой „возвышенный“ порывъ.

„Но вѣдь такъ и Лидія разсуждаетъ!“—вскричала про себя Любочка и, совсѣмъ поглощенная своей думой, чуть-было не прошла мимо отворенной калитки сѣренькаго домика мѣщанки Спѣшихиной.

## IX.

Дома она застала семейную сцену.

Въ маленькой комнаткѣ, прибранной опрятно „на манеръ гостиной“, въ углу, на мягкомъ клеенчатомъ креслѣ, сидѣлъ отецъ ея, Гаврила Иванычъ Могучевъ, по театру—Славскій, чистенькій, старательно выбритый, сухой старичокъ, съ подстриженными сѣдыми волосами и длиннымъ, какъ бы слизаннымъ къ кончику носомъ. Подъ крутой лобъ уходили глубокія выемки большихъ почти синихъ глазъ, сохранившихъ блескъ и живость. Щеки очень впали, за то зубы всѣ почти уцѣлѣли. На немъ надѣтъ былъ домашній сюртучокъ изъ сѣраго люстрина; ноги прикрывало легкое, байковое, полосатое одѣяло.

Когда Любочка вошла въ комнату, Гаврила Иванычъ приподнялъ голову и выразительнымъ жестомъ закончилъ какую-то фразу, обращенную къ женѣ, Прасковьѣ Егоровнѣ, тучной, еще моложавой женщинѣ, большого роста, съ широкимъ полысѣлымъ проборомъ русыхъ волосъ, закрученныхъ въ жидкую косу. Ея распашная ситцевая кофта, съ большими оборками, сшита была когда-то совсѣмъ на другой бюсть: и рукава окоротились, и въ груди давило.

— И уйду!—кричала Прасковья Егоровна, мотая на особый ладъ головой, красная и гнѣвная:—уйду совсѣмъ. Оставлю тебя, стараго шута, на креслѣ. И сиди себѣ, да ворчи, на пустыя стѣны глядя!

Стѣны не были, однако, пусты. Надъ диваномъ и въ простѣнкахъ между окнами висѣли фотографическіе и политипажные портреты. Нѣкоторые были вырѣзаны изъ иллюстрированныхъ изданій и пришпилены булавками къ обоямъ. Выдѣлялся размѣромъ одинъ литографированный портретъ въ золоченой узкой рамочкѣ. На него-то и указалъ, во второй разъ, такимъ же выразительнымъ жестомъ, Гаврило Иванычъ.

— Вотъ генія приведу въ свидѣтели,—глуховатымъ и протяжнымъ голосомъ заговорилъ онъ,—покойнаго Але-

ксандра Евстафьевича! За что онъ мнѣ серебряный портсигаръ подарилъ съ чернью? За что, сударыня? за нравъ кроткій... Три недѣли онъ подъ моимъ режиссерствомъ игралъ. „Вы, говоритъ, Гаврило Ивановичъ—ангелъ во плоти". Такъ и выразился. А тебя не даромъ Раисой Минишной Сурмилиной прозвали.

— Кто это прозвалъ? Прохвосты!

— Остроумные артисты прозвали... и свои, и пріѣзжіе.

— Ну, и прекрасно! Пусть я буду Раиса Минишна. Не хочу я съ тобой жить—вотъ тебѣ и сказъ! Ты меня своей болтовней да убожествомъ въ гробъ вложишь.

— То-есть, еслибъ ты на сценѣ такъ дѣйствовала—какъ бы мы съ тобой процвѣтали! — приговаривалъ Гаврило Иванычъ,—да нѣтъ, видно, когда нужно, и не хватаетъ пороху. На что ужъ, кажется, *выигрышная* для тебя роль: „Что имѣемъ не хранимъ—потерявши плачемъ", а ты только мямлишь, да топчешься на одномъ мѣстѣ... Ужъ я, бывало, изъ-за кулисъ-то тебѣ кричу, кричу, чтобъ ты хоть справа налѣво перешла, такъ нѣтъ...

— Любочка!—визгливо крикнула Прасковья Егоровна, бросаясь къ дочери.—Мочи моей нѣтъ съ твоимъ отцомъ-изувѣромъ валандаться! Живи ты съ нимъ какъ знаешь; бѣгомъ убѣгу я, на десять рублей въ статистки пойду! Только нога моя здѣсь не будетъ!

Частенько присутствовала Любочка при подобныхъ сцецахъ. Счетомъ въ десятый разъ собиралась мать бросить отца „совсѣмъ" и убѣжать куда глаза глядятъ. Бывало это до болѣзни Гаврила Иваныча, повторялось и въ послѣдніе годы, когда онъ лишился ногъ и засѣлъ въ клеенчатое кресло, услаждая свое бездѣйствіе длинными разговорами про театръ, про свою „службу" на сценѣ и, главное, про двухъ „геніевъ": Александра Евстафьевича Мартынова и Николая Хрисанфьевича Рыбакова. Мать никогда не выносила его разговоровъ ни въ шутливомъ, ни въ чувствительномъ тонѣ. Дольше одного театральнаго сезона она не могла выживать съ нимъ безъ „исторій". И давно уже, не меньше пяти лѣтъ прошло, какъ Любочка стала дѣлаться посредницей въ родительскихъ схваткахъ. Съ отцомъ она всегда ладила и безъ скуки переносила его болтовню. Мать ея побаивалась.

— Маточка!—съ легкимъ укоромъ выговорила она, беря Прасковью Егоровну за руки и привлекая ее къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — порывисто вскрикивала Прасковья Егоровна,—послѣдній день я съ нимъ мучусь!

Съ матерью Любочка не любила много говорить. Она старалась всегда дѣйствовать на нее лаской, и когда та остывала, то дѣлала ей одно какое-нибудь замѣчаніе серьёзно, вѣско, особой грудной нотой, отъ которой Прасковью Егоровну слегка поводило всю, а потомъ размягчало до тихихъ слезъ.

— Ну, хорошо, ну, хорошо!—повторила Любочка, стараясь вывести мать въ другую комнату, узкую спаленку въ одно окно, гдѣ кое-какъ умѣщались кровать и кожаный диванъ.

Прасковья Егоровна, нѣсколько упираясь, дала, однако, увести себя и тотчасъ сѣла на кровать.

— Вѣдь его и совсѣмъ такъ разобьетъ!—тихо сказала Любочка, наклоняясь къ матери.

— И подѣломъ! Что ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, большая мнѣ сласть возиться съ нимъ? Я еще женщина свѣжая! И таланту у меня больше, чѣмъ у него было. Только болтать-то гораздъ, а бывало тянетъ-тянетъ... ни читки, ни фигуры, ни манеръ... Еще прежде... въ злодѣяхъ туда-сюда дѣйствовалъ... А какъ Островскій пошелъ—ни къ чему его приспособить нельзя было, кромѣ какъ на бутафоровъ покрикивать. Да и то рохля: всякій паршивый мальчишка надъ нимъ командуетъ... Ахъ, Люба! Уйдемъ мы отъ него. Ты вездѣ прокормишься, въ какой хочешь губерніи, а я себѣ цѣну знаю... меньше сорока рублей и двухъ полбенефисовъ—ни копейки!

Глаза Прасковьи Егоровны разгорѣлись. Она подперла руки въ бокъ и уже весело и молодцовато оглядывала дочь.

— Что ты, мама! — строгимъ шопотомъ выговорила Любочка.

— Какъ что я? Уѣдемъ отъ него. Небось! фанаберію-то съ него посшибемъ. Ничего! пускай помается такъ годикъ-другой.

— Отецъ убогій, я отъ него никуда не уйду, да и не зачѣмъ...

Тонъ, которымъ сказана была фраза, заставилъ Прасковью Егоровну умолкнуть. Она выпустила руку дочери, нахмурилась и поднялась-было съ кровати, но Любочка ее удержала.

— Не ходи туда, мама, прошу тебя; прилягъ лучше,

а то опять тебѣ въ голову ударитъ. Ты знаешь вѣдь свою натуру.

Намекъ на „ударъ“ всегда успокаивалъ Прасковью Егоровну. Она сильно боялась своей „натуры“, т. е. короткой шеи и полнокровія.

— Несчастная я мать! — начала она всхлипывать, все еще сидя на кровати.—Собственное дитя, да и то не хочетъ меня понять. Весь-то свой вѣкъ съ калѣкой нянчиться, да его причитанія слушать. Господи-и!..

Плакать Прасковья Егоровна разсудила лежа, уткнувъ голову въ высоко взбитыя подушки.

Любочка этимъ не смутилась, а была, напротивъ, очень рада потоку слезъ. Она даже ничего не сказала и тихонько вышла изъ спальни, притворивъ за собой дверь.

Отецъ встрѣтилъ ее насмѣшливымъ кивкомъ на дверь: „молъ, въ слезы ударилась моя Раиса Минишна?..“ Любочка улыбнулась ему, но въ этой улыбкѣ не было насмѣшки надъ матерью. Всего сильнѣе хлопотала она о томъ, чтобы въ ея отношенія къ отцу и матери не проникло чего-нибудь пошлаго, той нестерпимой распущенности, на какую она уже достаточно насмотрѣлась, давая уроки и въ „благородныхъ“, и въ разночинскихъ семьяхъ. Очень хорошо она сознавала, что мать — взбалмошная и тревожная женщина, къ отцу несправедлива и податлива на рѣзкія выходки, но она знала, въ то же время, что въ матери нѣтъ безсердечія, что она очень способна одуматься, что она, *по-своему*, любитъ отца, а только ни на какую выдержку не способна. И отцовскія слабости Любочка понимала, но любила его больше матери и за мягкость права, и за беззавѣтную страсть къ „искусству“, и даже за всѣ его самообольщенія...

— Чай кушать, папаша? — вопросительно сказала она ему, проходя въ кухню.

Отцу она говорила „вы“, и это ему почему-то нравилось.

Въ кухнѣ она помогла кухаркѣ управиться съ самоваромъ, вернулась къ отцу, покрыла овальный краснаго дерева столъ ярославской скатертью и разставила чашки.

Гаврило Иванычъ только этого и ждалъ. Дочь онъ видѣлъ мало: за обѣдомъ, да за чаемъ. Когда она готовила чай—для него это были лучшія минуты. Тутъ онъ заводилъ длинный монологъ о чемъ-нибудь театральномъ. На этотъ разъ онъ остановился на томъ, кого въ какомъ



6501
АБ Ирбитская городская ЦБС

году онъ видѣлъ въ роли Гамлета, и сталъ разбирать, есть ли теперь гдѣ „настоящій“ Гамлетъ.

— Вотъ покойникъ Корнелій Николаичъ,—перебиралъ онъ тихо и протяжно,—тотъ съ душой былъ человѣкъ... И даже, я тебѣ скажу, Любовь, съ великой душой артистъ!.. Тученъ онъ сталъ и ослабъ—это точно; а, когда мнѣ съ нимъ впервой привелось играть—меня слеза прошибла... Въ „Сарафимѣ Лафайль“... Какъ это онъ вбѣжалъ, да бросился къ матери... Одно всего слово крикнулъ „матушка!“ Нынче такъ не вскрикнутъ—шалишь!

Любочка заварила чай, нарѣзала хлѣба, пододвинула кресло отца къ столу, налила ему по вкусу, послаще и не очень крѣпко, а Гаврило Иванычъ продолжалъ все свой монологъ, медленно, съ истиннымъ наслажденіемъ, упиваясь нѣкоторыми именами. Прасковья Егоровна не выходила къ чаю. Она лежала и обдумывала, какъ ей въ *самомъ дѣлѣ* уйти отъ мужа совсѣмъ, и теперь же, не дожидаясь осени. Перебрала она ярмарки... Лѣтнее время на половинѣ, а до сентября еще далеко. На авось ѣхать въ Москву—не на что. Своихъ у ней денегъ нѣтъ; просить у дочери—совѣстно, да та и не дастъ; на что другое дала бы, а на это не дастъ...

— Мама, выпей чайку!..—окликнула ее Любочка, поднося ей большую голубую чашку съ крышкой.

Отъ чаю Прасковья Егоровна не отказалась, сѣла на диванъ и начала тихонько, подувая на блюдечко, глотать и прикусывать сахаръ.

Теперь Любочка знала, что мать хоть и думаетъ про „разводъ“, но кричать ни сегодня, ни завтра не станетъ. У ней былъ еще одинъ вечерній урокъ. Въ началѣ восьмого часа, она надѣвала опять свою клеенчатую шляпку и доставала изъ шкапчика какую-то книжку.

— Меня ужинать не ждите, — сказала она матери въ дверь.—Я тамъ посижу немножко.

Отца она, молча, поцѣловала въ лобъ и вышла маленькими шажками.

Такъ она жила у себя дома, изо-дня-въ-день, безъ ропота и мелкаго недовольства. Ее слишкомъ наполняло сознаніе, что она не можетъ и не *должна* тяготиться своей долей. Перестань она работать—все рухнетъ.

Нрбнтскяя городская ЦБС

## X.

Домой зашелъ и пріятель ея Банарцевъ. Жилъ онъ на другомъ концѣ города, въ Ямской, на дворѣ во флигелькѣ, состоящемъ всего изъ двухъ комнатокъ. Квартирка эта полюбилась ему потому больше, что она выходила въ садъ, гдѣ разросся малинникъ вдоль единственной дорожки, въ концѣ которой, у самаго забора, придѣлана была скамейка. Забравшись туда, Банарцевъ просиживалъ, по воскресеньямъ, цѣлые дни. Тамъ же, обыкновенно, готовился и къ экзаменамъ. Безъ этого садика ему бы гораздо тошнѣе жилось. Грудь его нуждалась въ воздухѣ, наполненномъ растительными испареніями. И Степу малинникъ привлекалъ, особливо въ іюлѣ, въ ранніе послѣобѣденные часы, когда хозяйская семья укладывалась спать.

Пройдя дворъ съ колодцемъ и сарайчикомъ, Банарцевъ увидалъ стриженую бѣлокурую голову брата въ отворенное окно. Крутой затылокъ мальчика выдѣлялся изъ темнаго фона комнаты. Голова была наклонена надъ книжкой; обѣ его руки подняты кверху и подпирали виски.

„Зубритъ и непремѣнно вслухъ“, подумалъ старшій братъ и бокомъ, не входя на крыльцо, подкрался къ окну.

Степа училъ латинскія упражненія, громко выговаривая слова жиденькимъ, однообразнымъ голоскомъ.

— „Crœsus respondit,—доносилось отчетливо въ остывшемъ уже вечернемъ воздухѣ: — Solon cujus hoc tempore memor sum—homo est sapientissimus.“

— Степа!—окликнулъ его вдругъ старшій братъ,—ты никакъ опять въ долбёжку пустился? Вѣдь говорилъ я тебѣ, что это никуда не годится!..

Мальчикъ покраснѣлъ, какъ вишня, вскочилъ и отдернулъ руки отъ головы. Онъ былъ безъ сюртука, въ помочахъ и ситцевой розовой рубашкѣ.

— Я, братецъ, пробѣгаю только... примѣры,—торопливо выговорилъ онъ, захлопнувъ книжку.

Лицомъ онъ совсѣмъ не подходилъ къ братцу: изъ него долженъ былъ выйти маленькаго роста, очень пухлый блондинъ. Сѣрые большіе глаза смотрѣли кротко и весело. На лбу торчалъ вихоръ.

— Не грѣши: есть замашечка позубрить. А ты пере-

води лучше русскіе-то примѣры и выговаривай вслухъ. Это—ничего...

Большой строгости не слышалось въ выговорѣ старшаго брата. Степа зналъ, что сильнаго окрика, а тѣмъ паче „тàски", ему никогда не достанется. Замашка поучить вслухъ за нимъ водилась. Изъ-за нея ему и доставалось, да еще за страсть къ голубямъ: разъ онъ ужъ свалился съ крыши и вывихнулъ ногу. А въ остальномъ между ними были большіе лады.

Разговоръ продолжался у окна.

— Дмитрія Богданыча не видалъ? — спросилъ старшій братъ.

— Они около вечеренъ ушли, братецъ.

— Стало, не вернется?

— Должно-быть, такъ.

— А ты еще долго будешь долбить?

Степа опять покраснѣлъ, но тотчасъ же разсмѣялся.

— Маленькій хвостикъ не твердъ и глаголы опять тоже.

— Какіе глаголы?

— Вотъ эти.—Онъ развернулъ книжку и указалъ пальцемъ.—Кабы вы спросили... всего ихъ шесть штукъ.

— Ну, давай. Тутъ зубрёжка нужна... Скажи времена отъ gaudeo...

Мальчикъ выпрямился, мигнулъ обоими глазами, потомъ закрылъ ихъ, опять раскрылъ, почесалъ въ маковкѣ и съ разстановкой, улыбающимся ртомъ выговорилъ:

— Gaudeo, gavisus sum, gaudere—радоваться.

Также были спрошены остальные пять. На одномъ только чуть-чуть сбился Степа. Братъ его похвалилъ.

— Чаю мы нынче не будемъ пить, Степа, — сказалъ онъ, все еще стоя у окна,—ты молочка похлебай съ кашей. Что за чай въ такую теплынь!.. Поди, закатишься куда съ Потаповымъ? Въ Опёнкину Рощу?

— Нѣтъ, братецъ, я—къ Павлиновымъ.

— Насчетъ турмановъ—небось?

— Мы немножко...

— То-то!

Отъ страсти къ гонкѣ голубей Степу трудно было отучить; да братъ и не хотѣлъ его задерживать. Банарцевъ находилъ даже, что Степа слишкомъ уже благонравенъ; только одни голуби составляли предметъ его грѣшныхъ желаній, а вообще онъ грозилъ вылиться въ ученика съ

„золотой доски“. Недаромъ братъ звалъ его иногда въ шутку: „чадо классической муштры“.

— Подай-ка мнѣ ружье и патронташъ съ сумкой, да большіе сапоги; я здѣсь на воздухѣ снаряжусь.

Подъ окномъ была заваленка. Банарцевъ сѣлъ на нее, снялъ фуражку и широко вздохнулъ. Ровно и ярко облитые свѣтомъ, стояли кусты и фруктовыя деревья садика, а надъ ними высился совсѣмъ безоблачный голубой сводъ. Прямо передъ его глазами искрился позолоченый крестъ надъ колокольней сосѣдней кладбищенской церкви. Стрижи пронеслись наискосокъ черезъ дворъ подъ крышу сарайчика, съ протяжнымъ, рѣжущимъ звукомъ. Гдѣ-то неподалеку накачивали воду въ колодезь. Никогда еще не казалось ему такъ привольно въ этомъ городскомъ захолустьѣ, гдѣ онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ строго и степенно кормильцемъ и воспитателемъ, думая неустанно и о кускѣ хлѣба, и о своей будущей дорогѣ, и о своемъ питомцѣ.

Степа вынесъ на дворъ ружье и весь остальной охотничій снарядъ. Сапоги доставали ему чуть не до ушей. Онъ всегда радовался, снаряжая брата на охоту; онъ чувствовалъ, что и ему позволительнѣе „погонять“, какъ только представится случай. Ружье его не привлекало. Онъ даже побаивался пороха и курковъ, но скрывалъ это.

— До завтраго, значитъ?—бойко спросилъ онъ брата.

— Да я, гляди, за-рѣку угожу...

— Къ обѣду ждать?

— Жди.

Готовила имъ хозяйская кухарка, но лѣтомъ они пробавлялись почти что безъ варева: ѣли огурцы, окрошку, тюрю, молоко, холодную солонину съ хрѣномъ.

Банарцевъ натянулъ сапоги „на ранту“, подпоясался ремнемъ, но остался въ томъ же парусинномъ пальто, повѣсилъ крестъ-накрестъ старенькую, обтертую сумку и патронташъ и накинулъ на правое плечо двухствольную винтовку, подарокъ одного богатенькаго „дворянчика“, котораго онъ готовилъ въ юнкерское училище.

— Ну, дозубривай, только ушей не затыкай! — весело крикнулъ онъ Степѣ и дотронулся до его плеча.

Степа выбѣжалъ проводить его за калитку. Перейдя черезъ немощеную, поросшую травой улицу, старшій братъ обернулся, кивнулъ мальчику головой и пошелъ своей развалистой походкой внизъ къ дамбѣ, отдѣляющей

новыя улицы отъ стараго города. Онъ на поворотѣ еще разъ оглянулся. Бѣлая, круглая голова Степы, все еще стоявшаго въ калиткѣ, такъ и лоснилась на солнцѣ. Онъ глядѣлъ на небо, навѣрно поджидая справа и слѣва хорошей гонки, какого-нибудь отчаяннаго турмана, который вдругъ взовьется высоко-высоко, совсѣмъ уйдетъ изъ виду и оттуда — трахъ стрѣлой и начнетъ кувыркаться, такъ что духъ захватитъ!

Съ минуту постоялъ Банарцевъ на поворотѣ улицы, все еще глядя на круглую голову братишки. Жаль ему стало, къ сердцу подступили затаенныя чувства заботы и нѣжности, которымъ онъ, въ обращеніи съ братомъ, не давалъ ходу и даже стыдился ихъ...

„Какъ съ нимъ быть?“ — съ внезапной горечью подумалъ онъ, и тихенькій школьникъ, въ розовой ситцевой рубашкѣ, со стриженой головой, съ своими латинскими уроками и жиденькимъ голоскомъ, сдѣлался для него въ эту минуту и особенно дорогимъ, и почти ненавистной помѣхой, черезъ которую онъ сбирался безжалостно перешагнуть.

## XI.

Надо было ему пройти черезъ весь почти городъ. Дамба вела между двумя оврагами. По сю сторону протянулись четыре новыя улицы, застроенныя больше все одноэтажными деревянными домиками въ три, да въ пять оконъ. Вся эта часть города разрослась на его памяти. Онъ прекрасно помнилъ, когда тутъ еще тянулось поле, куда выгоняли скотъ, и никакой дамбы не было, а онъ первоклассникомъ бѣгалъ сюда съ товарищами играть въ солдаты, и брали они штурмомъ „горныя вершины“, на которыхъ проложили теперь дамбу. И Дворянская улица совсѣмъ стала не та. Ему многое почему-то заживо припоминалось съ такой отчетливостью, точно эти прежніе дома вырастали передъ нимъ, особливо домъ бывшей питейной конторы—деревянный, высокій, съ крутой крышей. Теперь тутъ каменный домъ съ магазиномъ, а напротивъ—клубъ, огромный домина, и церковь Воздвиженья обнесли новой чугунной рѣшёткой. Какъ девять лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, въ седьмомъ часу все такая же стойтъ пустота по улицамъ. Но есть что-то другое въ воздухѣ. Что бы онъ, Василій Банарцевъ, чувствовалъ *тогда*, если бъ былъ кончившій курсъ гимназистъ? Со-

жалѣлъ бы, можетъ, о томъ, что отмѣнили студентамъ шляпу и шпагу, или бы попутчика подешевле искалъ въ Москву... А теперь? Не онъ одинъ—всѣ встрепенулись, деньги даютъ и полушками, и десятками тысячъ, о собственныхъ дѣлахъ забываютъ, снаряжая на Дунай тѣхъ, кому лестно положить свою жизнь за правое дѣло.

Эти сѣрые, желтые, красные дома, съ опущенными сторами и запертыми воротами, не казались ему, какъ прежде, какими-то ящиками, гдѣ обыватели губернскаго города прозябаютъ. Въ комнатахъ непремѣнно идутъ разговоры все объ одномъ. И съ каждымъ днемъ будетъ разгораться всенародное чувство, и вся земля встанетъ, какъ одинъ человѣкъ! Такъ вѣрилось ему въ эту минуту...

На перекресткѣ Дворянской и Ситной улицъ стоитъ двухъэтажный нарядный домъ съ вывѣской во всю длину: „Гостиница Орлеанъ, съ номерами, купца Барабанова“. У входа въ то отдѣленіе, гдѣ трактиръ, по сторонамъ прибиты два мѣдные рукомойника съ тазами. Банарцевъ прошелъ мимо этого крыльца и поднялся на слѣдующее, съ ходомъ въ номера. Ему надо было справиться о томъ „человѣчкѣ“, на котораго онъ намекалъ въ разговорѣ съ Любочкой Могучевой.

Коридорнаго онъ зналъ по имени, нашелъ его въ буфетѣ и спросилъ: не пріѣхалъ ли помѣщикъ Аполлонъ Николаевичъ Чалый? Коридорный сказалъ ему, что Аполлона Николаевича ждутъ не то завтра, не то послѣзавтра, и что онъ наказывалъ приготовить ему комнату.

Еще бодрѣе дошелъ Банарцевъ до бульвара, а оттуда началъ спускаться дорожками англійскаго сада, разбитаго по склону крутого нагорнаго берега большой рѣки. Солнце садилось. Внизу, въ разросшихся кустахъ, пахнуло на него свѣжестью. Съ рѣки раздавались свистки парохода, лязгъ желѣза, пыхтѣлъ паровикъ на заводѣ, темнѣвшемъ поодаль, въ сторонѣ отъ пароходныхъ пристаней.

На перевозѣ ютились три дощатыя лавочки съ лукомъ, воблой, пузатыми муромскими калачами, наполовину покрытыми пылью, да еще баба съ выжженнымъ отъ солнца лицомъ, въ ваточной душегрѣйкѣ, примостившись у перилъ перевоза, продавала связки зеленаго лука и малосольные огурцы, похваливая свой товаръ пѣвучими нотами.

— Дай-ка мнѣ, тетенька, огурчиковъ на семитку,—попросилъ у ней Банарцевъ, запасшись двумя калачиками въ одной изъ лавчонокъ: онъ собрался переѣзжать въ дощаникѣ на луговую сторону и переночевать или въ полѣ, или у знакомаго мужика, коли угодитъ до почи до села Красная Варега.

Не успѣлъ онъ отойти отъ торговки, какъ его сзади окликнули:

— Батюшка, Василій Семенычъ!

Онъ узналъ голосъ и быстро обернулся.

— Ефимъ! тебя ли я вижу?—вырвалось у него.

Съ нимъ истово поцѣловался три раза человѣкъ, лѣтъ сильно за пятьдесятъ, въ нанковомъ казакинѣ, какіе нашивали когда-то дворовые, и въ такихъ же шароварахъ, заправленныхъ въ смазные сапоги. На головѣ картузъ съ кистью; волосы съ просѣдью, подстриженные въ кружокъ; лицо широкое, совсѣмъ бурое, съ глубокими морщинами на лбу и вдоль щекъ, но, несмотря на эти морщины, свѣжее и добродушное, больше, вѣроятно, отъ выраженія желтоватыхъ, подмигивающихъ глазъ. Онъ замѣтно прихрамывалъ и сильно потѣлъ. Отъ него пахнуло на Банарцева запахомъ табачныхъ корешковъ. Изъ праваго кармана казакина выглядывалъ чубукъ трубки, воткнутой въ кисетъ изъ ситцевыхъ лоскутковъ.

— Ты какъ здѣсь, Ефиміусъ?—весело спросилъ Банарцевъ послѣ троекратнаго лобызанія.

— Я въ этихъ палестинахъ, батюшка, съ прошлогодняго вешняго Николы.

— Да гдѣ же ты пристроился, на заводѣ, что-ли?

— Никакъ нѣтъ. У иноковъ святыхъ, на бахчахъ и около саду...

— Скажи, пожалуйста!

Они стояли какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда, немного лѣвѣе, виднѣлась крайняя къ берегу башня монастырской стѣны, поднимавшейся круто въ гору; а дальше—темная зелень липъ вперемежку съ крышами келій и главами трехъ церквей.

— Къ прежнему званію обратился, — говорилъ Ефимъ высокимъ теноровымъ голосомъ, — не угодно ли ко мнѣ въ шалашекъ зайти? Благодать у меня, особливо вотъ объ эту пору...

— Да я за рѣку собрался, въ луга.

— Отъ насъ вамъ рукой подать. Коли вы въ артемьев-

скіе, я вамъ и лодочку спаряжу. У насъ служки есть матёрые... Имъ это за первое удовольствіе — грести. Все равно съ жиру бѣсятся. На палкахъ все по послѣ обѣдамъ тягаются, въ огородѣ, ей-Богу право! А, можетъ, и на пташку какую набредете... водится у насъ и дупель, и куличокъ.

— И то дѣло, — сказалъ Банарцевъ, съ улыбкой поглядывая на Ефима. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ съ нимъ.

Съ берега они повернули влѣво и начали подниматься сначала по мощеному въѣзду, а потомъ по тропинкѣ, протоптанной наискосокъ крутого склона. Ефимъ, идя сзади, кое-какъ поспѣвалъ, но сильно прихрамывалъ. Сумерки густѣли. Они спустились въ оврагъ, ихъ обдало свѣжестью высокой травы, и голоса стали глуше. Ефимъ подробно излагалъ Банарцеву, какъ онъ попалъ къ монахамъ прививать яблони и ухаживать за огородомъ. Больше году, какъ онъ жилъ тутъ и не жаловался на житье. Банарцевъ зналъ его чуть не съ трехлѣтняго возраста, когда Ефимъ былъ еще крѣпостнымъ. Домишко отца его приходился насупротивъ людскихъ службъ большого помѣщичьяго дома. Съ Ефимомъ Вася познакомился „за воротами“. Онъ каждый день видѣлъ курьёзную фигуру въ казакинѣ, сильно хромающую, но всегда на походѣ: или съ книжкой, или съ пузырькомъ. Въ домѣ Ефима, несмотря на хромоту, употребляли на хожденіе въ аптеку, а зимой, кромѣ того, на топку печей. По званію своему, онъ былъ садовникъ, и изъ деревни его перевели въ городъ для надзора за комнатными цвѣтами; но прибавили къ этому, въ скоромъ времени, аптеку и печи. Перепадали ему кое-какіе доходишки отъ прививки деревьевъ, отъ пересадки растеній, отъ аптечныхъ „гезелей“, въ видѣ разныхъ мазей и порошковъ, которые онъ продавалъ дворовымъ. И у портного Банарцева онъ приходилъ пересаживать цвѣты, до которыхъ отецъ Васи былъ большой охотникъ. Такъ они и подружились и часто ходили гулять по праздникамъ, въ тѣ часы, когда Ефима не могли хватиться. Много исторій выслушалъ отъ него Вася. Ефимъ, оставшись на волѣ, сталъ наниматься больше у купцовъ во что́ можно было и захаживалъ за Васей, въ лѣтнее время, всегда съ городецкимъ пряникомъ или съ парой сладкихъ рожковъ. А когда Вася самъ сталъ жить домомъ, не разъ онъ добывалъ Ефиму мѣстечко съ лег-

кой работой, по его убожеству, и нерѣдко давалъ рублик въ на черный день. И по латыни когда-то училъ Ефима, чтобы тотъ не перевиралъ ботаническихъ именъ растеній, за что и прозвалъ его „Ефиміусомъ“.

## XII.

Тихая ночь сгустилась надъ монастырскими огородами. Звѣзды быстро загорались одна за другой; съ рѣки повѣвалъ мягкій вѣтерокъ. Пахло разрыхленной влажной землей грядъ и огуречной зеленью. Шалашъ Ефима помѣщался на полгорѣ, у забора, въ уступѣ съ маленькой площадкой, подъ дощатымъ навѣсомъ. Видъ оттуда былъ днемъ чудесный; да и въ такую ясную ночь, какова была эта, рѣка отцвѣчивала широкой колышущейся полосой, а зарѣчныя низовья темнѣли, уходя вдаль.

Оба пріятеля, усѣвшись на площадкѣ, закусывали муромскимъ калачикомъ. Банарцевъ не спѣшилъ за рѣку. Ефимъ по дорогѣ зашелъ на монастырскій дворъ и шепнулъ тамъ одному изъ послушниковъ, чтобъ приходили въ сторожку, а коли у кого есть, такъ чтобъ и ружье тащили: „съ господиномъ охотникомъ въ артемьевскіе луга закатиться“, и чтобъ лодку монастырскую приготовили.

Ефимъ любилъ калачики: бѣлый хлѣбецъ да нѣжинскіе корешки—всего больше соблазняли его. Съ особымъ причмокиваніемъ откусывалъ онъ рожокъ калача, чередуя куски съ малосольнымъ огурцомъ, вкусно хрустѣвшимъ у него на крѣпкихъ и бѣлыхъ зубахъ.

— Воскурить, небось, желаешь? — тихо спросилъ его Банарцевъ.

Они говорили вполголоса.

— Не претитъ вамъ, Василій Семенычъ, мой самъ-крашѐ?

— Вотъ еще новости!

Банарцеву, совсѣмъ по-старому, по-дѣтски, пріятно было бесѣдовать съ „Ефиміусомъ“. И хотѣлось открыться ему „по душѣ“, только немного совѣстно дѣлалось.

— Немназію покончили?—освѣдомился Ефимъ.

— Какъ же!—небрежно выговорилъ Банарцевъ.

— Теперь, значитъ, въ Питеръ?..

— Можетъ и не туда... Ты, Ефиміусъ, читаешь ли газеты? Вѣдь ты прежде большой грамотей былъ. И латинскія названія разбиралъ, помнишь: традисканцію?

— Нонче глазами слабъ сталъ: и въ очкахъ-то устаю.

Больше церковное что... А нешто въ газетахъ наборъ новый?

— Нѣтъ, не наборъ, а звѣрства турецкія были. Вотъ уже два года, какъ босняки съ герцеговинцами возстали, а теперь и сербскій князь выступилъ. Нашъ Черняевъ командуетъ...

— Слышалъ, слышалъ я это, — перебилъ его Ефимъ полутаинственно,—толковали и наши... черноризцы... Разскажите-ка, батюшка... Страсть я люблю про сраженья слушать. Въ тѣ поры, я у перваго помѣщика Тишенскаго, въ Пензенской губерніи, въ хорѣ состоялъ; окромя того, что альта пѣлъ, мальчишкой еще вѣдомости вслухъ барину читалъ, а потомъ въ сказочники меня произвели... Такъ я, бывало, въ книжкахъ что прочту про войну— сейчасъ на сказку передѣлаю—ей-Богу, право!

— Ну, слушай, Ефимушка...

И началъ Банарцевъ ему разсказывать. Въ первый разъ приводилось ему передавать, собственнымъ живымъ словомъ, простому человѣку то, что онъ больше года вычитывалъ изъ газетъ, о чемъ говорилъ урывками съ товарищами и Любочкой, что съ нѣкоторыхъ поръ наполняло его и негодованіемъ, и радостью, и пыломъ, какого онъ никогда не зналъ. И свѣжая юношеская память послужила ему лучше, чѣмъ на экзаменѣ. Все онъ припомнилъ: гдѣ бились „усташи“, откуда писали русскіе волонтеры, въ какихъ мѣстахъ задержались всего дольше банды... А когда дошелъ онъ до болгарскихъ ужасовъ—передъ нимъ стали такъ живо вставать всѣ эти тысячи мертвецовъ, повѣшенныхъ, обугленныхъ, изрѣзанныхъ въ куски... безумныхъ матерей, ребятишекъ на штыкахъ и ятаганахъ, что все тѣло обдало холоднымъ потомъ и голосъ оборвался, и слезы негодованія готовы были хлынуть. Но ему не хотѣлось кончать: откуда слова брались! И гнѣвно, и сладко замирало сердце отъ безконечной вереницы кровавыхъ образовъ.

— Нехристи поганые!—вскрикнулъ Ефимъ и перекрестился.

— Вотъ какія дѣла, Ефимушка! — съ усиліемъ вымолвилъ Банарцевъ и глубоко перевелъ духъ.

Они долго молчали. Только и слышно было, какъ Ефимъ попыхиваетъ изъ трубочки и въ коротенькомъ чубукѣ хрипитъ отъ табачнаго соку.

— Была вѣдь турецкая кампанія,—заговорилъ Ефимъ

задушевно и немного на сказочный манеръ,—ну, и теперь поди будетъ. Я куда младъ былъ. А изъ дворовыхъ, это еще у Тишенскаго помѣщика, четверо угодили! И двое вернулись... А у насъ въ хорѣ, какъ меня въ дишканты взяли, сколько этихъ кантовъ про кампанію пѣли подъ музыку... За обѣдомъ, а то и просто... Дай Богъ памяти.

Ефимъ остановился и отложилъ трубку. Лобъ онъ нахмурилъ совсѣмъ по-своему; правая рука стала выдѣлывать какія-то размѣренныя движенія.

И, немного поднявшись корпусомъ, — они оба все еще сидѣли на землѣ, — Ефимъ загнулъ голову назадъ и запѣлъ сначала не твердо, высокимъ, вздрагивающимъ теноромъ, а потомъ все смѣлѣе и шире, продолжая отбивать тактъ ладонью правой руки:

На горизонтѣ славы
Сіяетъ лучъ златой,
Паритъ орелъ двуглавый
Надъ царственной четой...

Въ другое время этотъ „стихъ“ разсмѣшилъ бы Банарцева. Но ни „горизонтъ славы“, ни „двуглавый орелъ“— Ефимъ выговаривалъ „орэлъ“—не покоробили его. Было что-то для него и наивное, и торжественное, и ободряющее въ этой старомодной одѣ дворового хора.

— И все?—спросилъ онъ Ефима.

— Нѣтъ, длинный былъ концертъ, на цѣлый полонезъ...

Опять закинулъ Ефимъ голову, опять его правая рука начала отбивать тактъ, и онъ запѣлъ:

Въ его державной длани
Вѣнокъ изъ лавровъ свитъ,
И взоръ, блюститель брани,
Огнемъ побѣдъ горитъ!..

Слово „огнэмъ“ онъ произнесъ такъ же, какъ „орэлъ“, и на послѣднемъ стихѣ сдѣлалъ длинную оттяжку высокой нотой.

— А дальше-то и забылъ,—выговорилъ онъ съ пожиманьемъ плечъ,—богатый былъ концертъ!

Въ ушахъ Банарцева еще стояли переливы вздрагивающаго голоса и вся незатѣйливая мелодія со старинным размѣромъ. Не спроста, видно, запѣлъ Ефимъ послѣ разсказа, вызвавшаго въ сердцѣ молодую удаль и знойное желаніе лечь, коли судьбѣ угодно, за свободу какихъ-то дотолѣ невѣдомыхъ „братьевъ“...

Еще тише стало вокругъ. Выплылъ мѣсяцъ и бросилъ

полосу трепещущаго свѣта на средину рѣки. Банарцевъ оглянулся на своего пріятеля. Лицо Ефима такъ и осталось съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ онъ кончилъ куплетъ: ротъ улыбался, а надъ переносицей собрались морщины и придавали лбу что-то страдательное...

— Ты вѣдь, чай, и боевыя пѣвалъ пѣсни? — спросилъ Банарцевъ, выходя изъ своего раздумья.

— Сколько пѣли у насъ! Да ужъ позвольте я желеечку свою достану.

Тяжело поднялся онъ, упираясь рукой въ столбъ навѣса, и заковылялъ въ шалашъ, откуда тотчасъ же вынесъ балалайку собственнаго издѣлія. Онъ былъ большой искусникъ мастерить всякую всячину изъ дерева. Какъ-то особенно отозвалось въ Банарцевѣ бренчанье трехъ жиденькихъ струнъ среди этой безмолвной ночи, гдѣ его чувство лелѣяли и тишь, и просторъ, и свѣжесть нагорнаго берега, и звѣздный сводъ съ круглымъ обликомъ величаваго мѣсяца.

— „Дрымъ-дрымъ“,—выдѣлывали закорузлые, неподатливые пальцы Ефима, и все быстрѣе и быстрѣе становился темпъ.

Вы, донскіе...

только что было запѣлъ онъ, но справа, на другомъ концѣ огорода, скрипнула калитка, и молодой мужской голосъ окликнулъ его:

— Силантьичъ! ты гдѣ обрѣтаешься?

Ефимъ смолкъ и шопотомъ сказалъ:

— Это наши лоботрясы... Одинъ изъ училища, говоритъ, изъ духовнаго, а другой-то такъ остался, штрафной былъ, отсиживалъ за какую-то провинность!—Ефимъ подмигнулъ глазомъ — да поварскому дѣлу онъ обученъ малость, такъ отецъ-настоятель его сталъ больше насчетъ стола припускать. Подлещика изжарить—мастеръ! Ну, и мнѣ когда картошки на сковородѣ притащить, а я ему табачку...

Двѣ длинныя фигуры приблизились къ нимъ и попали въ тѣнь, которая ложилась на дорожку отъ тычинокъ разросшихся грядъ бобовъ и гороху.

## XIII.

— Подойдите, иноки честные, — позвалъ ихъ Ефимъ погромче.

Послушники приблизились, и оба встали такъ, что Ба-

нарцеву, при лунномъ свѣтѣ, не трудно было оглядѣть ихъ.

Одинъ, ниже ростомъ, моложе и лицомъ, и складомъ тѣла, смахивалъ на деревенскую дѣвку съ своими вьющимися, совсѣмъ бѣлыми волосами и свѣжимъ, круглымъ лицомъ. Онъ, по-женски, и голову держалъ нѣсколько вбокъ и сутуловато. Товарищъ его, на цѣлую голову выше, былъ сухой, костлявый парень съ черной, косматой головой. Плисовые, ваточные клобуки, въ родѣ шапокъ, сидѣли у нихъ на затылкѣ. Подрясники изъ коленкора отливали засалившимися боками. У бѣлокураго подбородокъ и пухомъ еще не обросъ, у чернаго—бородка закручивалась двумя клинышками.

Оба, подойдя еще поближе, кашлянули: высокій—басовой нотой. Въ рукахъ держалъ онъ ружье; холщевая сумка висѣла на немъ не по-охотницки, а подъ мышку праваго плеча.

— Благопріятели мои, — указалъ на нихъ Ефимъ, отнимая руку отъ струнъ балалайки,—старцы Серафимъ и Паисій.

Оба послушника прыснули.

— Ты ужъ, Силантьичъ, не больно при гостяхъ срами, сиплымъ басомъ выговорилъ черный.

Бѣлокурый еще разъ прыснулъ, но тотчасъ же прикрылъ ротъ рукой.

— И мушкетонъ захватилъ, — продолжалъ балагурить Ефимъ,—вотъ это дѣло. Вы, батюшка Василій Семенычъ, ему довѣртесь: онъ у насъ насчетъ уженья рыбки и стрѣльбы первый искусникъ. И дичинку любитъ... знаете, самъ кухмистеръ, ну, сейчасъ и возгласитъ: порося, превратися въ карася!

Обоимъ послушникамъ захотѣлось громко расхохотаться, но они удержались.

Банарцевъ протянулъ имъ оставшійся цѣлый калачъ и попотчивалъ ихъ. Они отказались.

— Вы ихъ этимъ не ублаготворите, — вмѣшался Ефимъ, — вотъ если бъ у васъ охотничья фляжка была, да съ ромкомъ или съ кизляркой.

Послушники ничего не возразили. Ихъ веселое настроеніе все нарастало. Бѣлокурый рѣшился выговорить, обращаясь къ Банарцеву:

— Соблаговолите папироску, буде имѣется?

— Имѣется,—отвѣтилъ Банарцевъ и подалъ ему папи-

росу; на охотѣ онъ всегда курилъ, но въ городѣ почти совсѣмъ отсталъ отъ куренья.

Попросилъ папироски и черный. Оба начали взапуски попыхивать и все еще отмалчивались.

— А вы вотъ, братцы,—началъ Ефимъ, отложивъ свою балалайку,—не хотите ли прислушать, какъ Василій Семенычъ про Сербію сказываетъ, про турецкія звѣрства... Изъ дѣтскихъ спинокъ ремни вырѣзываютъ—слышали?

— Отецъ казначей вчера послѣ трапезы сказывалъ, — съ интересомъ отозвался бѣлокурый.

— Доподлинно,—оттянулъ его товарищъ.

— Только, братцы, теперь—шалишь. Эти самые сербы ополчились, и нашъ енаралъ, изъ русскихъ, что Ташкентъ бралъ... Онъ, слышь, командиромъ... Теперь—кончено...

Банарцеву видно было, какъ заискрились глаза обоихъ послушниковъ. Они даже клобуки свои ссадили еще больше на затылокъ.

— Вы ихъ, батюшка, просвѣтите,—сказалъ Банарцеву Ефимъ,—вотъ въ лодочкѣ, на перевалѣ-то. Что, улеглась братія?—спросилъ онъ у чернаго.

— Царство мэртвыхъ, — выговорилъ тотъ, упирая на звукъ „э“.

— Ну, такъ снаряжать васъ пора. Вы, Василій Семенычъ, калачикъ захватите: я сытъ, ей-Богу сытъ, да и огурчиковъ я вамъ свѣженькихъ отберу.

Онъ засуетился, ушелъ въ шалашъ и принесъ оттуда въ лукошкѣ десятка два свѣжихъ, ядрёныхъ огурцовъ.

— Куда этакую прорву?—вскричалъ Банарцевъ.

— А старцевъ-то не считаете?—Они двѣ маленки уплетутъ, да еще закусить попросятъ.

Бѣлокурый послушникъ принялъ лукошко отъ Ефима и надѣлъ его чрезъ плечо. Всѣ тронулись въ путь, молча, по бахчамъ, переходя съ одной линіи грядъ на другую и спускаясь по вырытымъ въ землѣ лѣсенкамъ вплоть до самаго берега. Калитки тамъ не оказалось. Пришлось перелѣзать. Для послушниковъ это было привычнымъ дѣломъ. Банарцева одинъ изъ нихъ подсадилъ. Не мало было смѣху, когда сталъ перелѣзать и Ефимъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ проводить ихъ до лодки. И балалайку захватилъ съ собой.

— Черпецы вы безстыжіе!— ласково говорилъ онъ, ковыляя по послѣднему крутому обрыву,—надъ убогимъ человѣкомъ потѣшаетесь!..

Двѣ монастырскія лодки причалены были подъ пригоркомъ въ кустахъ, такъ что ихъ и вблизи трудно было замѣтить.

— Ключъ-то у кого?—заботливо освѣдомился Ефимъ.

— Серафимъ къ этому приставленъ,—отвѣтилъ бѣлокурый послушникъ.

Долговязый Серафимъ передалъ товарищу ружье, ловко соскользнулъ на обрывъ берега, схватившись за вѣтвистую, наклонную къ водѣ березу, спустился въ лодку и загремѣлъ цѣпью. Надо было отпереть замокъ и оттолкнуть лодку къ болѣе плоскому прибрежью, гдѣ стояла остальная компанія. Все это онъ сдѣлалъ въ два-три пріема.

— Вотъ бы въ мушкетеры ему, — проговорилъ Ефимъ, указывая Банарцеву на послушника.—Точно служивый, и посадка-то вся солдатская; даромъ, что въ кухаряхъ состоитъ.

— Да онъ и такъ чуть въ солдаты не угодилъ,—стыдливо и простовато выговорилъ бѣлокурый.

— Не прикажете ли и Силантьича захватить? — крикнулъ Серафимъ, подплывъ къ нимъ уже съ двумя веслами въ рукахъ.

— И какъ бы я съ вами закатился!—пѣвуче протянулъ Ефимъ,—кабы только вся моя воля была... Никакъ нельзя.

— Экая важность!—откликнулся Серафимъ.

— Жалованье, небось, получаю; тутъ студёнскіе мальчишки въ одну ночь у тебя обчистятъ всѣ бахчи... Вы поѣзжайте, а я вотъ до полуночи поколочу въ доску, прикурну маленько, а на зарѣ опять постращаю.

Всѣ трое усѣлись въ лодку. Банарцеву и съ послушниками стало такъ же хорошо, какъ и съ Ефимомъ. Точно собирался онъ переплывать Дунай и высаживаться на непріятельскій берегъ. Черныя шапки его спутниковъ, два ружья, яркій свѣтъ мѣсяца, фигура Ефима, стоящаго посреди прибрежья, погруженнаго въ тишь іюльской ночи— все это настроило его воображеніе на невѣдомый ладъ и наполнило его сладкой и трепетной тревогой.

— Отчаливай!—крикнулъ молодцовато Ефимъ и, избоченившись, подхватилъ свою балалайку.

Серафимъ и Паисій заработали веслами, что̀ твои бурлаки. Банарцевъ сѣлъ у руля. Ихъ провожала съ берега прерванная послушниками пѣсенка Ефима:

Вы, донскіе, гребенскіе,
Вы уральски казаки,

Да ой люли-люли-и—
Вы уральски казачки!..

Молча доплыли они до средины рѣки. Банарцевъ обернулся къ берегу.

— Ишь вѣдь, шустрый, какъ раскуражился,— указалъ Серафимъ въ сторону монастырскаго огорода.— Даромъ, что хромъ, а мигомъ отковылялъ наверхъ.

Ефима ужъ не было видно. Онъ поднялся вдоль забора, по узкой тропкѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ сверху, гдѣ стоялъ его шалашъ, раздались два удара палки въ чугунную доску.

— Страху напущаетъ,— шопотомъ выговорилъ Паисій.

— А теперь дробью сталъ,— подхватилъ Серафимъ.— Это онъ для васъ, сударь, усердствуетъ. Добрѣйшей души старче сей,— прибавилъ послушникъ искренно и смѣшливо, налегая на весло.— И точно вы ему про славянъ-братьевъ повѣствовали?— продолжалъ онъ уже другимъ тономъ,—занятно бы прислушать.

Наклонился въ бокъ и Паисій, взглянувъ на Банарцева изъ-подъ желтыхъ длинныхъ рѣсницъ застѣнчивымъ и любопытнымъ взглядомъ.

И въ другой разъ началъ разсказывать Банарцевъ. Только краски и слова были иныя. Онъ самъ чувствовалъ, что̀, сколько бы онъ ни повторялъ одно и то же, все у него будетъ являться въ новомъ видѣ: горячѣе, сильнѣе, о̀бразнѣе.

Онъ еще не кончилъ, до берега оставалось плыть минутъ съ десять, какъ Серафимъ поднялъ весло, громко вздохнулъ и крикнулъ товарищу:

— Что́ я тебѣ говорилъ? Дернемъ!

Тотъ тоже пересталъ грести и съ загорѣвшимися глазами отвѣтилъ:

— Лихо бы!

— Вы это о чемъ?—спросилъ Банарцевъ, оглянувъ ихъ обоихъ.

— Да вотъ я Савоськѣ-то — я такъ его зову по-пріятельству,—черный указалъ на бѣлокураго,—еще третьяго дня говорилъ: похѣримъ мы наше послушаніе—чево тутъ!.. А теперь за братьевъ, за христіанъ — вѣдь такъ господинъ—животъ положимъ! Вѣнецъ—одно слово!

Онъ снялъ клобукъ и махнулъ имъ въ воздухѣ.

— Лихо бы!—задыхающимся теноромъ повторилъ Паисій.

Они смолкли и принялись еще бодрѣе работать веслами.

Банарцевъ докончилъ имъ свое „повѣствованіе“, когда они уже стали причаливать. Такъ сильно подѣйствовалъ на нихъ его разсказъ, что они не сразу могли двинуться и вылѣзть изъ лодки.

Первый выскочилъ Серафимъ, приподнялъ полы своего подрясника и сталъ поворачивать бокомъ лодку. Банарцевъ вышелъ вторымъ.

— Василій Семенычъ, господинъ Банарцевъ! — вдругъ гаркнулъ Серафимъ, выстраиваясь передъ нимъ во фронтъ.— Укажите намъ пути, какъ во христовыхъ ратниковъ намъ обратиться? Мы видимъ, вы—человѣкъ большой умственности.

И Паисій сталъ рядомъ съ Серафимомъ, выпрямился и высоко поднялъ голову.

— Есть,—выговорилъ онъ,—на то и мое желаніе!..

Банарцевъ, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, отвѣтилъ имъ:

— Братцы! Я и самъ сплю и вижу кинуть все и — туда... Теперь всѣмъ дорога! Вмѣстѣ и пойдемъ. Всѣ, всѣ пойдемъ—у кого есть охота лечь за правое дѣло!..

Оба послушника глядѣли на него пристально и изумленно, но ни одинъ не смѣлъ прибавить что-нибудь отъ себя. Банарцеву, въ другое время, совѣстно сдѣлалось бы своихъ восторженныхъ возгласовъ, но тутъ онъ пожалѣлъ объ одномъ: зачѣмъ только двое настоящихъ добровольцевъ выискалось, а не десять, не сто?.. Вѣдь и сто человѣкъ его горячее слово могло бы также увлечь. Онъ взвалилъ ружье на плечо и крикнулъ:

— Привяжите, братцы, лодку, да и—айда до Красной Вареги; раньше полуночи не угодимъ.

Лодку привязали. Двинулись они не гуськомъ, а кучкой, и опять началась у нихъ бесѣда про „христову рать“.

На мѣсяцъ нашло облако. Все луговое низовье сразу погрузилось въ темноту. Только мѣрные шаги шуршали въ подкошенной травѣ, да изрѣдка трещали кусты вербы, хлеща „охотничковъ“ по ногамъ.

## XIV.

На другой день, раннимъ послѣобѣдомъ, возвращался Банарцевъ изъ-за рѣки. Его новые пріятели-послушники проходили съ нимъ отъ зари часу до седьмого утра и уѣхали, зная напередъ, что имъ будетъ гонка, коли они

не поспѣютъ къ раннимъ обѣднямъ. Они познакомили его со своей „судьбиной“. И Серафимъ, и Паисій были семинаристы; только Паисій, по малой способности къ наукамъ, поступилъ въ монастырь прямо изъ старшаго класса духовнаго училища, а Серафимъ пожилъ уже „на міру“, гдѣ и попался, Великимъ Постомъ, въ одно „блудное“, какъ онъ выразился, дѣло, за что и долженъ былъ отсидѣть „нѣкоторый предѣлъ“ на покаяніи. Но срокъ свой онъ уже высидѣлъ и оставался въ послушникахъ по приглашенію отца настоятеля, которому „знатно“ умѣлъ поджарить и леща, и подлещика.

Прощаясь съ нимъ, оба упрашивали его чуть не слезно не оставить ихъ совѣтомъ и содѣйствіемъ и, какъ только будетъ время, дать имъ знать чрезъ Ефима, куда обратиться и отъ кого получить „малую лепту“. Не любилъ Банарцевъ монашествующей братіи, особливо такихъ-вотъ служакъ, изъ выгнанныхъ семинаристовъ; зналъ онъ давно, что это за народъ. Но эти оба въ глазахъ его преобразились. „Кабы всѣ, кому случится разсказать еще про мученья „братьевъ“, такъ же мгновенно откликались желаніемъ идти охотой... Господи! что бы это было тогда!“— повторялъ онъ про себя.

И теперь, поднимаясь съ перевоза по крутой дорожкѣ англійскаго сада, онъ думалъ все ту же думу. Сталъ онъ перебирать и тотъ гимназическій выпускъ, съ которымъ кончилъ курсъ. Вѣдь не мало ихъ сидѣло въ классѣ: цѣлыхъ семнадцать человѣкъ. Изъ нихъ только девять получили „аттестаты зрѣлости“, остальные „провалились“. Чего же имъ нейти?—Да и тѣ-то „зрѣлые“—неужели не дрогнетъ ни у одного сердце? Давно ли они всѣ вмѣстѣ готовились, заходили другъ къ дружкѣ, сидѣли на экзаменѣ, дѣлали письменные отвѣты. И никакого тогда горячаго разговора не было ни про болгаръ, ни про Сербію, ни про Черняева. Да и правду сказать, почти ни съ кѣмъ не водилъ онъ дружбы. Званіе ли перваго ученика, или характеръ его — только закадыкъ у него не водилось, хотя и всѣ были товарищи, на „ты“, и никто на него никогда не злобствовалъ. Теперь „зрѣлые“ разъѣхались— кто изъ деревень, или собирались въ Москву, да въ Питеръ, а „незрѣлые“—тоже разбрелись. Ихъ и по городу-то не сразу найдешь...

Банарцевъ началъ читать про себя, на память, списокъ своихъ одноклассниковъ по алфавиту: „Алексѣевъ, Би-

чурскій, Везломцевъ, Горбачевъ, Дудыринъ...“ Проходили передъ нимъ имена и лица. И ни одного изъ *лучшихъ* учениковъ не считалъ онъ способнымъ крикнуть такъ беззавѣтно, какъ вчера откликнулся простоватый Паисій:

— Лихо бы!

Дошелъ онъ до буквы „П“. Вотъ развѣ старшій братъ Павлиновъ, къ кому Степа бѣгаетъ турмановъ гонять? Этотъ совсѣмъ уже провалился. Онъ — лѣнтяй, забіяка, любитъ и водочку; собирался „вольноопредѣляющимся“ въ полкъ. Этотъ, пожалуй, пойдетъ; но если и пойдетъ, такъ съ ухарствомъ и непремѣнно—начни только ему разсказывать про ужасы—отольетъ какую-нибудь грязную прибаутку.

На полподъемѣ Банарцевъ запыхался и разсудилъ присѣсть. Въ глубинѣ просторной площадки примостилась кофейная, старое уже строеніе, обшитое побурѣлымъ тесомъ, все въ стеклахъ, съ мезониномъ и двумя балконами. Денегъ у него не было на бутылку пива, а внизу онъ не догадался глотнуть кваску. Надъ самымъ обрывомъ стояли полукругомъ скамейки. Онъ присѣлъ на среднюю, верхомъ, въ полъоборота, такъ что ему видны были и рѣка, и вся площадка передъ кофейной.

Объ эту пору гуляющихъ не бываетъ. Какой-нибудь босоногій мальчишка пробѣжитъ внизъ съ удой и ведеркомъ для рыбы, или съ „лодейкой“. А то протащится пьяненькій рабочій съ желѣзнаго завода, или старуха-торговка торопится на перевозъ, попасть засвѣтло въ большое село, видное съ набережной. Но вотъ кто-то изъ „чистой“ публики, не спѣша, сходитъ сверху, размахивая тросточкой. Онъ то поглядитъ внизъ на рѣку, то сниметъ шляпу и начнетъ ею обмахиваться. На немъ какой-то странный костюмъ: не то поддёвка, не то казакинъ и большіе сапоги, отливающіе блескомъ сборокъ при каждомъ движеніи.

— Никакъ Аполлонъ Николаичъ?—вдругъ выговорилъ вслухъ Банарцевъ и поднялся со скамейки.—И то онъ!

Они встрѣтились на площадкѣ, передъ дверьми кофейной. Вблизи, господинъ, спускавшійся сверху, оказался небольшого роста мужчиной, лѣтъ двадцати пяти-шести, съ красивой русой бородой, подстриженной четырехугольникомъ, съ прямымъ, тонкимъ носомъ, яркими губами и быстрымъ, бѣгающимъ взглядомъ свѣтлосѣрыхъ глазъ. На немъ дѣйствительно была франтоватая поддёвка изъ

темной шерстяной матеріи. Изъ-подъ воротника поддёвки выставлялась голубая шелковая рубашка, обшитая двойнымъ галуномъ. Поярковую черную шляпу носилъ онъ слегка на-бекрень. Лаковыя голенища большихъ сапоговъ, толстая цѣпочка и перстни блестѣли и переливались на солнцѣ.

Таковъ, въ этотъ день, былъ внѣшній видъ землевладѣльца Аполлона Николаича Чалаго. Онъ не всегда одѣвался въ „русскій костюмъ“, ходилъ и по-европейски, но Банарцевъ давно зналъ за нимъ замашечку пооригинальничать. Съ Чалымъ сошелся онъ года съ два передъ тѣмъ, давая уроки его младшему брату, поступившему въ юнкерское училище. Чалый вышелъ изъ гимназіи, и Банарцевъ помнилъ его еще гимназистомъ на выпускѣ. Въ университетъ онъ не попалъ, хотя считался очень бойкимъ и способнымъ, особливо по писанію сочиненій. Онъ съ раннихъ лѣтъ жилъ на своей волѣ; мать-вдова баловала его и позволяла жить въ городѣ одному, лѣтъ съ пятнадцати. Помѣщикомъ, послѣ ея смерти, онъ сталъ еще въ седьмомъ классѣ, рѣшивъ хозяйничать самъ, и, за малолѣтствомъ брата, сталъ управлять и своей, и его долей имѣнія. Съ тѣхъ поръ, онъ превратился въ „земца“. Несмотря на молодость лѣтъ, Чалый выдвинулся въ своей „округѣ“ впередъ, побывалъ и въ гласныхъ, и въ судьяхъ, и въ членахъ управы. Недавно началъ править должность уѣзднаго предводителя. Его считали „краснымъ“, какъ до сихъ поръ выражаются въ провинціи со времени крестьянскихъ комитетовъ. Всѣ знали и кричали—да и онъ не молчалъ—что Чалый всегда „подкапывается подъ своего брата дворянина“, тянетъ руку мужиковъ, выискиваетъ разныя каверзы, чтобы представить „въ поскудномъ видѣ старыхъ и почтенныхъ людей“, и безъ того не мало обиженныхъ „эмансипаціей“. До Банарцева все это доходило и отъ постороннихъ, да и самъ Чалый, пріѣзжая въ городъ довольно часто, посвящалъ его во всѣ „уѣздныя исторіи“, и хотя прямо и не всегда хвалился, но всегда давалъ чувствовать, что онъ въ уѣздѣ — единственный „другъ народа“, готовъ сдѣлать все возможное для „успѣховъ самоуправленія“. Смѣлости у него было довольно—Банарцевъ и это зналъ. Чуть что, онъ сейчасъ протестъ, докладную записку, рѣчь на собраніи, или скачетъ въ „губернію“, тормошитъ губернскаго предводителя, предсѣдателя губернской управы, прокурора, самого губерна-

тора. Ведетъ себя такъ, точно ему „самъ чортъ не братъ". Въ губернскихъ партіяхъ онъ не замѣшанъ — ему все равно; онъ и къ прокурору, и къ губернатору обращается одинаково, зная, что они „на ножахъ" съ самаго введенія новаго суда. Другой подумаетъ, глядя на него, что это— холостякъ безъ роду, безъ племени, безшабашная голова, которому нѣчего терять. А у него тысячка десятинъ есть и три хутора, и водяная мельница, и женатъ онъ уже лѣтъ съ пять, успѣлъ обзавестись „тремя барбосами", какъ онъ называетъ своихъ трехъ мальчиковъ-погодковъ. Банарцевъ, сколько ни присматривался къ помѣщикамъ „изъ молодыхъ", не находилъ еще личности живѣе, смѣлѣе, открытѣе и „демократичнѣе" этого Чалаго. Не разъ сдавалось ему, что у его пріятеля-землевладѣльца все какъ будто выставляется „съ казоваго конца": очень ужъ онъ скоро переходитъ отъ одного дѣла къ другому, скоро закипаетъ и охлаждается, неразборчивъ ни въ брани, ни въ похвалахъ, любитъ поговорить о себѣ, иногда какъ бы безъ толку горячится, даже сплетничаетъ и суесловитъ изъ тщеславныхъ побужденій. Но, все-таки, въ немъ многое влекло къ себѣ Банарцева. Къ тому же, Чалый хоть былъ и помѣщикомъ, и предводителемъ, и на цѣлыхъ шесть лѣтъ старше гимназиста-семиклассника, обращался съ нимъ на ровной ногѣ, даже прямо выказывалъ ему особое вниманіе, цѣнилъ его одобреніемъ, читалъ ему свои записки, проекты и протесты, давалъ ему много книгъ, доставлялъ и запрещенныя вещи, бесѣдовалъ всегда „по душѣ". Чалый чувствовалъ, что во всемъ городѣ гимназистъ Банарцевъ только и есть его настоящій сверстникъ, понимающій ту долю хорошаго, какая была въ его безпокойной земской жизни.

На Чалаго-то Банарцевъ и надѣялся въ теперешнемъ своемъ настроеніи. Отъ него ждалъ вѣрной поддержки. А случилось такъ, что земецъ не пріѣзжалъ въ городъ больше трехъ недѣль. Банарцевъ сбирался даже писать ему передъ тѣмъ, какъ зашелъ въ гостиницу „Орлеанъ" справиться: не пріѣхалъ ли Аполлонъ Николаичъ?

Ихъ случайная встрѣча показалась Банарцеву счастливымъ предзнаменованіемъ.

## XV.

— Откуда это, Аполлонъ Николаичъ?—радостно спросилъ Банарцевъ, по-пріятельски, но не фамильярно, протягивая руку Чалому.

— Отъ его превосходительства!..—картавя, вскрикнулъ землевладѣлецъ и обмахнулся шляпой.—Захотѣлось пройтись на рѣку, выкупаться. Ну, баринъ, поздравляйте меня... Я—къ Черняеву!..

— Что-о вы?

У Банарцева даже въ горлѣ пересохло. Онъ не сразу повѣрилъ своимъ ушамъ.

— Честнòй человѣкъ... Экая жарища! — Пойдемъ туда вонъ, къ кофейной. Я велю бутылку пива подать.

Они присѣли въ тѣни къ столику.

— Вы, Аполлонъ Николаичъ... въ Сербію?—тихо и съ дрожью въ голосѣ переспросилъ Банарцевъ. — Да это— просто чудно! А я васъ-то и ждалъ... Господи!..

Чалый перебилъ его.

— Да-съ, баринъ, такъ сейчасъ и говорю губернатору: стрѣлять, молъ, я, ваше превосходительство, умѣю, верхомъ ѣзжу — чего же мнѣ больше? — Я не командовать ѣду, а драться простымъ охотникомъ.

— Когда же вамъ это желаніе пришло?—все такъ же взволнованно спросилъ Банарцевъ.

— Не могу я, ваше превосходительство, — продолжалъ разсказывать въ лицахъ Чалый,—служить съ этими мерзавцами... Они срамятъ (картавить онъ сталъ все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ больше горячился) все свое сословіе... И народу не подняться, если такая шайка будетъ самоуправствовать... Позвольте мнѣ изложить вамъ все въ докладной запискѣ; а самъ я слагаю съ себя званіе предводителя, хочу идти туда, гдѣ ужъ льется русская кровь!

Громкій, задорный и картавый голосъ Чалаго производилъ на Банарцева ощущеніе какого-то набата. Онъ не хотѣлъ, да и не могъ вникнуть въ содержаніе его разсказа. Слова „срамятъ“, „докладная записка“, „предводитель“ — все это скользило по его слуху, и только возгласъ: „льется русская кровь“ отозвался внутри и заставилъ сердце вдругъ ёкнуть отъ наплыва молодой жалости и отваги.

— И что жъ онъ, и что жъ онъ? — вскричалъ, думая о другомъ, Банарцевъ.

— Губернаторъ-то?—переспросилъ Чалый, наливая въ стаканъ пиво, — разумѣется, былъ весьма тронутъ. Просилъ доставить поскорѣе записку и освѣдомился тотчасъ же: „когда же вы думаете осуществить ваше благородное

намѣреніе?“—„Хоть завтра“, отвѣчаю ему. Вернусь домой — и въ путь. У меня и платье есть подходящее. Вотъ большіе сапоги, казакинъ, пару рубашекъ, хорошій карабинъ... Поясъ для денегъ въ Москвѣ куплю. Станетъ это въ копеечку... Нѣчего дѣлать, пустошь закладываю.

— Пустошь?—машинально выговорилъ Банарцевъ.

Онъ еще не могъ придти въ себя, собраться съ тѣмъ, что̀ ему самому нужно было сообщить Чалому, о чемъ сговориться теперь, когда тотъ ѣдетъ въ Сербію, бросаетъ мѣсто, хозяйство, жену, дѣтей.

— Да, за этимъ проволочки не будетъ,—сказалъ увѣренно Чалый.

— И вы одни, Аполлонъ Николаичъ?

Тотъ расхохотался.

— А то съ кѣмъ еще?.. Не съ нянькой же? Женѣ я сказалъ: коли хочешь со мной ѣхать—поступай въ сестры милосердія. Ну, на это она не согласна—ребятишекъ жаль. Съ ними остается возиться.

— А вамъ не жаль?—какъ бы съ умысломъ сталъ выспрашивать Банарцевъ.

— Мало ли чего!

Чалый хлебнулъ пива и снялъ шляпу. Его бѣлый лобъ загорѣлъ только снизу; вьющіеся волосы стояли горой. Онъ смотрѣлъ въ эту минуту особенно-молодцовато. Банарцевъ заглядѣлся на него.

— Аполлонъ Николаичъ,— началъ онъ стыдливо и взялъ Чалаго за локоть, — вѣдь это — подлинно судьба, что я васъ жаждалъ видѣть, изъясниться вамъ насчетъ того же дѣла... а вы вдругъ сами мнѣ такую вѣсть принесли! И меня тянетъ!

— Туда?—звонко окликнулъ Чалый и быстро оглянулъ Банарцева.

— Да—туда же, куда и вы собираетесь.

— А университетъ по̀-боку?

— Подождетъ... Много и безъ меня.

— Лихо!

Это слово „лихо!“ звучало такъ же, какъ и вчера на рѣкѣ, когда въ монастырскихъ служкахъ заговорило ретивое.

— Я зналъ напередъ, — смѣлѣе продолжалъ Банарцевъ, — что такой человѣкъ, какъ вы, поддержитъ меня. Извѣстное дѣло, коли взглянуть съ житейской стороны:

передо мной дорога... Но вѣдь вотъ и у васъ дорога, а вы же все бросаете!

— Довольно-съ! — крикнулъ Чалый и даже ударилъ кулакомъ по столу.—Я ему, какъ дворянинъ и порядочный человѣкъ, предлагаю дать мнѣ удовлетвореніе, а онъ только издѣвается... Коли такъ, не въ правѣ ли я его откатать, какъ первую попавшуюся собаку?

Щеки его пылали. Глаза такъ и забѣгали въ разныя стороны.

„Про кого онъ это?“ мелькнуло въ головѣ Банарцева, но онъ ничего не сказалъ.

— Когда я считалъ самъ голоса,—кричалъ Чалый,—и самъ былъ до конца на сходкѣ; а эта естественная бестія вдругъ пишетъ, что приговоръ состоялся облыжный—такъ и вставилъ слово: „облыжный“—и господинъ Чалый произвелъ неправильный счетъ голосовъ, руководимый личными видами мести и властолюбія... Этакая гадость! Какъ же тутъ оставаться съ подобными мерзавцами?.. Не то, что въ Сербію—въ Бразилію ускачешь!

„Да что жъ это онъ говоритъ?“ мелькнуло опять въ головѣ Банарцева. Ему становилось жутко. Разговоръ выходилъ совсѣмъ не такой, какого жаждала его душа.

— Такъ вы меня одобряете? — спросилъ онъ громче и значительнѣе.

— Еще бы! Хотите—ѣдемъ со мной. Я въ Москвѣ дня три, много недѣлю останусь. Пойду въ комитетъ. Хочется Ивану Сергѣичу руку пожать. Пусть онъ увидитъ: и дворяне-землевладѣльцы чувствуютъ, какая кровь льется въ ихъ жилахъ!

Эта фраза — первая, по счету, покоробила почему-то Банарцева. Но онъ былъ слишкомъ переполненъ однимъ чувствомъ.

— Я бы съ вами сейчасъ, — заговорилъ онъ, опустя надъ столомъ голову,—да вотъ бѣда: брата не знаю какъ пристроить? Есть у меня пустяшныя деньжонки, ему на полгода хватитъ — не больше, да обѣщали мнѣ на него отъ здѣшняго общества стипендію, съ сентября... десять рублей—все деньги!—Самому-то и не на что отправиться. Будь у насъ здѣсь кто-нибудь отъ этихъ самыхъ комитетовъ... я бы пошелъ. Въ Москву на авось съѣздить — рискъ; быть-можетъ, и ничего не выхлопочешь... Вотъ вы...

— Я вамъ схлопочу!—не далъ ему докончить Чалый.— Ждите отъ меня письма. Да и насчетъ братишки вы не

смущайтесь. Неужели земство, чортъ возьми, не поддержитъ мальчика, коли вамъ не суждено будетъ вернуться оттуда?.. А впрочемъ—теперь въ силѣ такая сволочь!

И вдругъ Банарцеву стало совѣстно продолжать въ просительномъ тонѣ. Онъ хотѣлъ пріятельской бесѣды, а у него выходило чуть не клянченье. Съ трудомъ подавилъ онъ въ себѣ это чувство и сталъ разспрашивать Чалаго обстоятельно: что тотъ знаетъ про комитеты? какое выдаютъ пособіе и что будетъ стоить добраться до Бѣлграда „хоть какъ-нибудь", хоть въ „четвертомъ классѣ"?

Чалый зналъ не больше его; но продолжалъ обѣщать самыя точныя справки въ Москвѣ. Онъ даже предложилъ ему содержать Степу „до конца кампаніи" — но Банарцевъ отказался, говоря, что такой жертвы не понадобится.

— Все равно, — вскричалъ Чалый, — я положилъ процентъ вносить, пока война не кончится... Съ чистаго дохода десять процентовъ отдѣлять буду, кромѣ своихъ подъемныхъ!

Но Банарцевъ еще разъ отказался. Ему опять сдѣлалось непріятно, что выходило съ его стороны новое прошительство. Не могъ онъ также освободиться отъ двойственнаго впечатлѣнія, навѣяннаго рѣчами и возгласами Чалаго. Чего-то не хватало этому „добровольцу", этому „охотнику" — только Банарцеву не хотѣлось разбирать свое впечатлѣніе.

„Ѣдетъ по охотѣ, — повторялъ онъ про себя,—предводитель, помѣщикъ, отецъ семейства

— Купаться идете? — рѣзко спросилъ Чалый, поднимаясь съ мѣста.—Я выкупаюсь, да къ прокурору.

— У меня Степа, поди, не ѣвши ждетъ,—сказалъ Банарцевъ,—и умаялся я на порядкахъ!..

Въ сумкѣ у него лежало нѣсколько штукъ дичи. Чалый полюбопытствовалъ и даже оглядѣлъ ружье.

— Не прикажете ли парочку? — предложилъ ему Банарцевъ пару дупелей.

— Я возьму, снесите ко мнѣ въ номеръ: — да приходите завтра ѣсть. Я вамъ мою записку прочту, тамъ кое-что посократить придется.

— Ужъ вы бы теперь, Аполлонъ Николаичъ, бросили всѣ эти препирательства,—сказалъ Банарцевъ дружескимъ тономъ.

— Послѣдняя записка! Безъ меня, вы увидите, куда

все пойдетъ. Но я не уѣду, пока это животное не принужу публично отречься отъ своихъ мошенническихъ показаній. Я и сходкѣ сказалъ послѣ того, какъ она начала вилять: „вы — такіе-сякіе, я — вашъ защитникъ, одинъ въ уѣздѣ! а вы такъ-то?“ Нѣтъ-съ, баринъ, вотъ у меня гдѣ сидятъ теперь наши православные хрестьяне!

И онъ указалъ рукой на затылокъ. Банарцевъ началъ бояться, что Чалый опять войдетъ въ азартъ; а ему хотѣлось проститься съ нимъ на чемъ-нибудь, говорящемъ о томъ „правомъ дѣлѣ“, къ которому оба готовили себя. Гимназисту показалось, что у помѣщика-предводителя это „правое дѣло“ далеко не заслоняетъ собою всего остального. Да и вся личность Чалаго представилась ему вдругъ въ иномъ свѣтѣ, хотя онъ и давно его зналъ.

Нѣсколько минутъ стоялъ Банарцевъ на площадкѣ, смотря внизъ на спускающагося „добровольца“ въ щеголеватомъ русскомъ платьѣ, съ блестящими сапогами и голубымъ воротомъ шелковой рубашки.

„Коли пойдетъ взаправду,—подумалъ онъ,—нѣчего къ нему придираться“—и, взваливъ на плечо свою винтовку, побрелъ онъ усталымъ шагомъ наверхъ.

## XVI.

Больше недѣли Любочка Могучева была сама не своя. Но никто этого не замѣчалъ. Мать все ходила по знакомымъ и нѣсколько разъ не обѣдала дома. Отцу, при его убожествѣ, и подавно было невдомёкъ.

Гаврило Иванычъ сидѣлъ и поджидалъ дочь къ шести часамъ. Только предъ ней и могъ онъ, особливо за чаемъ, затягивать свои разсказы-монологи. Прасковья Егоровна давно перестала ихъ слушать. И онъ радъ-радехонекъ, когда она уйдетъ изъ дому до поздней ночи.

Любочка пришла домой въ обычный часъ. Она не дождалась Банарцева подъ рябинами, на дерновомъ диванѣ; а сегодня-то она и жаждала говорить съ нимъ. Ему было не до нея: судьбу свою онъ рѣшилъ въ послѣдній разъ, когда она его видѣла; онъ ужъ не предлагалъ ей вопросовъ, а прямо сказалъ—„иду“. Она знала, что Банарцевъ ждетъ только письма отъ своего „благопріятеля“ и ходилъ къ директору насчетъ пособія Степѣ. Почти всѣ ночи напролетъ Любочка не спала; она перебрала въ головѣ все, что для нея связано было съ рѣшеніемъ Васи.

Сначала она храбрилась. „Ну, что жъ такое?—говорила она себѣ,—ему хочется узнать, что такое это: идти простымъ добровольцемъ... онъ—молодой человѣкъ, здоровый, вынесетъ“...

Такъ прошло два дня; но на третью ночь Любочка не могла отогнать отъ себя образовъ, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ. *Вася* идетъ драться. И не онъ одинъ, а сотня, тысяча такихъ же неумѣлыхъ, неимущихъ, молоденькихъ. Они бросаются впередъ, ихъ бьютъ, они валятся, какъ снопы; кто ихъ приберетъ, кто перевяжетъ раны, кто напоитъ? Тѣ „сестры“, про которыхъ въ газетахъ пишутъ? Много ли ихъ? А вѣдь есть же такія, которыя идутъ. Почемъ она знаетъ, что у этихъ женщинъ нѣтъ также семей, что онѣ ничего не бросаютъ дома? Идутъ же! Мать ея—еще здоровая женщина. Коли захочетъ—можетъ прокормиться. Но отецъ?

Любочка не находила никакихъ доводовъ. Онъ умретъ безъ нея съ голоду. Не однѣ заботы нужны, не одинъ уходъ, но деньги на квартиру, на провизію, на дрова, на все. Ихъ доставляетъ только она. На мать—надежда плохая. Хорошо, кабы себя-то прокормила игрой. Покинуть отца нельзя; но, вѣдь, она поѣдетъ на мѣсяцъ, на два. Война, авось, кончится къ зимѣ; быть-можетъ, и раньше. У ней есть маленькія деньги, скопленныя въ четыре года. Она ихъ оставитъ на житье отцу. По ея расчету на нѣсколько мѣсяцевъ хватитъ и одѣвать, и кормить. Еще нѣсколько ночей продумала Любочка, и, когда сегодня ждала Васю въ саду—все въ ней перебродило. Ея первыя слова были бы:—„Мы поѣдемъ вмѣстѣ, Вася. Я иду въ сестры“. Но онъ не явился. Это ее огорчило. Писать ему она не хотѣла. Они никогда не переписывались. Какъ-то смѣшно было бы даже посылать ему записку. Самой за нимъ идти? И этого она никогда еще не дѣлала. Не нынче-завтра онъ узнаетъ и порадуется. А теперь надо приготовить отца.

Гаврило Иванычъ читалъ постоянно газеты—дочь доставала ихъ въ разныхъ домахъ—но прочитывалъ почти одни театральные фѣльетоны и новости. И въ этотъ вечеръ онъ только-что просмотрѣлъ статейку про спектакль въ какомъ-то лѣтнемъ петербургскомъ театрѣ. На губахъ его играла улыбка съ выраженіемъ, прекрасно извѣстнымъ Любочкѣ Гаврило Иванычъ приготовился къ одному изъ своихъ моноло говъ, вызванныхъ именемъ какой-нибудь знаменитости.

Пока дочь заваривала чай и перемывала чашки, раздумывая, какъ бы ей смягчить то, что̀ она собиралась объявить отцу,—Гаврило Иванычъ „пустилъ волчка“—такъ выражалась про него Прасковья Егоровна.

— Не привелось мнѣ видѣть ее,—доносилось отрывками до слуха Любочки.—Только ея и не видалъ изъ нынѣшнихъ любовницъ. Сказывалъ мнѣ еще тогда, лѣтъ съ пятнадцать, а то и больше, Иванъ Васильичъ... Онъ у насъ въ ту пору, въ „Дѣтскомъ докторѣ“ выступилъ... поди, въ послѣдній разъ въ молодой-то роли... Удивительная, говоритъ, у меня въ школѣ есть дѣвочка: большой талантъ будетъ и загремитъ... Только бы съ пути не сбилась... Голосъ, говоритъ, искренность, натура—этакъ, говоритъ, плакать, еще никто не плакалъ. Такъ и вышло. Въ первый же дебютъ вся Москва дрогнула. Барыни-то навзрыдъ ревѣли... До осьмнадцати разъ ее выкатили...

— Папенька,—перебила Любочка,—маму ждать къ чаю?

— На цѣлый день она улетучилась, — еще довольнѣе выговорилъ Гаврило Иванычъ. — Пошла и насчетъ ангажемента. Хочетъ на сорока рубляхъ держаться, да на двухъ полбенефисахъ. Прогонитъ онъ ее. Ему совсѣмъ не такую нужно. Нынче и старуха комическая съ голоскомъ должна быть—Юнону въ „Орфеѣ“, а то въ „Синей Бородѣ“ пѣть. Да развѣ твою мамашу можно путемъ въ чемъ-нибудь уговорить?

— Папенька, — перебила опять Любочка, — мама найдетъ себѣ мѣсто... Только надо бы мнѣ хоть на время уѣхать.

— Куда это? — скорѣй съ интересомъ, чѣмъ съ испугомъ, спросилъ Гаврило Иванычъ.

— Вѣдь мамѣ всегда хочется къ осени въ труппу поступить. Она стала такая нервная... Чуть что̀—сейчасъ и разъѣзжаться съ вами!

Они оба тихо разсмѣялись.

— Ну, такъ что̀ жъ ты это надумала? Для укрощенія строптивой?

— Да мнѣ бы мѣсяца на два уѣхать. Маминъ характеръ я знаю. Она сейчасъ бы начала мучиться, что вотъ я ее посажу одну съ вами... и взяла бы ангажементъ. Хоть и подешевле; зато ужъ навѣрно бы получила. И весь бы годъ до весны она занята. А это для нея важнѣе всего.

Любочка подала отцу стаканъ чаю и присѣла къ его

креслу. Она очень обрадовалась повороту, который не безъ умысла придала разговору. Ей не трудно было и продолжать его въ томъ же тонѣ. Гаврило Иванычъ на все житейское откликался съ мягкостью мудреца. Его долгая театральная „служба“ почему-то не оставила въ немъ ни тревожности, ни раздражительности. Даже смѣшно иногда дѣлалось Любочкѣ, глядя на него, какъ только она вспоминала, что отецъ игралъ „злодѣевъ“. Въ ея память врѣзался одинъ вечеръ, когда она, въ первый разъ, увидала его въ старинной драмѣ: „Тереза—Женевская сирота“. Страшно испугалась она отца, игравшаго роль убійцы, среди театральной бури, съ кинжаломъ въ рукахъ.

Кроткіе, темно-голубые глаза Гаврила Иваныча смѣшливо посмотрѣли на нее.

— А вѣдь и то, Любочка, — протянулъ онъ, — сдѣлайко ты такой сюрпризъ мамашѣ! Это ее какъ водой окатитъ.

— Вы, папенька, безъ меня не очень соскучитесь? Я бы только до Покрова...

— Да ты куда же это? Въ деревню погостить, что ли, приглашаютъ?

Смѣлѣе, чѣмъ сама думала, Любочка выговорила:

— Отпустите меня за ранеными походить.

Гаврило Иванычъ нѣсколько удивленно оглядѣлъ ее.

— За ранеными?—переспросилъ онъ.

— Въ Сербіи дерутся. Русскихъ сколько поѣдетъ... И санитарные отряды... Вотъ и я поступила бы.

— Да ты это *такъ*, для обузданія нашей Раисы Минишны, или по сердечному желанію?

Такого вопроса Любочка и не ожидала отъ отца.

— Я лгать не хочу,—выговорила она тихимъ и твердымъ голосомъ,—и меня туда потянуло.

На глазахъ старика показались слезы. Но онъ не расплакался. Улыбка опять прояснила его лицо. Онъ дотронулся рукой до плеча Любочки и шутливо проговорилъ:

— Мы съ тобой, Люба, такой уговоръ сдѣлаемъ: коли на то твое желаніе есть, страдальцамъ послужить — ты матери не говори, что ѣдешь до Покрова, на срокъ; а объяви ты ей сразу: прощайте, молъ, маменька — иду въ сестры милосердія, только вы меня и видѣли!.. Вотъ она и восчувствуетъ, какъ ей жить слѣдуетъ... И насчетъ

жалованья обомнется, да и въ себя войдетъ, пустяковину-то эту выбьетъ изъ головы.

Онъ началъ смѣяться отрывистымъ, слабымъ смѣхомъ. Любочкѣ стало жаль старика, совѣстно за себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко и почти весело.

— Дай-ко еще стаканчикъ, — попросилъ Гаврило Иванычъ, и потеръ себѣ руки; это онъ дѣлалъ въ минуты особаго удовольствія.

## XVII.

— Что же меня-то не подождали?—раздался изъ прихожей удушливый голосъ Прасковьи Егоровны.

И отецъ, и дочь обернулись. Каждый усмѣхнулся по-своему.

— Ты вѣдь на цѣлый день собиралась? — замѣтилъ Гаврило Иванычъ.

— Мало ли я что говорила! Пусти, Люба, на диванъ! Смерть моя!

Грузно усѣлась Прасковья Егоровна, не снимая шляпки, ни старомодной какой-то мантильи съ двумя воротниками. Она пріодѣлась для дѣлового визита въ самое парадное свое лиловое платье, изъ выцвѣтшаго „глясѐ“.

— Устала ты, мама? — спросила Любочка, принимаясь опять хлопотать около самовара.

— Поневолѣ устанешь! Изволь на своихъ на двоихъ къ нему отпонтировать. Да еще два раза дома не застала. У Палтусовыхъ закусила, обѣдать-то не угодила къ нимъ. Нѣтъ, думаю, ужъ не отвертишься ты отъ меня... И въ третій разъ, около вечера,—онъ обѣдаетъ, видите ли, въ пятомъ часу. „Долго ли, молъ, спрашиваю, вы водить меня будете? То я вамъ нужна, то я вамъ не нужна. Позвольте полюбопытствовать: какъ же мнѣ это понимать прикажете?“ А онъ—въ халатѣ вышелъ, да еще не застегнулся хорошенько—мямлитъ и гнуситъ:—„Коли хотите, говоритъ, знать, такъ вы мнѣ и нужны, и не нужны. На вторыхъ старухъ, пожалуй“... — „Чѣмъ же я не первая?“ спрашиваю, а внутри у меня такъ и кипитъ.—„Да у васъ голоса нѣтъ“.—„Какъ голоса нѣтъ?“—„Нынче, говоритъ, и оперетныя старухи нужны, чтобъ пѣть могли“.

— Что̀ я тебѣ говорилъ?—вставилъ Гаврило Иванычъ.

— Что̀ ты мнѣ говорилъ? — передразнила Прасковья Егоровна, накинувшись на него.

— А то, что не можешь въ оперетахъ дѣйствовать. Хотя бы и безъ пѣнія. Манеры у тебя нѣтъ опереточной.

— Ладно!

Прасковья Егоровна круто повернулась спиной къ мужу и махнула рукой.

— Такъ вотъ, Люба,—продолжала она, принимая чашку изъ рукъ дочери, — какой пріятный разговорецъ вышелъ.—„Однако, говорю, какія же ваши условія, на вторыхъ, хоть бы, старухъ?“ Какъ бы ты думала, что̀ онъ отмочилъ?

— Предвидѣть не трудно,—вслухъ, словно про себя, вымолвилъ Гаврило Иванычъ.

— Съ тобой говорятъ?—Тридцать рубликовъ въ мѣсяцъ и три четвертныхъ бенефиса!

— Не плохой ангажементъ.

Тутъ Прасковья Егоровна не выдержала и вскочила. Вышло бы что-нибудь очень бурное, еслибъ Любочка не остановила ее словами:

— Мама, ты послушай, что̀ я тебѣ скажу... Можетъ, ты иначе разсудишь.

Она остановилась. Лицо приняло такое выраженіе, что Прасковья Егоровна тотчасъ же струхнула.

— Что̀ еще?—тревожно спросила она.

— Ты меня силой удерживать не станешь — я знаю. Папа слышалъ мое желаніе... Я хочу поступить въ сестры.

— Какъ въ сестры?

— Ходить за русскими добровольцами, которые въ Сербіи драться будутъ.

— Ты это въ-сурьезъ?

— Я не шучу.

Вышла пауза. Любочкѣ стало жаль и матери. Она точно комедію съ ней играетъ. Да и *не такъ* собиралась она все это уладить. Выходило какъ-то странно, дурашливо, ничуть не серьезно. Но „уговоръ“ съ отцомъ слѣдовало выдержать.

— А мнѣ—какъ знаешь!—выговорила Прасковья Егоровна.

Всякая неожиданность ей нравилась. Она сѣла опять на диванъ, сняла шляпку, подбоченилась, хотѣла-было заплакать и вдругъ что̀-то вспомнила и повеселѣла.

— Ты у насъ — старшая, ума у тебя больше нашего. Хочется тебѣ — иди! И прекрасно. Въ крымскую-то кам-

панію кто бишь это изъ актрисъ петербургскихъ въ сестры милосердія поступилъ?—кивнула Прасковья Егоровна головой мужу:—„Ты, молъ, все помнишь“.

Тотъ нарочно молчалъ, хоть и вспомнилъ, кто именно.

— Была, была одна! И въ Севастополѣ... никакъ медаль, а то и крестъ получила: я портретъ видѣла,—продолжала, одушевляясь, Прасковья Егоровна.—Вотъ и я съ тобой поѣду, Люба! Да и какъ еще отлично будетъ! Вдвоемъ все увидимъ, въ одномъ лазаретѣ служить будемъ. Мило: мать съ дочерью! Чудесно!

— Что ты, матушка! — почти испуганно окликнулъ ее Гаврило Иванычъ.

Ихъ „уговоръ“ съ Любочкой вдругъ рухнулъ.

— А ты думалъ, я съ тобой буду возиться? Какъ бы не такъ! Еще при дочери ты все не такъ блажишь, а съ однимъ-то съ тобой остаться... Упаси меня Господи!

И Прасковья Егоровна полусердито-полусмѣшливо замахала рукой.

— Ты не вынесешь, мама! — строже и суше замѣтила Любочка.

— Я-то? А что мнѣ дѣлается? Жиръ поспадетъ: все на ходу буду... Только здоровья прибавится... Дай-ка, Люба, чайку покрѣпче.

И глаза ея заиграли. Воображеніе уже стало рисовать ей картинки одна другой „интереснѣе“. Она уже видѣла свой портретъ, въ какомъ-нибудь иллюстрированномъ листкѣ, сестрой милосердія, въ бѣломъ чепцѣ, въ платьѣ съ пелеринкой и съ медалью на груди.

— Да вѣдь Люба только до Покрова собирается, пойми ты это!—проговорился Гаврило Иванычъ.

— И отлично! Какъ разъ къ этому времени я и ангажементъ возьму. Черезъ Москву вѣдь поѣдемъ. Я тамъ ходы знаю... Сейчасъ — въ артистическій кружокъ... Все равно, что прежде Барсовъ трактиръ былъ. Здѣсь сидя, ничего не добьешься. Дай-ка еще чашечку, Люба.

Она пила чашку за чашкой и уже вслухъ начала мечтать о томъ, какое славное будетъ ихъ житье, поддразнивая, мимоходомъ, мужа и безпрестанно обращаясь къ дочери.

Любочка долго крѣпилась и не выдержала. Она встала съ своего мѣста у самовара, прошлась по комнатѣ взадъ и впередъ и, приблизившись къ матери, со слезами въ голосѣ выговорила:

— Полно, мама, мы пошутили съ тобой... Гдѣ же мнѣ ѣхать! Да и ты напрасно такой себя выставляешь передъ отцомъ: тебѣ его жаль не меньше, чѣмъ мнѣ...

Больше она ничего не сказала и почти выбѣжала изъ дверей. Она прошла въ свой „чуланчикъ", крошечную комнатку, гдѣ помѣщался только одинъ столъ съ книгами, да шкапъ съ платьемъ. Слезы ее душили.

„Что же это такое?—съ горечью спрашивала она себя,—комедія какая-то! Къ чему я только говорила?!"

Но передъ ней тотчасъ же всплылъ упрекъ: а зачѣмъ же ты хочешь, чтобъ мать оставалась съ отцомъ? Лучше ты сама останься!

Остаться! А Вася уйдетъ. Быть-можетъ, онъ ужъ собрался въ дорогу. Кто его знаетъ? Сердце застучало въ груди часто, часто. Темно, и жарко, и душно было ей въ своемъ чуланчикѣ. Гнало на воздухъ. Въ головѣ все путалось, а страхъ, что Вася уѣдетъ, не простившись, все сильнѣе охватывалъ ее. Любочка присѣла-было къ столу, достала листъ бумаги, начала писать. Потомъ разорвала написанное, надѣла шляпку и лѣтнее пальто и, не заходя къ отцу съ матерью, выбѣжала на улицу.

Ей нужно было видѣть Васю. Посылать нѣкого. Кухарка перевретъ улицу. Нужды нѣтъ, что онъ—молодой человѣкъ, въ домѣ — хозяйка съ дочерью. Вася для нея — братъ. „Братъ" — повторила она про себя, и что-то совсѣмъ ею неиспытанное подступило ей къ сердцу и разлилось по щекамъ яркой краской...

Семь часовъ. Скоро будетъ смеркаться. Ходьбы добрые полчаса. Она пустилась чуть не бѣгомъ, и чѣмъ дальше она шла, тѣмъ невыносимѣе становился ея страхъ: ну, какъ онъ уѣхалъ, не простившись съ ней?

## XVIII.

На скамейкѣ, въ густо разросшемся малинникѣ, сидѣлъ Банарцевъ съ зятемъ своей домовой хозяйки, Дмитріемъ Богданычемъ Медіоланскимъ.

Дмитрій Богданычъ давно уже водилъ съ нимъ пріятельство. Они сразу сошлись. Вкусы и наклонности у нихъ были схожіе. Медіоланскій, родомъ изъ духовнаго званія, сначала служилъ канцеляристомъ въ казенной палатѣ, а потомъ удалось ему получить мѣстечко въ частной конторѣ. Женатъ онъ былъ больше пяти лѣтъ; но приданаго никакого не взялъ за женой, кромѣ надежды

на домикъ съ флигелькомъ, послѣ тещи. И вмѣсто того, чтобы превратиться въ „служащаго“, т.-е., придя со службы, спать, пить водку и играть въ карты, Дмитрій Богданычъ пристращался все больше къ чтенію, да къ живописи. Почти самоучкой дошелъ онъ до письма иконъ, а отъ иконъ перешелъ и къ „свѣтскимъ“ сюжетамъ. Мечтой его было — поучиться въ Москвѣ или въ Петербургѣ у настоящихъ „академиковъ“. Вообще, объ ученіи въ академіяхъ и университетахъ онъ говорилъ и думалъ, какъ о недосягаемомъ благѣ. Въ теченіе всего послѣдняго года, онъ велъ съ Банарцевымъ длинные разговоры о томъ, какъ Василій Семенычъ „сподобится“, наконецъ, поступить въ университетъ. Ему почему-то вѣрилось, что послѣ того осуществится и его мечта: выбраться изъ Z и сбросить съ себя „всю свою приказную кожу“. Дома его стремленіямъ никто не сочувствовалъ: ни теща, ни жена. Онъ съ ними перебрасывался словами только о домашнихъ дѣлахъ, да о службѣ, а душу отводилъ исключительно съ постояльцемъ.

Въ послѣобѣденномъ тепломъ свѣтѣ, широкое лицо Медіоланскаго, съ большой бѣлокурой бородой и волнистыми длинными волосами, смотрѣло добродушно и слегка задумчиво. Онъ покуривалъ и поглядывалъ на Банарцева. Дешевый бухарскій халатъ прикрывалъ всю его плотную фигуру.

— Если-бъ нынѣ, — выговаривалъ онъ мягко и прищуривая глаза,—мнѣ съ костей годковъ съ десять, какъ бы я съ вами удралъ въ Питеръ! Что я могу теперича безъ натурщиковъ, безъ образцовъ, безъ руководства? Народъ-то видишь и здѣсь: мужиковъ, бабъ... И ландшафтъ захотѣлъ—ступай на рѣку или въ лѣсъ заберись. И коровъ вдоволь...

Онъ разсмѣялся. Блеснули его большіе зубы и глаза заискрились.

— А все жанру не выйдетъ. Видѣлъ я, намедни, снимокъ съ „Масленицы“. Извѣстна вамъ эта картина, Василій Семенычъ?

Банарцевъ слушалъ его разсѣянно.

— Что?—откликнулся онъ.

— „Масленицу“ — картину, видѣли? Адмиралтейскую тамъ, что ли, площадь представляетъ...

— Видѣлъ, кажется, въ Иллюстраціи.

— Ну вотъ; чего бы, кажется, проще? И у насъ гулянья

бываютъ: на плацпарадномъ мѣстѣ, въ полѣ, около лагерей, зимой—на рѣкѣ, и горы, и качели, и кабаковъ что, и комедія... Тѣ же мужики, солдаты, бабы... А поди схвати. Какъ бы не такъ!

Крупныя его губы скосились въ сторону, и онъ сплюнулъ.

— Это точно,—почти машинально отвѣтилъ Банарцевъ.

Голова его работала теперь не надъ тѣмъ, что говорилъ Дмитрій Богданычъ. Ему становилось даже не совсѣмъ ловко оставаться наединѣ съ Медіоланскимъ. То, что было имъ рѣшено на-дняхъ, о чемъ онъ все пламеннѣе мечталъ, всего этого почему-то онъ не сообщалъ пріятелю. Не то, чтобъ онъ хотѣлъ скрытничать съ нимъ, а точно боялся не найти въ немъ настоящаго отклика.

— Дмитрій Богданычъ! — спросилъ онъ другимъ тономъ,—вы Чалаго знаете?

— Видалъ... Это тотъ, прохоровскій мировой?

— Онъ теперь ужъ предводитель.

— Видалъ, видалъ,—повторилъ съ усмѣшкой Медіоланскій.—Бравый дворянинъ. Изъ себя—хватъ!

— И говорили съ нимъ?

— Не приводилось.

— Какъ бы вы думали—въ добровольцы идетъ!

— Ишь ты! Что жъ? Онъ человѣкъ со средствами. Фантазію свою исполнять воленъ.

— Тутъ не фантазія,—перебилъ Банарцевъ,—за правое дѣло идетъ.

Онъ немного отвернулся вбокъ. Медіоланскому не видать было его лица.

— Дѣло правое,—повторилъ Дмитрій Богданычъ.—Кто говоритъ! Опять же и начальство вездѣ благоволеніе оказываетъ. Такое время... Вы знаете, Василій Семенычъ; я вѣдь горячей натуры человѣкъ... И у меня руки зачесались, какъ я въ вѣдомостяхъ про всѣ эти звѣрства болгарскія прочелъ! Однако, вотъ, въ добровольцы не пошелъ.

— Вы женатый человѣкъ.

— Экая важность! А Чалый-то? У него, никакъ, и дѣтокъ малая толика. Меня это бы не удержало. Есть одно чадо... кромѣ крика отъ него до сихъ поръ никакого проку нѣтъ. Ну, пускай мать и нянчится. У сожительницы моей кусокъ хлѣба есть, одна у маменьки наслѣдница. А вотъ какъ надо говорить: у каждаго человѣка свое кровное дѣло, ему онъ и долженъ предаваться...

Если у меня завѣтное есть что̀ на душѣ,—извѣстно, не утроба своя или мошна—зачѣмъ я буду сворачивать въ сторону?

— А турки бы къ намъ сюда пожаловали, небось, взяли бы ружье?

— Это совсѣмъ другой оборотъ, Василій Семенычъ.

Справа, изъ-за куста малины, показалась голова Степы.

— Ты зачѣмъ туда залѣзъ? — крикнулъ ему старшій братъ.

— Пущай его,—остановилъ Дмитрій Богданычъ,—нынче страсть сколько ягоды... Мои-то чиновницы—онъ насмѣшливо кивнулъ головой—и безъ того объѣдаются. Ну, вотъ, я продолжаю нашъ разговоръ насчетъ хоть бы этой Сербіи. Взять теперь васъ со Степой. И вамъ дорòга, шутка сказать, въ ученое званіе, да и ему черезъ васъ однихъ можно въ люди попасть. И вотъ бы вы взяли вдругъ да къ генералу Черняеву въ ординарцы... Да еще въ ординарцы-то не примутъ; а не угодно ли ранецъ взвалить и простой пѣхтурой отправляться!

Медіоланскій добродушно разсмѣялся и запахнулъ полу халата. Банарцевъ собрался что-то отвѣчать. На дворѣ залаяла цѣпная собака. Степа побѣжалъ къ калиткѣ.

— Это кого Господь посылаетъ?—сказалъ Медіоланскій, приподнимаясь.—Трезорка нашъ, окромя совсѣмъ чужихъ, ни на кого не лаетъ... лѣнивъ, бестія!

Они оба поглядѣли на калитку. Банарцевъ выговорилъ только:

— Дайте срокъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Прибѣжалъ Степа и впопыхахъ крикнулъ:

— Служки пришли изъ монастыря.

— Къ кому?—окликнулъ Медіоланскій.

— Васъ, братецъ, спрашиваютъ.

Степу никакъ нельзя было отучить отъ мѣстоименія „вы“ въ разговорахъ его со старшимъ братомъ.

— Меня? — переспросилъ Банарцевъ, немного смутившись.

— Сюда позвать?

— Зови, зови!—весело подсказалъ Дмитрій Богданычъ:— Что за оказія такая... Ужъ не меня ли родственнички какіе подыскиваютъ? Пріятно будетъ познакомиться.

— Пожалуйте!—крикнулъ Степа въ калитку.

Черезъ порогъ переступили Серафимъ и Паисій.

Банарцевъ взглянулъ тревожно на пріятеля и выговорилъ:

— Это ко мнѣ. На охоту я съ ними ѣздилъ за рѣку...

Но онъ не прибавилъ—о чемъ его просили оба послушника.

## XIX.

Они приблизились гуськомъ, снявши свои шапки. Медіоланскій посматривалъ на нихъ съ улыбочкой—„что-то, молъ, изъ этого спектакля будетъ?“ Онъ, по натурѣ своей, любилъ въ необидной формѣ „пройтись“ насчетъ „долгогривой породы“, нимало не скрывая того, что и самъ изъ нея вышелъ.

— Здравствуйте, братцы!—привѣтствовалъ ихъ Банарцевъ. — Спасибо, что не забыли меня. Не хотите ли ко мнѣ въ комнату?

Впередъ выступилъ Серафимъ. Глаза его смотрѣли возбужденно. Лицо лоснилось. Отъ него пахнуло спиртнымъ духомъ, который долетѣлъ и до Дмитрія Богданыча. Тотъ усмѣхнулся уже посильнѣе.

— Не извольте безпокоиться, — выговорилъ Серафимъ, придерживая руку около рта,—мы и здѣсь постоимъ. На пару словъ... Очень ужъ мы съ Паисіемъ возгорѣлись: съ того самаго вашего вдохновительнаго поученія, и спимъ, и видимъ. Къ отцу-настоятелю собрались бить челомъ, да я говорю: допрежь всего надо къ душевному человѣку, Василію Семенычу Банарцеву. У хромого Ефима добыли ваше мѣстожительство, и вотъ теперь, лично отъявившись, молимъ васъ: не откажите намъ въ предстательствѣ!

— Въ угодника вы, Василій Семенычъ, попали!—вставилъ Медіоланскій, подступая поближе къ послушникамъ:— предстательства вашего просятъ, точно вы къ лику сопричислены.

Послушники довольно громко разсмѣялись. Банарцевъ замѣтилъ тутъ, что и Паисій, глуповато выглядывавшій изъ-за рослой фигуры товарища, тоже былъ подъ хмелькомъ.

Это его окончательно сконфузило. А Медіоланскій, не замѣчая еще его смущенія, попросту спросилъ послѣ маленькой паузы:

— Да вы это куда же ихъ опредѣлять сбираетесь, Василій Семенычъ?

— Въ добровольное ополченіе... На Дунай-рѣку желаемъ!—рѣзнулъ своимъ сиплымъ басомъ Серафимъ.

— Вотъ оно что-о!—оттянулъ Медіоланскій и еще больше повеселѣлъ.

— Такъ точно,—пустилъ и Паисій, выставивъ пухлое лицо изъ-за плеча Серафима.

— Въ добровольцы идутъ?—обратился Медіоланскій къ Банарцеву.

— Да, оба, — отвѣтилъ тотъ, уже освободившись отъ своего смущенія. Онъ даже совсѣмъ ободрился и рѣзче прибавилъ: — они бравые будутъ ратники. Ихъ не долго было одушевить, Дмитрій Богданычъ... Мы, быть-можетъ, въ одну дружину попадемъ.

— И вы съ ними?—все еще шутливо вскричалъ Медіоланскій.

— А вы какъ бы думали?

Банарцеву не хотѣлось сводить разговора на серьезный тонъ. Его и безъ того коробило „подпитіе“ обоихъ служекъ.

— Да вы бы лучше дождались простой воинской повинности,—заговорилъ съ ними Медіоланскій,—дѣло не трудное. Вы и безъ того подлежите. А въ Сербію-то найдутся охотники и не изъ монастырской братіи. Особливо ежели подъемныя будутъ выдавать.

— Василій Семенычъ! — подступилъ Серафимъ къ Банарцеву,—мы на васъ, какъ на каменную стѣну.

— Да я, братцы, самъ еще вѣрнаго мало знаю... А въ скоромъ времени извѣщу васъ.

Банарцеву захотѣлось поскорѣе ихъ выпроводить изъ садика, чтобы Дмитрій Богданычъ дольше не балагурилъ.

— Пойдемте ко мнѣ. Я вамъ дамъ почитать номеръ газеты. Новости есть объ Сербіи.

Онъ поспѣшно повелъ ихъ къ калиткѣ. Дмитрій Богданычъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Этотъ приходъ служекъ, ихъ разговоръ, странный тонъ пріятеля, который онъ, наконецъ, замѣтилъ — все это раззадорило его любопытство. Но онъ былъ деликатный человѣкъ. Догонять Банарцева и разспрашивать онъ не захотѣлъ, вернулся на скамейку и сталъ ждать, предполагая, что Банарцевъ, отпустивъ гостей, возвратится.

Такъ оно и вышло. Минутъ черезъ десять, Банарцевъ проводилъ послушниковъ до воротъ и пришелъ въ садъ. Онъ былъ какъ-то особенно возбужденъ, скорыми шагами

подошелъ къ скамейкѣ, гдѣ все еще сидѣлъ Дмитрій Богданычъ, такъ же скоро опустился на нее и потрепалъ пріятеля по плечу.

— Ну, теперь слушайте—я вамъ все разскажу.

И разсказалъ ему *все*, увѣренно, твердо, такимъ тономъ, какого Медіоланскій и не ожидалъ отъ него.

— Какъ же это такъ?—вскричалъ Медіоланскій, когда Банарцевъ кончилъ, вскакивая со скамейки. — Батюшка, Василій Семенычъ, какъ же это? Что вы съ собой дѣлаете? Приравниваете себя къ этимъ жеребцамъ! Да вѣдь они оба пьянчужки. Это, небось, видно! Оба, поди, за дебоширство, да за туполобіе изъ училища выгнаны, а то и за мерзости какія. Вѣдь вы меня спросите, что это за народецъ! И вдругъ вы съ ними хотите въ одну дружину идти!

Дмитрій Богданычъ заходилъ по маленькой площадкѣ въ сильномъ волненіи. Полы его бухарскаго халата распахнулись; онъ началъ щипать бороду то одной, то другой рукой.

— Никакой нѣтъ разницы между мной и им[illegible]—горячо возразилъ Банарцевъ и тоже поднялся со скамейки.—Не велика важность, что они нынче выпили. Да ежели и правда, что оба съ изъяномъ, лучше же имъ за правое дѣло голову сложить, чѣмъ тунеядствовать!..

— Ну, и пущай ихъ! — крикнулъ Медіоланскій. — Да вамъ-то не ко двору—вотъ о чемъ разговоръ идетъ, Василій Семенычъ! Господи! Точно у насъ молодыхъ людей, золотыя медали получающихъ, куры не клюютъ?! Отчего же, позвольте спросить, въ губерніи нашей такая пустяковина идетъ: все вразбродъ, все только хапаетъ мѣста да куши, и все-то пустой, полуграмотный народъ? Отчего это? Оттого, что молодежи нѣтъ хорошей. Надежды наши на юность и на перваго на васъ, Василій Семенычъ. Я землякъ вашъ, горжусь вами; мнѣ извѣстны всѣ ваши труды, старанія и усилія. И передъ самымъ-то переходомъ въ высшую науку, вы вдругъ, точно вамъ дѣваться некуда, къ Черняеву-генералу бѣжать захотѣли! Ну, Сербія, Сербія! Знаю, что ихъ братьями зовутъ нынче въ газетахъ. Да вѣдь не сербовъ рѣзали-то, а болгаръ. Это первое дѣло; а второе дѣло: у насъ достойнѣйшіе молодые люди будутъ выходить изъ гимназіи, а мы ихъ прямо подъ пулю! Что они намъ, сербы-то, за васъ выдадутъ,

коли, чего Боже сохрани, вы на полѣ чести ляжете? Позвольте освѣдомиться?

Онъ остановился и перевелъ духъ. Все лицо его было въ поту.

— Извините,—продолжалъ онъ, — я вѣдь по-пріятельству — у васъ разумъ свой; но скорбѣть я не перестану, ежели дѣйствительно вы на своемъ настоите. Пускай другіе въ умиленіе приходятъ, пускай подвигомъ считаютъ— я не могу такъ смотрѣть на ваше увлеченіе. Слишкомъ я вашими душевными помыслами жилъ до сей поры!

Въ голосѣ его заслышались слезы. Онъ даже отворотился. Банарцевъ ничего не возражалъ ему и стоялъ съ понурой головой. Но никогда еще его „рѣшеніе“ не было для него такъ дорого, какъ въ эту минуту. Не доводы Дмитрія Богданыча заставили его понурить голову: они скользили по немъ. Онъ задумался надъ тѣмъ, какъ одинъ прямой и беззавѣтный шагъ сейчасъ же даетъ и силу, и спокойствіе, и какую-то нечувствительность.

— Братецъ!—донесся изъ калитки голосокъ Степы.

Оба обернулись.

— Братецъ! подите сюда.

Степа позвалъ его рукой къ калиткѣ.

— Пришла Любовь Гавриловна, — шепталъ Степа на ухо старшему брату, — имъ нужно васъ видѣть... такъ сюда, что̀ ли, позвать ихъ, или въ комнаты?

Приходъ Любочки очень удивилъ Банарцева. Въ комнаты ему не захотѣлось просить ее. „Эти чиновницы, — подумалъ онъ про хозяекъ,—сплетничать примутся... Еще Богъ знаетъ, чего наплетутъ“. Онъ остановился въ недоумѣніи. Медіоланскій точно понялъ и, подойдя къ нему, ласково и тихо выговорилъ:

— А мнѣ и удалиться пора. Утро вечера мудренѣе, Василій Семенычъ; авось и въ васъ все уляжется.

Банарцевъ и на это ничего не сказалъ, но пожалъ ему руку по-пріятельски.

Пріотворивъ калитку, Медіоланскій увидѣлъ на крыльцѣ флигелька женскую фигуру.

— Къ вамъ? — подмигнулъ онъ Банарцеву и добавилъ серьезнѣе, — вамъ, что̀ же, въ комнатахъ-то, сюда пригласите гостью... Да никакъ это Могучева, Любовь Гавриловна?

— Она,—строго отвѣтилъ Банарцевъ.

Совсѣмъ запахнулся въ халатъ Дмитрій Богданычъ и

проскользнулъ въ калитку, стараясь пройти дворомъ такъ, чтобы гостья не замѣтила его въ домашнемъ уборѣ.

## XX.

Банарцевъ подошелъ къ крыльцу и окликнулъ Любочку. Она глядѣла въ другую сторону.

— Не ожидали?—торопливо и тревожно спросила она.

Въ голосѣ онъ заслышалъ новыя какія-то ноты и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Пойдемте въ садъ. У насъ въ комнатахъ душно очень.

— Хорошо,—кротко отвѣтила она.—Туда, въ калитку? Я вѣдь у васъ въ первый разъ.

Ей хотѣлось поскорѣе остаться съ нимъ вдвоемъ. Ему также, но по другой причинѣ. Справа, изъ окна хозяйской кухни, уже глядѣли на нихъ хозяйка съ дочерью.

Поспѣшно прошли они до калитки и все молча. На дорожкѣ, Банарцевъ остановилъ Любочку за руку и спросилъ:

— У васъ всѣ здоровы?

— Здоровы, — коротко отвѣтила она и, дойдя до скамейки, сѣла. — Вася,— выговорила она съ дрожью въ голосѣ,—я васъ ждала сегодня.

— Уроки у Пшенисновыхъ я прекратилъ.

— Я не знала, но это—не то. Присядьте, дайте мнѣ собраться съ мыслями... Теперь я готова идти, но вотъ что̀...

Она путалась въ словахъ, вынула платокъ, опахнулась имъ и вдругъ пришла въ себя, начала говорить складно, безъ торопливости. Не скрыла она отъ него, какъ съ той встрѣчи, когда онъ высказалъ ей свое душевное желаніе бросить все и идти въ добровольцы, она больше недѣли работала надъ этимъ же „вопросомъ“ всѣми своими чувствами и помыслами, какъ она, наконецъ, рѣшилась идти въ „сестры“ и думала, что все обойдется прекрасно. И вотъ сейчасъ она увидала, что все обращается въ какую-то комедію. Мать она не можетъ заставить насильно остаться при отцѣ, а образумиться та не хочетъ. Отецъ— безпомощенъ, жалокъ, совсѣмъ на ея рукахъ. Но она оставила бы его только на два, на три мѣсяца. Съ кѣмъ? Какъ? Она не знаетъ и прибѣжала просить совѣта у своего друга и товарища.

— Вася!— кончила Любочка свое долгое изліяніе,— вы

только одинъ меня и поддержите; я знаю... Мы вѣдь вмѣстѣ идемъ, на одно дѣло.

По мѣрѣ того, какъ говорила Любочка, въ Банарцевѣ поднималось совсѣмъ не то, чего ждала она. Сразу, какъ только она объявила, что хочетъ идти „въ сестры", онъ, не дожидаясь ея дальнѣйшихъ сообщеній, сказалъ про себя, рѣзко и убѣжденно: „Развѣ ей можно? Это — безуміе!"

И чѣмъ дальше она шла, тѣмъ больше у него возникало на душѣ возраженій, опроверженій, возгласовъ. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ прервать ее и насилу сдерживался.

И вотъ она сидитъ теперь передъ нимъ на скамейкѣ, и ея добрые, горячіе, умные глаза смотрятъ тревожно и вопросительно. Вся она замерла и ждетъ отъ него слова. Онъ — мужчина. Она идетъ по его пути. Въ немъ она нашла толчокъ къ такому точно рѣшенію...

— Да вы взаправду?—спросилъ онъ ее совершенно такъ, какъ она его спрашивала десять дней назадъ, въ саду, у пруда.

— А то какъ же, Вася? Вы видите.

— Этого вамъ нельзя дѣлать!—выговорилъ онъ, нахмуривъ брови, и отошелъ отъ нея къ кусту малины.

— Нельзя? Почему?

У него въ запасѣ была тысяча доводовъ. Онъ и сталъ ихъ выкладывать по одиночкѣ. Ему пришлось сейчасъ же ее стыдить: какъ это она, и умница, и честная, и самоотверженная, вдругъ такъ легкомысленно бросаетъ безногаго отца, который безъ нея совсѣмъ сгинетъ? Развѣ она можетъ поручиться за то, что ее гдѣ-нибудь не ранятъ на полѣ сраженія? Какъ было этого не предвидѣть? И говоря такъ, Банарцевъ чувствовалъ, что онъ не увлекается какой-нибудь чувствительностью. Онъ на Гаврилу Иваныча всегда смотрѣлъ, какъ на актера-чудака, ничего не знающаго, кромѣ своего актерства. Но все-таки Гаврила Иванычъ свой вѣкъ провелъ въ работѣ, хоть и на театрѣ, добывалъ честно кусокъ хлѣба, копить было не изъ чего; стряслась надъ нимъ бѣда, и, кромѣ дочери, нѣтъ у него ни души, кто бы спасъ его отъ богадѣльни, да и въ богадѣльню-то, пожалуй, не примутъ. Прасковья Егоровна и сама-то себя не прокормитъ — Любочка это прекрасно знаетъ.

Долго, гораздо дольше ея, говорилъ онъ, стоя передъ нею. Голосъ его звучалъ все строже и строже.

— Вася! — прервала его Любочка, — за что же вы на меня такъ напали?.. Разумѣется, я рискую и, быть-можетъ, не вернусь... Да и оставаться я не могу. Я хочу быть тамъ, гдѣ и вы будете!..

Она не договорила, опустила голову и сильно зардѣлась.

— Гдѣ *я* буду?—повторилъ Банарцевъ и смолкъ.

„Такъ, значитъ, для меня она идетъ?“ — пронеслось у него въ головѣ, и имъ тотчасъ же овладѣлъ ужасный стыдъ. Ему стало невыносимо неловко, досадно, больно. Онъ въ первый разъ почувствовалъ, что для Любочки онъ—не простой товарищъ, гимназистъ Вася, а что-то другое.

— Вотъ видите! — закричалъ онъ, пододвинувшись къ скамейкѣ,—вотъ видите: у васъ нѣтъ, стало-быть, настоящаго влеченія. Не самое дѣло притягиваетъ васъ... Если бъ оно такъ было, вы бы давно уже стремились, Любочка... *Я* тутъ замѣшанъ, — продолжалъ онъ глуше и порывистѣе, — моя, можно сказать, неприкосновенность... вѣдь такъ? Вамъ меня жалко стало... Убьютъ, думаете! Жалче стало, чѣмъ отца убогаго... я этого не хочу! Простите мнѣ такую грубость, а я не хочу этого, Любочка! Будь у васъ прямое влеченіе, безъ удержу, всей душой — и тогда бы я вамъ сказалъ: нельзя, есть у васъ и здѣсь свой крестъ! А теперь я и подавно говорю вамъ: этакъ не годится! Вы меня этимъ оскорбите... Какое—оскорбите? Огадите мнѣ самому мое душевное дѣло!..

Любочка тяжело дышала. Слезы давно текли по ея щекамъ.

— Не останусь я здѣсь, Вася, не останусь! — шептала она, сдерживая рыданія.

— А если бъ я не пошелъ—остались бы?—рѣзко спросилъ онъ.

— Вы своего рѣшенія не перемѣните, да я и не хочу этого! Слышите, Вася, не хочу! Да и почемъ вы знаете, что я не могу сочувствовать... идеѣ?—съ трудомъ пашла она слово.

— Идеѣ, говорите вы?—перебилъ Банарцевъ и сдѣлалъ жестъ головой. — Не вѣрится мнѣ, Любочка; воля ваша, не вѣрится... Да если бъ и такъ, найдите сначала такой способъ, чтобъ вамъ дома у себя дурного дѣла не дѣлать. Тогда вотъ и потолкуемъ.

— Я затѣмъ и пришла къ вамъ, Вася...

— Я вамъ тутъ—не совѣтчикъ; ничего я не вижу, никакого способа.

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ. Любочка сдержала слезы и положила платокъ въ карманъ.

— Это—ваше послѣднее слово, Вася? — спросила она, ласково и съ надеждой въ глазахъ поглядѣвъ на него.

— Не первое, не послѣднее... зачѣмъ намъ перекоряться, Любочка! Вѣдь мы не на театрѣ съ вами...

Онъ взялъ ее за руку и наклонилъ къ ней голову. Что-то схватило его за сердце. Этотъ другъ его дѣтства преобразился въ существо, которое было ему гораздо дороже, чѣмъ онъ когда-либо воображалъ.

— Не надо, не надо... изъ-за меня дѣлать дурное дѣло... — проговорилъ онъ теплымъ, вздрагивающимъ голосомъ надъ ея поникшей, милой головой.

— Ахъ, Вася, Вася! Грѣхъ тебѣ такъ говорить!

Она сама не знала, какъ у нея вырвалось это „тебѣ“.

— Все я чувствую, проговорилъ онъ, — Люба, милая моя!.. Тянетъ меня туда: никакая сила, кажется, не удержитъ!

„И меня также“,—подумала она, но ничего не сказала.

Любочка вдругъ поднялась, чего-то точно испугалась, и черезъ двѣ минуты выходила ужъ изъ садовой калитки. Банарцевъ проводилъ ее до воротъ.

## XXI.

Лидія Пшениснова была очень недовольна тѣмъ, что „Василій Семенычъ“ (такъ звали Банарцева во всемъ домѣ) покончилъ свои занятія раньше срока. Онъ пріискалъ, правда, другого учителя, но она настояла у матери—не брать пока никого. Банарцевъ пришелъ къ нимъ въ послѣдній разъ, черезъ два дня послѣ того, какъ къ нему прибѣгала Любочка. Ученицъ своихъ ему не было жалко. Съ ними онъ обошелся, какъ всегда, ласково и съ шуточкой. Лидіи онъ ничего не сказалъ про свое рѣшеніе и на ея вопросъ: „Развѣ вы ужъ собрались въ Петербургъ?“—сухо отвѣтилъ:

— Что жъ мнѣ здѣсь заживаться?

Лидія объявила ему, что она его такъ „не отпуститъ“, что всѣ три сестры уже давно сговорились пригласить его на хуторъ, на цѣлый день.

— Мы будемъ надзирателями за дѣтьми, — добавила Лидія съ своей полунебрежной, полуигривой усмѣшкой.—

Маму мы оставимъ здѣсь; она вручитъ мнѣ свою родительскую власть.

Замѣтивъ въ Банарцевѣ желаніе отнѣкиваться, она вскричала:

— Вы не можете намъ отказать! Въ прошломъ году, я васъ звала на мои именины, и вы не изволили пожаловать, сказались больнымъ. Это было бы изъ рукъ вонъ нелюбезно, Василій Семенычъ.

Банарцевъ молча поклонился, въ знакъ согласія.

— Неужели же, Василій Семенычъ, — сказала, помолчавъ, Лидія, опуская рѣсницы и держа его за руку,—вы, послѣ двухъ лѣтъ знакомства, такъ съ нами и не проститесь хорошенько? Или вы на меня очень ужъ разсердились?

— Разсердился?—переспросилъ Банарцевъ.

— Должно-быть...

Онъ далъ ей слово явиться въ назначенный день и пришелъ раннимъ послѣобѣдомъ. На хуторѣ дѣвицы собирались угощать его чаемъ и всякой молочной ѣдой. Поѣхали туда въ дрогахъ на тройкѣ. Мать оставили въ городѣ. Взяли съ собою только одну горничную, большую искусницу въ дѣлѣ исканія грибовъ, и нѣсколько кулечковъ и жестянокъ съ печеньемъ и всякой холодной провизіей. Муза вся исхлопоталась. Юленька была рада и тому, что уроки кончились раньше, а еще сильнѣе тому, что можно будетъ лишній разъ перегладить и перецѣловать всѣхъ коровъ, тёлокъ и телятъ скотнаго двора. Въ особомъ холщевомъ мѣшечкѣ везла она корокъ чернаго и бѣлаго хлѣба. Всѣ три сестры одѣлись совсѣмъ по лѣтнему, въ кисейныя платья, съ открытой шеей и короткими рукавами, и прикрыли головы соломенными шляпами съ широкими полями. Много было смѣху дорогой, когда проѣзжали небольшимъ лѣскомъ, гдѣ въ одной рытвинѣ чуть-было не выбросило меньшихъ двухъ сестеръ, сидѣвшихъ по одну сторону дрогъ. Лидія посадила Банарцева рядомъ съ собой на другой сторонѣ, а горничная Гликерія, рябоватая, плотная особа, въ фуляровомъ платкѣ на головѣ, помѣстилась на заднемъ сидѣньѣ, лицомъ къ дорогѣ.

Отъ хутора до города считалось всего четыре версты. Чай пить рѣшили въ шестомъ часу, а тотчасъ по пріѣздѣ, осмотрѣвши разныя угодья: скотный дворъ, птичникъ, конюшни, огородъ, фруктовый садъ, грунтовый сарай,

вѣялку и молотилку, отправились вразсыпную за грибами, вдоль лощины, по красивымъ крутымъ пригоркамъ, покрытымъ молодымъ чернымъ лѣскомъ: дубнякомъ, орѣшникомъ, осинникомъ, съ бѣлѣвшими тамъ и сямъ стволами березъ.

Мѣстомъ сбора Лидія назначила „Живой Ключъ“ въ концѣ лощины, гдѣ издавна построенъ былъ крытый ходъ къ колодцу холодной и прозрачной воды. Банарцевъ давно не бывалъ тамъ, больше трехъ лѣтъ, но хорошо помнилъ эту мѣстность; онъ хаживалъ по ней съ ружьемъ.

Лидія пошла съ нимъ, пустивъ горничную съ дѣвицами впередъ. Она не особенно любила искать грибы, нагибаться изъ-за каждой сыроѣжки или опёнки. Путь ихъ лежалъ по лѣсной тропкѣ, густо заросшей орѣшникомъ. Банарцевъ пробирался первымъ, отстраняя рукой вѣтви. Лидія перекидывалась съ нимъ словами; разговоръ шелъ тоговато, точно будто одинъ изъ нихъ къ чему-то готовится. А передъ тѣмъ Банарцевъ повеселѣлъ дорогой, слушая смѣхъ Юленьки съ Музой. Насчетъ Лидіи онъ тоже успокоился. Ему было теперь рѣшительно все равно, что бы эта „скитница“ ни говорила, да и онъ постарается не обмолвиться ни единымъ словомъ. И ея разсужденія онъ будетъ пропускать мимо ушей. Погода стояла прекрасная, воздухъ наполненъ былъ пахучей свѣжестью лѣсныхъ травъ; груди его дышалось такъ вольно; впереди—исполненіе завѣтнаго дѣла! Онъ и съ Лидіей готовъ былъ проститься по-дружески, только бы она его не задѣвала.

Грибовъ они не искали, поэтому и пришли раньше къ ключу. Спускаясь съ пригорка отъ опушки, Лидія окликнула Банарцева и попросила его повести ее подъ руку.

Ему впервые приводилось исполнять роль кавалера.

— Вы очень низко держите руку, — весело замѣтила ему Лидія и прикоснулась до его локтя правой рукой.

— Ну, ужъ извините! — немного конфузливо отвѣтилъ онъ.

— Мы ихъ подождемъ у ключа. Мнѣ пить хочется, а вода тамъ славная.

Подъ навѣсомъ колодца стояла скамейка. Къ деревяннымъ периламъ прибита была желѣзная цѣпь съ желѣзнымъ же крашенымъ ковшомъ. Полосы солнечнаго свѣта забрались подъ крышу и легли по дощатому полу крытой площадки вокругъ колодца. Напротивъ зеленѣла лужайка,

вдававшаяся рѣзкимъ клиномъ въ дубовую рощицу. Мѣсто было, въ самомъ дѣлѣ, прелестное. Банарцевъ заглядѣлся, стоя у одного изъ столбовъ навѣса.

„Вотъ бы,—думалось ему,—въ такой ложбинкѣ, подъ вечеръ, какъ хорошо расположиться на ночь сторожевой стоянкой... А *тамъ*, пишутъ, какія есть мѣста... что̀ твоя Швейцарія!“

— Василій Семенычъ! — раздался позади его звучный, низкій голосъ Лидіи.

— Чего изволите?—отвѣтилъ онъ, все еще не отрывая глазъ отъ лужайки.

— Заглядѣлись на наши виды? Кругомъ хутора — все такъ. Мама хочетъ хуторъ мнѣ отдать, когда мнѣ двадцать одинъ годъ минетъ.

Банарцевъ обернулся. Лидія сидѣла на скамьѣ и облокотилась о перила колодца. Шляпу она сняла. Ея густые волосы немного взбились на вискахъ. Весь бюстъ гибко перегнулся въ его сторону. На губахъ лежала усмѣшка, но въ глазахъ замѣтна была сосредоточенность.

— Дайте испить,—продолжала Лидія. Нагнувшись къ колодцу, она поглядѣлась въ высоко-стоявшей водѣ.— Сойдите туда, вамъ удобнѣе будетъ.

Къ водѣ вело нѣсколько ступенекъ. Банарцевъ спустился на вторую и зачерпнулъ воды ковшомъ. Не поднимаясь съ мѣста, онъ подалъ ковшъ Лидіи. Ея полная, бѣлая, точно наливная рука перевѣсилась черезъ перила, и вся она низко нагнулась. Ея дыханіе касалось его лица.

— Ухъ, какая вода!—громко вздохнула Лидія. Напилась она всѣмъ ртомъ, по-деревенски, глубоко уйдя лицомъ въ объемистый ковшъ.

Невольно поглядѣлъ на нее Банарцевъ. Лицо ея и весь тонъ показались ему такими добрыми и простыми, что ему стало совѣстно, зачѣмъ онъ на нее такъ дулся, да и вообще относится къ ней пренебрежительно и злобно.

— Дайте, и я напьюсь! — гораздо веселѣе выговорилъ онъ и также по-крестьянски потянулъ изъ ковша студеную воду.

— Отдохнемте, Василій Семенычъ, — пригласила его Лидія и указала мѣсто рядомъ на скамейкѣ.

— Живая водица! Да и вообще удачный пикникъ,— сказалъ, присаживаясь къ ней, Банарцевъ, такимъ добродушнымъ тономъ, отъ котораго Лидія тотчасъ же вся просіяла.

— Посидите тутъ... поговоримъ, быть-можетъ, вѣдь, въ послѣдній разъ!—вымолвила она съ удареніемъ.

## XXII.

Они сидѣли спиной къ колодцу. Сзади ихъ обдавала пріятная свѣжесть, поднимавшаяся отъ воды.

— Ну, вотъ, вы сегодня не смотрите моимъ врагомъ,— начала Лидія, поглядывая на Банарцева немного вбокъ.— Давно бы такъ.

— Ужъ и врагомъ!—повторилъ онъ смущенно.

— Объ этомъ что толковать, Василій Семенычъ. Кто старое помянетъ, вы знаете... А вы не будете отмалчиваться, если я вамъ предложу нѣсколько вопросовъ?

Она подняла голову и смѣло вскинула на него большими сѣрыми глазами.

— Что жъ я за молчальникъ, — отшучивался Банарцевъ,—кажется, не трудно меня о чемъ угодно допросить.

— Вотъ видите, Василій Семенычъ: я все думала про нашъ послѣдній разговоръ, помните, тогда, послѣ вашего урока, объ Сербіи... Вы меня извините: я, быть-можетъ, очень ужъ рѣзко тогда говорила... А знаете почему?

Глаза Лидіи смотрѣли въ ту минуту въ сторону, но тонъ ея вопроса зазвучалъ искренно.

— Не знаю, — отвѣтилъ Банарцезъ и тоже отвернулъ голову. Онъ сталъ опять вглядываться въ зеленую лужайку.

— Я вамъ скажу откровенно. Мнѣ показалось тогда, будто вы сами ужасно увлечены этой Сербіей и сбираетесь въ добровольцы... право!.. Потомъ я разсудила: этого быть не можетъ. Вы слишкомъ серьёзны и умны, Василій Семенычъ...

— Будто бы?—насмѣшливо окликнулъ Банарцевъ.

— Пожалуйста! Униженіе паче гордости. Вы вѣрите мнѣ теперь... И какъ только я это разсудила, ну, и успокоилась. Въ добровольцы вы не попадете — въ этомъ я убѣждена. Вонъ мнѣ разсказывали третьяго дня, что Чалый, прохоровскій предводитель, воевать собрался. Такъ вѣдь онъ—извѣстный скандалёръ.

Банарцевъ промолчалъ.

— Нѣтъ,—продолжала Лидія, замѣтно одушевляясь,— я васъ не такъ понимала, Василій Семенычъ, совсѣмъ не такъ. Взглядъ у васъ свой на всю эту исторію—спорить

съ вами не буду. Но, что́ вы мнѣ скажете, если я васъ и отъ университета отговаривать начну?

Она остановилась и откинула назадъ голову. Банарцевъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Отъ университета?

— Да-а,—протянула Лидія и таинственно улыбнулась.

— Какимъ бы это манеромъ? — спросилъ Банарцевъ и про себя добавилъ:—„пускай ее: я ей все-таки по душѣ не откроюсь".

— Я не такая умная, какъ вы, Василій Семенычъ, хоть и ровесница ваша; но у меня свой собственный маленькій умишко есть. Вотъ я и начала думать, давно уже, объ вашей судьбѣ. Зачѣмъ вамъ университетъ?.. Ха-ха-ха! Вы не пугайтесь, пожалуйста: еще то ли я скажу?—Ученымъ быть—хорошо, говорятъ... Не знаю. Я никогда ученой не буду: да, признаться, и охоты большой нѣтъ. Но, согласитесь, кто хочетъ много знать — будто тому нужно, непремѣнно, поступать въ студенты и ходить на лекціи, что̀ ли, цѣлыхъ пять лѣтъ или, по крайней мѣрѣ, четыре года?

Вопросы Лидіи заинтересовали Банарцева. Онъ никакъ не ожидалъ *отъ нея* такого разговора.

— Ну-те-съ, ну-те-съ,—поддакнулъ онъ ей учительской нотой.

— Я это къ тому говорю, что, если у васъ, напримѣръ, большая охота книжки читать, — вѣдь въ книжкахъ все можно найти,—зачѣмъ непремѣнно въ университетъ? Мало развѣ я наслушалась рòзсказней отъ студентовъ. У меня два московскіе кузена, Ваня и Володя Большаковы, въ прошломъ году гостили у насъ—васъ здѣсь не было, вы въ уѣздъ на кондицію ѣздили... Какъ честили профессоровъ-то! Почти что всѣхъ. Скука, говорятъ, у нихъ на лекціяхъ смердящая... Ха-ха-ха! Это—ихъ слово... „Только,—говорятъ,—время понапрасну тратишь"... Дома лучше книжки или записки тамъ, что ли, читать, да на экзаменъ идти. А они—дѣльные... Володя-то вторымъ кандидатомъ вышелъ, писалъ недавно намъ.

— Кабы такъ разсуждать, — возразилъ все еще недоумѣвающій Банарцевъ,— такъ никто бы въ университетъ не шелъ.

— Да вотъ и вамъ, Василій Семенычъ, — продолжала Лидія еще искреннѣе,— позвольте помечтать за васъ, какая такая надобность въ студенты записываться? Если бы

вы не въ книжкахъ только жили, — она остановилась и перемѣнила позу,—вы бы могли устроить свою жизнь совсѣмъ по другому...

Банарцеву показалось, что онъ какъ-будто начинаетъ понимать немного Лидію.

— Какъ же это?—спросилъ онъ тономъ простого любопытства.

— Ахъ, Боже мой! Какъ?.. Я не виновата, что вы всегда витаете... тамъ гдѣ-то! Вамъ бы лучше на землю смотрѣть и не отталкивать тѣхъ, кто васъ давно цѣнитъ и отличаетъ...

„Зачѣмъ это она... не нужно!"—подумалъ Банарцевъ и совсѣмъ ушелъ вдаль глазами. Ему становилось неловко. Онъ почти уже все понялъ и радъ былъ прекратить разговоръ, но не зналъ, какъ это сдѣлать.

— Не умѣю,—говорила точно сама съ собою Лидія,— не умѣю я сладко выражаться... Да и не обо мнѣ тутъ рѣчь идетъ, а объ васъ, Василій Семенычъ. Вы вотъ теперь кончили курсъ съ медалью, вамъ скоро двадцать лѣтъ минетъ, можете всякимъ дѣломъ, всякой службой заняться у себя на родинѣ... Васъ Богъ умницей сдѣлалъ, а у другихъ средства есть. Каждая дѣвушка, понимающая людей, будетъ счастлива обезпечить васъ, предоставить вамъ свое состояніе... разъ вы сойдетесь съ ней и назовете своей женой... Вы думаете, такихъ нѣтъ, Василій Семенычъ?— спросила Лидія и очень пристально поглядѣла на него.

— Не знаю-съ, — вымолвилъ онъ, почти нехотя. Ему было жутко.

— Есть; только не надо на нихъ очень свысока смотрѣть... И какая бы славная жизнь устроилась!.. Я буду опять за васъ мечтать—вы позволите?

— Сдѣлайте одолженіе...

— Вмѣсто всякаго студенчества, женитесь вы, ну, такъ черезъ полгодика. У жены вашей имѣнье, вамъ всюду дорога... Захотите, гласнымъ будете и мировымъ судьею, и хозяйствомъ займетесь, будете пользу приносить... славно! Всего вдоволь, сами себѣ баринъ, свобода полная и здоровье... А захочется книжки читать... цѣлую библіотеку можно купить, въ Москву на зиму съѣздить, профессоровъ послушать... Есть охота экзаменъ на кандидата, что ли, выдержать, не спѣша, такъ, черезъ пять-шесть годковъ, ничто не мѣшаетъ. Еще больше уваженья будетъ отъ

земства. Въ управу выберутъ, куда хотите... Такъ ли, Василій Семенычъ?—спросила Лидія и вся выпрямилась. Голову она откинула немного назадъ и протянула впередъ правую руку.

Какъ ни жутко было Банарцеву отвѣтить что-нибудь на этотъ вызовъ, онъ пересилилъ себя и выговорилъ серьезно:

— Благодарю васъ за участіе, Лидія Сергѣевна. Вашъ планъ для иного, быть-можетъ, и соблазнителенъ, да для меня не годится. Не взыщите.

Онъ всталъ и отошелъ къ одному изъ столбовъ навѣса.

„Что жъ мнѣ ей было сказать? — внутренно добавилъ онъ про себя.—Обидится—ея дѣло.“

Лидія какъ будто ждала, что Банарцевъ поправится и скажетъ еще что-нибудь, но онъ молчалъ. Она тоже поднялась со скамьи.

— Насильно милъ не будешь! — вырвалось у ней такъ неожиданно для Банарцева, что онъ, красный отъ смущенія, не смѣлъ поднять головы.

Но это продолжалось всего нѣсколько секундъ. Онъ повернулся лицомъ къ Лидіи и простымъ, радушнымъ тономъ сказалъ:

— Всякому своя дорога, Лидія Сергѣевна. У меня она намѣчена.

— Я не удивляюсь, — перебила она, сдерживая волненіе,—если вы вдругъ и въ добровольцы уйдете, не то что въ студенты!..

— Можетъ, и не ошибетесь,—обмолвился Банарцевъ.

„Ау! ау!“—раздались по лощинѣ голоса Музы и Юленьки. Оба пошли молча къ нимъ навстрѣчу.

## XXIII.

Между Банарцевымъ и Лидіей не было больше сказано ни одного слова. За чаемъ, въ хуторскомъ домѣ завязалась общая болтовня. Къ возвращенію въ городъ меньшія дѣвицы немного разомлѣли, и вся почти дорога прошла молча. Около кладбищенской церкви Банарцевъ попросилъ себя высадить—оттуда ему было два шага до дому.

Лидія, прощаясь съ нимъ, шепнула вполголоса:

— Больше вѣдь васъ и не увидишь, я знаю.

— Василій Семенычъ! до свиданія! — кричали ему, съ другой половины дроги, Муза и Юленька, — мы съ вами не прощаемся, приходите обѣдать.

Онъ не хотѣлъ ихъ обманывать и попрощался съ ними совсѣмъ. Облако пыли заволокло спускавшіяся по улицѣ дроги. Банарцевъ постоялъ съ минуту на одномъ мѣстѣ и медленно пошелъ домой. Ему трудно было отдѣлаться отъ впечатлѣнія сцены у колодца. Онъ никогда еще ничего подобнаго не испытывалъ. Теперь только почувствовалъ онъ, какого усилія стоило гордой, самостоятельной дѣвушкѣ сдѣлать ему признаніе. Что онъ такое въ глазахъ ея? Хоть и ровесникъ ей, а все-таки мальчишка-гимназистъ, голякъ, принужденный жить уроками, да кондиціями. Никогда не приходило ему на умъ, что Лидія имъ интересуется.

И невольно сталъ онъ, подходя къ дому, перебирать въ головѣ тѣ картинки хорошаго житья, которыя Лидія такъ убѣдительно и оживленно рисовала ему. Кто споритъ: куда легче было бы взять въ жены такую дѣвицу, получить за ней домъ, землю, деньги, основаться сейчасъ же на житье, попасть въ земцы, хозяйничать, жить въ почетѣ и въ довольствѣ до конца дней своихъ? Она права, и книжки читать можно, и покупать ихъ будетъ на что, а экзаменъ, хоть на магистра, никто не запрещаетъ держать, исподволь, полегоньку. Такого житья ему никогда не видать въ студентахъ, да и по выходѣ изъ университета... Что еще изъ него выйдетъ? Много-много что профессоръ. Да и это еще старушка на-двое сказала... А то учитель ариѳметики!.. И потянетъ онъ ту же лямку. Семьей обзаведется, женится на какой-нибудь безприданницѣ, ребятишки пойдутъ. Хорошо еще, если концы съ концами сводить будетъ.

Банарцевъ, на поворотѣ въ свою улицу, очнулся и отвѣтилъ смѣхомъ на „пустяшныя“ фантазіи. „Очень я виноватъ,—думалъ онъ,—что госпожѣ Пшенисновой угодно было избрать меня своимъ *предметомъ*“. Образъ другой дѣвушки, его перваго друга, всталъ передъ нимъ. Вотъ эта любитъ его не для собственнаго удобства. Она его не сбиваетъ на привольное житье. Сама готова все бросить, чтобъ только не разставаться съ нимъ. Но этого нельзя! Онъ не допуститъ. И опять въ немъ все внутри возмутилось противъ жертвы, на которую шла Любочка...

Съ мыслью о Любочкѣ и о томъ, какъ онъ ея не допуститъ до поступленія въ „сестры“, Банарцевъ вошелъ на крыльцо своего флигелька. Уже порядочно стемнѣло. Стёпа крикнулъ ему изъ-за перегородки, гдѣ сидѣлъ у окна:

— Братецъ, письмо вамъ принесъ почтальонъ; я на столъ положилъ.

Свѣтелка побольше, гдѣ стоялъ Банарцевъ, служила и спальней для обоихъ братьевъ, и учебной комнатой; за перегородкой они обѣдали и пили чай. Занимались они у одного некрашенаго стола, покрытаго старенькимъ темнымъ драдедамомъ. Степа спалъ на диванѣ. Надъ желѣзной койкой висѣли охотничьи вещи и ружье. Очень бѣдно смотрѣло все.

На столѣ лежало письмо. Банарцевъ взялъ его поспѣшно. Руку адреса онъ тотчасъ же узналъ. На штемпелѣ стояло „Москва“. Этого письма отъ Аполлона Николаевича онъ заждался. Не зажигая огня, сталъ онъ разбирать у окна вязкую руку Чалаго, сморщилъ лобъ и безпрестанно поправлялъ волосы, набѣгавшіе ему на глаза.

Цѣлыя четыре страницы было исписано. На прочтеніе ихъ понадобилось съ четверть часа. Банарцевъ прочелъ два раза нѣкоторыя мѣста и присѣлъ къ окну. Сердце ему болѣзненно защемило. Онъ узналъ въ немъ Аполлона Николаевича Чалаго, и вотъ это-то еще больше огорчало его. Въ письмѣ стояло нѣсколько общихъ фразъ, а потомъ шелъ разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ за время остановки въ Москвѣ, откуда Чалый собирался съ цѣлой „партіей“. Чувствовалось въ каждомъ словѣ, что онъ только выдерживаетъ характеръ, но что ему все противно: и тѣ господа, съ которыми онъ идетъ на „святое дѣло“, и безтолковщина, найденная имъ „во всей этой штукѣ“, какъ онъ неопредѣленно выражался... Подъ конецъ письма, онъ просто издѣвался надъ собой и надъ дѣломъ, и надъ своей „затѣей“.

„Затѣей“,—повторилъ Банарцевъ нѣсколько разъ про себя. Его щеки поблѣднѣли, глаза сдѣлались влажны. А вотъ эти строки, каково было ему перечитывать ихъ:— „Нѣтъ, душенька,—обращался къ нему Чалый,—не трогайтесь вы, ради Бога—не для васъ это все затѣяно; и я-то въ смущенье пришелъ, и врядъ ли не ограничусь легкой прогулкой до города Бѣлграда и обратно. Не трушу я нисколько, а половина охоты прошла—вотъ что-съ. Если бъ не наши уѣздные мерзавцы, для которыхъ я не хочу быть притчей во языцѣхъ, такъ, пожалуй бы, и изъ Москвы прикатилъ обратнымъ поѣздомъ“.

„Что жъ это, Господи!“—чуть не громко вскричалъ Банарцевъ.

Зачѣмъ было писать ему такое письмо? И ни слова о томъ, куда и къ чему обратиться, какія выдаютъ пособія, какъ всего удобнѣе и дешевле попасть въ партію добровольцевъ, когда отправляется и самъ Чалый, и съ какой партіей?

Десятки вопросовъ тѣснились въ его головѣ, и ни на одинъ изъ нихъ письмо „благопріятеля“ не давало никакого отвѣта. Чего ужъ тутъ дожидаться, чтобы Чалый вспомнилъ то, что̀ говорилъ ему здѣсь насчетъ Стёпы! Хорошо, что не понадѣялся тогда на него и не оставилъ своего расчета на стипендію. Опустились руки и писать ему въ Москву. Да онъ ничего и не извѣщалъ: ѣдетъ на-дняхъ или проживетъ еще недѣлю-другую. Даже адреса не обозначилъ. Поди ищи его въ Москвѣ!..

„Нечего дѣлать, — воскликнулъ про себя Бапарцевъ, ходя по темной комнатѣ.—И безъ него обойдемся. Одинъ все сдѣлаю: и узнаю, и въ Москву съѣзжу, коли на то пошло!..“

— Ужинать собирать? — раздался изъ-за перегородки голосокъ Стёпы.—Али еще рано, братецъ?

— Чего?—сердито переспросилъ старшій братъ.

— Ужинать, спрашиваю?..

— Надоѣлъ ты мнѣ!—прикрикнулъ онъ на Стёпу.

И опять, уже въ который разъ, стала его разбирать злость на братишку. Если бъ не Стёпа, не забота о томъ, что̀ изъ него будетъ и какъ обезпечить ему кормъ, квартиру и даровое ученье, — хоть завтра садись въ вагонъ и кати! Скопилъ онъ себѣ рублей двѣсти въ послѣдній годъ. И платья не шилъ по окончаніи курса. На двѣсти рублей можно доѣхать до Сербіи и на свой счетъ. Какъ бы не такъ! Надо хоть половину оставить на содержаніе все этого же Стёпы, даже и въ томъ случаѣ, если выхлопочетъ ему стипендію...

Мальчикъ, услыхавъ сердитый окрикъ брата, совсѣмъ притихъ у окна и даже боялся зажечь свѣчку.

„Завтра же надо пойти къ директору“,—рѣшилъ старшій братъ, возвращаясь опять съ своей думой къ Стёпѣ. И онъ точно боялся задавать себѣ вопросъ: а что̀, если не удастся устроить этого дѣла? Онъ одному только былъ радъ, что ничего не хотѣлъ „клянчить“ передъ Чалымъ и принимать его благодѣяній.

„Вотъ бы понадѣялся,—думалъ онъ,—а потомъ хвать— все бы и кончилось однимъ пустымъ разговоромъ. Эхъ,

Аполлонъ Николаичъ! Получше ты другихъ-прочихъ изъ вашей братіи, а все со свищемъ!"

— Давай ужинать, Стёпа!—крикнулъ онъ брату и зажегъ свѣчу.

## XXIV.

Въ послѣдній разъ посѣщалъ Банарцевъ, на слѣдующее утро, большое желтое зданіе, гдѣ онъ высидѣлъ чуть не девять лѣтъ. Гимназія прежде была куда погрязнѣе. Онъ еще помнилъ то время, когда главный подъѣздъ стоялъ всегда запертымъ, ученики проходили черезъ темный и вонючій „сторожевскій" коридоръ. Теперь, у открытаго съ утра главнаго подъѣзда на верхней площадкѣ сидѣлъ опрятный „унтеръ", и даже фонари на большихъ старинныхъ столбахъ были прочищены. Сторожъ поклонился ему по-пріятельски.

— Здравія желаемъ, господинъ Банарцевъ!—окликнулъ онъ его и прибавилъ:—коли къ Евлампію Захарычу—пожалуйте, они въ конторѣ.

„Конторы", гдѣ бы принималъ директоръ, прежде тоже не было, а въ канцеляріи, помѣщавшейся внизу, сидѣлъ письмоводитель съ писаремъ. Теперь директорская квартира пошла подъ параллельные классы, и одну изъ комнатъ директоръ обратилъ въ пріемную, гдѣ бывалъ каждый день, въ большую перемѣну.

Туда и прошелъ прямо Банарцевъ. Въ передней ему подалъ руку писецъ директорской канцеляріи, ужасный франтъ; надъ его галстуками потѣшался весь выходной классъ. И писецъ повторилъ ему, съ ухмыляющимся лицомъ:

— Евлампій Захарычъ здѣсь находятся, пожалуйте.

Директоръ, лысенькій, съ брюшкомъ, въ свѣтлыхъ брюкахъ и съ крестомъ на шеѣ, тоже подалъ ему руку, какъ большому человѣку, и посадилъ его сейчасъ же на диванъ. Съ первыхъ словъ и папироску предложилъ.

— Я—насчетъ братишки?—сказалъ ему Банарцевъ вопросительно.

Тотъ сдѣлалъ легкую гримасу, забарабанилъ по овальному столу и выпустилъ струю воздуха полусжатыми губами.

— Ахъ, мой милый (директоръ былъ очень сладокъ), я за вами хотѣлъ вчера послать... именно объ этомъ дѣлѣ. Вы знаете, какъ мы вами гордимся. У насъ давно не было

еще такого истинно зрѣлаго молодого человѣка, какъ вы... Я лично готовъ всѣми мѣрами поддержать вашего брата... прежде всего, въ воздаяніе за ваши отличные успѣхи... Да и мальчикъ хорошій. Я, какъ классный воспитатель, слѣдилъ за нимъ... Онъ не особенно боекъ... память слабѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ, зато старателенъ... Хорошій мальчикъ. Но что же дѣлать, голубчикъ! Съ начала учебнаго года не предвидится полныхъ стипендій. Общество еще не богато. Къ зимѣ, быть-можетъ, послѣ новаго года, будетъ возможность доставить ему пособіе въ размѣрѣ пяти рублей...

— Только съ новаго года?—переспросилъ Банарцевъ.

— Да и то еще не могу вамъ сказать навѣрное...

„Дуракъ я! Безумецъ! — пронеслось въ головѣ Банарцева.—Какъ это я могъ надѣяться?“

— Пять рублей, сами можете судить, Евлампій Захарычъ...—заговорилъ онъ растерянно.

— Разумѣется... Ну, отъ платы его освободимъ. Это мы сдѣлаемъ. Но вотъ я чего не понимаю... зачѣмъ вамъ его здѣсь оставлять... вы вѣдь въ петербургскій?

— Такъ точно, — ученически и полусознательно отвѣтилъ Банарцевъ.

— Тѣмъ больше. Вы получите сейчасъ же стипендію. Я въ этомъ ни малѣйше не сомнѣваюсь. Вы нѣсколько лѣтъ занимаетесь уроками и теперь будете употреблять на это досуги. Брата вашего вы, если не сейчасъ, то къ будущему году скорѣе успѣете помѣстить, и при себѣ его держать удобнѣе. Вотъ только развѣ проѣздъ — вы когда ѣдете?

— Скоро,—выговорилъ Банарцевъ.

И онъ не посмѣлъ объявить директору, что не въ Петербургъ рѣшилъ онъ ѣхать, а въ Москву и дальше.

„Нельзя, нельзя!“ — говорилъ онъ про себя, и Стёпа, его стриженый затылокъ, его круглая фигурка прыгали передъ нимъ и заставляли молчать, отказываться отъ всего.

— Съ Богомъ,—слышался ему масляный голосъ директора,—вы поддержите честь нашего заведенія. Жаль только, что вы не на филологическій факультетъ. Вамъ бы открылась прекраснѣйшая дорога...

— Неужели же совсѣмъ нельзя, Евлампій Захарычъ?— порывисто спросилъ Банарцевъ, поднимаясь съ дивана.

— Въ этомъ году, милый мой, нѣтъ возможности. Не

хотите ли пройтись со мной... перемѣна кончается, проститесь съ классами!

Банарцевъ ничего не отвѣтилъ, а, поклонившись директору, пошелъ за нимъ по коридору. Сначала они проходили мимо параллельныхъ классовъ, помѣщавшихся по сю сторону большой актовой залы. Въ залу прежде, когда Банарцевъ былъ въ младшихъ классахъ, никогда никого не пускали, да зимой и плохо топили ее. А теперь тутъ гудѣли гимназисты всякихъ возрастовъ, ходили, бѣгали, играли. Посрединѣ одной большой кучки виднѣлся вицмундиръ. Банарцевъ узналъ спину инспектора. Тотъ, въ эту минуту, обернулся и крикнулъ ему:

— Здравствуйте, Банарцевъ! А я ужъ думалъ, что вы уѣхали.

Мальчики разступились. Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ; нѣкоторые забѣгали и кланялись, стараясь припомнить ему что-нибудь. Одинъ мальчуганъ остановилъ на дорогѣ директора и смѣшливо какъ-то пропищалъ:

— Евлампій Захарычъ, у насъ маменька заболѣла: позвольте мнѣ на два дня отлучиться.

Директоръ, поговоривъ съ нимъ, отпустилъ и замѣтилъ Банарцеву:

— Изъ моего класса... способный бутузъ!

Вошли они въ „старый“ коридоръ, съ давнишними чугунными плитами, по которымъ звонко раздавались ихъ шаги. Вотъ и седьмой классъ, гдѣ еще такъ недавно вызывали ученика „Василія Банарцева“. Съ давнихъ поръ, въ седьмомъ классѣ стоятъ большіе часы, по нимъ звонятъ въ перемѣнахъ, и заднія скамьи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ той минуты, когда покажется за стеклянной дверью голова сторожа, смотрящаго на циферблатъ.

Завернули въ концѣ стараго коридора налѣво, гдѣ прежде помѣщались второй и первый классы, а теперь приготовительные. На площадкѣ, устроенной въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно былъ спускъ по лѣстницѣ, которая вела къ „сторожевскому“ подъѣзду, за низкими перилами, стоялъ мужичокъ въ синей сибиркѣ съ разной ѣдой въ большомъ коробѣ. Перила усѣяны были гимназистиками. Одни протягивали маркитанту, кто „трёшникъ“, кто „семишникъ“, другіе усаживались и набивали себѣ ротъ бутербродами. Прежде такихъ „вольностей“ не

позволяли; а всякій въ карманѣ притаскивалъ что-нибудь изъ дому.

— Банарцевъ... съ директоромъ! — шептали мальчики, указывая на перваго ученика, получившаго золотую медаль.

Гулъ немного стихалъ; но видно было, что къ директору и самые маленькіе клопы присмотрѣлись.

— Какова орда?—спросилъ директоръ, проходя черезъ классную комнату, гдѣ копошились мальчуганы больше все въ своемъ, неформенномъ платьѣ.—Ихъ тутъ больше сорока человѣкъ... да размѣстить негдѣ!

Слѣдующій былъ классъ Степы.

— Банарцевъ здѣсь?—спросилъ директоръ, останавливаясь у каѳедры.

— Здѣсь! — отвѣтилъ своимъ жиденькимъ и веселенькимъ голоскомъ Степа, вставая съ мѣста.

Его бѣлая круглая голова такъ и лоснилась въ лучѣ свѣта, падавшаго изъ окна.

— Надо бы идти самымъ первымъ, въ память брата,— пошутилъ съ нимъ директоръ,—а намъ еще до первыхъ учениковъ далеконько!..

Степа вспыхнулъ. Старшій братъ посмотрѣлъ на него сурово. Въ эту минуту онъ его просто ненавидѣлъ. Вотъ изъ-за этого мальчишки со стриженой, круглой головой, все лопнуло! Его душило. Онъ радъ былъ бы броситься вонъ изъ класса, изъ этой „проклятой“ гимназіи, гдѣ, по волѣ судьбы, ему надо было поддерживать заурядnаго гимназиста, изъ котораго, Богъ его знаетъ, что̀ еще выйдетъ. Онъ такъ былъ поглощенъ своей внутренней тревогой, что, по выходѣ изъ Стёпина класса, гдѣ-то ускользнулъ отъ директора, хорошенько не откланявшись ему.

## XXV.

Съ ружьемъ на плечахъ, въ постоянной бѣготнѣ силился Василій Банарцевъ размыкать, въ слѣдующіе три дня, свое „горе“. Онъ попалъ опять въ артемьевскіе луга; но никого не бралъ съ собой, даже изъ пріятелей-охотниковъ села Красная Варега. Ходьба помогала ему думать, уйти въ себя, утомленіе смиряло его злость и пылъ. Онъ убѣжалъ изъ дому, чтобы, чего добраго, не прибить ни въ чемъ неповиннаго братишки. Видѣть онъ его не могъ. Что-то безпощадное, злобное, ѣдкое поднималось въ немъ. Онъ и убѣжалъ.

Ужъ на второй день ходьбы по лугамъ въ Банарцевѣ

сердце поулеглось. Онъ смирился. Никто не виноватъ въ томъ, что онъ самъ размечтался. Развѣ онъ не зналъ наперед, какова была бы его собственная жизнь, если бы его покинули, какъ онъ собирался покинуть Степу? У его братишки нѣтъ такихъ способностей, какъ у него. Онъ не можетъ, еще ребенкомъ, прокармливать себя и продолжать ученье. Стипендіи не даютъ. Оставить мальчика со ста рублями на все, про все — мерзко, бездушно! Идти просить о немъ, клянчить, христарадничать... И пошелъ бы, да не къ кому.

Оставалось смириться. Коли Любочкѣ, по его убѣжденію, нельзя было бросить безногаго отца, такъ какъ же ему-то возмущаться, что на его рукахъ хорошій, тихій, прилежный мальчикъ, изъ котораго онъ долженъ сдѣлать человѣка? И кто же его осудитъ за то, что онъ *остается?* Неужели найдутся такіе люди? Ну, и пускай находятся! Онъ имъ скажетъ: „Какъ *мнѣ* горько было, про то моя грудь знаетъ; помогите мнѣ, обезпечьте братишку, и я *туда* пѣшкомъ пойду!“

На третій день онъ пробирался домой. Все въ немъ уже перегорѣло. Одно только носилъ онъ въ сердцѣ: боязнь, что его первоначальное чувство какъ-нибудь, не то что поколеблется, а сожмется отъ разныхъ встрѣчъ и житейскихъ фактовъ. Ему бы хотѣлось теперь закрыть на все глаза и остаться съ этимъ первоначальнымъ своимъ чувствомъ, или такъ себя закалить, чтобы ничто на него не дѣйствовало, чтобы „правое дѣло“ было въ его глазахъ такъ же чисто и велико!

Въ такихъ мысляхъ переѣзжалъ Банарцевъ на паромѣ, часу въ шестомъ вечера. Онъ вспомнилъ про Ефима и, выйдя на берегъ, пошелъ прямо къ монастырскимъ огородамъ. Несмотря на трехдневную ходьбу, онъ себя чувствовалъ легко и скоро-скоро взобрался наверхъ. Ефима нашелъ онъ въ шалашѣ на сѣнѣ, больного. Его съ недѣлю уже трясла лихорадка; но въ больницу онъ не хотѣлъ ложиться и повторялъ все ослабшимъ голосомъ:

— Потрясетъ-потрясетъ, да и надоѣстъ ей, угомонится.

Отъ него же Банарцевъ узналъ, что служки—Серафимъ и Паисій—„сбѣжали“ и, какъ слышно, идутъ въ добровольцы.

— И курили же они тутъ на радостяхъ, — прибавилъ Ефимъ. — Не знаю ужъ, на какія деньги. По четвертной вытягивали—самъ видѣлъ...

Не по себѣ стало Банарцеву отъ этихъ разсказовъ Ефима. Онъ навѣрно говорилъ правду. Коли служки въ гости являлись выпивши, такъ у себя и подавно напивались. Но попадутъ ли они въ добровольцы, еще неизвѣстно. Банарцевъ этимъ утѣшалъ себя и простился съ Ефимомъ, не сказавъ ему, когда онъ ѣдетъ, далъ ему рубликъ и уговорилъ принимать хинные порошки.

— Я къ Егоръ Егорычу въ аптеку спосылаю. Мнѣ и даромъ дадутъ,—успокоилъ его Ефимъ.

Спустившись опять съ горы, Банарцевъ прошелъ по оврагу и на подъемѣ, въ сторону англійскаго сада, подъ группой молодыхъ березъ, примѣтилъ двухъ охотниковъ, такъ же, видно, какъ и онъ, возвращавшихся изъ-за рѣки. Онъ взялъ влѣво, по тропинкѣ, но одинъ изъ охотниковъ, растянувшійся на травѣ, крикнулъ ему:

— Иль не узналъ? Банарцевъ! Иди сюда!

Онъ, дѣйствительно, не сразу узналъ лежавшаго подъ деревомъ ражаго, краснощекаго малаго, который, при его приближеніи, присѣлъ на корточки и вдругъ затявкалъ по-собачьи.

— Здорово, дружище!—гаркнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ и принялся обнимать и тискать Банарцева.

Въ лицо Банарцеву пахнуло водкой.

— Довольно, довольно, Пашка! — закричалъ онъ охотнику и высвободился изъ его объятій.

Это былъ товарищъ его по гимназіи, Павелъ Можаровъ, котораго весь классъ звалъ „Пашкой“. Банарцевъ засталъ его въ четвертомъ классѣ, гдѣ Можаровъ сидѣлъ ужъ чуть не два года. Оттуда онъ и вышелъ. Съ тѣхъ поръ разсказывали въ классѣ и въ городѣ, что Пашка угодилъ въ туркестанскую армію, поступивъ вольноопредѣляющимся, отличился, получилъ крестъ и чинъ. А съ годъ и совсѣмъ о немъ не было ни слуху, ни духу.

— Вотъ я каковъ, осматривай меня!—галдѣлъ зычнымъ голосомъ Можаровъ, повертываясь передъ Банарцевымъ во всѣ стороны и выдѣлывая гримасы.

Шутомъ и буяномъ первой руки считался онъ и въ гимназіи.

— Хорошъ! — выговорилъ, покачивая головой, Банарцевъ.

Церемониться онъ съ „Пашкой“ не могъ, да и не хотѣлъ. Обтертая сѣрая куртка со свѣтло-зелеными отворотами и роговыми пуговицами, служила Можарову охот-

ничьимъ мундиромъ. Въ петлицѣ уцѣлѣлъ кусочекъ засаленной орденской ленточки. Смазные сапоги сильно „просили каши“. Изъ-подъ стоячаго низкаго воротника куртки выползалъ воротникъ грязной фланелевой рубашки. Военное армейское кепи, тоже видавшее виды, сидѣло на затылкѣ. Точно онъ собрался играть на сценѣ роль забулдыги изъ „поручиковъ“ стараго репертуара. Свѣтло-каштановые волосы торчали на обоихъ вискахъ задорно, въ видѣ курчавыхъ кòковъ. Отъ его щекъ, носа, губъ такъ и вѣяло здоровьемъ, спаньемъ, водкой, волчьимъ аппетитомъ.

— Искалъ тебя!.. — продолжалъ Можаровъ, сажая Банарцева почти насильно подъ березу, рядомъ съ собой.— Я здѣсь никакъ недѣль пять путаюсь. Вотъ съ этой уродиной чортъ насъ веревочкой свилъ. Ты его знаешь?

Банарцевъ обернулся въ сторону второго охотника, мизернаго вида брюнета, въ какомъ-то неописуемомъ балахонѣ изъ свѣтлаго твина. Ему на видъ казалось уже за тридцать лѣтъ. Весь онъ былъ веснушчатый, сморщенный, подслѣповатый, съ воспаленными выдающимися деснами и мелкими корявыми зубами. Гдѣ-то Банарцевъ встрѣчалъ эту личность.

— Дезидеріевъ, по фамиліи, — рекомендовалъ его Можаровъ. — Чернильный орѣхъ питейнаго отдѣленія... Да и то былъ, а теперь—мразь и тлѣнъ. Онъ у меня замѣсто гончей, славно, братецъ, улюлюкаетъ... И поноску носитъ!

Приказный разсмѣялся глупымъ и пьянымъ смѣхомъ. Банарцеву захотѣлось поскорѣй уйти отъ нихъ. Но Можаровъ схватилъ его за руку, полулежа подъ березой, и сталъ разсказывать всю свою исторію. Она не скоро кончилась. По его собственнымъ показаніямъ, выходило, что онъ выгнанъ за какое-то „избіеніе филистимлянъ“, какъ онъ выразился, но „безъ потери военной чести“. Банарцевъ впускалъ въ одно ухо полупьяную болтовню Пашки и выпускалъ ее изъ другого. Онъ видѣлъ, что хвастунъ и буянъ четвертаго класса остался все такимъ же, съ прибавкой водки и грязнаго ухарства.

— Куда же ты теперь?—спросилъ онъ его, больше для очистки совѣсти.

— Куда-а?.. Да вотъ, братъ, съ чернильнымъ орѣхомъ думали мы въ Бѣлградъ махнуть!

— Что-о?—точно ужаленный переспросилъ Банарцевъ.

— Къ Черняеву! Это—нашъ самаркандскій! Только вотъ финансы у насъ жидки. Да ничего, въ Москву смахаемъ—тамъ меня съ радостью примутъ! Видѣлъ эту игрушечку?—Онъ указалъ на ленту въ петлицѣ—компренэ, чѣмъ пахнетъ? Креста не ношу. Ужъ коли меня не снарядятъ, такъ кого же? А Дезидеріевъ — въ маркитанты! Ну, ты, крапивное сѣмя, пододвинь-ко намъ смородину-то. Хочешь прохладиться, Банарцевъ? Мы на семитку смородины купили; а коли есть у тебя двугривенникъ, Дезидерька сбѣгаетъ за бальзанчикомъ.

— Ну, тебя къ шуту! — рѣзко отвѣтилъ Банарцевъ и всталъ.—Не хочу я твоей смородины.

У него внутри такъ и закипѣло при мысли, что Пашка Можаровъ можетъ попасть въ добровольцы.

— Чего осерчалъ! Этакъ ты съ товарищами встрѣчаешься? Ахъ ты, гимназёръ этакой! — Можаровъ сдѣлалъ Банарцеву циническій жестъ рукой. — Чего важничаешь? Или медаль получилъ? Такъ что̀ твоя гунявая медаль передъ моимъ крестомъ? А!.. Я на Самаркандъ лѣзъ — ты это знаешь?! Дезидерька!.. Вставай, сволочь! Разобьемъ скулы этому важнюшкѣ!

Приказный вскочилъ по командѣ своего патрона. Можаровъ тоже поднялся и съ засученными рукавами полѣзъ на Банарцева вплотную.

Банарцевъ не испугался. Такъ мерзокъ показался ему въ эту минуту нахальный оборвышъ съ пьяными, на выкатъ, глазами, что онъ убилъ бы его на мѣстѣ, если бъ ружье его было заряжено пулей.

— Прочь!—крикнулъ онъ сильнымъ и гнѣвнымъ голосомъ, перебросивъ свою винтовку изъ лѣвой руки въ правую, и, отступивъ шага на два назадъ, прицѣлился въ Можарова.

И такъ быстро и рѣшительно онъ это все продѣлалъ, что тотъ увернулся, плюнулъ и показалъ ему языкъ.

— Рукъ марать не стану!—заоралъ онъ.—Убирайся... пока цѣлъ! Дезидерька! подай смородины!

Банарцевъ хотѣлъ-было пустить въ нихъ обоихъ зарядъ дроби, благо ружье не было еще разряжено, и сдержалъ себя во̀-время. Онъ повернулся и пошелъ по дорожкѣ въ гору, не ускоряя шага, но весь дрожа; и только что оба „проходимца“ (такъ онъ ихъ назвалъ про себя) скрылись изъ виду, бросилъ ружье и кинулся подъ кустъ. Больше онъ не могъ сдерживать себя. Рыданія вырва-

лись цѣлымъ потокомъ, и всего его заколотило, точно въ лихорадкѣ.

Пашка, Пашка Можаровъ будетъ въ добровольцахъ! Не за себя ему стало нестерпимо больно, но за „идею". Онъ не могъ, не хотѣлъ, не умѣлъ помириться съ фактомъ „Пашки". Что же станется съ его „чувствомъ", если онъ встрѣтитъ еще двухъ-трехъ такихъ Можаровыхъ въ рядахъ настоящихъ добровольцевъ? А сейчасъ собирался онъ ограждать это чувство отъ всякихъ грязныхъ прикосновеній...

Сумерки спустились надъ берегомъ; а Банарцевъ все еще лежалъ, подавленной тупой, туго охлаждающейся болью.

## XXVI.

Прошло недѣли три. Яркое послѣобѣденное солнце глядѣло во дворъ дома коллежской секретарши Фустиковой, тещи Дмитрія Богданыча Медіоланскаго. На дворѣ замѣтно было движеніе. Съ двухъ часовъ пополудни Медіоланскій все выходилъ на заднее крыльцо и переговаривался со Степой. Тотъ выбѣгалъ, то и дѣло, изъ флигелька, красный, потный, безъ сюртука.

— Не подмочь ли тебѣ, Степа? — окликнулъ его Медіоланскій.

— Нѣтъ,—весело отвѣтилъ мальчикъ,—все почти что уложено. Теперь братецъ книги послѣднія забираетъ.

— Радъ ты ѣхать? — весело спросилъ Медіоланскій, сходя съ своего крыльца.

Степа улыбнулся во весь ротъ и выговорилъ:

— Впервой я по чугункѣ покачу, Дмитрій Богданычъ!

— То-то смотри, какъ бы не сковырнуться!

Оба засмѣялись. Для Медіоланскаго было за одно: и праздникъ спаряжать Василія Семеныча въ университетъ, и немалая печаль—онъ его любилъ, какъ кровнаго роднаго. Но въ немъ оживлялась надежда: самому какъ-нибудь укатить туда же, гдѣ на Невѣ стоитъ зданіе академіи художествъ.

— Василій Семенычъ! — крикнулъ онъ въ окно флигеля,—не помочь ли вамъ?

— Спасибо!—раздался изъ комнатъ голосъ Банарцева, а потомъ показалась въ окнѣ и его голова съ всклоченными волосами.—Все уложилъ.

— Скоро и пора...

— Знаю.

Оставались еще добрые два часа; но въ провинціи забираются на „вокзалъ“, по крайней мѣрѣ, за часъ до отхода поѣзда, особливо тѣ, кто ѣдетъ въ третьемъ классѣ.

Банарцевъ, въ рубашкѣ и холщевыхъ панталонахъ, затягивалъ ремни стараго, порыжѣлаго чемодана, купленнаго имъ на Мытномъ Дворѣ у старьевщика. Биткомъ набитъ былъ этотъ чемоданъ; но не бѣльемъ, не платьемъ, а больше книжками, съ которыми ему не хотѣлось разставаться.

Онъ оглянулъ свою ученическую комнатку: не оставилъ ли чего Степа или онъ самъ? Все, кажется, было убрано.

— Извозчиковъ-то я снарядилъ къ тремъ часамъ, — донесся до него со двора голосъ заботливаго Дмитрія Богданыча.

— Спасибо, спасибо!—откликнулся тотъ въ окно.

Жаль ему стало своего лучшаго пріятеля, но больше какъ-то ничего не жаль — ни комнатъ, ни садика, ни улицы, ни города, ни своей отроческой и юношеской жизни. Вотъ уже около трехъ недѣль, какъ онъ „застылъ“ и только ждалъ дня отъѣзда въ Петербургъ. Степа задерживалъ; онъ сдавалъ переходный экзаменъ. Всѣ эти три недѣли Банарцевъ никуда почти не ходилъ; даже охоту бросилъ. Съ Любочкой видѣлся раза три, и то урывками. Она была съ нимъ молчалива и сдержанна: боялась разбередить его какимъ-нибудь лишнимъ вопросомъ. Онъ тоже не изливался. На первыхъ порахъ ему было слишкомъ горько. Но она уже знала, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и везетъ съ собой Степу. Всего одинъ разъ онъ сказалъ ей, безъ раздраженія, тихимъ, покорнымъ голосомъ:

— Помните, Люба: какъ мы повторяли съ вами „овому талантъ, овому два“; видно надо то дѣлать, къ чему привинтила жизнь.

И никакихъ плановъ они не дѣлали, ни о чемъ не мечтали, говорили небрежно и отрывисто. Никогда они не были болѣе „товарищами“ — въ русскомъ вкусѣ, какъ въ эти послѣднія недѣли передъ разлукой, послѣ долгихъ годовъ жизни душа въ душу. Точно имъ совсѣмъ и не хотѣлось свидѣться поскорѣе. Ни одного нѣжнаго слова не было сказано, ни одной ласки, въ которой бы про-

явилось чувство, давно перешедшее изъ дѣтской дружбы въ прочную привязанность. Про все, что происходило на Дунаѣ, Банарцевъ зналъ. Шпенисновы, не дожидаясь его просьбы, присылали ему газеты и нѣсколько разъ справлялись о его здоровьѣ. На эту внимательность онъ долженъ былъ бы отвѣтить лишнимъ визитомъ; но ему не хотѣлось встрѣчаться съ Лидіей, не хотѣлось прислушиваться и къ тому, что толкуютъ въ городѣ про добровольцевъ. Онъ даже Дмитрія Богданыча просилъ не передавать ему никакихъ сплетенъ. Онъ еще страстнѣе оберегалъ свою „идею".

Послѣднюю ночь ему плохо спалось. Онъ поднялся рано, часу въ седьмомъ вышелъ за ворота и сѣлъ на скамью, вдѣланную въ фальшивую калитку, по другую сторону воротъ. Прогнали стадо. Пастухъ, въ нанковой, длиннополой сибиркѣ, съ длиннѣйшей жестяной трубой, раскланялся съ нимъ и тотчасъ заигралъ неизмѣнное, десять лѣтъ знакомое ему „колѣно". И только что стадо, взбивая легкую пыль, повернуло влѣво, въ переулокъ, какъ справа показалась пролетка, широкая, обитая краснымъ трипомъ, на лежачихъ рессорахъ. И пролетку хорошо зналъ Банарцевъ! На ней сидѣлъ господскій кучеръ и поддерживалъ лѣвой рукой подъ мышку барина, а правой рукой правилъ. Баринъ былъ мертвецки пьянъ. Фуражка сползла ему на затылокъ, посоловѣлая голова качалась и слюнявыя губы что-то бормотали.

Не впервые наталкивался Банарцевъ на такую сцену. Дѣло обыкновенное: развозили господъ по домамъ съ картежныхъ пирушекъ. Только въ самый день своего отъѣзда обидно было ему видѣть все то же. Давно ли онъ увѣрялъ себя, что въ каждомъ домѣ живутъ теперь одними горячими порывами, жадно читаютъ газеты, проводятъ вечера въ одушевленныхъ бесѣдахъ? Ему сдѣлалось такъ горько, что онъ порывисто всталъ, вернулся въ комнаты, разбудилъ Степу и началъ укладываться.

Къ тремъ часамъ пріѣхало двое извозчичьихъ дрожекъ. Медіоланскій еще наканунѣ вызвался проводить пріятеля на желѣзную дорогу. Онъ самъ сговаривалъ извозчиковъ и уторговалъ на каждомъ по цѣлому гривеннику; а теперь помогалъ Банарцеву и Степѣ выносить чемоданы и подушки. Однѣ дрожки совсѣмъ нагрузили верхомъ, но для Степы мѣсто нашлось—онъ долженъ былъ ѣхать впереди.

— Ну, все въ исправности! — объявилъ Медіоланскій, возвращаясь на крыльцо флигеля.

Банарцевъ, въ эту минуту, тоже вышелъ на крыльцо. Они подали другъ другу руку.

— Василій Семенычъ, — заговорилъ Медіоланскій, — несказанно радъ я одному: что все такъ устроилось, какъ быть должно! На васъ налетѣло пареніе, да головой-то вы здоровы — она вамъ и не дала съ истиннаго пути сбиться... Позвольте здѣсь обнять васъ... Утѣшили, много утѣшили!

Они обнялись. Банарцевъ ничего не сказалъ, кромѣ одного:

— Спасибо!..

Проститься съ нимъ выползли и хозяйки. Обѣ въ юбкахъ и шерстяныхъ платкахъ, и мать, и дочь — сонныя, пухлыя и дряблыя. Дмитрію Богданычу такъ хотѣлось крикнуть имъ:

„Ужъ вы бы шли досыпàть—толку-то отъ васъ мало!“

Степа былъ въ восхищеніи, что его пустили впередъ. Его синее кепи и свѣтлый затылокъ торчали изъ-подъ подушекъ и двухъ чемодановъ. Онъ то и дѣло оглядывался и радостно кивалъ ѣхавшимъ сзади дрожкамъ.

## XXVII.

Только что Банарцевъ съ Медіоланскимъ вошли въ вокзалъ, до слуха ихъ донеслось церковное пѣніе.

Въ углу, у стѣны, тѣснилась порядочная толпа всякаго народа. Надъ головами высились двѣ хоругви и большая икона въ золоченой ризѣ. По вокзалу ходили струи ладана. Возглашенія дьякона прерывались возгласами хора.

— Молебенъ? — спросилъ Банарцевъ, весь покраснѣвъ.

— Дѣйствительно, — подтвердилъ Медіоланскій и пристально оглянулъ тотъ уголъ, гдѣ стояли молельщики.

— Что бы это такое?

— Василій Семенычъ,—заторопился Медіоланскій,—вы мнѣ наказали намедни васъ насчетъ добровольцевъ не вводить въ смущеніе... Я слышалъ, что снаряжается отрядъ... только вотъ дня не зналъ, а то бы ужъ задержалъ васъ лишній денёкъ.

Онъ принужденно разсмѣялся.

— Вотъ еще нѣжности какія! — отвѣтилъ, нахмуривъ брови, Банарцевъ и потащилъ мѣшокъ и подушку къ одной изъ боковыхъ скамеекъ.

Тамъ онъ остановился и оглядѣлъ весь вокзалъ. Суетня разрасталась: сновалъ и бѣгалъ народъ во всѣ стороны. У кассы была давка, кричали артельщики, багажъ вѣшали съ бранью. Почти никто изъ новыхъ пассажировъ не присталъ къ кучкѣ, служившей молебенъ, кромѣ коекого изъ чернаго народа. Банарцевъ началъ прислушиваться къ пѣнію. Оно пропадало въ безпорядочномъ гулѣ. Никакого умиленія на него не находило. Напротивъ: ему показалось это торжество неловкимъ, лишнимъ, тутъ, въ этой сутолокѣ, гдѣ всѣ хлопотали только о билетахъ, да о своихъ сундукахъ и чемоданахъ. Его душу не охватывало ничего общаго, складнаго, всеобъемлющаго, трогательнаго въ этомъ прощальномъ напутствіи. Онъ подошелъ поближе къ кружку молельщиковъ. Впереди онъ разглядѣлъ нѣсколько „господъ“ въ отставныхъ мундирахъ, въ фуражкахъ съ кавалерійскими околышами, въ дорожныхъ пальто, а позади — чуйки, двѣ-три солдатскія шинели; одинъ какой-то молодой парень былъ въ полушубкѣ, несмотря на жаркую погоду.

— Пора, пора, Василій Семенычъ!—окликнулъ его Медіоланскій,—багажъ опоздаете вѣшать!

У багажной кассы Банарцева ждалъ и Стёпа, а рядомъ съ нимъ стояла Любочка. Они сговорились проститься на желѣзной дорогѣ.

Любочка, блѣдная, худенькая, съ утомленными глазами, протянула ему молча руку и стала въ сторонкѣ, дожидаясь, когда онъ сдастъ багажъ. На это пошло съ четверть часа. До отхода поѣзда оставалось еще больше сорока минутъ. Молебенъ все еще шелъ.

— Вася!—шепнула Любочка, отведя Банарцева въ сторону, — выйдемъ на крыльцо, умоляю тебя, тамъ садикъ есть!..

Онъ не удивился, что она стала вдругъ говорить ему „ты“. Это случалось всего во второй разъ.

— Времени много,—отвѣтилъ онъ, чувствуя, какъ звукъ его голоса былъ суровъ, но онъ не могъ въ эту минуту говорить иначе.

— Вася,—начала порывисто Любочка, беря его за руку. Они спустились въ маленькій скверъ, впереди фасада станціи. — Тебѣ тяжело! вотъ еще, какъ нарочно, и эта партія добровольцевъ... Ты рвешься!.. Не пересиливай ты себя... Вѣдь я знаю и вижу: ты для Стёпы остался... Я тебя не удерживала — я сама готова была... ну, да объ

этомъ что̀ поминать!.. Не о томъ совсѣмъ я хочу тебя умолять... Еще время не ушло: ты бы и доѣхалъ до Москвы съ этой самой партіей... Оставь Стёпу у насъ! Точно на меня затменіе какое нашло, что я тебѣ этого раньше не предложила. Развѣ мы его не прокормимъ? Ну, самъ посуди—много ли ему нужно? Вернешься—тогда мы съ тобой и сочтемся, Вася,—она сквозь слезы улыбнулась,—а если бы ты и остался тамъ...—голосъ у ней перехватило,—я на ногахъ, я буду хлопотать, ему дадутъ пособіе... Да и этого не нужно, моихъ уроковъ хватитъ... Вася! милый мой! послушайся, не пересиливай себя! Обо мнѣ не думай: я не стану туда рваться за тобой... Мнѣ мѣсто здѣсь: что̀ ты говорилъ тогда у себя въ садикѣ—все это залегло мнѣ сюда...

И она наивнымъ жестомъ указала на грудь.

Онъ слушалъ ее, низко опустивъ голову. Была такая минута, когда онъ готовъ былъ обнять ее и крикнуть: „Спасибо, Люба! Я поѣду съ этой партіей“. Но душевная работа цѣлыхъ трехъ недѣль взяла верхъ. Дослушивая Любочку, онъ повторялъ про себя: „взвалить такую обузу на дѣвушку, которая и безъ того кормитъ всю семью?—никогда!“

— Другъ—ты, другъ и есть!—вырвалось у него вмѣстѣ съ горячимъ пожатіемъ руки. И онъ заговорилъ ей „ты“.

— Согласенъ?—радостно воскликнула Любочка, поднимая на него глаза, полные слезъ.

— Твое мѣсто—здѣсь,—отвѣтилъ онъ,—при старомъ, а мое тамъ—при маломъ.

Онъ не выдержалъ—обнялъ ее, при всей своей стыдливости, и долго не могъ оторвать головы отъ ея плеча.

Раздался первый звонокъ.

— Не хочешь?—прошептала Любочка; она и плакала, и безмѣрно радовалась, и стыдилась своего малодушія.

— Прощай, прощай!—торопливо кинулъ ей Банарцевъ и почти бѣгомъ побѣжалъ къ вокзалу.

Медіоланскій и Стёпа заискались его до смерти.

Шумно хлынула публика третьяго класса на платформу. Банарцева, съ мѣшкомъ и подушкой, изрядно затолкали прежде, чѣмъ онъ добрался до вагона, гдѣ Дмитрій Богданычъ уже приготовилъ ему мѣсто. Опять онъ попалъ въ кучку добровольцевъ, шедшихъ по платформѣ съ сумками и узлами. Его обогнали два молодца въ синихъ казакинахъ, въ клеенчатыхъ картузахъ, одинъ—черный,

другой — бѣлокурый, точно съ женскими кудрями. Ихъ онъ замѣтилъ и во время молебна — они пѣли въ хорѣ...

Черный оглянулся. Банарцевъ чуть не крикнулъ: „Серафимъ!“ но удержался. Это были, дѣйствительно, оба послушника. Они шли развязно, помахивая руками, ухмыляясь и заговаривая съ другими пассажирами. Полѣзли они въ тотъ же вагонъ, гдѣ помѣстился и Банарцевъ со Стёпой, но они его не замѣтили.

Не успѣлъ онъ кивнуть головой Любочкѣ и Медіолан-скому, стоявшимъ у перилъ платформы, какъ прямо противъ окна остановилось еще двое пассажировъ, тоже изъ партіи. „Господи, неужели это—Пашка?“—спросилъ про себя Банарцевъ, боясь узнать Можарова въ одномъ изъ добровольцевъ: китель, офицерская круглая фуражка, широкія плечи и два кока на вискахъ.—„Онъ, онъ!“—повторилъ Банарцевъ и продолжалъ смотрѣть.

— Что жъ ты, рохля, зѣваешь?.. погребецъ-то надо въ руки было взять, а ты его—въ багажъ... Ахъ ты!—и крѣпкое слово понеслось съ раскатомъ вдоль всей платформы.

Можаровъ—это былъ онъ—кричалъ на желѣзнодорожнаго служителя. Онъ круто повернулся на каблукахъ большихъ новыхъ офицерскихъ сапоговъ и спросилъ у кондуктора, опять на весь поѣздъ:

— Что жъ вы меня тычете въ третій, когда у меня билетъ во второй?.. Порядки!..

Голова Банарцева выставлялась изъ окна. Можаровъ воззрился на него, подбѣжалъ къ вагону и спросилъ его, точно они разстались друзьями.

— И ты, братъ, въ Сербію?..

— Въ Петербургъ,—кратко отвѣтилъ Банарцевъ.

— Что, фигу съѣлъ? Думалъ, Пашка Можаровъ мясы точитъ? Видишь, братъ... Я и въ Москву успѣлъ скатать—тамъ меня оцѣнили! А ты и съ медалью, да на какой ты шутъ годенъ... Зубристикой заниматься?! А лечь костьми за братьевъ, должно-быть, не хватаетъ эръ-фиксу! Что жъ вы?—крикнулъ онъ опять кондуктору,—давайте мнѣ мѣсто... Ты, Банарцевъ, слушай: захочешь выпить—у меня, братъ, есть крымская... А Дезидерька-то ужъ на Дунаѣ... Угодилъ тотчасъ же въ старосты партіонные, ей-Богу!

Можаровъ былъ „на первомъ взводѣ“. Насилу убрался онъ передъ самымъ третьимъ звонкомъ. Своей фигурой

онъ заслонялъ Банарцеву и Любочку, и Дмитрія Богданыча. Они перегнулись черезъ перила и махали ему платками, что̀-то кричали, но нельзя уже было разслышать.

„И служки, и Можаровъ... ѣдутъ *туда*,—говорилъ про себя Банарцевъ, — а тебѣ не слѣдуетъ, терпи и не смущайся тѣмъ, что они—дрянь... Они—дрянь, пьянчужки, да дѣло великое... о̀вому талантъ—о̀вому два".

Онъ выглянулъ въ послѣдній разъ въ окно. Чей-то платокъ одиноко мелькалъ въ воздухѣ. Въ вагонѣ народъ крестился. Рядомъ съ нимъ, Стёпа снялъ кепи и поглядѣлъ во всѣ стороны съ любопытствомъ молодого галчёнка. Радость поѣздки искрилась въ его и отъ природы веселыхъ глазахъ.

— Ухъ, какъ зарычала! — прошепталъ онъ на ухо брату, когда тронулся поѣздъ, и схватился за его руку.

Банарцевъ, точно въ знакъ примиренія съ своимъ братишкой, погладилъ его по головѣ и сказалъ ему подъ грохотъ машины и гулъ разговоровъ:

— Въ Питеръ катимъ, Стёпа, питерщиками будемъ. Не плошай, смотри! Тамъ и за греческій засадятъ—только держись!

Мальчикъ громко разсмѣялся и бросился смотрѣть въ окно.

Ихъ родной городъ былъ уже за версту позади.

## XXVIII.

Въ началѣ ноября, передъ самымъ первопутьемъ, въ сиверкій, полудождливый-полуснѣжный день, на Адмиралтейской площади, въ вагонъ желѣзно-конной дороги, отходившій на Островъ, вошелъ худощавый, большого роста студентъ. За студента принять его было не трудно; всѣ принадлежности студенческой одежды состояли на лицо: пледъ, большіе сапоги, мягкая пуховая шляпа. Онъ скромно сѣлъ въ уголъ и тотчасъ же развернулъ газету, которую тутъ же купилъ у разносчика.

Вагонъ стоялъ уже минутъ съ пять. Оставались незанятыми мѣста два. Нѣсколько мужчинъ читали, какъ и студентъ, иные—газеты, другіе—телеграммы.

— Есть мѣсто?—раздался съ площадки молодой, звонкій голосъ, и въ вагонъ вошелъ мужчина, на котораго всѣ тотчасъ же обратили вниманіе.

Онъ былъ въ сѣро-голубомъ военномъ пальто̀ и такой

же складной фуражкѣ. Изъ-за разстегнутыхъ отворотовъ пальто выставлялась темно-коричневая блуза, съ лацканами на воротникѣ. Лѣвую руку онъ держалъ на шелковой перевязи. Нѣкоторые пассажиры узнали сербскую военную форму.

Въ одно и то же время, и вошедшій добровольцъ, и сидѣвшій въ углу студентъ поглядѣли другъ на друга и вскочили съ мѣстъ.

— Аполлонъ Николаичъ!

— Банарцевъ!

Они хотѣли-было заговорить, но тотчасъ же вышли на площадку.

— Давно ли? Давно ли?—спрашивалъ Банарцевъ, тряся руку Чалому.

— Вчера только ввалился,—и завтра дальше. Хотѣлъ объ васъ справиться въ адресномъ, да такъ бы и не успѣлъ, поди!

— Аполлонъ Николаичъ!— говорилъ въ большомъ волненіи Банарцевъ, оглядывая Чалаго.—Гдѣ же съ вами бы потолковать?.. Столько утекло воды! Вы прямо оттуда!.. Да вамъ теперь не къ спѣху?..

— Мнѣ — нѣтъ... Я больше отъ погоды укрылся... а мнѣ только до Николаевскаго моста нужно. Вы гдѣ живете?

— Я-то далеко, на Выборгской, да куда бы нибудь зайти...

— Валимте!.. вы—петербургскій, должны знать...

— Ну, здѣшнія мѣста я плохо знаю. Да вотъ тутъ есть на углу, кажется, кафе-ресторанъ...

— Добрѣ. Я же проголодался.

Черезъ пять минутъ они сидѣли въ задней комнатѣ кафе-ресторана, опять съ бутылкой пива на столѣ, которая напомнила Банарцеву разговоръ ихъ у кофейной, на берегу его родной рѣки. Онъ все еще оглядывалъ своего земляка. Чалый немного похудѣлъ, поблѣднѣлъ, подстригъ бороду и волосы, но больше, кромѣ костюма, въ немъ не замѣтно было рѣзкихъ перемѣнъ.

Много, много вопросовъ было у Банарцева наготовѣ; но Чалый самъ заговорилъ, послѣ первыхъ отрывочныхъ фразъ:

— Вы думаете, зачѣмъ я такъ тороплюсь домой? Жена, дѣти? Эти бы подождали... Подъ судъ меня упекли!..

— Подъ судъ? Васъ?

— Да, подъ судъ!.. За всѣ-то мои радѣнія о православномъ хрестьянствѣ! Превышеніе, яко бы, власти. Упекли, баринъ, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ! Каковы мерзавцы!..—крикнулъ Чалый и опять, точно въ городѣ Z, и пошелъ, и пошелъ: о сходкахъ, управѣ, мировомъ съѣздѣ, о какомъ-то старшинѣ Ковыряевѣ, стакнувшемся съ его заклятымъ врагомъ, „которому мало ста нагаекъ".

Банарцевъ, слушая его, сидѣлъ точно на угольяхъ. Наконецъ, не вытерпѣлъ и перебилъ:

— Батюшка, Аполлонъ Николаичъ! Увольте отъ этого. Разскажите вы хоть что-нибудь про свою службу, про Бѣлградъ, про нашихъ волонтеровъ, про Черняева... Вѣдь здѣсь просто голову теряешь отъ кривотолковъ разныхъ!

— Чего разсказывать? — возразилъ ему Чалый съ гримасой.—Вотъ видите,—онъ указалъ на руку,—контуженъ... слегка, подъ самымъ Дьюнишемъ. Не разспрашивайте меня лучше... Гадость, гадость и гадость!

— Однако, нельзя же такъ огуломъ?—выговорилъ Банарцевъ вдругъ очень убѣжденно и строго.

— Нельзя? Нѣтъ, можно и должно! Пустого мѣста искать ходили, осрамились! Нагнали архаровцевъ, да и братья-то не лучше... Народишко—дрянь, трусишки, жадность жидовская, хитрость... Все втридорога въ этомъ паршивомъ Бѣлградѣ. Грязь, ѣда мерзостная, мостовыя... дрожь и теперь пробираетъ, когда вспомнишь. Гостиницы... — онъ наклонился къ Банарцеву и добавилъ что-то на ухо,—да и то еще самаго низменнаго сорта!..

Банарцевъ слушалъ, и ему чудилось, что это говоритъ не Чалый, а Пашка Можаровъ: тѣ же слова, тотъ же почти тонъ, тѣ же звуки.

— Да что же я вамъ буду подогрѣтое-то жаркое подавать?— закончилъ Чалый, собираясь уходить,— вы это, я думаю, и безъ моихъ розсказней знаете. Довольно объ этомъ писано въ однѣхъ корреспонденціяхъ... Признаться сказать, и корреспондентишки-то эти — народецъ тоже! Мнѣ пишутъ изъ дому: и у насъ явился какой-то строчило, меня обличать сталъ!..

И опять потекли-было гнѣвныя земскія рѣчи, но Банарцевъ перебилъ Чалаго энергичнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и даже взялъ его за руку. Съ самаго начала этого неожиданнаго разговора его стало душить отъ скорбнаго чувства, которое накапливалось въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, слѣдилъ за всѣмъ,

что говорилось и писалось о сербской войнѣ. Самъ онъ стушевался, ходилъ на лекціи, обзавелся уроками, помѣстилъ Степу въ гимназію; только тѣмъ и участвовалъ въ „идеѣ“, что вносилъ процентъ со своего заработка. Отъ всего ему было до надсады больно: и отъ трескучихъ фразъ, подъ которыми онъ ничего не чувствовалъ живого и вѣрнаго, и отъ сухой брани, и отъ дѣйствительныхъ безобразій въ Бѣлградѣ, а, главное, отъ быстраго охлажденія къ этимъ самымъ „братьямъ“, отъ попрековъ, ворчанья, пренебрежительной болтовни... И вотъ, въ образѣ Чалаго, все это было теперь передъ нимъ, какъ на ладони.

— Аполлонъ Николаичъ!— вскричалъ онъ, все еще не выпуская руки Чалаго, — выслушайте вы меня, потомъ браните, побейте, коли охота будетъ. Зачѣмъ вы только про то и говорите, что Сербія—дрянь, да въ Бѣлградѣ за кровать по дукату берутъ, да говядина тамъ на салѣ жарится? Да, все это я читалъ—и не про то хотѣлось мнѣ услыхать отъ васъ живое слово. Кто правъ, кто виноватъ— я разбирать не стану... Да вѣдь было же во всемъ этомъ что-нибудь, отъ чего и въ васъ сердце забилось? Довольно и того, что Пашки Можаровы туда забрались — такъ зачѣмъ же сейчасъ весь народъ обзывать: такіе-сякіе?! И мы—ихъ благодѣтели, и мы—герои, а они только въ кукурузу лѣзутъ!..

— Ну, ладно, ну, ладно,—перебилъ его Чалый съ новой нетерпѣливой гримасой, потомъ разсмѣялся и прибавилъ:—эхъ, баринъ, какого вы тутъ форсу набрались въ Петербургѣ-то! Что жъ на насъ накидываться? Мы свое дѣло сдѣлали. Сколько я изъ-за этой Сербіи времени и денегъ потерялъ, а мнѣ даже и *таковскаго-сяковскаго* крестишки не повѣсили... Да я и не интересовался... Чортъ съ ними! Я штабныхъ презиралъ. Да это все вздоръ, а вотъ какъ вамъ моя-то исторія съ православными нравится?

Банарцевъ махнулъ рукой. Онъ не хотѣлъ больше растравлять самого себя—не стóило. Зачѣмъ онъ сталъ бы говорить Чалому, что все въ немъ оскорбляло его за дорогую для него идею, начиная съ этого сербскаго форменнаго платья? Попадалось ему на Невскомъ не мало добровольцевъ и въ офицерскихъ, и въ солдатскихъ пальто, и въ блузахъ. Въ послѣднюю недѣлю онъ встрѣчалъ и оборвышей, въ затасканныхъ, сербскихъ мундирахъ. Тѣмъ, вѣроятно, не на что было одѣться, а у Чалаго сохрани-

лось же свое платье, деньги, навѣрно, есть... Къ чему же это? Для одной, видимо, рисовки. А всѣхъ и все ругаетъ...

— Ахъ, Аполлонъ Николаичъ, — страстной и горькой нотой выговорилъ Банарцевъ,—отпѣтый мы народъ!

— Кто это?—окликнулъ Чалый, задорно осматриваясь.

Они уже стояли на тротуарѣ. Передъ ними вдали, сквозь моросившій дождь, виднѣлся памятникъ Петра, а вбокъ—желтобурыя каменныя массы Сенатской площади.

— Кто? — переспросилъ Банарцевъ, — мы, спасители... благодѣтели!..

Прежде, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ бы, пожалуй, разревѣлся — такъ ему стало не по себѣ. Петербургъ закалилъ его первы. Да и некогда было: изъ-за встрѣчи съ Чалымъ онъ и то опоздалъ на урокъ.

— Прощайте, баринъ!— крикнулъ ему Чалый.— Счастливъ вашъ Богъ, что вы, вмѣсто Дьюниша-то, на Выборгскую попали!

Онъ вскочилъ на извозчика. Банарцевъ побрелъ пѣшкомъ. Дождь продолжалъ моросить пополамъ со снѣгомъ.

# ТРУПЪ.

## I.

Тропинка заворачивала все вправо и манила въ густѣющую тѣнь старыхъ развѣсистыхъ елей.

Ашимова и Крупинскій шли медленно, останавливались на ходу, какъ любятъ дѣлать русскіе. Онъ—коренастый, русый, съ большими бакенбардами, въ поярковой темной шляпѣ, въ клѣтчатомъ лѣтнемъ костюмѣ, ниже средняго роста. На лѣвой щекѣ у него было крупное родимое пятно съ волосами. Она—почти высокая, для женщины, плечистая и пышная брюнетка, въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ, безъ шляпы, подъ зонтикомъ. На лбу, широкомъ и загорѣломъ, курчавилась чолка. Коса, густая и блестящая, лежала закругленнымъ концомъ на твердой шеѣ, тоже загорѣлой. Носъ и ротъ неправильные, немного рѣзковатые; но въ общемъ лицо—красивое и скорѣе чувственное. Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ выглядывали возбужденно и смѣло синевато-сѣрые, чисто русскіе глаза.

Дѣвушка шла крупнымъ шагомъ. Ея спутникъ старался идти съ ней въ ногу. Они были одного роста.

— И вы теперь, Лидія Кирилловна,—продолжалъ онъ разговоръ, начавшійся у опушки лѣса, десять минутъ передъ тѣмъ,—вы находитесь въ періодѣ инкубаціи?

— Чего?

Она негромко разсмѣялась.

— Инкубаціи-съ.

— Что это такое?

— Изволите притворяться. Вы дѣвица умственная и

страшныя слова вамъ знакомы... Инкубація значитъ назрѣваніе, высиживаніе, правильнѣе выражаясь.

И онъ засмѣялся. Съ ней онъ любилъ говорить въ шутливомъ тонѣ и въ этомъ же исключительно тонѣ, еще не такъ давно, ухаживалъ за нею, предлагалъ и руку. Она отдѣлалась также шутками. Между ними установилось, въ послѣднее время, пріятельство, и они часто искали случая говорить, безъ свидѣтелей, на прогулкахъ, о самыхъ интимныхъ своихъ дѣлахъ.

— Высиживаніе, — повторила Ашимова, наклонивъ голову въ сторону, точно она искала цвѣтка въ придорожной густой травѣ.

— А развѣ терминъ не точенъ?.. А?.. Разумѣется, инкубація. Этакъ, знаете, красивѣе звучитъ. Помните, и гётевскій Фаустъ, въ первой картинѣ, когда продѣлываетъ ученую чертовщину, то вскрикиваетъ по-латыни: Incubus! Incubus!

— Какая у васъ дьявольская память, Крупинскій... Настоящій прокуроръ!

— Вы это сказали съ такимъ выраженіемъ, точно въ мысляхъ своихъ употребили слово: сыщикъ. Что жъ! Отъ васъ мнѣ ничто не въ обиду. Обтерпѣлся, Лидія Кирилловна, когда ходилъ по вашимъ пятамъ, въ званіи претендента, и посягалъ на матримоніумъ.

— Полно, посягали ли какъ слѣдуетъ? — спросила дѣвушка, поднявъ на него длинныя рѣсницы, и лукаво улыбнулась своими большими сѣрыми глазами.

— Вотъ-те крестъ, посягалъ!.. Знаете, это болѣзнь такая. Нашъ братъ, холостякъ, подверженъ ей бываетъ въ періодъ отъ тридцати до тридцати пяти лѣтъ, когда у него начинаетъ сосать подъ ложечкой, при видѣ всякой благообразной отроковицы.

— Стало, я была для васъ—*всякая*, Крупинскій?

Она остановилась и взялась нервной рукой съ тонкими пальцами безъ перчатки за низкій сукъ дерева.

— Всякая! всякая! Не извольте придираться. Какъ это для самолюбія моего ни обидно, но я вамъ и декларацію дѣлалъ... по всѣмъ пунктамъ.

— Не помню, чтобы вы пришли и сказали просто: хотите, Лидія Кирилловна, быть моей женой, или письмо бы написали.

— Писать нельзя! Это документъ-съ!

Крупинскій дѣтски разсмѣялся, и его каріе и узкіе глаза слезливо заискрились.

— Вы говорили... экивоками... А что, если бъ я тогда взяла да и сказала: согласна!.. Вотъ поймались бы, ха-ха!

Смѣхъ ея зазвучалъ возбужденно, но не простодушно. Она была поглощена совсѣмъ другимъ, тѣмъ, о чемъ они начали дружески говорить съ самой опушки лѣса.

— Поймался бы, это точно... Во-первыхъ, я убѣждаюсь, что у меня для супружеской жизни нѣтъ самаго главнаго свойства,—онъ подмигнулъ и сказалъ какъ бы въ сторону, — вамъ съ этой психологіей надо, въ первую голову, ознакомиться въ настоящій моментъ.

— Какое же это свойство? — перебила она съ оттѣнкомъ задора, часто звучавшимъ въ ея тонѣ, даже когда она и не спорила, а спорить она вообще любила.

— Какое?—медленно переспросилъ Крупинскій.—Вотъ какое-съ: способность нести тягло...

— Это общее мѣсто, Крупинскій!

— Нѣтъ-съ! Извините! Тягло употребляю я не въ видѣ пустой метафоры, вмѣсто „узъ“, „ярма“ и прочихъ образныхъ выраженій, а въ прямомъ значеніи—въ мужицкомъ: тягло есть выполненіе совмѣстной жизненной задачи; это—паевое товарищество, во всемъ и во всякую минуту—вотъ, что я хочу сказать... И на такой подвигъ, да еще съ обязательствомъ выполнять его всю жизнь, я не гожусь... Подъ вліяніемъ временного умопомраченія думалъ, что способенъ на него, а теперь отрезвѣлъ.

— Ну, а во-вторыхъ? — допрашивала она, и въ ней какъ будто заговорило уязвленное чувство красивой дѣвушки, которой человѣкъ, увлекавшійся ею, шутливо говоритъ о своемъ теперешнемъ нежеланіи жениться. Она не вѣрила его полной искренности, хотя и не считала его ни фальшивымъ, ни склоннымъ къ рисовкѣ.

— Вы не забыли, значитъ, что я сказалъ: „во-первыхъ“? Въ женщинѣ это удивительно! Дальше „во-первыхъ“ ни одна изъ васъ никогда не найдетъ въ своей аргументаціи... Во-вторыхъ—продолжаю я—послѣ тридцати-пяти лѣтъ, холостякъ если не поймался, то дѣлается фанатикомъ своей свободы, такъ-называемой, прибавлю я, свободы, ибо свобода эта, въ сущности, свобода скуки или... или...

Онъ искалъ слова; губы его повела усмѣшка.

— Да говорите же!—нетерпѣливо крикнула Ашимова.

— Слово-то... самое прокурорское: или распутства... Ну,

а теперь, у меня, въ мѣстѣ моего служенія, подобралось общество довольно сносное: мужчины, не глупенькіе, — произнесъ онъ тоненькимъ голоскомъ,—барыньки, не вредненькія...

— Не вредненькія! Вотъ какъ вы смотрите на женщинъ; а еще морализируете! Не вредненькія! Въ какомъ же это смыслѣ?

Ея загорѣлыя, немного полныя и твердыя щеки начали быстро розовѣть.

— Въ какомъ смыслѣ?.. Да въ разныхъ. Это значитъ: не рожи, веселыя, добренькія, не гнушаются нашимъ братомъ.

— И вы къ нимъ, ко всѣмъ, относитесь, какъ закоренѣлый холостякъ? Онѣ для васъ—дичь; а вы—хищникъ... Разумѣется!

Дѣвушка сдѣлала жестъ головой, смѣлый и немного сердитый. Глаза ея стали темнѣть.

— Я-то хищникъ? Побойтесь Бога, Лидія Кирилловна! Только бы меня самого не обижали! Ну, разговоры ведемъ, о чувствахъ, конечно, а иногда и о принципахъ... Безъ этого нельзя—сами знаете... Въ дружбу играемъ; но чтобы насчетъ расторженія узъ—ни Боже мой!.. И безъ того ужъ про людей моей профессіи слагается такая легенда, что какъ, молъ, они куда-нибудь въ непочатый уголъ русской территоріи явятся—сейчасъ пойдетъ перетасовка, умыканіе чужихъ женъ, разныя комбинаціи законнаго и полузаконнаго характера на почвѣ семейственныхъ правъ и преимуществъ! Нѣтъ-съ, я какъ на исповѣди вамъ скажу—до сихъ поръ этимъ не занимался, а считая студенческіе годы, состою въ званіи молодого человѣка уже больше пятнадцати лѣтъ... Но и въ нашемъ захолустьѣ, и вездѣ, гдѣ я только ни служилъ, это повѣтріе все сильнѣе и сильнѣе забираетъ. Люди моей профессіи врядъ ли больше другихъ особъ мужского сословія грѣшатъ въ расторженіи семейныхъ узъ; но вообще это сдѣлалось уже не эпидемическою болѣзнью, а эндемическою, какъ въ Петербургѣ тифъ или дифтеритъ.

Они вышли на лѣсную полянку. Направо навалено было нѣсколько сосновыхъ бревенъ и свѣжее дерево отливало пріятнымъ, изжелта-розоватымъ цвѣтомъ своихъ стволовъ, лежавшихъ горкой.

— Присядемъ,—сказала Ашимова и указала рукой на бревна.

Ей не хотѣлось продолжать разговоръ все въ такомъ же тонѣ. Балагурство пріятеля начинало раздражать ее. Онъ, точно нарочно, не желаетъ откликнуться, мягко или рѣзко, это ужъ его дѣло, на то, что она, съ такой прямотой, сейчасъ открыла ему, во что̀ ушла теперь вся...

## II.

Солнце, сильно спустившееся къ закату, глядѣло сквозь сизо-зеленую листву нѣсколькихъ осинъ и темнѣющую, почти черную хвою елей. Его лучистая полоса легла на станъ дѣвушки, сѣвшей на бревно.

Ея спутникъ прилегъ на муравѣ, сбоку, и отмахивался вѣткой отъ мошекъ, роившихся вокругъ нихъ, предвѣщая такой же ведреный день и на завтра.

— Иванъ Захарычъ, — начала Ашимова болѣе низкой нотой, звукомъ пѣвицы съ сильнымъ mezzo-soprano,—оставимъ все это ненужное резонерство!

— Разсудительство,—поправилъ онъ.

— Что еще?.. Вы все съ вашими словечками!..

— Это я, недавно, въ мемуарахъ одного поэта прочелъ такое слово. Превосходное слово! Разсудительство,—медленно и вкусно повторилъ Крупинскій.

— Ну, хорошо. Но довольно... Вы другъ мнѣ, или нѣтъ?..

— Другъ, другъ!..

— Бросьте этотъ тонъ! Вы видите, что тутъ дѣло идетъ о жизни двухъ существъ.

— Трехъ.

— Какъ трехъ?—почти наивно переспросила она и откинула на плечо свой полосатый зонтъ.

— А какъ же? Вы *ее*, стало-быть, не считаете?

— Кого?

— Да жену!..

Двѣ-три секунды она помолчала, и тотчасъ же складочка залегла на ея переносицу, гдѣ густыя брови, свѣтлѣе волосъ на головѣ, почти сходились.

— Жену!.. Это само собою разумѣется!

— Нѣтъ, не само собою.

— Да кого же вы слушаете, Крупинскій? Вашу пріятельницу Ашимову? Ея судьба васъ интересуетъ, или какая-то женщина...

— *Какая-то!* Я съ такимъ опредѣленіемъ не согласенъ, Лидія Кирилловна

— Ахъ ты, Господи!—она вся всколыхнулась,—да вы не на засѣданіи суда, вы не заключеніе даете.

— Нѣтъ-съ, заключеніе. Вы хотѣли потолковать со мною по душѣ, значитъ, выслушать мое дружеское мнѣніе... А то изъ-за чего же бы вы стали говорить?.. Чтобы заявить, что, молъ, такъ-то и такъ-то я поступаю и желаю дальше поступать. Только для *констатированія* факта, какъ у насъ курьеръ одинъ выражается?

— Крупинскій! Я такъ не хочу!—въ голосѣ дѣвушки задрожали нервные звуки.—Это слишкомъ серьезно!..

— А я не серьезно говорю?

— Вы только придираетесь.

— Почему?

Крупинскій немного приподнялся и прислонилъ спину къ бревну. Лицо свое онъ держалъ въ полъ-оборота. Усмѣшка не сходила съ его толстоватыхъ губъ; но взглядъ былъ совсѣмъ не веселый; искреннее настроеніе сквозило въ выраженіи его ущемленныхъ умныхъ глазъ.

— Съ какой стати вы пристегнули ту?

— Жену? Вамъ это слово, Лидія Кирилловна, точно поперекъ горла стало... Нехорошо-съ!

— Безъ прописей, пожалуйста!

— Не хорошо, повторю я, другъ мой—не хорошо! Вы будете говорить, что я „приказный съ приписью“, но я возьму примѣръ изъ сферы гражданскаго права. Вы желаете вступить съ господиномъ Иксъ въ формальный договоръ...

— Сейчасъ и договоръ!..

— А то какъ же?—Крупинскій рѣзко обернулся къ ней всѣмъ туловищемъ. — Да что же мы, дѣти съ вами или полоумные?.. Извините меня! Какъ же не договоръ? Положимъ, онъ у насъ не передъ нотаріусомъ и не передъ господиномъ мэромъ заключается; но вѣдь если вы меня пригласите въ шафера, мнѣ отецъ дьяконъ подастъ книгу и я тамъ распишусь: „по невѣстѣ—коллежскій совѣтникъ Иванъ Захаровъ сынъ Крупинскій“. Такъ или нѣтъ?

— Ну, такъ; а потомъ что?

— Слѣдственно, это актъ, да еще притомъ таинство, а не что-либо иное. Вѣдь вы не желаете быть только подругой господина Икса? Позволите мнѣ римскій терминъ?.. Его *конкубиной?*.. По-русски это звучитъ гораздо хуже.

— Знаю!..

Складочка на переносицѣ дѣвушки обозначилась рѣзче.

— Стало-быть, вы желаете заключить договоръ; но для этого вамъ надо расторгнуть другой договоръ господина Икса, уже существующій и для него обязательный.

— Почему же *я* его расторгаю?

— А то кто же? Вы причина, вы поводъ. Вѣдь если бъ онъ вами не увлекся, ничего такого бы не случилось? Вы, значитъ, употребляя терминъ Спинозы, natura naturans, а человѣкъ, вами увлеченный,—natura naturata... Такъ или нѣтъ?

— Увлеченіе—если это увлеченіе, а не настоящая любовь—съ обѣихъ сторонъ.

— Положимъ, съ обѣихъ. Но поводъ все-таки вы. Вы сами говорили мнѣ и писали раньше, что господинъ Иксъ уже производилъ на васъ нападенія, въ видѣ элегическихъ и бравурныхъ арій, когда вы его еще не любили?

— Развѣ я виновата?

— Всѣ мы виноваты въ чемъ-нибудь, Лидія Кирилловна. Вы не виноваты въ томъ, что красивы и даровиты, и можете вызывать страсть; но тутъ не *двое*, повторяю я, завязаны въ дѣло; а *трое*. Чтобы способствовать расторженію, и притомъ насильственному, существующаго договора, вы, какъ честная дѣвушка, должны убѣдиться въ томъ, что та-то сторона — въ старомъ-то договорѣ — дѣйствительно несостоятельна, что господинъ Иксъ жертва, что никакихъ печальныхъ послѣдствій отъ такого расторженія ни для нея, ни для другихъ существъ не предстоитъ. Одна ли она?.. Вы до сихъ поръ мнѣ ничего не говорили... Или есть плоды этого союза?

— Есть,—тихо, но почти жестко выговорила дѣвушка.

— Ай-ай! И не одинъ плодъ?

— Цѣлыхъ трое.

— Стало, уже шестеро душъ завязаны въ дѣло?.. И можно такъ, какъ нѣмцы говорятъ: „Mir nichts, dir nichts“ рѣзнуть по живому мѣсту и выбросить изъ колеи нѣсколько человѣческихъ существъ? Славно! Знаете, когда я былъ гимназистомъ, меня ужасно восхищали пѣсенки Беранже, въ переводѣ Курочкина... И одинъ припѣвъ засѣлъ у меня въ головѣ на вѣки вѣковъ:

„Вотъ онѣ, вотъ—неземныя созданія—
Барышни, тра-ла-ла-ла!“

Неземныя созданія. Это точно!.. Ничѣмъ земнымъ не смущены, когда имъ чего захочется!

— Съ какой же стати, Крупинскій, вы вообразили, что

дѣвушка, какъ я, пойдетъ на такой шагъ „*mir nichts, dir nichts?*“ Я знаю, что этотъ союзъ — вы такъ громко выражаетесь—не можетъ продолжаться. Развѣ только тотъ договоръ можно расторгнуть, гдѣ кто-нибудь оказался недобросовѣстнымъ, формально нарушилъ его? Господи! Да коли нѣтъ больше любви?.. Нѣтъ и пониманія въ ней. Да, нѣтъ! Это двѣ натуры, ничѣмъ не связанныя, кромѣ обузы обязательныхъ отношеній. Онъ — артистъ, съ головы до пятокъ, ему нужна женщина—на высотѣ его таланта и его судьбы; а она—просто насѣдка, ограниченная, тошная, кислая, больная. Она не годилась бы для мужа и въ сидѣлки, будь онъ старикъ, а не человѣкъ, полный силъ.

Щеки ея уже пылали. Она говорила сильно, сочными нотами, и грудь ея слегка вздрагивала отъ избытка волненія.

— И все это вы знаете доподлинно или въ устной передачѣ господина Икса?

— Кто же вамъ давалъ право считать его лжецомъ? Да и отъ десятка постороннихъ лицъ я слыхала то же самое.

— Значитъ, рѣшеніе назрѣло и все, что я вамъ скажу, будетъ безплодно?—Онъ протянулъ руку. — Не сердитесь и дайте ручку. Все это прекрасно, Лидія Кирилловна, только смотрите, не перешагните черезъ трупъ...

— Черезъ трупъ?

— Я это не въ прямомъ, а въ образномъ смыслѣ... Не перешагните черезъ нравственный трупъ живого существа, не загубите души, которой вы сами не видали... Да и я тоже, къ сожалѣнію!..

Оба смолкли. Она полузакрыла голову зонтикомъ и повернула ее къ плечу. Слово „трупъ“ болѣзненно подѣйствовало на нее, но она не вѣрила пріятелю: въ немъ, на ея женскую оцѣнку, заговорило затаенное ревнивое чувство.

## III.

Дачная жизнь была уже позади. На дворѣ стоялъ петербургскій сентябрь, но еще свѣтлый и теплый, хотя мѣсяцъ подходилъ къ концу.

Въ легкой кофточкѣ возвращалась Ашимова домой, по набережной Фонтанки.

Она шла ускореннымъ шагомъ и положеніе головы показывало, что она озабочена.

Ей не хотѣлось опоздать, придти послѣ того, кого она ждала къ себѣ, около трехъ.

Больше недѣли они не видались. *Онъ* уѣхалъ въ Москву, прислалъ оттуда двѣ депеши, ничего не говорившія объ успѣхѣ ихъ „дѣла“. Сегодня онъ долженъ былъ вернуться съ курьерскимъ, но просилъ не встрѣчать его на вокзалѣ.

Она любитъ въ немъ эту деликатность и осторожность. Онъ желаетъ, чтобы для всѣхъ она была дѣвушка съ незапятнанной репутаціей. Отъ всякихъ поѣздокъ за городъ, въ увеселительныя мѣста, и лѣтомъ, и прошлой зимой, отъ троекъ и даже ресторановъ онъ воздерживался; а любилъ повеселиться. Этимъ онъ прямо показывалъ, что готовитъ ее себѣ въ жены, а не въ „конкубины“, какъ выражался ея пріятель Крупинскій.

Тотъ на службѣ, въ своей провинціальной трущобѣ, пишетъ ей рѣдко, какъ будто дуется на нее: они простились тамъ, на дачѣ, по варшавской дорогѣ, куда онъ пріѣзжалъ только для нея, не особенно нѣжно. Можетъ-быть, она сама была виновата. Но говорить съ нимъ по-душѣ, значило спорить или выслушивать его резонерство. Правда, онъ объяснялъ свои прокурорскіе допросы и заключенія—дружбой къ ней, боязнью, чтобы она, увлекшись, не пошла на какое-нибудь „нехорошее дѣло“.

И выраженіе „дѣло“ не выходитъ у ней изъ головы, какъ только она начнетъ думать о своей судьбѣ.

Вотъ и теперь *дѣло*, должно-быть, не очень двинулось въ Москвѣ. Тамъ онъ съѣхался съ ихъ адвокатомъ, возвращавшимся изъ Крыма. Оба они, каждый по-своему, должны были подѣйствовать окончательно на жену, на тошную Анну Семеновну.

Каждый разъ, когда она думаетъ объ этой женщинѣ—а думаетъ она о ней всякій день, иногда по нѣскольку разъ—она представляетъ ее себѣ угловатой, костлявой, съ желчевыми пятнами на лбу и на щекахъ, въ кацавейкѣ или сѣромъ вязаномъ платкѣ и стоптанныхъ туфляхъ, съ запахомъ камфарнаго спирта и валерьяны, плохо причесанной, полусѣдой, вѣроятно, полулысой...

Но она не видала никогда ея портрета, даже простой карточки. *Онъ* не показываетъ, и у него на квартирѣ, куда она стала заходить только съ весны, нигдѣ ея портретовъ нѣтъ. И это ее прельщаетъ. Все та же деликатность сказывается въ его поведеніи. Онъ не хочетъ,

чтобы она имѣла поводъ, хоть въ пустякахъ, ревновать къ его прошлому.

Развѣ можно ревновать къ *такому* прошлому? Онъ женился почти мальчикомъ, чуть не на второмъ курсѣ университета, на ровесницѣ. Въ такіе годы, всякая дѣвчонка, будь въ ней хоть что-нибудь сносное: глазки, или голосокъ, или наивность, ласка — кажется Лаурой Петрарки или тургеневской Асей. Ровесница тогда—теперь она его на десять лѣтъ старше: такъ всегда бываетъ для женщины, да еще замужней, съ болѣзнями, съ троими дѣтьми... Кажется, и еще были дѣти, только не жили.

И когда она перебираетъ все это, ей ничуть не жаль ни женщины, ни матери, ни жены, а вѣдь она не считаетъ себя ни злой, ни бездушной... Въ семьѣ, въ гимназіи, въ консерваторіи—она цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ училась въ разныхъ заведеніяхъ—ее любили, она слыла и слыветъ отличнымъ „товарищемъ“, давала всегда взаймы, оказывала всякія услуги: сколько народу пользовалось ея добротой! Вспыльчива, рѣзка—да, и не мало исторій имѣла съ начальствомъ—учителями и профессорами; обидчива чрезвычайно, спорщица, задорна, самолюбива — все что угодно, но не бездушна, не сухая эгоистка. Этого никогда не было и не будетъ!

И все-таки жалѣть эту тошную Анну Семеновну она не можетъ и нисколько себя въ этомъ не упрекаетъ.

Вчера, держа въ рукахъ листокъ депеши, отъ него, изъ Москвы, со словами: „Выѣзжаю, о результатахъ при свиданіи“,—она сразу распалилась на нее... Въ этихъ строкахъ телеграммы чуяла она что-то неладное, иначе онъ обрадовалъ бы ее хоть однимъ словомъ.

„Точно собака, — крикнула она про себя, нервно комкая листокъ депеши, — и сама не ѣстъ, и другимъ ѣсть не даетъ“.

И ей не стало стыдно этихъ грубыхъ, совсѣмъ уже не дѣвическихъ словъ.

Не совѣстно и теперь, по пути домой, думать все о томъ же, въ такихъ же почти рѣзкихъ и неизящныхъ выраженіяхъ.

Но она не можетъ иначе. Это выходитъ само собою. Ей кажется ея собственное положеніе такимъ яснымъ и непреложнымъ. И его положеніе также. Полюбилъ ее человѣкъ, вызвалъ и въ ней не пустую вспышку, не увлеченіе скучающей, вздорной и испорченной дѣвчонки, а

чувство дѣвушки по двадцать третьему году, въ которую не одинъ мужчина влюблялся, красивой, съ талантомъ, съ характеромъ, съ большимъ сознаніемъ своего достоинства. Ихъ „союзъ“, она часто употребляла мысленно это „прокурорское“ слово Крупинскаго, не вздорная или безпутная затѣя... Они созданы другъ для друга: у нихъ одна дорога, одинъ идеалъ: искусство, слава, высокія наслажденія, какія только и можно испытывать, когда увлекаешь тысячную толпу и она трепетно рукоплещетъ тебѣ.

Есть ли что проще, законнѣе, повелительнѣе этого? И кто же не позволяетъ? Какая-то отцвѣтшая, постылая и ординарная женщина, не желающая уходить... Ее просятъ: — „уйди, не мѣшай!“ а она упирается, вцѣпилась въ какія-то тамъ права.

Какія у женщины могутъ быть права, когда мужчина разлюбилъ ее?.. Развѣ у насъ контрактъ подписываютъ?

„Дѣти,—подумала Ашимова, когда была уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ своего дома,—ну, дѣти...“ Но онъ будетъ давать на воспитаніе... И ей предложатъ, или уже предложили, отступное.

Слово „отступное“ не покоробило ее, точно оно было самое обыкновенное, въ родѣ словъ: „неустойка“ или „задатокъ“, когда думаютъ о какомъ-нибудь условіи по найму квартиры или по ангажементу въ труппу.

На своемъ подъѣздѣ Ашимова обернулась и оглядѣла рядъ разноцвѣтныхъ домовъ, по ту сторону рѣки, загибавшихъ мягкой ломаной линіей. Свѣтъ игралъ въ окнахъ. Все смотрѣло весело. Воздухъ былъ бодрящій и подъ стать осеннему ясному дню.

Она прервала свои думы недовольнымъ возвратомъ къ самой себѣ. Зачѣмъ она себя такъ разстраиваетъ прежде времени? Можетъ-быть, онъ вернется съ доброй вѣстью. Когда только она отучится отъ забѣганій впередъ, когда будетъ умѣть сдерживать свой слишкомъ пылкій и тревожный нравъ?..

„Темпераменту отбавьте, барышня, отбавьте, голубушка“, — припомнились ей смѣшливыя слова опять все того же прокурора и пріятеля, изъ нхъ предпослѣдней прогулки въ лѣсу, дня за три до его отъѣзда.

„А какъ его отбавишь“,—съ усмѣшкой своихъ яркихъ и пышныхъ губъ спросила она, и, скоро и громко дыша, начала подниматься въ четвертый этажъ.

Она нанимала, уже вторую зиму, двѣ комнаты, отъ хозяйки, служащей въ думѣ, бывшей классной дамы, тихой и чрезвычайно воспитанной вдовы. Мебель наполовину была ея собственная — почти все, что стояло въ спальнѣ.

Но и на площадкѣ, когда она надавила пуговку электрическаго звонка и перевела духъ, ее опять схватило за сердце, и такъ непроизвольно, съ такимъ яснымъ физическимъ ощущеніемъ нытья... Она знала, что сердце у нея здоровое. А въ предчувствія она не хотѣла вѣрить... Никакихъ суевѣрій она за собой не признавала, и ея товарки по ученію, еще съ гимназіи, говорили про нее въ голосъ: „Ашимова ничему не вѣритъ, даже числа тринадцать не боится!..“

„Вздоръ, — сердито прикрикнула она на себя, — все чего-то боюсь, безпричинно боюсь, и совершенно поженски... по-бабьи“,—задорно поправила она себя.

## IV.

Ея гостиная—квадратная, высокая комната, давно не казалась ей такой нарядной.

Одну стѣну, вплоть до двери въ спальню, занималъ кабинетный рояль. Въ углу стоялъ рѣзной орѣховый столикъ съ плюшевой обивкой, со множествомъ портретовъ и бронзовыхъ вещей и съ хорошенькой лампой.

Мебель была всякая: и мягкая, поизящнѣе и подороже—ея собственная, и съ деревянной обшивкой—хозяйская. Большой коверъ покрывалъ, до половины, паркетный полъ. Узоръ портьеръ и гардинъ, цвѣты, запахъ царской воды—все это прихорашивало комнату.

Ашимова оглядѣла свою гостиную долгимъ взглядомъ и сначала возбужденные глаза затуманились: такіе переходы дѣлались у ней чрезвычайно быстро.

Ей пришла вдругъ на умъ фраза: „настоящая квартирка содержанки“. И она не могла ее прогнать. Почему именно теперь, вотъ сейчасъ, ея комнаты показались ей похожими на это—она не могла объяснить... И когда она прошла въ спальню, такую же просторную и очень свѣтлую, то это сравненіе только усилилось.

Она сняла шляпу медленно, въ разсѣянной, озабоченной позѣ, у туалетнаго столика и не глядя на себя въ зеркало.

„Разумѣется,—думала она, подчиняясь опять настрое-

нію, въ какомъ шла по Фонтанкѣ,—разумѣется, и хозяйка, и горничная Ѳеклуша, и старшій дворникъ, и швейцаръ Нефедъ—считаютъ меня „барышней съ поддержкой“.

Она недавно слышала это выраженіе отъ кого-то изъ своихъ товарищей по консерваторіи. Значитъ, оно уже въ ходу въ Петербургѣ.

„Да, барышня съ поддержкой!“ И какъ же можетъ быть иначе? Хозяйка знаетъ, что она близка съ нимъ, вотъ уже второй годъ; знаетъ его и какъ артиста; нѣсколько разъ говорила съ нимъ у нея; знаетъ и то, что онъ давно женатъ, какимъ образомъ, неизвѣстно, но знаетъ. Это чувствуется въ томъ, какъ она говоритъ про нихъ обоихъ. Для прислуги онъ и подавно тотъ самый господинъ, который ее поддерживаетъ.

А вѣдь это неправда. Она живетъ на свои средства... Или лучше — доживаетъ на нихъ. Еще годъ, и у нея ничего не останется, или останется доходъ въ какихъ-нибудь триста рублей. Но до тѣхъ поръ она будетъ на сценѣ, его женой и подругой на артистической дорогѣ.

„Барышня съ поддержкой!“—почти вслухъ выговорила она, разстегнула кофточку и бросила ее на стулъ.

Это была бы безобразная, возмутительная клевета! О деньгахъ, о матеріальныхъ вопросахъ у нихъ никогда и рѣчи не заходило. Даже и теперь, когда они уже смотрятъ другъ на друга, какъ на обрученныхъ, у нихъ не было еще ни одного серьезнаго разговора о томъ, какъ они устроятъ совмѣстную жизнь. Никогда онъ не спрашивалъ ее подробно о томъ, на какія средства она живетъ, но она, на первыхъ же порахъ знакомства, говорила ему, что живетъ на небольшой капиталецъ, оставленный ей теткой; не скрывала и того, что она проживаетъ уже этотъ капиталецъ и разочла, чтобы ей хватило, по окончаніи ученія, на два года, съ поѣздкой за границу, въ Парижъ и Миланъ, до поступленія на оперную сцену.

И съ первыхъ же дней ихъ теперешней близости она не позволяла ему платить за себя, въ пустякахъ, извозчику или за билетъ. Это ему нравится, потому что онъ самъ деликатный и осторожный.

Подарки принимала—но какіе?.. Корзину цвѣтовъ, вонъ ту лампу, рамки для портретовъ, два коврика, ящикъ къ именинамъ съ дюжиной перчатокъ... Да и то изъ-за этихъ перчатокъ вышло объясненіе. Это отзывалось порядочной

суммой—вмѣстѣ съ ящикомъ: рублей на сто, а можетъ быть и больше.

И еще одинъ, довольно цѣнный подарокъ. Она получила, прямо изъ Парижа—боа изъ страусовыхъ перьевъ. Это могло стоить франковъ двѣсти... Она рѣшительно не хотѣла принимать, но онъ такъ мило просилъ, надѣлъ на себя,—она разсмѣялась и не могла устоять противъ соблазна,—боа было самое модное и ни на комъ еще она не видала точно такого.

Туалетъ онъ обожаетъ и цѣнитъ въ ней умѣнье одѣваться... Не одни только платья, а всѣ детали, всѣ мелочи. Смыслитъ онъ во всемъ этомъ больше любой женщины. И съ тѣхъ поръ, какъ они стали близки, она—неузнаваема въ своемъ туалетѣ. Конечно, тратитъ она больше прежняго, особенно на обувь, перчатки, шляпки, но не безобразно много.

Онъ артистъ съ головы до пятокъ. Его оскорбляетъ все некрасивое, старомодное, безвкусное или крикливое, всякая небрежность и неопрятность.

Любимая его поговорка: „женщина — произведеніе искусства".

Конечно, онъ и къ женѣ началъ охладѣвать оттого, что она такая неизящная, костлявая, нечистоплотная...

„Съ запахомъ камфары и валерьяны",—прибавила Ашимова съ полной увѣренностью, такъ живо представила она себѣ все это, будто струя ненавистныхъ ей запаховъ пролилась по комнатѣ.

И къ чему она себя успокаиваетъ и защищаетъ? Вѣдь она же знаетъ, что ни одного рубля отъ него не получала, что на квартиру, столъ, платье, извозчиковъ, театръ — расходуетъ она изъ своихъ собственныхъ денегъ.

— Богъ знаетъ, что такое! — громко выговорила Ашимова и быстро подошла къ широкому шкапу, откуда достала новый пеньюаръ, сшитый на-дняхъ, изъ свѣтлой фланели съ кружевами.

Она мечтала сдѣлать ему сюрпризъ. Онъ ей все совѣтовалъ ходить дома въ чемъ-нибудь болѣе покойномъ и легкомъ, и вмѣстѣ изящномъ, гдѣ бы было побольше красивыхъ складокъ. О ея бюстѣ и линіяхъ тѣла онъ говоритъ всегда, какъ истый художникъ, съ особой блуждающей улыбкой. Да и вредно пѣть и аккомпанировать себѣ, затянутой въ жесткій лифъ, съ узкими рукавами.

Въ пеньюарѣ рукава откидные и руки на полной сво-

бодѣ, ея наливныя, удивительно бѣлыя руки, которыхъ не коснулся лѣтній загаръ.

Поспѣшно она переодѣлась.

И когда она встала передъ трюмо, поправляя кружево на плечахъ — кружево было дорогое, оставшееся отъ покойной матери—сзади, въ зеркалѣ, отразилась вся спальня съ кроватью, отдѣланной гипюровой кисеею, туалетомъ, кушеткой, умывальнымъ столомъ.

Вся эта комната смотрѣла весело и такъ же нарядно, какъ и гостиная. Въ ней не было ничего яркаго, нескромнаго; но Ашимову опять охватило жуткое чувство, и она не могла его отбросить.

Она зажмурила глаза и повернулась къ зеркалу спиной. Запахъ, стоявшій въ комнатѣ, усилилъ ея жуткое чувство. Въ немъ были и пудра, и eau de Botot, и духи, подаренные имъ. Вся эта смѣсь говорила не о строгой, трудовой жизни одинокой дѣвушки, а о чемъ-то совсѣмъ иномъ: о постоянномъ желаніи нравиться, о заботахъ и привычкахъ красивой женщины, у которой есть тайная связь.

Когда она раскрыла глаза—слова: „квартира содержанки“ точно выскочили у ней, откуда-то, въ головѣ, и она не могла отдѣлаться отъ вѣрности впечатлѣнія, хотя и знала, что она честная дѣвушка, что у ней есть женихъ, или что то же: человѣкъ, расторгающій для нея свой первый бракъ, что она, наконецъ, не принадлежитъ ему вполнѣ, что она не шла съ нимъ дальше близости, допустимой въ обрученныхъ.

Порывисто и съ раскраснѣвшимися щеками вышла она изъ спальни и подбѣжала къ письменному столику, гдѣ взяла бронзовые часики и приблизила ихъ къ глазамъ, по близорукости.

Было уже десять минутъ четвертаго, а его все нѣтъ.

„Пріѣхалъ ли?.. Не случилось ли чего?“—съ неожиданной тревогой спросила она, скорѣе облегченная этимъ безпокойствомъ: оно отгоняло отъ нея назойливыя и жуткія мысли.

## V.

Звонокъ раздался отрывисто и рѣзко.

Ашимова вся всплыхнула и остановилась посреди гостиной. Выбѣжать ей стремительно захотѣлось; но онъ этого не любилъ—изъ-за прислуги.

Она поправила еще разъ кружево на шеѣ и взялась

рукой за густую косу — это былъ ея обычный жестъ въ минуты внезапнаго волненія или раздумья.

Вотъ онъ снимаетъ пальто и о чемъ-то тихо спрашиваетъ горничную. Съ нею онъ иногда шутитъ.

Въ дверь постучали. Онъ всегда это дѣлаетъ и называетъ русскую замашку прямо входить—„порядочнымъ варварствомъ“.

— Войдите, — откликнулась она, точно постороннему на „вы“.

Они были на „ты“, только съ-глазу-на-глазъ; даже при горничной или хозяйкѣ воздерживались они отъ „ты“.

Въ дверяхъ остановился мужчина сорока лѣтъ, рослый, немного полный, съ округленными плечами, блондинъ, очень старательно и молодо одѣтый, по-лѣтнему. На черепѣ, маленькомъ по росту, курчавились волосы, порѣдѣлые на лбу, коротко подстриженные. Бородка и довольно длинные усы были изысканно причесаны и подзавиты. Въ глазахъ, голубыхъ и круглыхъ, играла усмѣшка здороваго сангвиника, всегда довольнаго собою, какъ мужчиной и артистомъ.

Всякій бывалый человѣкъ призналъ бы въ немъ актера или пѣвца.

— Наконецъ-то!—сдавленнымъ звукомъ крикнула Ашимова и подбѣжала къ нему.

Они обнялись. Онъ поцѣловалъ ее въ глаза и въ волосы... Она совсѣмъ замерла отъ этихъ ласкъ и нѣсколько секундъ ничего не могла выговорить.

— Заждалась, милая?— спросилъ онъ вполголоса, придерживая ее за талію посрединѣ комнаты.—Прости! Меня задержали на Невскомъ. Знаешь русскую манеру начинать на тротуарѣ безконечный разговоръ.

Голосъ его вздрагивалъ въ груди. Тембръ былъ баритонный.

— Ну, сядь, сядь здѣсь, — пригласила она его на диванчикъ, стоявшій около этажерки, противъ рояля.

И ей вдругъ стало свѣтло и бодро на душѣ. Въ тонѣ его словъ, въ блескѣ глазъ, во всей посадкѣ не зачуяла она ничего непріятнаго.

Рука ея осталась въ его рукѣ. Она опустила голову на его мягкое, округленное, по-женски, плечо и, порывисто вдыхая въ себя воздухъ, выговорила:

— Съ чѣмъ вернулся?

Въ натурѣ ея лежало: идти прямо туда, гдѣ опасно,

малодушно не откладывать ничего, что имѣетъ рѣшительное значеніе. Вотъ почему она любила экзамены, конкурсы, всякія состязанія, вотъ почему считала она себя рожденной для сцены, гдѣ все надо брать съ бою.

Задавая такъ поспѣшно этотъ вопросъ, она какъ бы хотѣла отдѣлаться совсѣмъ отъ мысли, что она „барышня съ поддержкой“. Онъ объявитъ, что все улажено, и черезъ мѣсяцъ или черезъ полгода—вѣдь это все равно — она его жена и будетъ считаться его невѣстой, съ нынѣшняго дня, передъ всѣмъ свѣтомъ.

— Съ чѣмъ вернулся?

Онъ повторилъ эти слова замедленно и тотчасъ же поцѣловалъ ее, какъ бы желая напередъ утѣшить.

— Нейдетъ на разводъ?

Ея голосъ раздался глухо. Она подняла голову и смѣло взглянула ему въ глаза.

Въ нихъ она прочла что-то двойственное; но ротъ его съ извилистыми, еще молодыми губами, улыбался.

— Нейдетъ,—выговорилъ онъ и поднялъ плечи.

Рука ея, лежавшая въ его рукѣ, выпала.

Она вскочила и заходила по комнатѣ.

— Но вѣдь это подло, наконецъ! — крикнула она, съ пылающими щеками.—Что же нужно для того, чтобы она смиловалась?.. Вѣдь мы не рабы ея бездушнаго эгоизма и самодурства? Этому имени нѣтъ! Имени нѣтъ!

Съ рояля она схватила свертокъ нотъ и начала бить имъ по ладони лѣвой руки, все еще продолжая большими шагами ходить взадъ и впередъ передъ диваномъ.

Онъ сидѣлъ.

— Милая, не волнуйся!

— Я знаю! Ты такъ благороденъ, что будешь и ее защищать. Но это такъ жестоко, такъ...

Она искала слова, чтобы не разразиться бранью: онъ не любилъ ничего вульгарнаго, и это ее удержало.

Такъ же порывисто присѣла она къ нему на диванъ и опять взяла за руку.

— Ну, скажи... Значитъ, и адвокатъ не подѣйствовалъ?.. Онъ былъ тамъ?

— Былъ! Цѣлыхъ двое сутокъ уговаривалъ... Потомъ и я... Уперлась на одномъ: живите, я *вамъ* не мѣшаю; но взять на себя вину не могу: это значитъ—признавать себя виновной, а я не виновата. Бракъ — таинство! Я его не нарушала.

— Вѣдь ей же предложено?..

Слово „отступное“ остановилось у ней на губахъ.

— Объ этомъ и слышать не хочетъ... Какъ только адвокатъ заикнулся—съ ней сдѣлался сильнѣйшій припадокъ, насилу оттерли.

— Скажите пожалуйста!

Ашимова сдѣлала презирающій жестъ свободной рукой; въ ея потемнѣвшихъ глазахъ блеснула ненависть къ разлучницѣ, усиленная тѣмъ, что она смѣетъ еще падать замертво отъ оскорбленнаго чувства, какъ будто они, то-есть мужъ ея и та, кого онъ полюбилъ, ниже ея по своимъ чувствамъ!..

— Это ея дѣло!

— И ты, Анатолій, вѣришь въ такое безкорыстіе?

— Не въ томъ вопросъ, милая... Надо довести ее до того, что намъ необходимо. Средство одно: взять вину на себя.

— Никогда!—крикнула Ашимова.— Это значитъ—идти на огромный рискъ. Всякій можетъ донести на насъ, если бы даже и нашелся священникъ, который согласится обвѣнчать...

— Погоди,—все съ тою же блуждающею улыбкою остановилъ онъ ее,— да и на это надо получить ея согласіе. Она вѣдь не говоритъ, что ей самой необходима свобода, потому она и не хочетъ брать вину на себя... Уперлась на томъ, что такъ нельзя, совѣсть ей не позволяетъ... И дѣтей тутъ приплела.

— Дѣтей?— спросила Ашимова такимъ звукомъ, точно она въ первый разъ услыхала о ихъ существованіи.

— Ну, да, дѣтей,—наморщивъ лобъ, повторилъ онъ.— Видишь, по ея разсужденіямъ, разводъ—нравственная гибель для дѣтей... Лучше такъ разъѣхаться, но не отнимать совсѣмъ у дѣтей отца или мать, или обоихъ вмѣстѣ.

— Это фарисейство! Всякая ханжа такъ разсуждаетъ! А просто—впилась въ человѣка и не хочетъ никому уступать его! Гадость какая!

Плакать она не могла; но въ горлѣ перехватывало и она близка была къ нервному припадку.

Онъ, молча, привлекъ ее, и она прильнула къ нему, чувствуя, какъ глаза ея становятся влажными.

— Переждать надо, — тихо заговорилъ онъ, покрывая ея лобъ и глаза короткими поцѣлуями. — Не волнуйся... не порти себѣ крови!

Его голосъ звучалъ мягко и безпомощно. Жалость зажглась у ней въ сердцѣ, жалость не къ нему одному, а и къ себѣ, къ нимъ обоимъ. Больше года любятъ они другъ друга, сдерживаютъ себя; страсть въ нихъ трепещетъ, а они должны томиться. Во имя чего?..

Сколько разъ онъ самъ почти убѣгалъ отъ ея ласкъ— и она съ полусознаннымъ эгоизмомъ дѣвушки не хотѣла понять, какъ ему трудно бороться съ собою.

Ждать! Чего же ждать?.. И неужели отъ того только они будутъ достойны презрѣнія, что ихъ законному счастью мѣшаетъ какая-то дрянная ханжа и лицемѣрка?

Бѣлыя руки ея обвились вокругъ его шеи... Она часто и съ возрастающимъ пыломъ начала цѣловать его.

— Лидія! — шепталъ онъ. — Радость моя!.. Пощади меня!..

— Нѣтъ, не надо!.. Прости!.. Я сама была эгоистка... Два раза не живутъ на свѣтѣ!

Злобное чувство примѣшивалось къ взрыву ея страсти. Она точно мстила той женщинѣ, хотѣла показать, что презираетъ въ ней права жены, что ихъ любовь выше ея затхлой и себялюбивой морали.

Голова у нея закружилась.

Ни страхъ за будущее, ни уколъ совѣсти ни на секунду не смутили ея... Она бросалась на встрѣчу всему...

## VI.

Весна—тяжкая и запоздалая—поливала городъ мелкимъ дождемъ и держала его въ постоянной мглѣ.

Въ сумеркахъ, наступившихъ слишкомъ рано, Лидія Кирилловна лежала одѣтая, на постели, все въ той же квартирѣ.

Ей было сильно не по себѣ. Съ утра чувствовала она страшную слабость... Голова, отъ мигрени, минутами совсѣмъ замирала.

Она ждала.

Ея душевное состояніе дѣлалось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже... Факты стояли передъ нею; давили... Скоро — не больше, какъ черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль—она будетъ матерью.

Это подкралось такъ неожиданно, такъ предательски... „Неожиданно“—для нея, какъ для всякой дѣвушки, увлеченной страстью. Но въ этомъ она не винитъ *его*, не винитъ и себя. Такъ должно было случиться... Виновни-

ца — все та же, ненавистная ей женщина, Анна Семеновна, жена Анатолія Петровича Струева. Столько мѣсяцевъ прошло—и ничто не сдѣлано. Они не обвѣнчаны. Та—какъ собака—это сравненіе Ашимова употребляетъ каждый день — лежитъ на сѣнѣ, и сама не ѣстъ, и другимъ не даетъ.

Зима прошла, или лучше проползла слишкомъ быстро и не дала ничего... Дебютировать ей не удалось. Не могла она и уѣхать въ Италію, поучиться въ Миланѣ... Не могла, не по неимѣнію средствъ, а потому что не хотѣла оставить его, надѣялась на дебютъ здѣсь. Теперь нельзя показаться на сценѣ... Дебютъ ей предложили весной. Но какъ же она выйдетъ, въ ея положеніи?

Здоровье покачнулось и такъ быстро. Она почти всю зиму пролежала въ постели или на кушеткѣ. Съ поста стало уже совѣстно показываться къ знакомымъ. Внутри у ней клокотало. Изъ-за самодурства и злости старой, постылой жены, она не должна выносить такія страданія. Что жъ тутъ позорнаго, что она дѣлается матерью, когда она любитъ, любима, честна, до педантизма, во всемъ, въ послѣднемъ пустякѣ; когда ея права на уваженіе и признаніе ея чувства неизмѣримо выше, чѣмъ у той постылой и ехидной женщины?

Все это давитъ и его. Онъ — артистъ. Ему нужна подруга во всемъ блескѣ и обаяніи молодости, здоровья, красоты, вѣры въ свои силы. А она хирѣетъ, не можетъ скрывать своего унынія и раздраженія. Съ ней онъ, попрежнему, деликатенъ; но ему тяжко.

Нѣсколько разъ она не воздержалась, стала упрекать его въ томъ, что онъ не достаточно энергически дѣйствуетъ... Но что же ему дѣлать?.. Не зарѣзать же свою жену, не отравить же ее? Насильно онъ не можетъ заставить ее дать разводъ.

Пригрозить, что отберетъ дѣтей? Она доходила до того, что указывала ему и на это средство. Онъ не поддавался; по крайней мѣрѣ, ничего самъ не говорилъ въ такомъ направленіи... Разъ только сообщилъ, что совѣтовался съ адвокатомъ насчетъ дѣтей. Тотъ ему сказалъ:

— Добровольно она не отдастъ. Дѣти ее любятъ... По приговору суда вы врядъ ли получите ихъ. Скорѣе она могла бы добиться того, что васъ заставятъ давать на содержаніе дѣтей.

Онъ ничего на воспитаніе ихъ не даетъ—она не тре-

будетъ, не пристаетъ. Но это только тактика, средство отнять малѣйшій поводъ предъявить къ ней какое-нибудь неудовольствіе... Пускай всѣ считаютъ ее мученицей и праведницей!.. А на нихъ падетъ весь позоръ.

Но въ чемъ же „позоръ“?

Этотъ вопросъ задаетъ она себѣ безпрестанно и сознаніе своей правоты гложетъ ее и усиливаетъ хворость, мѣшаетъ работать, отнимаетъ всякую бодрость духа.

Больше недѣли, какъ она не присаживалась къ инструменту и не вокализировала. Да и голосъ сталъ глуше, слабѣе и грубѣе. Минутами она боится и совсѣмъ его потерять.

И тогда, что съ ней будетъ?

Она доживаетъ свой капиталецъ. Еще одинъ сезонъ— и не останется и двухсотъ рублей—процентовъ, а развѣ на это можно жить? Безъ голоса одинъ заработокъ — давать уроки. Но нынче столько преподавательницъ пѣнія... Мрутъ съ голоду. Да это только для себя одной, а вѣдь черезъ шесть недѣль тутъ будетъ еще существо... Его надо кормить, одѣвать, воспитывать, учить. Брать съ отца — постыдно. Это будетъ значить: ты обязанъ содержать и ребенка, и меня, потому только, что я тебѣ отдалась... Не ея личность значила что-нибудь, не душа, не талантъ, не нравственныя правила, а только смазливое лицо, да роскошная фигура, какъ первая попавшаяся содержанка, какъ „барышня съ поддержкой“, то, чего она такъ страшилась, что вызывало въ ней такое отвращеніе.

Ашимова повернулась лицомъ къ двери въ гостиную и ей стало опять нестерпимо тяжко отъ головной боли и замираній сердца.

Она ждала его больше двухъ часовъ. Онъ обѣщалъ заѣхать послѣ репетиціи. Всѣ эти дни онъ какъ-то и возбужденъ, и озабоченъ... Точно онъ что скрываетъ отъ нея; но ужъ навѣрно не какую-нибудь радостную вѣсть.

Голова такъ у ней закружилась, что она не услыхала звонка въ передней. Горничная просунула голову въ дверь и шопотомъ окликнула ее:

— Барышня!.. Лидія Кирилловна!

— Что такое?

Она съ трудомъ овладѣла собою.

— Къ вамъ баринъ...

— Зачѣмъ же вы докладываете?.. Просите!

— Да не Анатолій Петровичъ... Вотъ карточку приказали отдать.

На карточкѣ Ашимова прочла фамилію ихъ адвоката. Она съ нимъ никогда не встрѣчалась. Всѣ переговоры велись Анатоліемъ Петровичемъ. Сначала она цѣнила эту деликатность; а потомъ жалѣла, что ее не допускаютъ.

Быстро встала она съ постели и приказала горничной просить въ гостиную. Ея головокруженіе прошло сразу, и она успѣла поправить прическу передъ трюмо.

У рояля увидала она человѣка немолодого, плотнаго, съ сѣдѣющей бородой, въ золотыхъ очкахъ, немного сутулаго, въ длинномъ сюртукѣ. Онъ смотрѣлъ скорѣе профессоромъ, чѣмъ адвокатомъ.

Его взглядъ—добрый и затуманенный—поверхъ очковъ прошелся по ней, и она сейчасъ же подумала: „онъ знаетъ, въ какомъ я положеніи".

Но это уже не смутило ее. Адвокатъ—сообщникъ, если не другъ. Струевъ долженъ былъ много разъ говорить ему, что имъ *нельзя* ждать, что положеніе ея отчаянное, какъ дѣвушки изъ порядочнаго общества и будущей жены его.

— Анатолій Петровичъ,—заговорилъ онъ мягкимъ теноркомъ,—просилъ меня заѣхать къ вамъ, Лидія Кирилловна, и побесѣдовать.

— А онъ развѣ не будетъ?—живо спросила она, еще не подавая ему руки.

— Вѣроятно, позднѣе.

Они сѣли на тотъ самый диванъ, гдѣ, восемь мѣсяцевъ назадъ, ее охватила роковая жалость къ себѣ и Струеву.

— Имѣю честь отрекомендоваться,—сказалъ адвокатъ съ добродушной усмѣшкой въ глазахъ.—Для васъ я былъ, до сихъ поръ, звукъ пустой, или таинственный незнакомецъ, какъ въ старинныхъ романахъ писали.

Съ нимъ ей стало сразу очень ловко. Она тихо разсмѣялась.

— Какъ здоровьице?—спросилъ онъ тономъ домашняго доктора. — Анатолій Петровичъ говорилъ мнѣ, что вы сильно волнуетесь и падаете духомъ. А это нехорошо. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, и въ каждомъ дѣлѣ выдержка необходима.

„Развѣ ты только за этимъ ко мнѣ пожаловалъ?" — рѣзко остановила она его про себя.

— Съ чѣмъ же онъ васъ посылаетъ? — Ашимова поглядѣла на него пристально, почти строго.

— Да за разрѣшеніемъ одного—какъ бы это сказать—деликатнаго вопроса... вопроса вашей совѣсти.

„Почему же Анатолій самъ не поставилъ мнѣ этого вопроса?“ смущенно подумала она, но воздержалась отъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

„Значитъ такъ надо“, кротко рѣшила она, чувствуя, что съ этимъ мягкимъ посредникомъ ей не придется воевать.

— Моей совѣсти? — переспросила она и опустила свои густыя рѣсницы.

— Такъ точно, Лидія Кирилловна. Вамъ положеніе дѣла извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ. Стало-быть, я могу и не вдаваться въ ненужныя подробности.

— Конечно!

— Я не буду допрашивать васъ и о томъ: кому принадлежала мысль произвести давленіе на госпожу Струеву насчетъ дѣтей.

— Да развѣ Анатолій—она не успѣла прибавить „Петровичъ“—началъ дѣйствовать?

Это ее обрадовало и она не устыдилась своего злорадnаго чувства. Ей понравилось и то, что Анатолій ничего не сказалъ ей объ этомъ, не желая ее вмѣшивать въ такой образъ дѣйствій.

— Да-съ,—отвѣтилъ адвокатъ грустно и мягко.

— Черезъ васъ?

— Если угодно — черезъ меня, хотя скажу вамъ въ скобкахъ, мнѣ это было не особенно пріятно... Я переслалъ Аннѣ Семеновнѣ письмо его и, съ своей стороны, отъ всякихъ совѣтовъ и застращиваній воздержался.

Онъ поглядѣлъ на нее опять поверхъ очковъ, и въ его взглядѣ она увидала затаенное сожалѣніе.

## VII.

Тонъ адвоката обезоруживалъ ее, но въ то же время ей не хотѣлось выходить изъ своего душевнаго настроенія.

Нельзя было оставить безъ отвѣта и его мягкое допытываніе насчетъ того—кто именно далъ мысль дѣйствовать угрозой.

— У меня нѣтъ никакой нужды преслѣдовать эту женщину,—заговорила она отрывисто, съ пренебрежительной миной рта, — но надо же какимъ-нибудь путемъ довести ее до сожалѣнія, сломить ея злую волю.

— Злую волю,—повторилъ адвокатъ.—Вы увѣрены въ этомъ, Лидія Кирилловна?

— Боже мой!.. Это тянется цѣлый годъ и она не хочетъ понять, черезъ что я проходила и прохожу...

Протяни онъ ей руку—она бы разрыдалась.

Но горделивая натура взяла тотчасъ же верхъ. Не станетъ она плакать!.. И безъ всякихъ жалобъ всякій видитъ, каково ей.

Адвокатъ отвелъ лицо и сидѣлъ въ такой позѣ, какъ будто онъ не рѣшался ей что-то объявить.

— И, разумѣется, Анатолій посылаетъ васъ съ дурною вѣстью?—быстро спросила она.

— Лидія Кирилловна, матушка, — особенно мягко началъ онъ и поглядѣлъ на нее своими кроткими глазами, гдѣ она не могла ничего прочесть.—Вы ясно изволите говорить: злая воля... И ее надо пожалѣть, и въ ея душу войти...

— Она не заслуживаетъ этого!

— Погодите, милая барышня... минуточку... Ваше слово впереди... Ну, переслалъ я ей письмо Анатолія Петровича... Отвѣта нѣтъ. Онъ меня торопитъ... Я съѣздилъ въ Москву... А ужъ куда мнѣ не рука была, по правдѣ сказать...

— И что жъ?

— Нашелъ ее въ ужасномъ положеніи.

— Почему? Она не нуждается!.. У ней есть свои средства. И Анатолій готовъ...

— Позвольте... Не матеріально... Развѣ одна только денежная нужда ужасна? Душевно убитою нашелъ я ее, въ такомъ разстройствѣ, что, вѣрите, я не могъ выдержать... заплакалъ... Извините... Лгать не стану.

— Психопатка!

— Психопатія эта весьма понятная. Вхожу — на столѣ лежитъ ея старшая дочь.

— Дочь?

Нервная дрожь пронизала Ашимову и она не могла сдержать ее.

— Да, дѣвочка по тринадцатому году... И красавица... Въ три дня унесло! Крупъ, что ли... Знаете, у меня тоже дѣти... Цѣлыхъ четверо... И мы потеряли одного. Но я такого отчаянія еще не видалъ... въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, кругу.

Онъ не докончилъ и опустилъ голову, чтобы скрыть свое волненіе

„Какъ же Анатолій мнѣ ничего не сказалъ,—подумала Ашимова.—По деликатности?".

— Анатолій Петровичъ не хотѣлъ васъ тревожить,— обронилъ адвокатъ.

— А на него какъ это подѣйствовало?

Вопросъ вылетѣлъ у нея порывисто, и она тотчасъ же упрекнула себя за него.

— Онъ—мужчина. У него другой характеръ... И для него ударъ... Свое дѣтище... Знаете, такая жестокая смерть заставляетъ забывать многое... Увѣряю васъ, Лидія Кирилловна, что ни у кого бы, на моемъ мѣстѣ, не хватило куражу подступать съ какими-нибудь требованіями или угрозами. Я вамъ говорю, она въ ужасномъ разстройствѣ и хорошо, если организмъ выдержитъ.

Протянулось молчаніе.

— Прекрасно,—начала Ашимова.—Значитъ, мы остаемся все также въ пустомъ пространствѣ?

Она полуистерически засмѣялась и стала сильно потирать руки.

— Анатолій Петровичъ хотѣлъ, чтобы вы именно отъ меня все это выслушали... Вѣдь, согласитесь, голубушка, тутъ просто ужъ нѣчто роковое. Человѣкъ лежитъ въ горячкѣ, нельзя же требовать отъ него чего-нибудь, на что необходимы твердый разумъ и нормальная воля!.. Идти на проломъ это—добивать ее. Желаю вамъ всякаго счастія, вхожу, отъ всей души, въ ваше собственное положеніе, но, право, вы сами не захотите, такъ сказать... перешагнуть къ аналою черезъ...

„Трупъ!"—чуть не крикнула она, и кровь отхлынула отъ сердца. Ей послышалось слово ея пріятеля прокурора тамъ, въ лѣсу, лѣтомъ, когда она была полна увѣренности, что къ новому году все будетъ покончено.

— Черезъ полуживое существо, которое такъ легко добить теперь.

— Ну да, ну да! Я знаю,—заговорила она, безсильная сдержать свою нервность, — меня пугаютъ!.. Я жду того, что Анатолій придетъ и скажетъ: „ты хочешь перешагнуть черезъ ея трупъ!" Но это риторика! Это жалостная фраза!

— Нѣтъ, не фраза, — очень тихо и протяжно выговорилъ адвокатъ.—Переждать надо, Лидія Кирилловна. Того же мнѣнія и Анатолій Петровичъ. Вы поймите, невозможно дѣйствовать, она опасно больна. Я говорилъ съ ея

докторомъ. Это — психіатръ. Онъ перевозитъ ее къ себѣ въ лѣчебницу. Воля ваша!

„Я не могу ждать! Не могу!“—хотѣла она крикнуть и вдругъ вся ослабла, взялась руками за лицо и беззвучно заплакала. По всему ея тѣлу разливалась ноющая боль и глубокая, безграничная печаль засосала ей въ груди.

— Барышня, милая... — слышала она голосъ адвоката, и рука его коснулась ея плеча. — Не убивайтесь... Все обойдется... Одно изъ двухъ: или она не переживетъ, или она будетъ неизлѣчимая душевно-больная, или выздоровѣетъ и упираться не станетъ, послѣ такого удара. Повѣрьте мнѣ.

Ее, какъ маленькую, убаюкивалъ звукъ этого голоса. Ей хотѣлось вѣрить, но она не могла обманывать себя... Что бы ни сталось съ той женщиной—на это нужно время, много времени, а она черезъ шесть недѣль должна быть матерью.

Никогда еще не проникала ее такая жалость къ себѣ. Негодовать не было силъ послѣ того, что она услыхала отъ адвоката. Но и простить она не могла. Душевная надсада ея усиливалась и оттого, что въ такую минуту около нея не онъ, не человѣкъ, которому она все отдала, а чужой, адвокатъ, что-то въ родѣ наемнаго сообщника. Зачѣмъ Анатолій самъ не явился?.. Онъ уходитъ отъ нея... полегоньку. Это видно... Если охладѣетъ совсѣмъ— что же тогда?

Ей сдѣлалось такъ страшно, что она оторвала руки отъ лица и растерянно оглядѣлась. Слезы перестали течь по ея похудѣлымъ щекамъ.

— Голубушка, — продолжалъ адвокатъ, и взялъ ее за руку. — Вамъ надо выказать мужество, именно теперь. И Анатолію Петровичу дайте возможность придти въ себя, пріободриться, поработать... Его талантъ оцѣненъ... Надо ловить минуту?.. Лѣтній сезонъ рѣшитъ его уже не одну петербургскую, а европейскую репутацію. Тогда и презрѣнный металлъ польется. Вѣдь надо обезпечить себѣ будущность.

Она слушала и смутно понимала его.

Почему онъ говоритъ о „европейской репутаціи“ и о „лѣтнемъ сезонѣ“? О какомъ сезонѣ? И гдѣ?

Ее закололъ вопросъ; значитъ Анатолій получилъ заграничный ангажементъ? Куда? Въ Англію?

Почему же онъ ничего ей объ этомъ не говорилъ? Стало-быть онъ скрытничалъ съ нею, входилъ тайкомъ въ

переписку съ заграничными директорами? Но если онъ будетъ нѣть въ Лондонѣ, то долженъ ѣхать черезъ три-четыре недѣли, въ началѣ мая, даже раньше. На такую поѣздку онъ даже не намекалъ ей.

Ее онъ, конечно, не возьметъ, да и какъ она поѣдетъ черезъ двѣ-три недѣли? Почему же нѣтъ? Лучше рискнуть здоровьемъ, чѣмъ остаться здѣсь, одной, ждать своего позора, безпомощной, точно брошенная, постылая дѣвчонка, имѣвшая глупость такъ неосторожно увлечься модным баритономъ, у котораго и кромѣ нея есть много всякихъ побѣдъ, на сторонѣ, и въ обществѣ, и на сценѣ.

Всѣ эти сомнѣнія, жалобы, упреки готовы были политься рѣкою. Гордость опять помогла ей сдержать себя. Она не выдала своей сердечной боли ни однимъ словомъ и сказала только:

— Если вы увидите Анатолія раньше меня, передайте ему, что я все выслушала... Сама я не могу же дѣйствовать, коль скоро эта женщина теперь невмѣняема. Вѣдь это такъ называется на судебномъ языкѣ?

— Такъ, такъ... Ну, спасибо, милая барышня. Все перетасуется... И не такіе гордіевы узлы разсѣкаетъ сама жизнь... ничто больше!

Онъ медленно поднялся и протянулъ ей руку.

Въ головѣ ея начиналось ощущеніе пустоты. Встать на ноги она не рѣшилась. Она пожала его руку и тихо выговорила:

— Благодарю васъ.

Когда шаги его смолкли въ передней, она упала головой на спину дивана и замерла. Засыхающія слезы бороздили ей щеки, но плакать она уже не имѣла силъ.

А въ ушахъ стояло одно какое-то слово, и она никакъ не могла отогнать его, какъ докучную муху... Голова не въ состояніи была разобрать—какое это слово. Оно жужжало и точно дразнило ее и пугало вмѣстѣ — казало впереди долгій рядъ дней тоски, страха, стыда, обиды и охлажденія любимаго человѣка.

## VIII.

Душно въ узкой и тѣсной комнатѣ. Шторы спущены. Въ спертомъ воздухѣ стоитъ лѣкарственный запахъ.

Лидія Кирилловна тяжело раскрыла вѣки, приподняла голову и оглядѣлась.

Голова не такъ болитъ; но силъ еще нѣтъ встать. Только

вчера она, по глазамъ женщины-врача, догадалась, что опасность миновала.

Спальня смотритъ маленькой больничной камерой. Такихъ четыре, и всѣ выходятъ въ коридоръ. Двѣ заняты—она не знаетъ кѣмъ. Конечно, пацiентками въ „ея положенiи".

Вотъ она до чего доведена честной любовью, пылкой, благородной натурой. Горечь подступила къ горлу и во рту у ней ощущенiе жёлчи. Надо жить, дѣйствовать, бороться — не для себя одной. Тамъ, въ концѣ коридора, маленькое созданiе лежитъ въ колыбелькѣ и надъ нимъ дремлетъ или жуетъ что-нибудь мамка, наемная, грубая и глупая мужичка, званiемъ дѣвица... стало-быть, такая же незаконная мать, какъ и она. Своего ребенка отнесла въ воспитательный и кормитъ чужого за деньги... По крайней мѣрѣ, она хоть на что-нибудь годна. И не унываетъ, выговорила себѣ хорошее жалованье, ее пичкаютъ, рядятъ... Быть кормилицей не всякой удается, а скопитъ деньжонокъ, возьметъ своего ребенка и будетъ его выхаживать, какъ можетъ... И опять сдѣлается матерью, и опять въ мамки... А попадетъ къ богатымъ и добрымъ господамъ, останется въ домѣ, выняньчитъ свое молочное дитя.

А она?

Терзаться, малодушно хоронить себя отъ всѣхъ, не быть даже въ состоянiи кормить собственнаго ребенка!.. Онъ родился хилымъ, чуть живымъ. Понадобилась операцiя. Долго ли онъ проживетъ?

Ей страстно захотѣлось побѣжать къ нему, расцѣловать его, убѣдиться, что онъ еще живъ, что въ колыбели лежитъ живое маленькое существо, а не окоченѣлый трупъ...

Все время, какъ она лежала въ забытьи—это длилось два дня—чуть очнется, сейчасъ ей представится мертвое тѣльце, синее, сморщенное, безъ пеленокъ, съ большой голой головкой...

Вотъ черезъ какой „трупъ" она скорѣе всего перешагнетъ: черезъ трупъ своего ребенка.

Слезы потекли у ней быстро и обильно, и немного облегчили ее. Она потянулась исхудалой рукой къ пуговкѣ звонка, приходившейся надъ ночнымъ столикомъ.

Отворила дверь сидѣлка, въ темно-сѣромъ платьѣ и фартукѣ.

— Какъ маленькій? — спросила она возбужденно, довольно еще сильнымъ голосомъ.

— Ничего-съ.

— Кормилица съ нимъ?

— Съ нимъ.

— Марья Филипповна дома?

— Дома-съ.

— Попросите ее ко мнѣ на минутку.

Сидѣлка скрылась.

Третью недѣлю лежитъ она здѣсь, у этой Марьи Филипповны—ученой „мадамы", какъ зоветъ ее сидѣлка.

Какою смѣлою считала она себя, годъ назадъ, и позднѣе, когда страсть туманила ей голову. Минутами она гнала отъ себя всякій страхъ передъ послѣдствіями, хотѣла даже выставить на показъ то, что другія считаютъ постыднымъ. Пускай та ненавистная женщина, которая довела ее до этого, знаетъ, что она открыто будетъ матерью.

— Вышло совсѣмъ не такъ. Нѣсколько мѣсяцевъ она скрывала свое положеніе и прибѣгла къ укрывательству ученой мадамы, какъ сотни другихъ дѣвушекъ и вдовъ.

Но это не все... Можно снести сознаніе своего малодушія и своей неудачи и продолжать любить, вѣрить въ того, кто былъ причиной страданій.

Любитъ ли она теперь, вотъ въ эту минуту?.. И вѣритъ ли?

Она хотѣла бы вѣрить до послѣдней минуты. Да и какое она можетъ привести несомнѣнное, разительное доказательство того, что этотъ человѣкъ предалъ ее, бросилъ, поступилъ, какъ бездушный развратникъ?

Факты—не за него; но и не противъ него.

Хлопоты о разводѣ они должны были прекратить... Жена его—чуть не сумасшедшая, въ лѣчебницѣ психіатра... Онъ ѣздилъ въ Москву повидать дѣтей, вернулся оттуда разстроеннымъ; но не сухимъ, не злымъ.

Ровно за двѣ недѣли до рожденія ея ребенка онъ пришелъ къ ней и сказалъ: если она не хочетъ, чтобы онъ подписывалъ контрактъ на Лондонъ—онъ отвѣтитъ отказомъ по телеграфу... Какъ могла она удержать его? Онъ предлагалъ взять ее съ собою. Она и на это не согласилась. Почему? Не хотѣла этой „милостыни", не желала быть обузой, стыдилась своего положенія, боялась, что

онъ охладѣетъ къ ней именно потому, что она обуза, что съ ней надо будетъ просиживать всѣ свободные дни.

Онъ и уѣхалъ. Прощаясь плакалъ, кажется искренно, предложилъ денегъ; она раскричалась на него, какъ никогда не кричала. Въ этомъ она увидала унизительную „подачку". „На, молъ, тебѣ тысячу рублей и будь довольна, а я—умываю руки; я сдѣлалъ все, что слѣдуетъ порядочному человѣку".

И тогда, послѣ сцены прощанія, впервые заползло въ ея душу сомнѣніе: полно, любитъ ли она его беззавѣтно, тотъ ли онъ, съ кѣмъ надо ей скоротать свой вѣкъ?

Сначала депеши его летѣли чуть не каждый день, потомъ рѣже. Писать онъ никогда не любилъ. О рожденіи сына извѣстила его акушерка. Онъ отвѣтилъ радостно, но эта депеша ее не тронула. На третій день она заболѣла и была между жизнью и смертью.

Гордость—вотъ что поддерживало ее и заставляло поступать такъ, какъ у нея выходило. Она не желала считать себя его женой, даже наканунѣ того дня, какъ стала матерью. А могла бы, должна бы была такъ чувствовать, если хотѣла быть вѣрной тому, что ее распаляло въ борьбѣ со „злой волей" его жены.

Гордость да ненавистное чувство къ этой женщинѣ сидѣли въ ней глубже всего остального.

Не захотѣла принять отъ него поддержки, даже для ихъ ребенка, и увидала, почти съ ужасомъ, что у нея собственныхъ средствъ не хватитъ и на полгода, если жить такъ, какъ она жила.

Отъ квартиры надо было отдѣлаться. Свою мебель поставила она въ складъ и поступила тайной пансіонеркой къ Марьѣ Филипповнѣ, гдѣ все очень дорого.

Кругъ мыслей и ощущеній привелъ ее къ тому, съ чѣмъ она проснулась.

И опять страстно потянуло ее къ ребенку.

Дверь скрипнула. На порогѣ стояла хозяйка, блондинка, подъ пятьдесятъ лѣтъ, широкоплечая, съ круглымъ, лоснящимся лицомъ, въ городкахъ на лбу, въ богатомъ распашномъ капотѣ.

— Милочка!—тихо вскрикнула она.—Что вы!.. Никакъ хотѣли вставать? Да это безуміе, голубчикъ мой!

Ея бѣлыя и красивыя руки, въ перстняхъ, потянулись къ больной, чтобы удержать ее отъ всякаго лишняго движенія.

Марья Филипповна присѣла на край кровати.

— Безпокоитесь о вашемъ бутузикѣ? Напрасно. Онъ кушаетъ исправно. Я знаю, скажете: поставить около васъ. Невозможно это, голубчикъ мой, абсолютно невозможно... И туда не пущу раньше послѣзавтраго.

Больная силилась улыбнуться, но слова хозяйки и тонъ ея кололи ее. Помириться съ своимъ положеніемъ какой-то бѣглянки-преступницы—она не могла.

— Черезъ два дня мы на другой режимъ васъ посадимъ.

Наклонившись къ ней низко, Марья Филипповна медленно выговорила:

— Являлась ко мнѣ одна дама и хотѣла васъ видѣть.

— Меня? Какимъ образомъ?

— Какъ будто родственница... Худая, очень, знаете, порядочная... Съ большимъ къ вамъ сочувствіемъ.

— Вы спросили фамилію?

— Спросила, милочка; она затруднилась. Говоритъ: я напишу Лидіи Кирилловнѣ и, когда она поправится, она меня, быть-можетъ, приметъ.

Видя, что больная заволновалась, Марья Филипповна встала, сдѣлала жестъ рукой и, уходя, пустила громкимъ шопотомъ:

— Разговаривать довольно! Лежите смирно, голубчикъ мой, и благо вамъ будетъ!

## IX.

Передъ нею, въ полусвѣтѣ комнаты, блѣднѣло лицо—худое, совсѣмъ прозрачное, съ остатками большой красоты; впалые, огромные глаза глядѣли на нее съ непонятнымъ, жуткимъ для нея участіемъ и еще съ чѣмъ-то... Во всемъ существѣ этой женщины было что-то особенное, передъ чѣмъ она смирялась.

И смотрѣла эта женщина совсѣмъ не старухой. Черное платье облекало тонкую талію съ чѣмъ-то дѣвическимъ, цѣломудреннымъ. Никто бы не сказалъ, что она была мать дѣвочки по тринадцатому году, что ей тридцать пять лѣтъ. Не пахло отъ нея ни камфарой, ни валерьяной.

Когда, четверть часа передъ тѣмъ, Ашимовой подали карточку: „Анна Семеновна Струева“—все въ ней всколыхнулось. Она хотѣла было отказать, но крикнула: „Просите“, и поспѣшно стала оправлять свой пеньюаръ,

въ которомъ лежала на прибранной кровати, съ пледомъ на ногахъ.

Это посѣщеніе почти возмутило ее. Что ей нужно?.. Полюбоваться на ея позоръ?

Но не прошло и пяти минутъ разговора, какъ она не въ силахъ была отдаваться злобному чувству. Она только слушала.

Эта женщина узнала, гдѣ ее найти, отъ адвоката... Онъ, конечно, и послалъ ее, и послалъ не зря, а за дѣломъ... Въ душѣ этой женщины все перегорѣло. Она просто, безъ хныканья, безъ фразъ, разсказала про внезапную смерть старшей дочери, про свое душевное разстройство и про свое излѣченіе. И подъ конецъ разсказа она вдругъ нагнулась—сидѣла она на стулѣ—протянула руку и, сдерживая волненіе, выговорила звукомъ глубокой скорби:

— Простите меня, Бога ради... Я васъ довела вотъ до чего... Простите...

И поникла головой.

Что же было отвѣчать? Разносить ее?.. Всякая злобность смолкла... Неожиданное чувство жалости къ нимъ обѣимъ овладѣвало Ашимовой... Обѣ онѣ стали жертвы одного влеченія, какъ бы сестры по судьбѣ своей.

Потомъ, оправившись, та начала говорить просто, какъ о дѣлѣ, которое надо наладить поскорѣе, тономъ должницы, готовой заплатить всѣ просроченные проценты.

Недовѣріе на секунду закралось въ Ашимову: не ловушка ли это?

— Почему же,—спросила она, наконецъ, кротко, почти стыдливо, — вы такъ долго не соглашались?.. Я не хочу вѣрить, чтобы изъ одного упорства... послѣ того, что я сейчасъ выслушала отъ васъ.

— Почему? Лидія Кирилловна... На это легко отвѣтить, когда знаешь, что тебя поймутъ.

— Я пойму васъ,—сказала Ашимова, подняла голову и прислонилась ею къ высоко взбитымъ подушкамъ.

Почему она упиралась?.. Потому, что не могла еще совладать съ любовью къ человѣку, созданному ею, потому что любовь къ нему перешла въ материнское чувство и она не отдѣляла его отъ своихъ дѣтей, рожденныхъ отъ него же; потому что она страшилась лишить дѣтей отца; потому что она изучила его натуру и знала, что онъ можетъ, переходя отъ увлеченія къ увлеченію,—лишиться

всего... Упираясь, она хотѣла сохранить ему семью, куда онъ могъ бы вернуться, побитый жизнью.

Все это отзывалось чѣмъ-то слишкомъ чистымъ и возвышеннымъ, почти театральнымъ, но Ашимова уже не могла не вѣрить тому, что такія именно побужденія руководили ея соперницей. Незамѣтно исчезла для нея всякая возможность смотрѣть на Струеву, какъ на „злую разлучницу".

И впервые узнала она изъ ея исповѣди, сколько эта женщина положила силъ, вѣроятно, и матеріальныхъ средствъ, на то, чтобы создать изъ мужа своего такого симпатичнаго артиста. Она почуяла, что все привлекательное въ немъ, на что она сама полетѣла какъ бабочка, было согрѣто и развито его женой.

— Умерла моя Оля,—доносился до неятихій, немного глухой голосъ, она слушала съ полузакрытыми глазами,—и когда я послѣ болѣзни стала входить въ себя, эта смерть явилась для меня откровеніемъ. Я не изувѣрка и не ханжа. Можетъ-быть, слишкомъ мало думала о душѣ своей. Но этотъ ударъ просвѣтилъ меня... Вашъ адвокатъ,—онъ хорошій человѣкъ,—узналъ, что я выздоровѣла, пріѣхалъ, разсказалъ, въ какомъ вы положеніи—и вотъ я здѣсь, Лидія Кирилловна. Вамъ тяжелѣе. Я, какъ женщина, свое взяла съ жизни. А вы, молодая дѣвушка, честная, пылкая и въ сущности ни въ чемъ невиноватая передо мной... У васъ ребенокъ... Онъ сынъ Анатолія Петровича... Я должна отдать и ему, и вамъ права... Вы ихъ достаточно выстрадали.

Голосъ ея крѣпчалъ и тонъ ея словъ показался подъ конецъ Ашимовой слишкомъ торжественнымъ, какъ будто отзывался рисовкой и нравоученіемъ.

Она должна бы благодарить ее, потянуться къ ней, обнять, но ее что-то держало. Эта женщина какъ бы оскорбляла ее своимъ нравственнымъ превосходствомъ—настоящимъ или поддѣльнымъ. Но то, что она говорила, согласовалось съ ея поведеніемъ. Вѣдь она сама пріѣхала, она хочетъ—хоть и поздно—дать мужу разводъ, она ихъ благословляетъ и думаетъ только о томъ, чтобы сыну Анатолія Петровича и его теперешней подругѣ были возвращены законныя права.

Ужъ не взялась ли она за умъ и не желаетъ ли отступного.

Эта мысль пронизала мозгъ Ашимовой, но она засты-

дилась ея тотчасъ же. Нѣтъ! На деньги она не пойдетъ, да и какія деньги можетъ ей предложить мужъ, когда онъ врядъ ли что давалъ ей и на воспитаніе дѣтей?.. И все-таки тонъ послѣднихъ словъ Струевой задѣвалъ и настраивалъ не такъ, какъ бы она сама желала.

— Живите... будьте...

Голосъ Струевой вдругъ оборвался; она упала всѣмъ своимъ исхудалымъ тѣломъ на кровать и безпомощно зарыдала.

Ее всю трясло. Не поднимая головы, она пролежала такъ съ минуту.

Ашимова сидѣла, вся потрясенная этимъ взрывомъ душевной боли. Тутъ только она все поняла—поняла и то, что, произнося слова свои торжественнымъ тономъ, эта женщина дѣлала надъ собой нечеловѣческія усилія, чтобы выдержать роль, не выдать себя.

И не смогла.

Въ рыданіяхъ, въ изможденномъ трепетномъ тѣлѣ металось передъ ней горе всей жизни, безповоротное чувство потери до сихъ поръ любимаго человѣка.

Не сердце чувственной любовницы билось передъ ней въ мукахъ, а сердце матери, у которой отнимаютъ самое дорогое дѣтище.

— Анна Семеновна! Умоляю васъ! Я не хочу, я не хочу!

Эти слова вырвались у Ашимовой вмѣстѣ съ движеніемъ обѣихъ рукъ.

Она схватила ими Струеву за плечи не то затѣмъ, чтобы привести ее въ чувство, не то затѣмъ, чтобы обнять.

Порыва нѣжности она не ощутила настолько, чтобы привлечь ее къ себѣ, но на нее нашелъ почти ужасъ отъ того, на какое дѣло она такъ упорно и безпощадно шла.

Вотъ онъ, трупъ-то, не тѣлесный, а трупъ женской души, такого же живого существа, какъ и она, неизмѣримо больше любящаго того человѣка, которому, быть-можетъ, нѣтъ особеннаго дѣла ни до одной изъ нихъ.

— Простите!.. Я ничего!

Струева подняла свое лицо, все облитое слезами. Глаза ея скорбно замирали.

— Я ничего! Это—нервы! Все еще остатки болѣзни... Знаете, для насъ, женщинъ, слезы—дешевый товаръ.

Ея поблеклыя губы хотѣли было сложиться въ улыбку. Она сѣла опять на стулъ, застѣнчиво оправила ленты своей шляпки и провела платкомъ по лицу.

Ашимова не находила въ себѣ никакихъ словъ; она слишкомъ много пережила въ эти десять минутъ.

## X.

Лужайка отдыхала отъ сильнаго дневного жара подъ тѣнями спустившагося передъ закатомъ солнца.

На бревнахъ—новыхъ, не прошлогоднихъ—сидѣли опять Ашимова и ея пріятель Крупинскій. Она была въ темномъ кретоновомъ платьѣ, безъ шляпки, какъ дачница. Онъ одѣтъ почти также, что и въ прошломъ іюлѣ, когда лѣсная тропинка завела ихъ сюда, на эту самую лужайку.

Наружность Лидіи Кирилловны измѣнилась—къ выгодѣ ея. Овалъ лица сдѣлался тоньше и цвѣтъ кожи менѣе ярокъ. Слишкомъ пышный бюстъ принялъ болѣе строгія очертанія. Въ глазахъ не было задорнаго блеска. Они углубились въ своихъ впадинахъ и казались больше.

Крупинскій немного пополнѣлъ. Но въ тонѣ его пріятельскаго разговора съ Ашимовой звучало что-то новое.

Вчера пріѣхалъ онъ повидаться съ нею, и они повели свою первую интимную бесѣду только сегодня, на прогулкѣ въ лѣсъ.

Она ему все разсказала, и когда они пришли сюда и сѣли, онъ уже зналъ, что ея ребенокъ умеръ, что Струевъ „пожинаетъ лавры“ въ Ковентъ-Гарденѣ и подписалъ уже ангажементы въ Вѣну, Неаполь и Мадридъ, по два мѣсяца въ каждомъ городѣ.

Прокуроръ не проронилъ ни одного изреченія, ни одной шутки. Его глаза грустно и вдумчиво взглядывали на Ашимову и тотчасъ же опускались.

— Вотъ какія дѣла, Крупинскій, — начала она своимъ пріятнымъ, низковатымъ голосомъ, не утратившимъ грудной звучности послѣ болѣзни.—Не хотите ли дать заключеніе?

— Зачѣмъ же такъ, Лидія Кирилловна?

Онъ почти смущенно отмахнулся правой рукой.

— Да что же все въ лирическомъ тонѣ разливаться? Какъ видите, пророчество ваше сбылось. Я перешагнула черезъ трупъ.

— Позвольте, мало ли что болтаешь!

— Нѣтъ, вы были правы! Только я перешагнула черезъ трупъ собственнаго ребенка... Могла бы и черезъ другой трупъ перешагнуть, черезъ забитую душу той женщины... но не хочу.

— Почему же? — искренно вскричалъ онъ и приподнялся.

— Вы ли это мнѣ говорите?

— Я, Лидія Кирилловна. Въ чемъ же вы можете себя упрекнуть теперь?

— Вы, стало, плохо слушали?

— Нѣтъ, превосходно!

— Я жертвъ не желаю, Крупинскій. Онъ до сихъ поръ ея идолъ... Такова женская доля. Но во мнѣ, кажется, этого идолопоклонства нѣтъ. Онъ—ея дорогое чàдо. Она надѣется, что рано или поздно онъ вернется къ ней и у него будетъ семья, у него будетъ мать, нянька, все, на что она способна для него и на что я неспособна.

— Вы?

— Нѣтъ, неспособна.

Ашимова провела по лбу рукой и брови ея нервно сблизили свои концы.

— Зачѣмъ лгать самой себѣ? Я только воображала о себѣ многое. Смерть моего мальчика научила меня знать себя лучше. Да, живи онъ—я бы не отказалась быть женой Струева—для сына. И то, едва ли!

— Лидія Кирилловна!

— Едва ли,— повторила она съ удареніемъ. — Онъ бы и меня бросилъ, стало-быть, и его покинулъ бы. Дать ему имя? Такъ вѣдь онъ былъ незаконный!

— Нынче стало легче вернуть права ребенку.

— Нѣтъ, я врядъ ли бы пошла на это. Я хочу съ совѣстью въ ладу жить; всегда передо мной стоялъ бы призракъ этой женщины... Какъ она тогда не выдержала и зарыдала, бросившись головой къ ногамъ моимъ — такія минуты не забываются. Особенно когда страсть перегорѣла; а она перегорѣла.

— Однако... Явись онъ сюда, вотъ сейчасъ, вы бы кинулись къ нему и пошли бы на все?

Не сразу отвѣтила она.

— Не знаю... Врядъ ли... Я ему—уже въ тягость. Онъ меня зоветъ туда, но какъ? Для очистки совѣсти. Да еслибъ я ему и попрежнему нравилась — зачѣмъ я ему? Онъ идетъ полнымъ ходомъ, и я для него обуза.

— Что вы говорите! Но вы пошли бы рука-объ-руку!

— Я мечтала объ этомъ. Голосъ у меня есть, но не Богъ знаетъ какой... Хорошо, если и въ провинцію получу ангажементъ. А уцѣпиться за него, чтобы онъ всюду

меня таскалъ и, въ видѣ подачки, выговаривалъ для меня мѣста третьей конпримаріи—я слишкомъ горда. Что жъ! Каюсь, гордость—мой коренной порокъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, удерживаетъ отъ гадостей и униженій.

Горечь сложила ея губы, немного поблѣднѣвшія, въ усмѣшку.

— Вы не думайте, что во мнѣ ревность, самолюбіе говорятъ. До меня дошли слухи о его новыхъ побѣдахъ въ Лондонѣ, объ этой американкѣ... съ которой онъ пѣлъ въ „Эрнани“ съ такимъ успѣхомъ. Нашлась какая-то добрая душа, анонимно прислала мнѣ корреспонденцію, гдѣ есть прозрачный намекъ на то, что баритонъ и примадонна такъ искренно увлекаются на сценѣ, какъ могутъ только увлекаться взаимно любящія сердца. Есть и еще намекъ — на возможность свадьбы... Почему же нѣтъ?... Крупинскій, я не хочу говорить о немъ дурно... У него такая ужъ натура: годъ — одно увлеченіе, слѣдующій — другое. Неунывающій артистъ!.. Лучше я вамъ скажу про себя: настоящей, роковой любви къ нему у меня нѣтъ... А ребенокъ нашъ умеръ! Стало... Остальное вы сами доскажете; вы въ логикѣ — первый мастеръ. Вы видите, я не рисуюсь, я—не въ отчаяніи... Буду жить, работать, за счастьемъ погожу гнаться. Обожглась! На первый разъ довольно.

И она глухо засмѣялась.

— Если такъ,—заговорилъ онъ, опять подсаживаясь къ ней,—что жъ!.. Я радъ за васъ, Лидія Кирилловна.

Онъ какъ бы перебилъ самого себя. Его рѣчистость ему измѣняла въ первый разъ съ нею. Въ бокъ поглядѣлъ онъ на нее съ тревожнымъ сочувствіемъ. Можно было догадаться по движенію рукъ и головы, что имъ овладѣваетъ волненіе, которое ему трудно одолѣть.

— Урокъ слишкомъ тяжкій... И вы меня простите за все, что я въ прошломъ году изрекалъ, вотъ здѣсь.

— Напрасно!.. Если бы я помнила, какъ надо, ваши слова... о трупѣ, я бы не кинулась такъ на пюломъ... не тѣшила бы такъ свое...

Она искала слова.

— Женское себялюбіе, — выговорила она грустно и смолкла.

Крупинскій протянулъ ей молча руку. Она пожала.

Въ его пожатіи была дрожь, замѣченная ею. Этотъ

„сушка-прокуроръ“,—какъ она его звала часто и въ письмахъ,—человѣкъ съ душой и преданъ ей.

*Только ли* преданъ? Не заговорило ли въ немъ болѣе нѣжное чувство? Вопросъ выскочилъ въ ея головѣ самъ собою... Она не устыдилась и не испугалась его.

Но голова продолжала работать. И сердце помогало этой работѣ головы.

„Нѣтъ,—сказала она про себя,—не надо мнѣ мужскихъ подачекъ.—И для меня, и для него унизительно, если онъ даже и полюбитъ меня“.

Она способна была выговорить это вслухъ, начни онъ изливаться.

Что же тутъ мудренаго? Мужчины, не меньше женщинъ, гоняются за миражемъ страсти, да вдобавокъ еще любятъ играть въ великодушіе, спасать, на каждомъ шагу принимать жалость за любовь.

А жалости она не хочетъ. И любить она не можетъ, въ эту минуту... Своего пріятеля Крупинскаго способна полюбить, какъ хорошаго человѣка.

Но такому человѣку надо другую жену.

— Милая,—прошепталъ онъ, и стыдливо прикоснулся губами къ ея рукѣ.

— Пойдемте... Мы старые пріятели, — возбужденно и громко сказала Ашимова. — Намъ нечего обижать другъ друга жалостью.

И, молча, пошли они въ обратный путь.

# ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.

РОМАНЪ.

---

## Часть первая.

### I.

Засвѣжѣло на палубѣ послѣ жаркаго іюльскаго дня. Пароходъ „Бирючъ“ опасливо пробирался по узкому фарватеру между значками и шестами, вымазанными въ бѣлую и красную краску.

На верху рубки, подъ навѣсомъ, лоцманъ и его подручный вглядывались въ изгибы фарватера и то и дѣло вертѣли колесо руля. Справа и слѣва шли невысокіе берега верховьевъ Волги предъ впаденіемъ въ нее Оки. Было это за нѣсколько верстъ до города Балахны, гдѣ правый берегъ начинаетъ подниматься, но не доходитъ и до одной трети крутизны прибрежныхъ высотъ Оки подъ Нижнимъ.

Лоцманъ сдѣлалъ знакъ матросу, стоявшему по лѣвую руку, у завознаго якоря, на носовой палубѣ. Спина матроса, въ пестрой вязаной фуфайкѣ, рѣзко выдѣлялась на кускѣ синѣвшаго неба.

— Пять съ половино-ой!—уныло раздалось съ носа, и шестъ замахалъ въ рукахъ широкоплечаго парня.

Помощникъ капитана, сухощавый брюнетикъ, въ кожаномъ картузѣ, приложился губами къ отверстію звуковой трубы и велѣлъ убавить ходу.

Пароходъ сталъ ползти. Замедленныя колеса шлепали по водѣ, и ихъ шумъ гулко отдавался во всемъ корпусѣ, производя легкій трепетъ, ощутимый и пассажирами.

Пассажировъ было много, — все больше промысловый народъ, стекавшійся къ Макарію, на ярмарку.

Обѣ половины палубы, и передняя и задняя, ломились подъ грузомъ всякаго товара. Разнообразные запахи издавалъ онъ. Но все покрывалось запахомъ кожевенныхъ издѣлій со смѣсью чего-то сладкаго, въ большихъ ящикахъ съ клеймами. Отдавало и горячимъ саломъ. Пассажиры второго класса давно уже чайничали у столиковъ, на скамейкахъ, даже на полу, около самой машины. Волжскій звонкій говоръ, съ удареніемъ на „о“, ходилъ по всему пароходу, и женскіе голоса переплетались съ мужскими, еще пѣвучѣе, съ болѣе характернымъ крестьянскимъ ѳканьемъ. „Чистая“ публика разбрелась по разнымъ угламъ. Два барина, пожилые, франтоватые, въ свѣтлыхъ пиджакахъ, разсѣлись наверху, съ боку отъ рулевого колеса. Тамъ же, подставляя подъ вѣтерокъ овалъ поблѣднѣвшаго лица, пепельная блондинка куталась въ оренбургскій платокъ и бойко разговаривала съ хмурымъ офицеромъ-армейцемъ. Въ рубкѣ купецъ, совсѣмъ желтый въ лицѣ, тихо и томительно пилъ чай съ обрюзглой, еще молодой женой; на кормовой палубѣ перваго класса, вдоль скамеекъ борта, размѣщалось человѣкъ больше двадцати, почти все мужчинъ. Подростокъ-гимназистъ, въ фуражкѣ реалиста и въ темной блузѣ, ходилъ взадъ и впередъ возбужденной широкой походкой и курилъ, громко выпуская клубы дыма.

— Пя-я-ть!—протянулся опять заунывный крикъ матроса, и пароходъ еще убавилъ ходу, но не остановился.

„Бирючъ“ сидѣлъ въ водѣ всего четыре фута; ему оставался еще одинъ, чтобы не застрять на перекатѣ. Это не вызывало особаго безпокойства ни въ пассажирахъ, ни въ капитанѣ.

Капитанъ только что собрался пить чай и сдалъ команду помощнику. Онъ поднялся изъ общей каюты перваго класса, постоялъ въ дверяхъ рубки и потомъ оглянулся вправо на пассажировъ, ища кого-то глазами.

Плечистый, рослый, краснощекій, ярко-русый, немного веснущатый, онъ смотрѣлъ истымъ волжскимъ судопромышленникомъ, носилъ фуражку изъ синяго сукна съ ремнемъ, безъ всякаго галуна, большіе смазные сапоги и

короткую коричневую визитку. Широкое, сочное, точно наливное лицо его почти всегда улыбалось спокойно и чуточку насмѣшливо. Эта улыбка проглядывала и въ желто-карихъ, небольшихъ, простонародныхъ глазахъ.

— Борисъ Петровичъ!—крикнулъ онъ съ порога двери.

— Что вамъ, голубчикъ?

Откликнулся грудной нотой пассажиръ, старше его, лѣтъ за сорокъ, въ люстриновомъ балахонѣ и мягкой шляпѣ, худощавый, съ сѣдѣющей бородкой и утомленнымъ лицомъ. Его можно было принять за кого угодно—за мелкаго чиновника, торговца или небогатаго помѣщика. Что-то, однако, въ манерѣ вглядываться и въ общей посадкѣ тѣла отзывалось не провинціей.

— Чайку?—спросилъ капитанъ.

— Я готовъ.

— Такъ я сейчасъ велю заварить. Илья! —остановилъ онъ проходившаго мимо лакея,—собери-ка чаю!.. Ко мнѣ!.. Борисъ Петровичъ, вы какъ прикажете, съ архіерейскими сливками?

Пассажиръ въ балахонѣ поморщился, точно его что̀ укусило, и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, голубчикъ, спиртного не нужно.

— Воля ваша!..

Они проходили по узкому мѣсту палубы, между рубкой и лѣвымъ кожухомъ. Колеса шлепали все рѣже, и съ носа раздавалось безъ перерыва выкрикиваніе футовъ.

Въ рубкѣ перваго класса, кромѣ комнатки, гдѣ купецъ съ женой пили чай, помѣщалась довольно просторная каюта, откуда вышелъ еще пассажиръ и окликнулъ тотчасъ же капитана, но тотъ не услыхалъ сразу своего имени.

— Андрей Ѳомичъ! — повторилъ пассажиръ и пошелъ вслѣдъ за нимъ

Слово „Андрей“ выговорилъ онъ чуть-чуть звукомъ *о* вмѣсто *а*. И слово „Ѳомичъ“ отзывалось волжскимъ говоромъ.

Онъ былъ такого же виднаго роста, какъ и капитанъ Кузьмичевъ, но гораздо тоньше въ станѣ и помоложе въ лицѣ. Смотрѣлъ онъ скорѣе богатымъ купцомъ, чѣмъ бариномъ, а то такъ хозяиномъ парохода, инженеромъ, фабрикантомъ, вообще дѣловымъ человѣкомъ, хорошо одѣвался и держалъ голову немного назадъ, что дѣлало его выше ростомъ. На клѣтчатомъ темномъ пиджакѣ,

застегнутомъ до верху, лежала толстая золотая цѣпь отъ бокового кармана до петли. Большую голову покрывала поярковая шапочка въ родѣ венгерской. Изъ-подъ нея темнорусые волосы вились на вискахъ; борода была бѣлокурѣе, съ рыжиной, двумя клиньями, старательно подстриженная. Въ крупныхъ чертахъ привлекательнаго крестьянскаго лица сидѣло сложное выраженіе. Глаза, съ широкимъ разрѣзомъ, совсѣмъ темные, уходили въ толстоватыя вѣки, брови легли правильной и густой дугой, носъ утолщался книзу, и изъ-подъ усовъ глядѣлъ красный, сочный ротъ съ чувственной линіей нижней губы.

Во второй разъ онъ окликнулъ капитана звучнымъ голосомъ, въ которомъ было гораздо больше чего-то юношескаго, чѣмъ въ фигурѣ и лицѣ мужчины лѣтъ тридцати.

— А! Василій Ивановичъ! Что прикажете?

Капитанъ оставилъ тотчасъ же руку того, кого онъ звалъ Борисомъ Петровичемъ, и подошелъ, приложившись рукой къ козырьку.

Въ этомъ поклонѣ, сквозь усмѣшку глазъ, проходило нѣчто особенное. Въ красивомъ пассажирѣ чувствовался если не начальникъ, то кто-то съ вліяніемъ по пароходному дѣлу.

— Какъ бы намъ не сѣсть?—сказалъ онъ вполголоса.

— Богъ милуетъ!—вслухъ отвѣтилъ капитанъ.

— Вы что же? За чаекъ приниматься думаете, а потомъ, небось, и на боковую, до Нижняго?

— Да, грѣшнымъ дѣломъ.

Въ вопросахъ не слышалось начальническаго тона; однако, что-то какъ бы дѣловое.

Большіе глаза Василія Ивановича остановились на пассажирѣ въ люстриновомъ балахонѣ.

— Съ кѣмъ вы это? — еще тише спросилъ онъ капитана.

— Вонъ тотъ?

— Да, бородку-то щиплетъ!

— Вы нешто не признали?

— Нѣтъ.

— И портретовъ его не видали?

— Стало, именитый человѣкъ?

— Еще бы! Да это Борисъ Петровичъ...

И онъ назвалъ имя извѣстнаго писателя.

— Быть не можетъ!

Василій Ивановичъ снялъ шляпу и весь встрепенулся.

— Мы съ нимъ давно хлѣбъ-соль водили. Онъ меня еще студентомъ помнитъ.

— Какъ же это вы, батенька, ничего не скажете!.. Я валяюсь въ каютѣ... и не знаю, что ѣдетъ съ нами Борисъ Петровичъ!

— Да вѣдь вы и на пароходъ-то сѣли, Василій Ивановичъ, передъ самымъ обѣдомъ. Мнѣ невдомёкъ. Желаете познакомиться?

— Еще бы! Онъ—мой любимый! Я имъ, можно сказать, зачитывался еще съ третьяго класса гимназіи.

Глаза красиваго пассажира все темнѣли. У него была необычайная подвижность зрачковъ. Весь онъ пришелъ въ возбужденіе отъ встрѣчи съ своимъ любимымъ писателемъ и отъ возможности побесѣдовать съ нимъ вдосталь.

— Василій Ивановичъ Теркинъ, — назвалъ его капитанъ, подводя къ Борису Петровичу,—на линіи пайщика нашего товарищества.

## II.

Они сѣли поодаль отъ другихъ, ближе къ кормѣ; капитанъ ушелъ заваривать чай.

Разговоръ ихъ затянулся.

— Борисъ Петровичъ,—говорилъ минутъ черезъ пять Теркинъ, съ ласкою въ звукахъ голоса. — За что я васъ люблю и почитаю, это за то, что вы не боитесь правду показывать о мужикѣ... о темномъ людѣ вообще.

Онъ все еще волновался и, обыкновенно очень рѣчистый, искалъ словъ. Его не смущало то, что онъ бесѣдуетъ съ такимъ извѣстнымъ человѣкомъ; да и весь тонъ, все обращеніе Бориса Петровича были до нельзя просты и скромны. Волненіе его шло совсѣмъ изъ другого источника. Ему страстно захотѣлось излиться.

— Вѣдь я самъ крестьянскій сынъ,—сказалъ онъ безъ рисовки, даже опустилъ рѣсницы, — пріемышъ. Отецъ-то мой, Иванъ Прокофьевъ Теркинъ,—изъ села Кладенецъ. Мы стояли тамъ, такъ около вечеренъ. Изволите помнить?

— Какъ же, какъ же! Старинное село. И раскольничья молельня есть, кажется?

— То самое... Можетъ, и отца моего встрѣчали. Онъ съ господами литераторами водился. О немъ и корреспонденціи бывали въ газетахъ. Отвѣтилъ-таки старина за

свою правоту. Смутьяномъ прославили. По седьмому десятку въ ссылку угодилъ по приговору сельскаго общества.

Добрые и утомленные глаза писателя оживились.

— Помню, помню. Читалъ что-то.

— Теперь онъ около Нижняго на погостѣ лежитъ. Потому-то вотъ, Борисъ Петровичъ, и радуюсь я, когда такой человѣкъ, какъ вы, правду говоритъ про мужицкую душу и про все, во что теперь народъ ударился. Я вѣдь довольно съ нимъ вожжался и всякую его тяготу знаю и, должно полагать, весь свой вѣкъ скоротаю вокругъ него. И все-таки я не согласенъ медомъ его обмазывать. Точно такъ же и всякія эти барскія затѣи... себя на мужицкій ладъ передѣлывать — считаю вреднымъ вздоромъ.

Лицо Теркина сразу стало жестче, и углы рта сложились въ ѣдкую усмѣшку.

— Затѣи эти все лучше кулачества, — уныло выговорилъ писатель.

— Этимъ ни себя, ни мужика не подымешь, Борисъ Петровичъ, вы это прекрасно должны понимать. Позвольте къ вашимъ сочиненіямъ обратиться. Всюду осатанѣлость забралась въ мужика, распутство, алчность, измѣна землѣ, пашнѣ, лѣсу, лугу, рѣкѣ, всему, чѣмъ душа крестьянская жива есть. И сколько я ни перебиралъ моимъ убогимъ умишкомъ, просто не вижу спасенія ни въ чемъ. Развѣ въ одномъ только...

Онъ не договорилъ, оглянулся на плёсъ рѣки, на засинѣвшіе въ вечерней зарѣ берега и продолжалъ еще горячѣе:

— Вотъ она, Волга-то матушка! Порадуйтесь! До чего мы ее довели!.. По такому-то мѣсту... сорока верстъ не будетъ до устья... По-моему,—сказалъ онъ въ скобкахъ,— не Ока впадаетъ въ Волгу, а наоборотъ. И слышите, пять футовъ, а то и три съ четвертью, не угодно ли? Можетъ, черезъ десять минутъ и совсѣмъ сядемъ на перекатѣ. Я вѣдь самъ коренной волжанинъ. Съ дѣтства у меня къ водѣ, къ разливамъ влеченіе. Къ лѣсу тоже. А что мы изъ того и изъ другого сдѣлали? И мужицкое-то сердце одеревянѣло. Жги, вырубай, мелѣй... ни на что отклика нѣтъ въ немъ. Да и самъ-то, противъ воли, помогаешь хищенію.

Писатель поднялъ на него глаза и усмѣхнулся.

— Андрей Ѳомичъ вамъ меня кандидатомъ въ пайщики отрекомендовалъ. Это точно. Собираюсь судохозяиномъ

быть. Значитъ, буду, хоть и косвенно, помогать лѣсоистребленію. Ха-ха!.. Такая линія вышла. Нашему брату, промысловому человѣку, нельзя себѣ карьеру выбирать, какъ папенька съ маменькой для гоголевскаго Ѳемистоклюса. Дипломатомъ, молъ, будетъ!..

— Вы въ товарищество поступаете... вотъ въ это самое?—спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Въ это самое, только еще деньжатъ надо нѣкоторое количество раздобыть...

Теркинъ опять перебилъ себя.

Разговоръ влекъ его въ разныя стороны. Въ свои денежные дѣла и расчеты онъ не хотѣлъ входить. Но не могъ все-таки не вернуться къ Волгѣ, къ самому родному, что у него было на свѣтѣ.

— Судохозяиномъ заправскимъ станешь, Борисъ Петровичъ, — продолжалъ онъ такъ же возбужденно, — и начнутся муки мученскія. Вотъ въ Нижній коли придемъ не больно поздно, увидите—цѣлый флотъ выстроился у Телячьяго Брода. Ходу нѣтъ этимъ пароходамъ, вверхъ-то по рѣкѣ. И съ каждымъ лѣтомъ все горше и горше. А господа нàбольшіе... ученые путейцы... только государственныя ассигнаціи всаживаютъ въ зыбучіе перекаты. Будемъ вечеркомъ подходить къ Нижнему, извольте полюбоваться на путейскую „плѣшь“—такъ вѣдь ихъ запруду зовутъ здѣсь. Перегородили безъ ума, безъ разума рѣку—и порогъ днѣпровскій устроили; черезъ него ни одна расшива перескочить не можетъ. А ухлопали, слышно, триста тысячъ!

И точно испугавшись, что его главная мысль улетитъ, онъ подсѣлъ ближе къ своему собесѣднику, даже взялся рукой за полу его люстриноваго балахона и заговорилъ тише звукомъ, но быстрѣе.

— Гдѣ спасенье мужика? Коли не въ какой-нибудь особой вѣрѣ... знаете, такой, чтобы самую-то суть его забирала,—такъ я и ума не приложу, въ чемъ? Только вѣдь у сектантовъ и есть еще мірская правда, крѣпость слову, стоятъ другъ за друга. И въ евангельскихъ толкахъ то же самое, и даже у изувѣровъ-раскольниковъ, хотя и у нихъ уже многое дрогнуло, особливо по здѣшнимъ мѣстамъ. Безъ запрета, безъ правила... знаете вотъ какъ у татаръ, въ алкоранѣ,—не будетъ ничего держаться. А съ нищетой да съ пропойствомъ что вы устроите? Сначала надо, чтобы копейка была на черный день, для

своего и для мірского дѣла; а накопить ее можно только, когда законъ есть твердый во всякомъ поступкѣ и въ каждомъ словѣ.

— Копейка! — повторилъ со вздохомъ Борисъ Петровичъ, характерно наморщивъ одну бровь, и дернулъ бородку.—Насмотрѣлся я, голубчикъ, на югѣ, въ новороссійскихъ степяхъ, на скопидомство. И у сектантовъ, и у православныхъ. Ломятся скирды, гумны-то — на цѣлой десятинѣ, вездѣ паровыя молотилки, жнеи! Хозяева-то идолы какіе-то. Деньжищъ! Хлѣба! Овецъ!.. И все это мертвечина! — глаза писателя уныло и мечтательно смотрѣли вдаль, ища волнистаго слѣда, который шелъ отъ парохода. — У нашихъ, у здѣшнихъ, по крайней мѣрѣ, на душѣ-то нѣтъ-нѣтъ да и заиграетъ что-то. Церквушку поставитъ. Лампадку засвѣтитъ. Не зарылся, какъ тѣ, идолы, въ свою кубышку!

Голосъ его упалъ, и онъ, нагнувши голову, сталъ искать въ боковомъ карманѣ папиросницу.

Теркину сначала не хотѣлось возражать. Онъ уже чувствовалъ себя подъ обаяніемъ этого милаго человѣка съ его задушевнымъ голосомъ и страдательнымъ выраженіемъ худого лица. Еще немного, и онъ самъ впадетъ, пожалуй, въ другой тонъ, размякнетъ на особый ладъ, будетъ жалѣть мужика не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Церквушка! Лампадка! — вырвалось у него. — Эхъ, Борисъ Петровичъ! Нѣтъ у него никакой вѣры. А о пастыряхъ лучше не будемъ и говорить.

Онъ махнулъ рукой.

— Да у него своя вѣра. Попъ самъ по себѣ, а народъ самъ по себѣ.

— Въ томъ-то и бѣда, Борисъ Петровичъ, что православное-то хрестьянство въ какомъ-то двоевѣріи обрѣтается. И каждый изъ насъ, кто сызмальства въ деревнѣ насмотрѣлся на все, ежели онъ только не олухъ былъ, ничего кромѣ скверныхъ чувствъ не вынесъ. Гдѣ же тутъ о какомъ-нибудь руководствѣ совѣсти толковать?

Теркинъ опять махнулъ рукой.

— Все это вѣрно, голубчикъ, — еще тише сказалъ писатель. — И осатанѣлость крестьянской души, какъ вы отлично назвали, пойдетъ все дальше. Купонъ выѣлъ душу нашего городского обывателя, и зараза эта расползется по всей землѣ. Должно-быть, таковъ ходъ исторіи. Это называется дифференціаціей.

— Читывалъ и я, Борисъ Петровичъ, про эту самую дифференціацію. Но до купона-то мужику—охъ, какъ далеко! Отъ нищенства и пропойства надо ему уйти первымъ дѣломъ, и не встанетъ онъ нигдѣ на ноги, коли не будетъ у него своего закона, который бы все его крестьянское естество захватывалъ.

— Вы и тутъ правы, — выговорилъ писатель, и обѣ брови его поднялись и придали лицу еще болѣе нервное выраженіе.

## III.

— Борисъ Петровичъ!—раздался громкій голосъ капитана изъ-за рубки.—Чай простынетъ, пожалуйте!

Онъ подошелъ къ нимъ.

— Заговорились? А вы, Василій Ивановичъ, не откушаете?

— Я только что пилъ.

— Пожалуйте, Борисъ Петровичъ! Мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, соснуть маленько хочется. Въ Нижнемъ-то надо на ногахъ быть до поздней ночи. Вы вѣдь до Нижняго?

— Да, голубчикъ, тамъ погощу денька два-три у одного пріятеля и въ Москву по чугункѣ.

— Такъ пожалуйте!

— Сейчасъ, Андрей Ѳомичъ, — отозвался Теркинъ. — Экъ, приспичило. Въ кои-то вѣки привелось мнѣ встрѣтить Бориса Петровича, и разговоръ у насъ такой зашелъ, а вы съ вашимъ чаемъ!..

— Сію минутку,—просительно выговорилъ писатель.— Налейте мнѣ стаканчикъ. Я люблю холодный. И лимону кусочекъ.

— Ладно, ладно.

Капитанъ скрылся за рубкой. Они немного помолчали, и Теркинъ заговорилъ первый.

— Хорошій парень, Андрей-то Ѳомичъ! Жаль, что на такомъ дрянномъ суденышкѣ ходитъ, какъ этотъ „Бирючъ“. И глянь-ка, сколько товару наворотилъ. Хорошая искра попади вонъ въ тѣ тюки — изъ насъ одно жаркое будетъ.

— Что вы?—тревожнѣе спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Обязательно! Немножко съ лѣнцой, Кузьмичевъ-то, а толковый. Ежели я, со своимъ пароходомъ, въ ихъ товарищество поступлю, онъ можетъ ко мнѣ угодить. Мы

его тогда маленько подтянемъ, — прибавилъ Теркинъ и подмигнулъ.—Вамъ его исторія извѣстна?

— Какъ же!

— Гдѣ-то я читалъ, что московскій старецъ, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, любилъ говорить и писать: „такъ, молъ, русская печь печетъ". Студентъ медицины... потомъ угодилъ какъ-то въ не столь отдаленныя мѣста, затѣмъ сдѣлался аптекарскимъ гезе́лемъ. А потомъ глядь—и капитанъ, по Волгѣ бѣгаетъ!

Онъ подмѣтилъ взглядъ писателя, когда произносилъ имя Погодина и дѣлалъ цитату изъ его изреченій. Въ этомъ взглядѣ былъ вопросъ: какого въ сущности образованія могъ быть его собесѣдникъ.

— Вотъ вѣдь и вашъ покорный слуга — на линіи теперь судохозяина, а чѣмъ не перебывалъ? И къ чему готовился? Попалъ въ словесники, классическую муштру проходилъ.

— Вы-то?

— А то какъ же! Пріемный-то отецъ мой отъ своихъ скудныхъ достатковъ въ гимназіи меня держалъ. Ну, урочишки были. И всю греческую и латинскую премудрость прошелъ я до шестого класса, откуда и былъ выключенъ...

— Исключили? За что?

— Долго разсказывать. А для васъ, какъ для изобразителя правды... занятно было бы. Да Андрей Ѳомичъ, поди, совсѣмъ истерзался?..

— Вы бы пошли съ нами посидѣть.

— Каютишка-то у него всего на полтора человѣка. А я—мужикъ крупный. Я подожду здѣсь, на прохладѣ. И безъ того безмѣрно доволенъ, Борисъ Петровичъ, что привелось съ вами покалякать.

Изъ-за рубки показалась опять дюжая фигура капитана.

— Пожалуйте! Борисъ Петровичъ!

— Иду, иду!

Писатель заторопился, но успѣлъ подать Теркину руку и еще разъ пригласилъ его.

— Нѣтъ, ужъ вы тамъ вдвоемъ благодушествуйте. Мѣста нѣтъ, да я и плохой чаепійца, даромъ что насъ водохлёбами зовутъ.

Его тянуло за Борисомъ Петровичемъ, но онъ счелъ безтактнымъ нарушать ихъ бесѣду вдвоемъ. Ни за что не хотѣлъ бы онъ показаться навязчивымъ. Въ немъ всегда говорило горделивое чувство. Этого писателя онъ

сердечно любилъ и увлекался имъ долго, но „лебезить“ ни передъ кѣмъ не желалъ, особливо при третьемъ лицѣ, хотя бы и при такомъ хорошемъ маломъ, какъ Кузьмичевъ. Черезъ нѣсколько недѣль капитанъ могъ стать его подчиненнымъ.

Теркинъ прошелся по палубѣ и сѣлъ у другого борта, откуда ему видна была группа изъ красивой блондинки и офицера, съ боку отъ рулевого. Пароходъ шелъ поскорѣе. Крики матроса прекратились, на мачту подняли цвѣтной фонарь, разговоры стали гудѣть явственнѣе въ тишинѣ вечерняго воздуха. Больше версты „Бирючъ“ не встрѣчалъ и не обгонялъ ни одного парохода.

Все та же родная рѣка тянулась передъ нимъ, какъ будто и богатая водой, а на дѣлѣ съ каждымъ днемъ страшно мелѣющая. Теркинъ не рисовался въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ. У него щемитъ въ груди, когда онъ думаетъ о томъ, что́ можетъ статься съ великой русской рѣкой черезъ десять, много двадцать лѣтъ. Это чувство, какъ и жалость къ лѣсу, даже растетъ въ немъ,— нужды нѣтъ, что онъ „на линіи“ пароходчика. Отопленіе мечтаетъ онъ завести у себя нефтяное. Нефти еще цѣлая уйма, хоть и съ ней обходятся хищнически, какъ со всѣмъ, что только можно обращать въ деньги.

И досада начала разбирать его на то, что капитанъ помѣшалъ ихъ разговору, да и самъ онъ не такъ направилъ бесѣду съ Борисомъ Петровичемъ. Ему хотѣлось поисповѣдываться, раскрыть душу не по одному вопросу о крестьянствѣ, показать себя въ настоящемъ свѣтѣ, безъ прикрасы, выслушать, быть-можетъ, и приговоръ себѣ. А такъ онъ могъ показаться хвастуномъ, „рисовальщикомъ“, какъ онъ называлъ всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь рисуется. Все, что онъ про себя сказалъ, была правда. Да, онъ мужицкаго рода, настоящій крестьянскій сынъ, подкидышъ, взятый въ домъ къ „смутьяну“, Ивану Прокофьеву Теркину, бывшему крѣпостному графовъ Рощиныхъ, владѣльцевъ половины села Кладенца.

А почему же онъ, три часа назадъ, когда останавливались у Кладенца, даже и съ палубы не сошелъ? Должнобыть, сердце-то у него не ёкнуло при видѣ красиваго села, на нѣсколькихъ холмахъ, съ его церквами и монастыремъ, съ древнимъ валомъ, гдѣ когда-то, еще при татарахъ, былъ княжескій столъ? Онъ въ это время лежалъ на диванѣ своей каюты, предоставленной ему отъ това-

рищества, какъ будущему пайщику, и только сквозь узкія окна видѣлъ полосу берега, народъ на пристани, два-три дома на подъемѣ въ гору, часть рядовъ съ „галдарейками“, все—знакомое ему больше двадцати пяти лѣтъ.

Да, его не потянуло и на палубу. Онъ не любитъ своего села и давно не любилъ, съ той самой поры, какъ сталъ понимать, что вокругъ него дѣлается. Своего названнаго отца онъ считалъ „праведникомъ“, — нужды нѣтъ, что мѣстные вожаки, которые потрафляли неосмысленной „голытьбѣ“ и спаивали ее, обзывали Ивана Теркина кулакомъ, сторонникомъ скупщиковъ и врагомъ міра. Онъ до сихъ поръ не можетъ простить этому міру ссылки своего отца,—тому стукнуло тогда шестьдесятъ два года,—по приговору сельскаго общества, самаго гнуснаго дѣла, какое только онъ видѣлъ на своемъ вѣку; и на него пошли мужики! И пошли на такое дѣло, небось, не раскольники, живущіе въ Кладенцѣ особымъ обществомъ, также бывшіе крѣпостные другого барина, а православные *хресьяне*, тѣ самые, что ставятъ пудовыя свѣчи и пѣвчихъ содержатъ на мірскія деньги, нужды нѣтъ, что половина ихъ впроголодь живетъ. Не заѣдетъ онъ по доброй волѣ въ Кладенецъ, и сдѣлайся онъ милліонщикомъ, ни алтына не дастъ на нужды міра тому сельскому обществу, что собираетъ сходки въ старинномъ барскомъ флигелѣ, до сихъ поръ извѣстномъ подъ прозвищемъ „графскаго приказа“.

Съ личностью названнаго отца, Ивана Прокофьева, въ его памяти сплетена другая личность, сына почтмейстера,—въ Кладенцѣ есть контора,—положившаго всю свою душу въ дѣло этой самой „гольтепы“, которая ссылала Ивана Прокофьева. Онъ скорбѣлъ о скудости заработка кустарей, собиралъ ихъ, вдалбливалъ въ ихъ мозги, какъ хорошо было бы имъ завести товарищество и артель, писалъ въ газетахъ, ѣздилъ въ Петербургъ, просилъ у высшаго начальства субсидіи, добился ея, самъ сочинялъ уставъ и цѣлыхъ два года изнывалъ на этомъ дѣлѣ, перебивался съ хлѣба на квасъ. И чѣмъ все это завершилось? Да его же обвинили, заподозрили, держали взаперти, сослали,—и хоть бы одинъ изъ бывшихъ членовъ правленія, которые потомъ разграбили кассу, постоялъ за него!..

Лицо Теркина замѣтно хмурилось, и глаза темнѣли. Старая обида на крестьянскій міръ села Кладенца забур-

лила въ немъ. Еще удивительно, какъ онъ могъ въ такомъ тонѣ говорить съ Борисомъ Петровичемъ о мужицкой душѣ вообще. И всякій разъ, какъ онъ нападетъ на эти думы, ему ничуть не стыдно того, что онъ пошелъ по дѣловой части, что ему страстно хочется быть при большомъ капиталѣ, ворочать вотъ на этой самой Волгѣ милліоннымъ дѣломъ.

## IV.

Звонкій женскій смѣхъ молодой нотой скатился сверху отъ рулевого колеса.

Теркинъ поднялъ голову.

Блондинка обернулась лицомъ къ кормовой половинѣ парохода, и ея профиль, въ тѣни вязанаго пухового платка, точно изваянный на сѣроватомъ фонѣ, всталъ надъ нимъ.

— Глупости какія!—проговорила она вздрагивающимъ голосомъ.

Станъ ея заколыхался отъ смѣха. Она осталась сидѣть въ полъ-оборота и первая пристально оглядѣла Теркина со своей вышки.

Ея лицо нашелъ онъ миловиднымъ и очень знакомымъ по типу. Навѣрное она откуда-нибудь съ Волги же родомъ, скорѣе сверху, изъ Ярославля, Костромы, Кинешмы; какая-нибудь обывательская дочь, бабенка или дѣвушка; много-много—молоденькая жена станового, акцизнаго или пароходскаго служащаго, ѣдетъ на ярмарку повеселиться, къ мужу, или одна урвалась. Можетъ-быть, изъ воспитанныхъ, потому что держитъ себя безъ купеческой чопорности, даже весьма развязно, такъ что ее примутъ, пожалуй, и за особу, склонную къ приключеніямъ.

Ея возгласъ: „глупости какія!“ отвлекъ его сразу совсѣмъ къ другимъ чувствамъ и образамъ. Какъ похоже произнесла она этотъ звукъ „глупости“, такими же вздрагивающими грудными нотами! Можетъ, и поетъ она такимъ же низковатымъ голосомъ? И въ чертахъ лица есть что-то общее, — только у нея пепельнаго цвѣта плоскіе волосы, растрепанные теперь отъ вѣтерка, поднявшагося на палубѣ къ вечеру, а у *той* — какъ смоль черные и слегка волнистые. И станъ какъ будто похожъ, сколько можно было видѣть снизу, и ростъ также.

*Та* теперь ждетъ. Въ Нижнемъ должна лежать депеша „до востребованія“, на телеграфѣ, гдѣ помѣщается и

гостиница напротивъ Софроньевской пристани. Теркинъ сегодня же остановится тамъ для ночевки и проживетъ сколько нужно будетъ для дѣла. Но его влечетъ собственно туда книзу, за Казань.

Вотъ если бы разговору его съ Борисомъ Петровичемъ не помѣшали, онъ, быть-можетъ, самъ повинился бы ему въ своихъ „окаянствахъ".

Тянетъ его къ этой женщинѣ не то что какъ истаго распутника или хищнаго звѣря, но и не такъ, чтобы Борисъ Петровичъ его похвалилъ, при всей своей добротѣ и терпимости. Въ томъ-то и бѣда, что не можетъ онъ всѣми страстями своими править, какъ хорошій кучеръ тройкой ретивыхъ лошадей. Расчетъ у него всегда сидитъ въ головѣ, но не всегда беретъ верхъ. Положимъ, и на женщину онъ давно смотрѣть сталъ какъ бы по-охотницки, да и невысокаго о ней вообще мнѣнія,—въ этомъ, быть-можетъ, мужикъ сказался,—ловить себя онъ не дастъ, да и застраховать себя отъ ея чаръ не въ состояніи. Не одной красотой смущала его вообще женщина, съ раннихъ лѣтъ, еще когда школьникомъ былъ, по шестнадцатому году,—а какою-то потребностью сойтись, въ нее заглянуть, вызвать преклоненіе передъ собою, видѣть, какъ въ какой-нибудь несмышленой или робкой немудрой дѣвочкѣ вдругъ распустится душа, откуда ни возьмутся умъ, игра, смѣлость, дерзкая отвага. На все она пойдетъ съ любимымъ человѣкомъ и для него. Въ такія минуты только и сознаешь свою мужскую мощь, особливо когда есть вѣра и въ свой дѣловой умъ, когда ты все шибче и шибче катишься по житейской дорогѣ. Только не плошай, быть тебѣ съ большимъ выигрышемъ.

Во всемъ этомъ онъ способенъ былъ повиниться Борису Петровичу, если бы разговоръ принялъ такой оборотъ. И спроси его тотъ: „Почему же вы не хотите послужить меньшей братіи? Зачѣмъ стремитесь такъ къ денежной силѣ?"—онъ не сталъ бы лгать, не началъ бы увѣрять его, что такъ онъ живетъ до поры, до времени, что это только средство служить народу.

Нѣтъ, онъ любитъ успѣхъ самъ по себѣ, онъ жить не можетъ безъ сознанія того, что такіе люди, какъ онъ, должны идти въ гору и въ денежныхъ дѣлахъ, и въ любви.

Теркинъ поднялъ опять голову; блондинка все еще смотрѣла на него, продолжая переговариваться съ офицеромъ. Онъ улыбнулся ей глазами и тотчасъ же отвелъ

ихъ. Мелкое волокитство онъ презиралъ, какъ все, что слишкомъ легко дается.

Онъ заходилъ взадъ и впередъ по носовой палубѣ, гдѣ сидѣли пассажиры второго класса, боролся съ своимъ желаніемъ заглянуть въ капитанскую каюту, поговорить еще съ писателемъ.

„Кузьмичевъ уже завалился спать, — успокаивалъ онъ себя,—да и Борисъ Петровичъ также".

Раздалось опять заунывное выкрикиваніе.

— Четыре-е!—протянулъ матросъ.

„Сядемъ", — подумалъ Теркинъ и взглянулъ на верхъ рубки. Тамъ, у звуковой трубы, стоялъ помощникъ.

„Посадитъ онъ насъ, какъ пить дастъ, — продолжалъ онъ думать съ хозяйскимъ чувствомъ нѣкотораго раздраженія,—мечется, а толку нѣтъ".

Пароходъ дѣйствительно вздрогнулъ и сталъ. Грузныя колеса побарахтались немного, потомъ раздалась команда: „стопъ!"

— Сидимъ! — громко сказалъ Теркинъ, но уже болѣе не волновался и присѣлъ у самаго носа поглядѣть, какъ помощникъ справится съ перекатомъ.

Лоцманъ съ подручнымъ еще повертѣли колесо вправо и влѣво и о чемъ-то перекинулись словами съ помощникомъ капитана.

Тотъ заставлялъ продѣлывать быстрыя движенія взадъ и впередъ, то на полныхъ парахъ, то полегче. Пароходъ немножко подавался взадъ, впередъ, вбокъ, но съ мѣста не сходилъ.

Публика наверху продолжала сидѣть и не выказывала замѣтнаго безпокойства. Между пассажирами попроще пошелъ болѣе оживленный говоръ, но если бы не знать, что пароходъ дѣйствительно врѣзался въ перекатъ, нельзя бы подумать, что случилась такая досадная для всѣхъ непріятность, изъ-за которой въ Нижній опоздаютъ на нѣсколько часовъ.

Теркинъ не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться. Онъ только пододвинулся къ рубкѣ, чтобы видѣть отчетливѣе, что тамъ наверху будутъ дѣлать. Кто-то изъ пассажировъ поважнѣе громко спросилъ у лоцмана:

— Да гдѣ же капитанъ?

— Никакъ отдыхаетъ.

— Отчего же его не разбудятъ?

— Справимся! Не изъ чего безпокоить, — отвѣтилъ за лоцмана помощникъ.

Такъ они и не справились до появленія Кузьмичева, что случилось часа черезъ полтора, когда красная полоса заката совсѣмъ поблѣднѣла и пошелъ девятый часъ. Сорвать пароходъ съ мѣста паромъ не удалось помощнику и старшему судорабочему, а завозить якорь принимались они до двухъ разъ такъ же неудачно. На все это глядѣлъ Теркинъ и повторялъ про себя: „Помощника этого я къ себѣ не возьму ни подъ какимъ видомъ, да и Андрей-то Ѳомичъ слишкомъ ужъ съ прохладцей капитанствуетъ“.

Кузьмичевъ извѣстенъ былъ на Волгѣ не столько свѣдѣніями по шкиперной части, сколько удачей и сноровкой. Не прошло и получаса, какъ буксирный пароходъ снялъ ихъ съ мели въ нѣсколько минутъ, и къ десяти часамъ они уже миновали Балахну, гдѣ простояли всего четверть часа, чтобы не такъ поздно придти въ Нижній.

Совсѣмъ уже стемнѣло, и чѣмъ ближе подходили къ устью Оки, тѣмъ чаще попадались встрѣчные пароходы. Тогда поднимался глухой зловѣщій свистъ, и махали съ кожуха цвѣтными фонарями; на одну баржу чуть-чуть было не налетѣли.

„Все черезъ пень колоду,—говорилъ про себя Теркинъ, просидѣвшій на палубѣ, не замѣченный капитаномъ.—И какъ еще мы не погоримъ въ такой дьявольской тѣснотѣ?..“ У него, если только ему удастся еще этимъ лѣтомъ начать хозяйствовать, порядки будутъ другіе. Но на этихъ соображеніяхъ не остановилась его голова, быстро овладѣвавшая трезвой мыслью дѣлового и предпріимчиваго волжанина. И не объ одномъ личномъ ходѣ въ гору мечталъ онъ, сидя подъ навѣсомъ рубки на складномъ стулѣ. Мысль его шла дальше: вотъ онъ изъ пайщика скромнаго товарищества дѣлается однимъ изъ главныхъ воротилъ Поволжья, и тогда начнетъ онъ борьбу съ обмелѣньемъ, добьется того, что это дѣло станетъ общенароднымъ, и милліоны будутъ всажены въ рѣку за тѣмъ, чтобы навѣки очистить ее отъ перекатовъ. Развѣ это невозможно? А берега, на сотни и тысячи десятинъ внутрь, покроются заново лѣсами!

Такія мысли вѣяли на него всегда душевной свѣжестью, мирили съ тѣмъ, что онъ въ себѣ самомъ не могъ одобрить, и чего не одобрилъ бы и Борисъ Петровичъ.

Когда „Бирючъ“ причалилъ къ пристани въ Нижнемъ, было уже за полночь. Теркинъ отдалъ свой чемоданъ матросу и, проходя мимо капитана, отбиравшаго билеты спросилъ его:

— А Борисъ Петровичъ?

— Просилъ не будить его до утра. А вы, Василій Ивановичъ, скоро ли будете на Низу? Побѣжали бы вмѣстѣ опять къ Саратову?

— Можетъ, такъ и случится! — крикнулъ Теркинъ, въ хвостѣ пассажировъ поднялся по крутымъ мосткамъ на набережную и велѣлъ подвезти себя къ большому дому, гдѣ телеграфъ.

## V.

Длинная унылая площадь съ гостинымъ дворомъ изнываетъ подъ лучами знойнаго послѣобѣда. Отъ бѣлой штукатурной стѣны одноэтажнаго зданія лавокъ такъ и пышетъ. Сидѣльцы кое-какъ дремлютъ у желѣзныхъ створовъ или играютъ въ шашки.

У окна нумера гостиницы Теркинъ, полуодѣтый, допивалъ стаканъ сельтерской воды. Онъ очень страдалъ отъ духоты. Жаръ давалъ ему головныя боли. Сегодня онъ уже два раза ѣздилъ на рѣку купаться.

Больше ему и дѣлать было нечего въ этомъ городѣ. Изъ Нижняго „прибѣжалъ“ онъ сюда рано утромъ, на пароходѣ американской системы, и спалъ полсутокъ, разомлѣвъ отъ жары, не проходившей даже и подъ вечеръ. Термометръ и вчера и сегодня, по рѣкѣ и въ городѣ, на солнцѣ показывалъ тридцать три градуса. Въ Нижнемъ онъ пробылъ всего два дня; ему удалось многое наладить, но не все. Только половину капитала имѣлъ онъ въ рукахъ для уплаты за пароходъ „Батракъ“, уже совсѣмъ почти готовый на Сормовскомъ заводѣ. Ему дѣлали кредитъ еще на четверть суммы; остальную четверть надо было добыть на-дняхъ, тамъ, ниже Саратова, у одного благопріятеля, бывшаго еще такъ недавно его патрономъ и наставникомъ по дѣлецкой части, Усатина.

Но не поѣздка на низовья Волги наполняла въ эту минуту душу Теркина. Онъ то и дѣло поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ былъ западъ, поджидалъ заката; а солнце еще довольно высоко стояло надъ длиннымъ ослѣпительно бѣлымъ зданіемъ рядовъ. Раньше какъ черезъ полтора

часа не покажется краснота поверхъ зеленой крыши гостинаго двора.

Отыскивалъ онъ своими подвижными зрачками одну точку, ближе къ берегу, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ нагорнаго берега, лѣвѣе отъ главъ и крестовъ новаго собора.

Точка эта была верхъ памятника, гранитнаго столба, стоявшаго на площадкѣ посреди жидкаго садика.

Вотъ бы когда сойтись въ садикѣ, какъ разъ объ эту пору, между вечерней и всенощной. Тамъ, навѣрно, ни души, даже разносчикъ не пройдетъ съ пряниками или огурцами. Городъ совсѣмъ вымираетъ въ послѣобѣденный жаръ. Но развѣ можно сидѣть тамъ, среди бѣла дня, хотя бы и въ такой глухой часъ? Вдругъ какъ кто проѣдетъ невзначай изъ знакомыхъ? Вѣдь ее всѣ знаютъ. Она — жена судейскаго, служащаго здѣсь больше пяти лѣтъ, да еще въ такой должности, какъ слѣдователь самаго главнаго участка въ городѣ. Сейчасъ кто-нибудь сболтнетъ: „Серафима, молъ, Ефимовна сидитъ на обрывѣ у памятника съ какимъ-то пріѣзжимъ молодымъ мужчиной!“

Нужна опаска! Чѣмъ кончится ихъ любовь — уйдетъ она отъ мужа или нѣтъ, все-таки онъ долженъ до поры до времени ограждать ее—ее больше, чѣмъ всякую другую женщину. Она—огонь, все въ ней горитъ, и ничего нѣтъ легче, какъ дать ей зарваться, безъ разума, только на одинъ срамъ...

Ему стало у окна немного полегче. Жаръ и духота спадали. Онъ прошелся по нумеру, все еще въ рубашкѣ, безъ галстука, потомъ прилегъ на диванъ, подложилъ кожаную дорожную подушку подъ голову и закурилъ, — такъ время скорѣе ползетъ. Онъ — не большой курильщикъ и за папиросу берется вотъ въ такія минуты, когда надо убить время, а работы нѣтъ, или слишкомъ донимаетъ жаръ.

Дымъ отъ папиросы на то только хорошъ, всегда думалъ Теркинъ, чтобы въ его извивахъ видѣть цѣлый рядъ пріятныхъ картинъ или строить какую-нибудь комбинацію, планъ дѣйствій, въ родѣ какъ рѣшаешь уравненіе, когда алгебра тебѣ далась, и ты къ задачамъ относишься, какъ къ шахматамъ, съ настоящимъ игрецкимъ чувствомъ.

Всего въ третій разъ онъ въ этомъ городѣ, никогда

не проживалъ въ немъ больше трехъ-четырехъ дней, и въ немъ у него любовь, настоящая, захватывающая, быть-можетъ, роковая для него.

И все такъ быстро стряслось. Онъ, уходя теперь воображеніемъ въ подробности ихъ встрѣчи, употребилъ мысленно это слово: „стряслось“.

По дѣлу завернулъ онъ снова прошлымъ лѣтомъ, даже останавливаться на ночь не хотѣлъ, разсчитывалъ покончить все однимъ днемъ и чѣмъ свѣтъ „уйти“ на другомъ пароходѣ кверху, въ Рыбинскъ. Куда дѣваться вечеромъ? Въ увеселительный садъ... Ихъ даже два было тогда; теперь одинъ хозяинъ прогорѣлъ. Знакомые нашлись у него въ городѣ: изъ пароходскихъ кое-кто, инженеръ, одинъ адвокатъ заѣзжій, шустрый малый, ловкій на всѣ руки и порядочный кутила.

Онъ всему и сталъ причиной.

Въ саду играли какую-то комедію,—кажется, „Фофанъ“ называется,—плохенькая труппа, такъ что онъ на второе дѣйствіе и не пошелъ, а остался на балконѣ буфета. По саду бродили цыгане, тоже неважные, обшарканные, откуда-то изъ Пензы или Тамбова.

Нашелъ его на балконѣ адвокатъ, и черезъ четверть часа онъ былъ въ большомъ обществѣ. Были тутъ три дамы, офицеръ, тотъ инженеръ, котораго зналъ Теркинъ.

Они пошли ужинать, заняли одну изъ комнатъ вдоль стѣнъ залы, гдѣ пѣли арфистки и цыгане въ антрактахъ. Его представили дамамъ; сначала помѣщицѣ, кажется, въ разъѣздѣ съ мужемъ, уже немолодой, толстой. Теркинъ сейчасъ же распозналъ въ ней „кутилку“. Она такъ и сыпала, такъ и сыпала, и стихи вслухъ читала, и пила довольно. Изъ остальныхъ двухъ одна была дѣвушка, лѣтъ за двадцать, длинная, некрасивая, но зубастая на разговоръ, дочь доктора-старичка. При ней и отецъ состоялъ. Вторая сѣла рядомъ съ нимъ, и адвокатъ ее громко отрекомендовалъ ему:

— Серафима Ефимовна Рудичъ, супруга судебнаго слѣдователя, моего товарища по училищу.

Изъ этого онъ уразумѣлъ, что оба они были изъ правовѣдовъ.

Ему стало жутко около нея. Никогда еще въ жизни не нападала на него такая оторопь, даже покраснѣлъ и губы всѣ искусалъ. Въ первыя минуты не могъ ничего ей ска-

зать подходящаго, дуракъ-дуракомъ сидѣлъ, даже потъ выступилъ на лбу.

Она первая должна была съ нимъ заговорить. Голосъ ея точно гдѣ внутри отдался у него. Глазами онъ въ нее впился и не могъ оторваться, хоть и чувствовалъ, что такъ нельзя сразу обглядывать порядочную женщину.

Она была „порядочная“, безъ сомнѣнія, держала себя совсѣмъ прилично, хоть и смѣло, и одѣта была чудесно. До сихъ поръ онъ помнитъ черную большую шляпу съ яркими цвѣтами, покрытую кружевомъ, откуда, точно изъ-подъ навѣса, глядѣли ея глаза и улыбались ему. Да, сразу начали улыбаться. Онъ-было подумалъ: она надъ нимъ посмѣивается, что онъ сидитъ такимъ дуракомъ.

Когда она заговорила, онъ въ ней распозналъ волжанку. Говоръ у нея былъ почти такой же, какъ у него, только съ особеннымъ произношеніемъ звука „щ“, какъ выговариваютъ въ Казани и ниже, въ родѣ „ш-ш“. И увидалъ онъ тутъ только, что она очень молода, лѣтъ много двадцати. Станъ у нея былъ изумительной стройности и глаза такіе блестящіе, какихъ онъ никогда не видалъ— точно брильянтики заискрились въ глубинѣ зрачковъ.

„Нѣтъ, она не барское дитя“,—сказалъ онъ себѣ тогда же, и съ этой самой минуты у нихъ пошелъ разговоръ все живѣе и живѣе, и она ему разсказала подъ гулъ голосовъ, что мужъ ея уѣхалъ на слѣдствіе, по порученію прокурора, по какому-то важному убійству, что она всего два года какъ кончила курсъ и замужемъ второй годъ, что отецъ и мать ея — по старой вѣрѣ, отецъ перешелъ въ единовѣріе только недавно, а прежде былъ въ „бѣглопоповской“ сектѣ. Намекнула она, и довольно для него неожиданно, что сама она свободно мыслитъ и на обрядъ вѣнчанія смотрѣла какъ на необходимость.

Онъ слушалъ и изумлялся, что это все она разсказываетъ совсѣмъ незнакомому человѣку и вовсе не по простотѣ. Въ ней ума было больше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ женщинахъ, и никакой наивности. Оттого это такъ и случилось, что они другъ къ другу подошли сразу, какъ бываетъ всегда въ роковыхъ встрѣчахъ.

И тогда еще, вернувшись на пароходъ, онъ, хоть и въ чаду, сказалъ себѣ, что эта встрѣча „даромъ для него не пройдетъ!“

## VI.

Къ концу ужина, когда они съ ней уже нѣсколько разъ чокнулись, и онъ началъ ей разсказывать про себя, про своего названнаго отца Ивана Прокофьича, про гимназію и про житейскія испытанія, черезъ какія проходилъ, когда вылетѣлъ изъ гимназіи, распорядитель и заводчикъ этого импровизированнаго пикника, заѣзжій адвокатъ, позвалъ цыганъ.

Это былъ плохенькій хоръ: дурно одѣтыя женщины, очевидно, разъѣзжавшія только по мелкимъ ярмаркамъ, зато настоящія черномазыя и глазастыя, безъ подозрительныхъ пріемышей изъ русскихъ, что нынче попадаются въ любомъ извѣстномъ хору. И романсы они пѣли старинные, чуть не тридцатыхъ годовъ.

Одинъ изъ этихъ романсовъ всѣмъ, однако, пришелся очень по вкусу: „Ты не повѣришь", пропѣтый въ два голоса. За нимъ хоръ подхватилъ тоже старинную застольную пѣсню, перевирая текстъ Пушкина:

„Кубокъ янтарный.."

Дуэтъ пѣли солистка, съ отбитымъ, но задушевнымъ голосомъ, и начальникъ хора, басъ, затянутый,—ему и теперь памятна эта подробность, — въ чекмень изъ верблюжьяго сукна ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ и въ широчайшихъ свѣтло-синихъ шароварахъ, покрывавшихъ ему концы носковъ, ухарски загнутыхъ кверху.

И вдругъ она его спрашиваетъ:

— Вы поете?

— Немножко.

— Можетъ, и на гитарѣ играете?

— Брянчу.

Онъ мараковалъ на гитарѣ и пѣлъ всегда въ ученическомъ хорѣ; его альтъ перешелъ потомъ въ баритонъ.

— Споемъ этотъ же романсъ... Я его люблю... Онъ мнѣ напоминаетъ время, когда я только начинала ходить... Я его переняла отъ нашей горничной... и пѣла исподтишка. Отецъ считалъ всякое пѣніе и музыку бѣсовскимъ наважденіемъ.

Предложеніе ея такъ его захватило, что онъ даже застыдился... Но желаніе пѣть съ нею превозмогло.

Она сама сказала адвокату, что они хотятъ пропѣть дуэтъ. Всѣ захлопали. Цыганъ отблагодарили, только одну гитару взяли у начальника хора.

Когда онъ бралъ аккорды, ихъ взгляды встрѣтились такъ непроизвольно, что они оба стали краснѣть... Онъ первый началъ, не отрывая отъ нея глазъ:

„Коль счастливъ я съ тобою бываю,
Ты улыбаешься, какъ май!"

Слова онъ, кажется, произносилъ не совсѣмъ вѣрно, но онъ ихъ такъ заучилъ съ дѣтства, да и она такъ же. Но что бы они ни пѣли, какъ бы ни выговаривали словъ, ихъ голоса стремительно сливались, на душѣ ихъ былъ праздникъ. И она, и онъ забыли тутъ, гдѣ они, кто они; потомъ она ему признавалась, что мужъ, домъ — совсѣмъ выскочили у нея изъ головы, а у него явилось безумное желаніе схватить ее, увлечь съ собой и плыть неизвѣстно куда...

Послѣ дуэта остальные участники ужина хоромъ подхватили „Кубокъ янтарный", а потомъ она запѣла цыганскій же романсъ:

„Любила я..."

Не могъ онъ не откликнуться на это признаніе. Ни минуты не усомнился онъ, что она поетъ *ему* и для *него*, а никогда онъ себя не упрекалъ въ фатовствѣ и съ женщинами былъ скорѣе неловокъ и тугъ на первое знакомство.

И онъ забылъ, что она „мужняя жена", и ни разу не спросилъ ее про то, какъ она живетъ, счастлива ли, хотя и не могъ не сообразить, что изъ раскольничьяго дома, навѣрно, ушла она если не тайкомъ, то и не съ полнаго согласія родителей. Тотъ баринъ, правовѣдъ, могъ, конечно, разсчитывать на приданое, но она врядъ ли стала его женой изъ какого-нибудь расчета.

Все это отлетѣло отъ него. Былъ уже поздній часъ, около двухъ. Тѣ двѣ барыни подшили, и она пила шампанское, но только блѣднѣла, и блескъ глазъ сдѣлался изумительный—точно у нея въ глубинѣ зрачковъ по крупному алмазу.

— Вотъ бы на лодкѣ прокатиться...—сказала она послѣ пѣнія, когда онъ уже держалъ ея руку и цѣловалъ...

Лодка!.. Онъ готовъ былъ нанять пароходъ. Черезъ нѣсколько минутъ все общество спустилось внизъ къ пристани. Добыли большой стругъ. Ночь стояла, точно она была въ заговорѣ, облитая серебромъ. На Волгѣ все будто сговорилось: былъ теплаго вѣтерка, игра чешуй и благоуханіе сѣнокоса, доносившееся съ лугового берега рѣки.

Онъ шепталъ ей, сидя рядомъ на кормѣ, — она правила рулемъ,—любовныя слова... Какія?.. Онъ ничего не помнитъ теперь... Свободная рука его жала ея руку, и на своемъ лицѣ онъ чуялъ ея дыханіе.

Она первая заговорила о своемъ о замужествѣ. Не по расчету сдѣлалась она женой слѣдователя, но и не по увлеченію.

— Дѣвчонка была!.. Дура!.. Дома очень ужъ тошно стало! Умѣлъ польстить. Суета!.. Теперь только жизнь-то начинаю узнавать.

И въ глазахъ ея промелькнуло что-то горькое и сильное. Намекъ былъ ясенъ: она не нашла любви въ супружествѣ, она искала ее, и судьба столкнула ихъ не спроста.

Ужъ на разсвѣтѣ вернулось въ городъ все общество. Никто никому не долженъ былъ отдавать отчета. Толстую барыню провожалъ адвокатъ, барышня поѣхала съ отцомъ.

— Меня проведетъ Василій Ивановичъ, ему потомъ два шага до гостиницы.

Она сама это сказала. Они шли молча, подъ-руку. Но онъ чувствовалъ, какъ вздрагивалъ ея станъ отъ прикосновенія къ его плечу.

У крыльца ихъ дома она вдругъ прошептала:

— Вы отсюда на пароходъ?

— Да... но я останусь.

— Нѣтъ, не нужно. Идите!.. Вѣдь мы больше не увидимся.

И точно хотѣла его толкнуть рукой. Онъ схватилъ эту руку, безъ перчатки, и поцѣловалъ. Она прильнула къ нему, поцѣлуй ожегъ его. И тотчасъ же она крикнула:

— Идите!.. Идите!..

И дернула за звонокъ.

Онъ цѣлыя сутки не спалъ на пароходѣ.

Какъ было еще разъ видѣться съ ней? На возвратномъ пути угодилъ онъ сюда не раньше какъ черезъ мѣсяцъ, остановился безъ всякой нужды, искалъ инженера, искалъ адвоката: ни того, ни другого не оказалось — уѣхали въ Нижній на ярмарку.

Домика, куда онъ провожалъ ее, не могъ онъ распознать; ходилъ справляться, гдѣ живетъ слѣдователь Рудичъ; ему сказали—гдѣ; онъ два раза прошелъ мимо оконъ. Никого не было видно, и, какъ ему показалось, даже какъ

будто господа уѣхали, потому что со двора въ трехъ окнахъ ставни были заперты, а съ улицы шторы спущены.

„Выкинь изъ головы! Одинъ срамъ, точно гимназистъ-мальчишка!“ — повторялъ онъ себѣ тогда, по пути въ Нижній.

И вдругъ тамъ, на ярмаркѣ, въ театрѣ,—играли „Грозу“, съ Ермоловой въ роли Катерины, — сидитъ онъ въ креслахъ, во второмъ ряду, навелъ случайно бинокль на ложи бенуара — она, съ какими-то двумя дамами, — онъ призналъ ихъ за богатыхъ купчихъ,—и мужчиной пожилымъ, ужъ навѣрно купеческаго званія.

Онъ просто обмеръ. Бинокля-то не можетъ отвести отъ нея. Въ бѣломъ матовомъ платьѣ, въ волосахъ живой цвѣтокъ и полуоткрытая шея. Опустилъ, наконецъ, бинокль и все смотритъ на нее. А съ подмостокъ ему слышится страстный шопотъ актрисы, въ сценѣ третьяго акта, въ оврагѣ волжскаго прибрежья, и ему представляется, что это она ему такъ говоритъ.

Поклониться онъ не посмѣлъ, весь скованный стоялъ въ антрактѣ. Но, видно, она сама замѣтила его ростъ и фигуру, узнала, вся зардѣлась, поклониться тоже не поклонилась, но въ глазахъ зажглась такая радость, что онъ опрометью кинулся въ фойе, увѣренный, что она придетъ туда.

Недѣлю прожилъ онъ въ Нижнемъ. Какіе вечера проводили въ саду, на Откосѣ!.. Но когда надо было разстаться, она ему еще не принадлежала.

Пошла переписка. Зимой онъ тайно пріѣзжалъ сюда, и они видались урывками. Съ мужемъ она такъ и не хотѣла его знакомить.

И вотъ во второй разъ попадаетъ онъ сюда по ея зову. Въ ея послѣднихъ письмахъ, въ ея депешѣ, найденной въ Нижнемъ, страсть такъ и трепещетъ...

## VII.

Тѣни пошли, длинныя и тусклыя, въ садикѣ, около памятника. Поздній закатъ внизу, за самой кручей нагорнаго берега, расползался въ огромную рыбу съ узкимъ носомъ розовато-палеваго колера.

Въ воздухѣ пахло стручьями желтыхъ акацій, пыльныхъ и малорослыхъ, посаженныхъ вдоль рѣшетокъ сквера.

Теркинъ пришелъ первый. Никого онъ не встрѣтилъ

на улицѣ изъ господъ. Даже издали не было слышно треска извозчичьихъ дрожекъ.

На одной изъ скамеекъ противъ пароходныхъ пристаней и большой паровой мельницы, на томъ берегу рѣки, онъ сидѣлъ въ полъ-оборота, чтобы издали узнать ее: такъ ему видна была вся главная дорожка отъ входа, загороженнаго зеленымъ столбомъ съ подвижнымъ бревенчатымъ крестомъ.

Онъ зналъ, что она придетъ, даже если мужъ ея и въ городѣ. Она писала въ послѣдній разъ до присылки депеши, что мужъ, можетъ-быть, поѣдетъ въ Москву. Въ депешѣ, ждавшей Теркина въ Нижнемъ, ничего объ этомъ не говорилось.

Она придетъ. Она должна была ждать минуты свиданія съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и онъ. Но онъ допускалъ, что Серафима отдается своему влеченію цѣльнѣе, чѣмъ онъ. И рискуетъ больше. Какъ бы она ни жила съ мужемъ, хорошо или дурно, все-таки она барыня, на виду у всего города, молоденькая бабочка, всего по двадцать первому году. Однимъ такимъ свиданіемъ она можетъ себя выдать, въ лоскъ испортить себѣ положеніе. И тогда ей пришлось бы поневолѣ убѣжать съ нимъ.

Хотѣлъ ли онъ этого? Добивался ли во время ихъ встрѣчъ и на письмахъ?.. Нѣтъ! Онъ ничего такого не испугается, но и не подбиваетъ ея. Если это страсть дѣйствительно „роковая“ — жить имъ вмѣстѣ. Жить, такъ жить, безъ обмана, не втроемъ, а вдвоемъ.

И сегодня, сидя вотъ тутъ, у памятника на вышкѣ, за нѣсколько минутъ до ея прихода, онъ не только не знакомъ съ „господиномъ слѣдователемъ“, но и представленія никакого не имѣетъ о его наружности; даже карточки мужа она ему никогда не показывала.

За это онъ ей благодаренъ. Значитъ, въ ней есть прямота. Противно ей ввести его къ себѣ въ домъ и подъ личиною держать при себѣ въ званіи тайнаго любовника. При рѣдкихъ наѣздахъ ничего бы и не всплыло наружу. Тогда стало бы гораздо свободнѣе. Вотъ такая встрѣча въ саду показалась бы совсѣмъ простой встрѣчей. Да и надобности не было бы сходиться здѣсь по уговору. Просто явился къ нимъ, когда мужа нѣтъ, да и предложилъ пройтись на набережную.

Ей не по душѣ обманъ. И онъ не любитъ его, почему и не посягалъ на замужнихъ женщинъ, даже въ такихъ

случаяхъ, когда все обошлось бы въ наилучшемъ видѣ: съ женами подчиненныхъ или мужей, что̀ сами рады бы... Такихъ, по нынѣшнимъ временамъ, вездѣ много развелось.

Влекло его къ ней и то, что она второй годъ не принадлежала ему. Онъ не хотѣлъ себѣ дать полнаго отчета въ томъ, какая именно борьба идетъ между ними и кто прямѣе, но теперь ему кажется, что — она. Вѣдь онъ ни разу, ни устно, ни письменно, не сказалъ ей:

„Жизнь моя!.. Иди ко мнѣ!.. Разведись. Будемъ мужъ и жена!“

И когда онъ оставался наединѣ со своей совѣстью, онъ не хотѣлъ лгать самому себѣ. Къ бра̀ку съ нею его не тянуло. Почему? Онъ самъ не могъ отвѣтить. Вовсе не оттого, что онъ боялся за свою холостую свободу. А точно въ пылкое влеченіе къ этой женщинѣ входила струя какого-то затаеннаго сомнѣнія: въ ней ли найдетъ онъ полный откликъ своей сильной потребности въ беззавѣтной и чистой любви?

Въ этой связи полной чистоты не будетъ, даже если они и обвѣнчаются. На вѣнчаніе она сама врядъ ли будетъ подбивать его. У нея нѣтъ никакой вѣры въ таинство брака. Она ему это сказала въ первый же ихъ разговоръ, за ужиномъ увеселительнаго сада.

Въ душѣ Теркина стремительно чередовались эти мысли и вопросы. Каждая новая минута,—онъ то и дѣло поворачивалъ голову въ сторону зеленаго столбика, — наполняла его больше и больше молодымъ чувствомъ любовной тревоги, щекотала его мужское неизбѣжное тщеславіе, — онъ и не скрывалъ этого отъ себя, — давала ему особенный вкусъ къ жизни, дѣлала его смѣлѣе и добрѣе.

Зимой онъ на свиданіи съ ней въ гостиницѣ повелъ было себя какъ всякій самолюбивый ухаживатель, началъ упрекать ее въ томъ, что она нарочно тянетъ ихъ отношенія, не вѣритъ ему, издѣвается надъ нимъ, какъ надъ мальчуганомъ, все то говорилъ, чѣмъ мужчины прикрываютъ свое себялюбіе и свою чувственность у насъ, въ чужихъ краяхъ, во всемъ свѣтѣ, въ деревенской хатѣ и въ чертогахъ.

Она, однако, не сдалась. Ея тогдашніе возгласы онъ помнитъ:

— Вася!.. Не гнѣвайся! Душой я твоя, но пока съ мужемъ живу—не буду отъ него блудить!

И это раскольничье слово „блудить“ покоробило его.

Въ немъ было что-то низкое для нея, для всего ея облика. Вѣдь она училась, читала, хорошо играла на фортепьянахъ, выражалась до тѣхъ поръ образно и мѣтко, но безъ вульгарныхъ оборотовъ и словъ. А тутъ вдругъ—„блудить".

Онъ уѣхалъ почти возмущенный. Ея письма утишили эту хищническую бурю. Сначала онъ причислялъ ее къ тѣмъ ехиднымъ бабенкамъ, что̀ не отдаются любимому человѣку не потому, чтобы были такъ чисты и прямы душой, а изъ особаго рода задорной гордости,—онъ такихъ знавалъ.

„Никто-де не скажетъ, что я пала... Хоть и люблю, и говорю это,—клейма на себя не наложу, и любимый человѣкъ не добьется своего, не сдѣлаетъ меня рабыней".

Но ея письма дышали совсѣмъ другимъ. Она не таилась отъ него... Беззавѣтно предавалась она ему, ничего не скрывала, тяготилась постылымъ мужемъ, съ каждымъ днемъ распознавала въ немъ „дрянную натуришку", ждала чего-то, какой-нибудь „новой гадости",—такъ она выражалась,—чтобы уйти отъ него, и тогда она это сдѣлаетъ безъ боязни и колебаній.

И къ веснѣ, когда близилась возможность новыхъ свиданій, опять онъ рѣшительно всталъ на ея сторону, распозналъ въ себѣ „звѣря", стряхнулъ съ себя всякій задоръ мужского тщеславія. Онъ желалъ любить такъ же честно, какъ и она.

Ему захотѣлось, чтобы его страсть овладѣвала имъ безраздѣльно, не давала ему времени думать, разбирать, сомнѣваться въ чемъ-нибудь, поблажать расхолаживающимъ сомнѣніямъ.

Когда онъ четверть часа тому назадъ шелъ сюда, въ этотъ садикъ, у него въ груди занималось точно отъ быстрыхъ глотковъ игристаго вина, и то становилось вдругъ жарко головѣ, то холодѣло на вискахъ. Это ощущеніе давало ему вѣрную ноту того, что его влечетъ къ Серафимѣ, влечетъ и душевно, безъ чувственныхъ образовъ. Онъ не мечталъ о ея поцѣлуяхъ,—да и какъ они будутъ цѣловаться въ публичномъ мѣстѣ,—но жаждалъ общенія съ ней, ждалъ того свѣта, который долженъ взвиться, точно змѣйка электрическаго огня, и озарить его, ударить его невидимымъ токомъ вмѣстѣ со взрывомъ страсти двухъ живыхъ существъ.

Одѣвался онъ долго и съ тревогой, точно онъ идетъ на смотръ... Все было обдумано: цвѣтъ галстука, покрой

жилета, чтобы было къ лицу. Онъ зналъ, что ей нравятся его низкія поярковыя шляпы. Безъ этой заботы о своемъ туалетѣ нѣтъ вѣдь молодой любви, и безъ этого страха, какъ бы что-нибудь не показалось ей безвкуснымъ, крикливымъ, дурного тона. Она сама одѣвается превосходно, съ такимъ вкусомъ, что онъ даже изумлялся, гдѣ и у кого она этому научилась въ провинціи.

Вѣдь и она въ ту же пору заботливо прихорашивала себя, думая о томъ, какъ бы ему сильнѣе понравиться.

Есть у него и еще одинъ признакъ „безъ обмана“— это вздрагиваніе нервовъ при видѣ любимой женщины. Никакимъ усиліемъ воли нельзя воздержаться отъ такого ощущенія. Въ первую тайную встрѣчу въ Нижнемъ на Откосѣ, въ десятомъ часу, на дорожкѣ, въ густой тѣни липъ, онъ еще не испытывалъ этого удара подъ колѣнями.

Здѣсь, зимой, когда она, постучавшись, взошла въ полутемноту передней, и онъ распозналъ ея фигуру, колѣни задрожали, прежде чѣмъ онъ прикоснулся къ ея рукѣ.

„А вдругъ не задрожатъ?“ — противъ воли подумалъ Теркинъ и тотчасъ же разсердился на себя за такой вопросъ.

Вправо отъ входа глаза его схватили что-то черное, стройное, быструю походку, большую шляпу. Онъ вскочилъ и чуть не упалъ—такъ сильно было ощущеніе, въ которое онъ вѣрилъ какъ въ признакъ безъ обмана. Радость заколыхалась въ немъ, и глаза стали мгновенно влажны... У него недостало силъ кинуться къ ней навстрѣчу

## VIII.

Начало замѣтно смеркаться. Звѣзды засвѣтились неровными искрами. Въ садикѣ не было никого, кромѣ пары, пересѣвшей на другую скамью надъ самымъ обрывомъ.

Они держали другъ друга за руку. Теркинъ смотрѣлъ на Серафиму снизу вверхъ; онъ нагнулся, чтобы глазамъ его удобнѣе было проникать подъ щитокъ ея черной шляпы, покрытой бантами и черными же перьями.

Она за полгода стала еще краше, немного пополнѣла въ лицѣ и станѣ. Сквозь смугло-блѣдноватую кожу румянецъ разливался ровно, съ янтарнымъ отблескомъ. И такой же, какъ у него, пышный ротъ раскрывался еще привлекательнѣе, оточенный пушкомъ; губы стали потемнѣе, и бѣлизна острыхъ и крупныхъ зубовъ придавала

ей что-то восточное. Шея налилась и руки. Въ гренадиновомъ платьѣ съ прозрачными рукавами, она накинула на плечи кружевную короткую мантильку, и воротникъ подпиралъ ей сзади затылокъ живописно и значительно. Никто бы не сказалъ, глядя на ея туалетъ и манеру носить его, что она губернская барынька изъ купеческой раскольничьей семьи.

Ему всего дороже были въ ея обликѣ глаза, откуда блестѣли два брильянта, и смѣлое очертаніе носа, тонкаго, съ маленькой припухлостью кончика, въ которой сказывался также восточный, немного татарскій типъ ея лица.

— Уѣхалъ, значитъ, на цѣлую недѣлю?—спросилъ Теркинъ тономъ человѣка, которому не вѣрится въ собственную удачу.

— Теперь всего день остался... Можетъ, завтра пріѣдетъ—писалъ ужъ, что все уладилось, какъ онъ желалъ...

— Вернется товарищемъ прокурора?

— Хорошъ прокуроръ!

Возгласъ ея замеръ въ прозрачной тишинѣ засвѣжѣвшаго воздуха.

— Хорошъ!—повторила она страстнымъ шопотомъ, нагнулась къ нему лицомъ и сжала сильнѣе его руку.—Вася! такъ онъ мнѣ противенъ... Голоса—и того не могу выносить: шепелявитъ, по-барски мямлитъ.—Она сдѣлала гримасу.—И такого человѣка, лѣнтяя, картежника, совершенную пустушку, считаютъ отличнымъ чиновникомъ, важныя дѣла ему поручали, въ товарищи прокурора пролѣзъ подъ носомъ у другихъ слѣдователей... Одинъ чуть не двадцать лѣтъ на службѣ въ уѣздѣ...

Они говорили о мужѣ ея, и имъ обоимъ было непріятно это. Но избѣжать такого разговора они не могли.

Когда они встрѣтились и сѣли на скамью, одинъ поцѣлуй и нѣсколько любовныхъ словъ—вотъ и все, чѣмъ они обмѣнялись... Ихъ стѣсняло то, что они на виду у всѣхъ, хотя никто еще не зашелъ въ садикъ. Теркинъ хотѣлъ сейчасъ же сказать ей, зачѣмъ она не пріѣхала къ нему въ гостиницу, но вспомнилъ, что она просила его въ письмѣ на этомъ не настаивать.

О мужѣ рѣчь шла не болѣе десяти минутъ. Серафима передавала то, чего онъ не зналъ еще по ея письмамъ въ такихъ подробностяхъ. Рудичъ—игрокъ. и изъ ея при-

данаго уже почти ничего не осталось. Правда, онъ далъ ей вексель, но что съ него получишь?..

Она не договорила: „Ничего не получишь, если даже и уйдешь отъ него".

Не такъ мечталъ Теркинъ объ этой тайной бесѣдѣ на набережной въ сумеркахъ іюльской ночи. Что ему за дѣло до господина Рудича?.. Мотъ онъ или скопидомъ, гунявъ или молодецъ—ему хотѣлось бы забыть о его существованіи. Но Серафима, выдавая ему личность мужа, показывала этимъ самымъ, на какомъ градусѣ находится она отъ окончательнаго разрыва. Ея слова дышали рѣшимостью покончить съ такой постылой жизнью. Она вся отдавалась ему и хотѣла сначала и его и себя убѣдить, какъ честныхъ людей, что въ ней не блажь говоритъ, не распутство, а безповоротное чувство, что личность мужа не заслуживаетъ никакого сожалѣнія.

Могъ ли онъ, Теркинъ, быть судьей?

Онъ ей вѣрилъ; факты налицо. Рудичъ—мотъ и эгоистъ, брюзга, важнюшка, баричъ, на каждомъ шагу „щуняетъ ее",—она такъ нарочно и выразилась сейчасъ, по-мужицки,—ея „вульгарнымъ происхожденіемъ", ни чуточки ея не жалѣетъ, пропадаетъ по цѣлымъ ночамъ, дѣлаетъ исторіи изъ-за каждаго рубля на хозяйство, зная, что проигралъ не одинъ десятокъ тысячъ ея собственныхъ денегъ.

И все-таки онъ не могъ и не желалъ быть судьей... Его начинало раздражать то, что время идетъ, и они тратятъ его на перебираніе всѣхъ этихъ дрязгъ.

— Ну его къ Богу!—не вытерпѣлъ онъ,—твоя добрая воля, Сима, поступить, какъ онъ того заслуживаетъ, твой супругъ и повелитель; не желаю я, чтобы ты такъ билась! Положи себѣ предѣлъ,—дольше терпѣть постыдно!

— Еще бы!—громко выговорила она и, не оглянувшись назадъ, обняла его за шею и поцѣловала долгимъ беззвучнымъ поцѣлуемъ.

Голова его затуманилась.

— Все, все я сдѣлаю!..—шептала она ему на ухо, не выпуская его руки.—Обо мнѣ что сокрушаться!.. Тебѣ бы только была во всемъ удача.

Она вдругъ опустила голову и заговорила гораздо тише, болѣе жидкимъ звукомъ, тономъ дѣвушки, немного отрывочно, съ передышками.

— Отецъ совсѣмъ плохъ... Докторъ боится — ему до

осени не дотянуть. Я у нихъ теперь чаще бываю, чѣмъ въ прошломъ и позапрошломъ году.

— Когда онъ заболѣлъ?—перебилъ ее Теркинъ.

— Второй годъ ужъ... Сердце, ожирѣніе что ли, одышка, цѣлыми ночами не спитъ... Водянка начинается... Жалко на него смотрѣть...

— А мать какъ?

— Она еще молодцомъ. Ты бы и не сказалъ, что ей за пятьдесятъ... Разумѣется, и она мается ночи напролетъ около него.

— Съ тобой онъ какъ?

— Ласковъ... Простилъ давно. Муженька моего онъ сразу разгадалъ и видитъ, какіе у насъ лады... Я ему ничего не говорю про то, что мои деньги Рудичъ проигралъ. Ты знаешь, Вася, въ нашемъ быту первое дѣло—капиталъ. Онъ меня обвинитъ и будетъ правъ. Еще добро бы, я сразу души не чаяла въ Рудичѣ и все ему отдала,—а то вѣдь я его какъ слѣдуетъ никогда не любила... нужды нѣтъ, что чуть не убѣжала изъ родительскаго дома.

Серафима немного помолчала.

— Я къ тому это разсказываю—тебѣ надо теперь почаще наѣзжать, если сподручно, поблизости находиться. Отецъ можетъ отойти вдругъ... задохнуться. Вася! ты меня не осуждай!..

— За что, голубка?—вырвалось у него звонко.

— Да вотъ, что я хочу съ тобой переговорить о дѣлахъ... Видишь, нашей сестрѣ нельзя быть безъ обезпеченія. — Она тихо разсмѣялась. — Я знаю, интеллигенты разные сейчасъ за Островскаго схватятся: это, молъ, какъ та вдова-купчиха, что̀ за красавчика вышла... Помнишь?.. Какъ, бишь, называется пьеса?

— Кажется: „Не сошлись характерами“.

— Да, да. Тамъ она разсуждаетъ: „Что̀ я буду безъ капитала?.. Дура, молъ!..“ Я вотъ и не дура, и не безграмотная, а горькимъ опытомъ дошла до того же въ какихъ-нибудь два года... Отъ моего приданаго одинъ пшикъ остался! Тряпки да домашнее обзаведеніе!

Глаза ея все темнѣли, блескъ пропалъ; она сидѣла съ опущенной головой, и щеки казались совсѣмъ матовыми.

— Ты боишься, что тебя родители обидятъ?

Тотчасъ послѣ этого вопроса Теркинъ испыталъ но-

вую неловкость: ему сдѣлалось почти противно, что онъ втягивается въ такой разговоръ, что онъ за сотни верстъ отъ того, о чемъ мечталъ, что его дѣловая натура подчиняла себѣ темпераментъ увлеченнаго мужчины.

Серафимы онъ не осуждалъ: все это она говоритъ гораздо болѣе изъ любви къ нему, чѣмъ изъ себялюбія. Она иносказательно хочетъ дать ему понять, что на его матеріальную поддержку она не разсчитываетъ, что свою жизнь съ нимъ она желаетъ начать какъ свободная и обезпеченная женщина. Въ этомъ онъ не сомнѣвался, хотя гдѣ-то, въ маленькой складкѣ его души, точно заскребло жуткое сомнѣніе: не наскочилъ ли онъ на женскую натуру, гдѣ чувственное влеченіе прикрываетъ только разсудочность, а можетъ, и хищничество? — „А самъ-то я развѣ не изъ такихъ же?“ строго спросилъ онъ себя и взглядомъ показалъ ей, что слушаетъ ее съ полнымъ сочувствіемъ.

— Боюсь я вотъ чего, Вася, — она продолжала еще тише,—дѣла-то отцовы позамялись въ послѣдніе годы. Я сама думала, да и въ городѣ долго толковали, что у него большой капиталъ, кромѣ мельницы, гдѣ они живутъ.

Теркинъ кивнулъ головой, слушая ее; онъ зналъ, что мельница ея отца, Ефима Спиридоныча Безпалова, за городомъ, по ту сторону рѣчки, впадающей въ Волгу, и даже проѣзжалъ мимо еще въ прошломъ году. Мельница была водяная, довольно старая, съ жилымъ помѣщеніемъ, на его оцѣночный глазомѣръ — не могла стоить больше двадцати, много тридцати тысячъ.

— А тебѣ сдается?..

— Мать уже намекала мнѣ, что послѣ отца не окажется большихъ денегъ. Завѣщаніе онъ врядъ ли написалъ... Стараго закона люди завѣщаній не охотники составлять. На словахъ скажетъ или изъ рукъ въ руки отдастъ. Мать меня любитъ больше всѣхъ... Вѣдь и ей жить нужно... Ежели и половину мнѣ отдастъ... не знаю, что это составитъ?

Серафима задумалась.

— Вася! ты на меня какъ сейчасъ взглянулъ — скажешь: я интересанка!.. Клянусь тебѣ, денегъ я не люблю, даже какое-то презрѣніе къ нимъ чувствую; онѣ хуже газетной бумаги на мой взглядъ... Но ты пойми меня: мать— умная женщина, да и я не наивность, не институтка

Только въ совѣтѣ намъ не откажи, когда нужно будетъ... больше я ни о чемъ не прошу.

— О чемъ просить!.. Только черкни или дай депешу— и я тутъ, какъ листъ передъ травой.

Сдержанный смѣхъ вырвался изъ его широкой груди. Онъ взялъ ее за талію и ближе притянулъ къ себѣ.

— Какъ листъ передъ травой, — медленно повторила она.—Вася! ты полюбилъ меня, вѣрю... Но знай одно,— я это говорю передъ тѣмъ, какъ быть твоей... Не можете вы такъ любить, какъ мы любимъ, когда судьба укажетъ намъ на человѣка... Нѣтъ! Не можете!

На послѣднихъ словахъ ея голосъ дрогнулъ. Теркинъ промолчалъ.

## IX.

Совсѣмъ стемнѣло. Съ рѣки доходилъ раскатистый, унылый гулъ рѣдкихъ пароходныхъ свистковъ; фонари на мачтахъ выдѣлялись ясными цвѣтными точками. Заволжье лежало бурой пеленой на низкомъ горизонтѣ. Въ двухъ мѣстахъ развели костры, и красное расплывчатое пламя мерцало на пологѣ ночи.

Вѣтерокъ игралъ кружевомъ на шляпкѣ Серафимы. Она прижалась къ плечу Теркина и говорила медленнѣе, какъ бы боясь показать все, что у нея на душѣ.

— Ты какъ вообще смотришь на такихъ дѣвицъ?

Они теперь опять вернулись къ ея семейнымъ дѣламъ. На ея слова о любви мужчины и женщины онъ не возражалъ, а только поглядѣлъ на нее долго-долго, и она не стала продолжать въ томъ же духѣ. Теперь она спрашивала его по поводу ея двоюродной сестры, Калеріи, бросившей ихъ домъ года два передъ тѣмъ, чтобы готовиться въ Петербургѣ въ фельдшерицы.

— Какъ я смотрю? — переспросилъ ее Теркинъ. — Да признаться тебѣ, не очень я одобряю всѣхъ этихъ стриженыхъ.

— Она, положимъ, не стриженая, — поправила Серафима, — а волосы долгіе носитъ, все хочетъ въ ангельскомъ чинѣ быть,—прибавила она, и въ голосѣ заслышалось что-то злобное.

— Все равно... Прежнія-то, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда я еще въ школѣ былъ и всякая дурь въ голову лѣзла... тѣ, по крайности, хоть смѣлы были, напроломъ шли, а частенько и собственной шкурой отвѣчали.

А нынѣшнія-то въ тѣ же барышни норовятъ, воображаютъ о себѣ чрезвычайно и ни на какое толковое дѣло не пригодны.

Глаза ея радостно блеснули въ темнотѣ.

— Вотъ я и думала, Вася, что ты такъ именно на всѣхъ этихъ госпожъ смотришь. Калерія съ дѣтства все на себя напускала... То въ божественность ударится— хотѣла даже въ скитъ поступить, да скитовъ-то не оказалось и на самомъ Иргизѣ. То вообразила себѣ, что у ней талантъ—стихи начала писать... Кажется, посылала въ Москву, въ редакцію; да тамъ, должно быть, вышутили ее жестоко въ отвѣтномъ письмѣ—и съ нея это слетѣло. Тогда она заговорила о высокомъ призваніи женщины въ современномъ обществѣ, евангеліемъ зачитывалась, начала рваться отсюда учиться, врачевать недуги человѣчества, только, — злобный смѣхъ прервалъ ея слова, — для врачеванія-то надо дипломъ имѣть, а она, даромъ что стихи писала, а грамматики порядочно не прошла, пишетъ „убѣжденіе“ *бѣ—е, дѣ—ять*, стало быть, въ медички ей нечего было и мечтать. Она въ фельдшерицы съ грѣхомъ пополамъ попала, тамъ, при Красномъ Крестѣ, что ли.

— Такъ, такъ...

Теркинъ слушалъ внимательно, и въ головѣ у него безпрестанно мелькалъ вопросъ: „зачѣмъ Серафима разсказываетъ ему такъ подробно объ этой Калеріи?“ Онъ хотѣлъ бы схватить ее и увлечь къ себѣ, забыть про то, кто она, чья жена, чьихъ родителей, какія у нея заботы... Одну минуту онъ даже усомнился: полно, такъ ли она страстно привязалась къ нему, если способна говорить о домашнихъ дѣлахъ, зная, что онъ здѣсь только до разсвѣта, и она опять его долго не увидитъ?..

Вся она вздрагивала, какъ только онъ сжималъ ея талію или тихо прикасался губами къ похолодѣвшей щекѣ. Отъ нея шло это трепетанье и сообщалось ему... Говоритъ она про Калерію не спроста, клонитъ все къ тому же. Она не можетъ ничего утаить отъ него. Она показываетъ, что отнынѣ онъ — ея сообщникъ во всемъ и руководитель. Ей надо излиться вполнѣ и знать теперь же: раздѣляетъ ли онъ ея взгляды и чувства къ этой Калеріи?

— Видишь ли, Вася,—продолжала она совсѣмъ тихо,— папенькѣ братъ оставилъ ее на попеченіе. И капиталъ

былъ... неважный... Дядя Прокофій Спиридонычъ... всегда былъ такой прожектеръ, и много у него денегъ ушло на глупости.

— Однако, она все-таки наслѣдовала...

— Какъ тебѣ сказать... И да, и нѣтъ. Завѣщанія никакого не оставилъ дядя. И обороты главные, по хлѣбной торговлѣ, у нихъ были общіе. Часто отецъ его выручалъ. Я думаю, значилось, быть-можетъ, за нимъ нѣсколько тысченокъ, не больше.

— Не больше? — переспросилъ Теркинъ, все еще не видя ясно, куда она клонитъ.

— Ни въ какомъ случаѣ! Это и мать говоритъ, а она отъ роду не выдумывала. Не знаю, солгала ли на своемъ вѣку въ одномъ какомъ важномъ дѣлѣ, хоть и не принимала никогда присяги. Отецъ-то Калерію баловалъ... куда больше меня. И всѣ ея эти выдумки и поступки не то что одобрялъ... а не ограничивалъ. Всегда онъ одно и то же повторялъ: „Мой первый долгъ — Калерію обезпечить и ея капиталецъ пріумножить“.

— Что жъ, это—по честному.

— Кто говоритъ! — перебила Серафима.— Только какъ же теперь, — умри отецъ безъ завѣщанія, — опредѣлить, сколько ей слѣдуетъ и сколько намъ?..

Протянулось молчаніе. Теркинъ незамѣтно для себя входилъ въ то, что ему говорила Серафима. Теперь онъ хорошо понималъ, о чемъ ея забота, и какого мнѣнія она ждетъ отъ него.

— Дѣло чистое,—выговорилъ онъ, немного отведя отъ нея глаза,—коли завѣщанія не будетъ, и отецъ на словахъ не распорядится—вамъ надо полюбовно раздѣлить. Вы ее, во всякомъ случаѣ, обидѣть не захотите...

Когда онъ произносилъ эти слова, за него думалъ еще кто-то. Ему вспомнилось, что тотъ дѣлецъ, Усатинъ, къ кому онъ ѣхалъ на низовья Волги сдѣлать заемъ или найти денегъ черезъ него, для покрытія двухъ третей платы за пароходъ „Батракъ“, быть-можетъ, и не найдетъ ни у себя, ни вокругъ себя такой суммы, хоть она и не Богъ знаетъ какая.

— А во сколько, — спросилъ онъ Серафиму, перебивая самого себя, — по твоимъ соображеніямъ, могъ онъ пріумножить капиталъ Калеріи?

— Это трудно сказать... Онъ насчетъ дѣлъ своихъ всегда скрытенъ былъ. Да и съ тѣхъ поръ, какъ бо-

лѣетъ, не очень-то отъ него узнаешь правду... Даже и маменькѣ ничего не говоритъ. Скажетъ — когда совсѣмъ смерть придетъ.

„Однако, какъ же это она про смерть отца такъ говоритъ?—подумалось ему.—Какъ будто очень ужъ жестко...“

Ему не хотѣлось обвинять ее. Онъ зналъ, что въ купеческихъ семьяхъ, все равно, что въ крестьянствѣ, нѣжностей большихъ не водится. А тутъ, вдобавокъ, особенный случай. Она выскочила замужъ такъ стремительно, потому что ей дома было тошно. Суровый отецъ; разница въ образованіи; они съ матерью остались раскольниками; она набралась другихъ мыслей, даже и на таинства стала глядѣть какъ на простые обряды. По-своему она можетъ и теперь любить отца. Умри онъ — и она будетъ убиваться. И мать она любитъ—это чувствуется въ каждомъ ея словѣ.

— Смущаться тебѣ нечего, Сима, — успокоеннымъ тономъ сказалъ Теркинъ и повернулъ къ ней лицо. — Ни тебя, ни двоюродной твоей сестры отецъ не обидитъ. И вы съ матерью въ полномъ правѣ порадѣть о вашихъ кровныхъ достаткахъ. Та госпожа — отрѣзанный ломоть. Домъ и капиталъ держались отцомъ твоимъ, а не братомъ. Всего бы лучше матери узнать у старика, какія именно деньги остались послѣ дяди, и сообразно съ этимъ и распорядиться.

— Ты такъ говоришь, Вася? — вскричала она еще радостнѣе.—Спасибо тебѣ, родной!

Ея руки обвились вокругъ его шеи. Влажныя нервныя губы прильнули къ его губамъ.

И онъ еще сильнѣе почуялъ, что эта женщина вся принадлежитъ ему.

Держа его голову въ своихъ рукахъ, Серафима спросила его:

— А ты мнѣ не скажешь, Вася, надолго ли ты туда, въ Царицынъ? Вѣдь ты ѣдешь къ тому господину?

По его письмамъ она знала, что онъ сдѣлается пайщикомъ товарищества и надѣется еще къ концу макарьевской ярмарки пріобрѣсть пароходъ.

— Съ недѣлю это возьметъ, Сима.

— И сколько тебѣ не хватаетъ денегъ?—горячо спросила она.

— Что объ этомъ толковать?!

Онъ не любилъ вводить женщинъ въ свои расчеты, считалъ это недостойнымъ стóящаго мужчины.

— Почему же ты не хочешь? — порывисто спросила она.—Думаешь, я тебѣ въ этомъ не помощница?.. Нѣтъ, Вася, я хочу все дѣлить съ тобой. Не въ сладостяхъ однѣхъ любовь сидитъ. Если я тебѣ полчаса назадъ сказала, что безъ обезпеченія нельзя женщинѣ... вѣрь мнѣ... сколько бы у меня ни оказалось впослѣдствіи денегъ, я не для себя одной. Чего же тебѣ отъ меня скрытничать!

— Да я и не думаю, — мягко выговорилъ Теркинъ. — Тысячъ всего двадцати не хватаетъ. Остальное мнѣ повѣрятъ!.. Заработаемъ духомъ!

— Двадцать тысячъ, — глухо и вдумчиво произнесла Серафима.—Спасибо, что сказалъ.

Она стала его цѣловать много-много. Теркинъ отвелъ ее обѣими руками за плечи и сказалъ прерывисто:

— Сима!. Довольно!.. Такъ нельзя. Пожалѣй меня!..

— Прости, жизнь моя, прости!

— Проводи меня.

Теркинъ всталъ, и она тотчасъ же поднялась.

Оба пошли оттуда быстро и молча. Онъ чувствовалъ, что Серафима войдетъ къ нему. Былъ уже одиннадцатый часъ. Вездѣ стояла тишина, и только изъ увеселительнаго сада, гдѣ они когда-то встрѣтились, донесся раскатъ музыки.

Серафима у крыльца гостиницы припала головой къ его плечу, и у нея вырвался одинъ возгласъ:

— Вася!..

## X.

Пароходъ „Бирючъ“ опять пробирался по сомнительному плёсу, хотя и шелъ къ низовьямъ Волги и уже миновалъ двѣ-три большихъ стоянки.

Рано утромъ, на зарѣ, онъ тронулся съ послѣдней ночевки, гдѣ принялъ нѣсколько пассажировъ.

Въ числѣ ихъ былъ и Теркинъ. Онъ спалъ до пяти часовъ и, когда стало уже вечерѣть, вышелъ на палубу.

Проходили мимо гористыхъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ почти вровень съ водою. Теркинъ сѣлъ у кормы, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ русло сузилось и отъ лѣсистыхъ краевъ нагорнаго берега пошли тѣни.

— Василію Ивановичу! — окликнулъ его сверху жир-

нымъ, добродушнымъ звукомъ капитанъ Кузьмичевъ. — Какъ почивали?

— Превосходно! — отвѣтилъ Теркинъ и два раза кивнулъ ему головой.

Капитанъ прохаживался по правому кожуху и курилъ.

— Вотъ опять къ намъ угодили. Весьма радъ.

— И я также,—отвѣтилъ ему Теркинъ въ тонъ.

Ему въ самомъ дѣлѣ было пріятно, что онъ совершенно неожиданно попалъ на „Бирючъ“. Ему казалось только страннымъ, почему этотъ пароходъ такъ поздно пришелъ въ тотъ губернскій городъ, гдѣ онъ сегодня чѣмъ свѣтъ сѣлъ на него.

— Вы, нешто, гдѣ застряли? — крикнулъ онъ снизу вверхъ капитану.

— И весьма!..

— Гдѣ же?

— У села Работокъ. Съ колесомъ вотъ съ этимъ бѣда приключилась. Цѣлую недѣлю валандались. Срочный грузъ должны были паузить.

— Дрянная посудина! — замѣтилъ хозяйскимъ тономъ Теркинъ.

— Мнѣ самому, Василій Ивановичъ, она оскомину набила.

Кузьмичевъ присѣлъ на корточки на край кожуха, свѣсивъ голову, и полушопотомъ пустилъ:

— Къ вамъ проситься буду...

— Милости прошу, — отвѣтилъ Теркинъ полушутливо, но тотчасъ же про себя прибавилъ: „тебя я не прочь взять, ты ловкій и душевный парень; только надо тебя будетъ маленько подтягивать“.

— Спасибо на добромъ словѣ!

Глаза Кузьмичева весело заиграли; онъ, всегда красный, еще покраснѣлъ и молодцовато поднялся на ноги.

— Вы до Царицына съ нами?—спросилъ онъ еще возбужденнѣе.

— До Царицына.

— А „Батракъ“ вашъ, поди, совсѣмъ готовъ, ждетъ только, какъ его въ купель опустятъ... За чѣмъ дѣло стало?

Теркинъ безъ словъ показалъ ему, что есть заминка въ деньгахъ, постукавъ правой кистью о ладонь лѣвой.

— Хе-хе!—раздался веселый смѣхъ капитана.—Вы это живой рукой оборудуете.

Въ его словахъ не было лести. Онъ дѣйствительно считалъ Теркина умнѣйшимъ и даровитѣйшимъ малымъ, вѣрилъ, что онъ далеко пойдетъ... „Ежели и плутовать будетъ, — говорилъ онъ о немъ пріятелямъ, — то въ мѣру, сохранитъ въ душѣ хоть махонькую искорку“...

Тонъ капитана пришелся Теркину по сердцу. И весь этотъ интимный разговоръ прошелъ безъ ближайшихъ свидѣтелей. Около никто не сидѣлъ, и чтобы не очень было слышно, Теркинъ придвинулся къ самому кожуху.

— Всякаго успѣха!—крикнулъ капитанъ, подошелъ къ периламъ рубки и что-то тихо сказалъ лоцману.

Теркинъ остался одинъ на этой половинѣ кормового борта. Ѣхало мало народу, и отъ товаровъ палуба совсѣмъ очистилась: которые сдали въ Нижнемъ, а которые должны были выгрузить въ селѣ Работкахъ, гдѣ съ „Бирючемъ“ стряслась бѣда.

Разговоръ о „Батракѣ“ и о его поѣздкѣ за деньгами вернулъ его мгновенно къ тому, что было тамъ, въ губернскомъ городѣ, у памятника, и у него, въ гостиницѣ.

Когда онъ вышелъ изъ каюты и сѣлъ у кормы, онъ ни о чемъ не думалъ, ничего не вспоминалъ; на него нашло особаго рода спокойствіе, съ полнымъ отсутствіемъ думъ. Воображеніе и чувства точно заснули.

Разговоръ съ Кузьмичевымъ вызвалъ разомъ все, съ чѣмъ онъ сѣлъ сегодня въ четвертомъ часу утра на пароходъ „Бирючъ“.

Онъ полонъ былъ Серафимой, и это его почти пугало... Она ему нравилась, тянула къ себѣ; обладать ею онъ мечталъ цѣлый годъ и съ каждымъ днемъ все страстнѣе, но онъ не воображалъ, чтобы въ ней онъ нашелъ столько прелести, огня, смѣлаго порыва, обаянія.

Онъ не понималъ даже, какъ могъ онъ оторваться отъ нея и попасть на пароходъ. Да и она, — скажи онъ слово, — осталась бы до поздняго часа, и тогда ея разрывъ съ мужемъ произошелъ бы сегодня же. Вѣдь нынче вечеромъ долженъ пріѣхать изъ Москвы Рудичъ. Но она ушла въ допустимый часъ — часа въ два. Въ такой часъ она могла, въ глазахъ прислуги, вернуться изъ сада или гостей.

Теркинъ безъ всякихъ разспросовъ вѣрилъ, что у нея до встрѣчи съ нимъ не было никого, а мужа она не любила, стало-быть, не могла испытывать никакого упоенія отъ его ласкъ. Она слишкомъ еще молода. Не успѣла она

пріучиться къ чувственной лжи. И нельзя надѣвать на себя личину съ такой натурой.

Да, онъ почти пугался того, какъ эта женщина „захлеснула“ его.

Его торжество, какъ мужчины, полное. Стоитъ ему дать ей депешу изъ ближайшаго города, и она убѣжитъ.

И сегодня, прощаясь съ нимъ у крыльца гостиницы въ полусвѣтѣ занимавшагося утра, она говорила прерывающимся шопотомъ, пополамъ съ неслыханными имъ по звуку рыданіями.

— Вася! Я готова уѣхать съ тобой. На томъ же пароходѣ, такъ вотъ, какъ я есть... въ одномъ платьѣ... Но не будешь ли ты самъ упрекать меня потомъ за то, какъ я обошлась съ мужемъ? Я ему скажу, что люблю другого и не хочу больше жить съ нимъ. Надо его дождаться... Для тебя я это дѣлаю...

И она не лгала. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы страсть женщины, съ которою онъ счетомъ встрѣчался четыре раза въ жизни, достигла такого предѣла.

Въ себѣ онъ не чувствовалъ еще ни охоты, ни силъ какъ-нибудь оглядѣться, подумать о послѣдствіяхъ. Связь уже держала его точно въ клещахъ, но эти клещи были полны неизвѣданной сладости. И долго ли онъ будетъ такъ захваченъ—онъ не зналъ и не хотѣлъ себя допрашивать.

Подъ навѣсомъ, между кожухами, на фонѣ пролета, гдѣ помѣщается машина и куда заходили лучи вечерняго солнца, отдѣлилась мужская фигура.

Пассажиръ лѣтъ за пятьдесятъ, съ ожерельемъ сѣдѣющей бороды,— остальное все было выбрито,— въ бѣломъ картузѣ и камлотовой коричневой шинели. Лицо его землистаго цвѣта какъ бы свело изнутри, такъ что ротъ пошелъ весь складками, и подъ нижней губой лежала очень замѣтная морщина. Онъ прищуривался противъ солнца изъ-подъ длиннаго козырька картуза, обшитаго также бѣлымъ ластикомъ. Глаза, безъ рѣсницъ, слезились,—желтоватые, проницательные и съ воспаленными вѣками. Изъ-подъ фуражки виднѣлись темнорусые волосы, еще безъ сѣдины, и полоска лысины вдоль ободка ея.

Шинель держалась на его плечахъ въ накидку, застегнутая, и подъ галстукомъ блеснулъ ободокъ креста, съ лентой какого-то ордена.

Весь онъ отзывался провинціей, смотрѣлъ запоздалымъ губернскимъ чиновникомъ.

Постоялъ онъ нѣсколько минутъ, глядя взадъ парохода на уходившіе гористые берега, и вдругъ кашлянулъ протяжно, въ носъ, и совершенно на особый ладъ.

Теркинъ былъ какъ бы разбуженъ этимъ необычайнымъ звукомъ и быстро поднялъ голову.

Пассажиръ въ камлотовой шинели стоялъ близко отъ него и профиль подъ тѣнью козырька первый былъ схваченъ Теркинымъ.

„Кто это?—чуть не вслухъ выговорилъ онъ.—Фрошка?..“

Точно желая убѣдиться въ томъ, что онъ не ошибается, Теркинъ даже протеръ глаза и подался впередъ всѣмъ корпусомъ.

Камлотовая шинель повернулась въ полъ-оборота.

„Онъ!..“—вскричалъ про себя Теркинъ, и весь захолодѣлъ.

Въ одинъ мигъ все, чѣмъ онъ былъ сейчасъ переполненъ, отлетѣло, и вслѣдъ затѣмъ краска разлилась по его щекамъ.

Пассажиръ еще разъ кашлянулъ, сплюнулъ, запахнувшись въ шинель, пошелъ ускореннымъ шагомъ къ рубкѣ и скрылся въ дверяхъ ея.

„Фрошка, Фрошка! Съ орденомъ на шеѣ! Онъ! Онъ!“—повторялъ Теркинъ и такъ взволновался, что всталъ и началъ ходить по палубѣ.

## XI.

Въ господинѣ съ орденомъ на шеѣ онъ призналъ „Фрошку“: такъ они звали въ гимназіи надзирателя и учителя, Фрументія Лукича Перновскаго. Изъ-за него онъ вылетѣлъ изъ гимназіи, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

Внезапное появленіе „лютаго врага“ захватило Теркина всего. Исторія его исключенія запрыгала въ его мозгу въ образахъ и картинахъ съ начала до конца.

Отъ волненія онъ долженъ былъ даже присѣсть опять на скамейку, подальше, у самой кормы. Онъ поборолъ въ себѣ желаніе пойти сейчасъ въ каюту убѣдиться, что это дѣйствительно Перновскій, заговорить съ нимъ.

Это не уйдетъ

Онъ былъ тогда въ шестомъ классѣ и собирался въ университетъ черезъ полтора года. Отцу его, Ивану Прокофьичу, приходилось ужъ больно жутко отъ односель-

чанъ. Пошли на него навѣты и форменные доносы, изъ-за которыхъ онъ, два года спустя, угодилъ на поселеніе. Дѣла тоже приходили въ разстройство. Маленькое спичечное заведеніе отца еле-еле держалось. Надо было искать уроковъ. Отъ платы онъ былъ давно освобожденъ, какъ хорошій ученикъ, ни въ чемъ еще не попадавшійся.

Начальство, особливо наставники, не очень-то его долюбливали, проговаривались, что крестьянскимъ дѣтямъ нечего лѣзть въ студенты, что, молъ, это только плодить въ обществѣ „неблагонамѣренныхъ честолюбцевъ“. Такія фразы доходили до учениковъ изъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ, — неизвѣстно, какими каналами, но доходили.

При гимназіи состоялъ пансіонъ, учрежденный на дворянскія деньги. Дѣтей разночинцевъ туда не принимали— исключеніе дѣлали для нѣкоторыхъ семей въ городѣ изъ именитыхъ купцовъ. Дворяне жили въ смежномъ зданіи, приходили въ классы въ курточкахъ, за что не мало надъ ними потѣшались, и потомъ уже стали носить блузы.

Въ своемъ классѣ Василій Теркинъ считался „биткой“ за смѣлость, физическую силу, рѣчистость, отличную память и товарищескій духъ. Что бы ни затѣвалось сообща—онъ всегда былъ во главѣ.

Изъ „дворянчиковъ“ у него въ низшихъ классахъ водились пріятели. Къ нимъ его тянуло сложное чувство. Ему любо было знаться съ ними, сознавая свое превосходство, даромъ, что онъ пріемышъ крестьянина, бывшаго крѣпостного, и даже „подкидышъ“, значитъ, незаконный сынъ какой-нибудь солдатки или того хуже.

Разъ,—онъ уже перешелъ въ четвертый классъ,—одинъ второклассникъ подбѣжалъ къ нему и кинулъ въ лицо:

— Теркинъ! ты...

Ругательное слово крикливо раздалось по всему классу. Теркинъ схватилъ его за шиворотъ и въ полуоткрытую дверь вышвырнулъ въ коридоръ, гдѣ тотъ чуть не расшибся въ кровь, упавъ на чугунныя плиты. Но тотъ не посмѣлъ бѣжать жаловаться — его избили бы товарищи; они всѣ стали на сторону Теркина, хотя и знали давно, кто онъ, какого происхожденія...

Съ той поры онъ и самъ пересталъ скрывать, что онъ „пріемышъ“: крестьянскаго рода онъ никогда не стыдился. Въ классѣ онъ былъ настоящій, тайный „старшой“, хотя старшимъ считался, въ глазахъ начальства, другой

ученикъ, и товарищи поговаривали, что онъ ведетъ „кондуитный списокъ“ для инспектора и часто захаживаетъ къ живущимъ на квартирахъ безъ родителей вовсе не за тѣмъ, чтобы покурить или чайку напиться, а чтобы все высмотрѣть и разузнать. За это всѣ его въ насмѣшку прозвали „туторъ“—слово, начинавшее тогда входить въ моду; оно пришло изъ Москвы и десятки лѣтъ не было извѣстно гимназистамъ; считалось всегда кутейническимъ, семинарскимъ.

Въ старшихъ классахъ учителями-наставниками были неизвѣстно какого происхожденія Виттихъ и Перновскій, вотъ этотъ самый „Фрошка“, изъ духовнаго званія, онъ же состоялъ и въ надзирателяхъ въ дворянскомъ пансіонѣ. Съ Виттихомъ классъ еще ладилъ, нимало не боялся, слишкомъ скоро раскусилъ его. Виттихъ самъ заговаривалъ съ учениками и въ классѣ, и на улицѣ; только про него давно толковали, что онъ „переметная сума“—въ глаза лебезитъ, „голубчикомъ“ называетъ, а директору все доноситъ и въ совѣтѣ, при обсужденіи отмѣтокъ за поведеніе, наговариваетъ больше всѣхъ остальныхъ.

Въ пансіонѣ водилось между учениками двухъ старшихъ классовъ, что имъ надзиратели и даже учителя взаймы деньги давали,—правда, безъ процентовъ. Изъ пансіона перешло это и въ гимназію, къ ученикамъ изъ мелко-чиновничьихъ дѣтей и разночинцевъ.

Сначала дворянскія дѣти изъ уѣздовъ начали просить, когда изъ деревни запаздывала присылка карманныхъ денегъ.

— Поѣду на вакаціи! Клянусь Богомъ, привезу, дайте зелененькую!

Кто былъ помягче—давали, да и риску большого не предвидѣли. Съ вакацій воспитанникъ пріѣдетъ навѣрно при деньгахъ, можно было и родителямъ написать. До этого, однако, никто себя не доводилъ.

Потомъ и приходящіе гимназисты, изъ разночинцевъ, стали занимать. У Виттиха можно было раздобыться скорѣе, чѣмъ у другихъ, около двадцатаго числа. Всѣ почти учителя давали взаймы. Щедрѣе былъ учитель математики. У него Теркинъ шелъ первымъ и въ университетъ готовилъ себя по физико-математическому факультету, чтобы потомъ перейти въ технологическій или въ путейцы.

Только одному учителю нельзя было и заикнуться о „перехватѣ“ денегъ—Перновскому. Весь классъ его ненавидѣлъ, и Перновскій точно услаждался этой ненавистью. Прежде, по разсказамъ тѣхъ, кто кончилъ курсъ десять лѣтъ раньше, такихъ учителей совсѣмъ и не водилось. Въ нихъ ученики зачуяли что-то фанатическое и безпощадное. Перновскій съ перваго же года,—его перевели изъ-за Москвы,—показалъ, каковъ онъ и чего отъ него ждать...

Уже и тогда Перновскій смотрѣлъ такимъ же старообразнымъ и высохшимъ, а ему не было больше тридцати трехъ-четырехъ лѣтъ; только на щекахъ у него показывалась часто подозрительная краснота съ кровяными жилками...

Изъ пансіонеровъ Теркинъ дружилъ всего больше съ „Петькой“ Звѣревымъ, изъ богатенькихъ помѣщичьихъ дѣтей. Отецъ его служилъ предводителемъ въ дальнемъ заволжскомъ уѣздѣ. Звѣревъ былъ долговязый рыжій веснущатый малый, картавый и смѣшливый, съ дворянскими замашками. Но передъ Теркинымъ онъ пассовалъ, считалъ его первой головой въ гимназіи; къ переходу въ пятый классъ, когда науки стали „доѣзжать“ его, съ нимъ репетировалъ Теркинъ за хорошую плату.

Они оба слегка покучивали—не то чтобы пьянство или другое что: общая страсть къ бильярду, а бильярдъ неразлученъ съ посѣщеніемъ трактировъ.

Ихъ обоихъ наслѣдилъ Перновскій и хотя поймать не поймалъ, но въ слѣдующемъ же засѣданіи совѣта заявилъ, что воспитанникъ дворянскаго пансіона Петръ Звѣревъ и ученикъ гимназіи Василій Теркинъ посѣщаютъ трактиры.

Теркина Перновскій особенно донималъ: никогда не ставилъ ему „пяти“, говорилъ и въ совѣтѣ, и въ классѣ, что у кого хорошія способности, тотъ обязанъ вдесятеро больше работать, а не хватать все на-лету. Съ усмѣшкой своего злобнаго рта онъ процѣживалъ съ каѳедры:

— Университетское образованіе — не для всѣхъ, господа. Только избранные должны подниматься до высшихъ ступеней.

А всѣмъ отлично было извѣстно, что самъ онъ — сынъ дьячка; и эти „рацеи“ вмѣстѣ съ „пакостными“ отмѣтками дѣлали иной разъ то, что весь классъ былъ къ

концу его урока въ настроеніи, близкомъ къ школьному бунту.

Теркину онъ началъ-было говорить „ты“, желая, видно, показать ему, что тотъ, какъ мужицкій сынъ, долженъ выносить такое обращеніе безропотно. Пошли къ инспектору,—даже не допустили Теркина,—и сказали, что они этого за своего товарища выносить не могутъ.

Инспекторъ попросилъ „аспида“ не говорить Теркину „ты“. Послѣ того Перновскій каждый разъ, какъ вызывать его, только тыкалъ пальцемъ по направленію къ первой партіи и кидалъ:

— Теркинъ!.. Къ доскѣ!

Отвѣчать у доски считалось почти унизительнымъ.

## XII.

Заняли они съ Звѣревымъ у Виттиха передъ зимними вакаціями—одинъ пять рублей, другой—десять.

Сильно захотѣлось Теркину повидаться со своими; уроки какъ-то не задавались въ ту зиму, просить отца о присылкѣ денегъ онъ не хотѣлъ, да и хорошо зналъ, что не изъ чего.

Взялъ онъ десять рублей, съѣздилъ, свезъ старухѣ, названной матери, фунтикъ чаю; вернулся оттуда безъ всякаго подарка, кромѣ разной домашней ѣды. Уроки опять нашлись, но расквитаться съ долгомъ ему нельзя было тотчасъ же послѣ Новаго года. Онъ извинился передъ Виттихомъ. Тотъ ничего, балагурилъ, сказалъ даже:

— Вы-то бѣдный, а вотъ вашъ товарищъ, Звѣревъ,— тому непростительно быть неисправнымъ. О своемъ долгѣ онъ молчитъ.

Звѣревъ могъ бы, конечно, расплатиться. Онъ привезъ съ собою больше тридцати рублей, да проигралъ на бильярдѣ. Теркинъ ему немного попенялъ.

— За мной не пропадетъ. Нѣмчура, небось, знаетъ, что я не нищій.

И вдругъ узнаютъ они, что на совѣтѣ, гдѣ обсуждали полугодовые баллы за поведеніе, Теркинъ и Звѣревъ получили всего три съ плюсомъ; и постарался объ этомъ добро бы Перновскій, а то Виттихъ.

Онъ сказалъ при директорѣ и инспекторѣ:

— И Теркинъ, и Звѣревъ съ дурными склонностями— слова своего не держатъ. Ни тотъ, ни другой не отдаютъ мнѣ долга вотъ уже который мѣсяцъ.

Цѣлую недѣлю слѣдили они за нимъ. Звѣреву, жившему въ пансіонѣ, было удобнѣе подглядывать, куда Виттихъ пойдетъ.

И выслѣдили. Они его выждали за угломъ,—это было въ сумерки,—и въ узкомъ темномъ коридорчикѣ напали, со словами:

— Ябедничать!

— Полноте, господа! Полноте! Ваша судьба теперь въ моихъ рукахъ: стòитъ мнѣ подняться къ директору—и вы погибли!

Теркинъ ничего на это не сказалъ.

— Вотъ что, господа,—заговорилъ Виттихъ громкимъ шопотомъ.—Вы, во всякомъ случаѣ, погибли. Хотите пойти вотъ на что: что сейчасъ вышло—умретъ между нами. Я буду молчать—молчите и вы!

Въ полутемнотѣ Теркинъ не могъ отчетливо видѣть лицъ Виттиха и Звѣрева, но ему показалось, что его пріятель первый пошелъ на это, прежде чѣмъ спросилъ:

— Вася! какъ ты скажешь?

Что было ему сказать? Изъ-за него быть выгнаннымъ, а то и того хуже—рѣшительно не стòитъ.

— Поклясться-то поклянется,—выговорилъ онъ,—а выдать можетъ, подъ шумокъ, разлюбезнымъ манеромъ.

— Ладно! Посмотримъ!—сказалъ задорно Звѣревъ, а самъ былъ радъ-радешенекъ, что исторія кончилась такъ, а не иначе.

Они оба были увѣрены, что ни одна душа ничего не видала и не слыхала. Въ классѣ Виттихъ велъ себя осторожно и сталъ какъ будто даже мирволить имъ: спрашивалъ рѣже и отмѣтки пошли щедрѣе. Какъ надзиратель—въ пансіонѣ обходился съ Звѣревымъ попрежнему, балагурилъ, разспрашивалъ про его деревню, родныхъ, даже про бильярдную игру.

И такъ шло мѣсяца два. Другъ друга они успокоивали: Виттиху прямой расчетъ молчать. Откройся исторія, хотя бы и не черезъ него, ихъ выключатъ, да и ему хода не будетъ, въ инспекторы не попадетъ.

Вообще онъ сдѣлался добрѣе, и классъ его полюбилъ, сравнивалъ съ „изувѣромъ“ Перновскимъ.

Виттихъ и Перновскій не терпѣли одинъ другого. Изъ-за количества уроковъ они безпрестанно подставляли другъ другу ножку. Перновскій читалъ въ старшемъ отдѣленіи. На первые два года по его предмету бывалъ всегда осо-

бый преподаватель, всего чаще инспекторъ или директоръ. А тутъ Виттихъ захватилъ себѣ ловко и незамѣтно и эти часы; Перновскій еще ядовитѣе возненавидѣлъ его, хотя снаружи они какъ будто и ладили.

Въ началѣ поста дядьку, стараго унтера Силантія, за продолжительныя провинности уволили. Въ день его ухода изъ пансіона онъ, сильно выпивши, пошелъ прощаться съ воспитанниками и съ учителями. Началъ онъ съ наставниковъ — ихъ было трое; у всѣхъ былъ, кромѣ Виттиха. И, прощаясь съ Перновскимъ, говорилъ ему:

— Вы, Фрументій Лукичъ, язвительный человѣкъ. И ко мнѣ всегда были не въ примѣръ строги. А я вотъ пришелъ прощаться съ вами; къ господину Виттиху, хоть тотъ и подобрѣе, я не пойду.

И тутъ же Силантій разсказалъ спьяна, что онъ собственными ушами слышалъ, какой между воспитанниками и Виттихомъ состоялся уговоръ.

Силантій хоть и говорилъ, что Виттихъ добрѣе, но онъ на него всего больше былъ золъ и, зная его нравъ, подозрѣвалъ, что изъ-за „оговоровъ“ Виттиха его разочли.

Для Перновскаго это было слишкомъ на-руку, да онъ и помимо того не упустилъ бы никогда ничего подобнаго безъ разоблаченія.

Онъ доложилъ директору и предупредилъ, по-товарищески, своего соперника. Директоръ хотѣлъ сначала замять дѣло, но черезъ того же Перновскаго узналъ, что и въ классахъ и въ дортуарахъ объ этомъ уже пошли толки.

— Ну, Вася, мы пропали!

На этотъ возгласъ пріятеля Теркинъ, не колеблясь ни секунды, отвѣтилъ:

— Теперь надо осрамить Перновскаго при всѣхъ. Давай бросать жребій.

Сдѣлали они нарѣзку на одной изъ „семитокъ“ и бросили ихъ въ фуражку, встряхнули раза два и уговоръ былъ—въ одинъ мигъ выхватить монету.

Съ нарѣзкой вынулъ Звѣревъ и поблѣднѣлъ, но притворился, что онъ „битка“, и вскричалъ:

— Я, такъ я!..

Но не выдержалъ и чуть не расплакался.

— Страшно?—спросилъ его Теркинъ.

— Страшно, Вася...

Звѣревъ схватилъ его за руки, хотѣлъ поцѣловать и разрюмился окончательно.

— Тебѣ все равно отвѣчать. Коли исключатъ тебя — вотъ тебѣ крестъ, мамаша тебя не оставитъ!..

— Ну, ладно! Только смотри, Петька: я себя не продаю ни за какія благостыни... Будь что будетъ—не пропаду. Но смотри, ежели отецъ придетъ въ разореніе и мнѣ нечѣмъ будетъ кормить его и старуху-мать, и ты или твои родители на попятный дворъ пойдете, открещиваться станете—молъ, знать не знаемъ,—ты отъ меня не уйдешь живой!

И такъ грозно онъ это сказалъ, что Звѣревъ началъ креститься и клясться. Ему даже противно стало.

— Ладно. Завтра же! Фроша меня вызоветъ къ доскѣ навѣрняка.

## XIII.

На второй урокъ пришелъ Перновскій и первымъ же вызвалъ Теркина къ доскѣ.

Землистыя щеки Перновскаго, его усмѣшка и выраженіе глазъ, остановившихся на немъ, заставили его покраснѣть. У него даже заволокло зрѣніе, и онъ въ два скачка очутился у каѳедры...

Звуки ругательнаго слова гулко раздались въ воздухѣ... Учитель вскочилъ, схватился одной рукой за уголъ каѳедры, а другой оттолкнулъ Теркина...

Началось дѣло. Сидѣнье въ карцерѣ длилось больше двухъ недѣль. Допрашивали, дѣлали очныя ставки, добивались того, чтобы онъ, кромѣ Звѣрева, — тотъ уже попался по исторіи съ Виттихомъ, — выдалъ еще участниковъ заговора, грозили ему, если онъ не укажетъ на нихъ, водворить его на родину и заставить волостной судъ наказать его розгами, какъ наказываютъ взрослыхъ мужиковъ. Но онъ отрѣзалъ имъ всего одинъ разъ:

— Я одинъ надумалъ. Ни Звѣрева, ни кого другого я въ это не впутывалъ.

Звѣрева онъ по второму дѣлу все-таки не выгородилъ: ясно было, что и тотъ хотѣлъ отомстить Перновскому.

Отцу Теркина, Ивану Прокофьеву, не давали знать и не вызывали его больше недѣли. Потомъ ему написалъ одинъ изъ товарищей сына. Старикъ пріѣхалъ, больной, безъ денегъ, кинулся къ начальству, началъ-было, по своей пылкой натурѣ, ходить по городу и кричать о неправдѣ.

И съ пріемышемъ своимъ ему не позволяли видѣться въ первые дни.

Теркинъ заболѣлъ не притворно, а въ самомъ дѣлѣ, и его положили въ лазаретъ при пансіонѣ, въ особой комнатѣ, куда остальныхъ, кто лежалъ изъ воспитанниковъ, не пускали.

У отца онъ, когда тотъ пришелъ къ нему, сталъ горячо просить прощенія.

— О васъ съ мамынькой,— онъ выговаривалъ по-деревенски, когда былъ со своими, — не подумалъ, тятенька, простите! Ученье мое теперь пропало. Да я самъ-то не пропалъ еще. И во мнѣ вы оба найдете подпору!.. Вѣрьте!..

И когда онъ эти слова говорилъ Ивану Прокофьичу, то совсѣмъ и не подумалъ о клятвахъ Звѣрева насчетъ денежной поддержки его старикамъ. Не очень-то онъ и впослѣдствіи надѣялся на слова Звѣрева, да такъ оно и вышло на дѣлѣ.

Иванъ Прокофьичъ, прощаясь съ пріемышемъ, сказалъ ему:

— Вася!.. Ты хоть не кровный мой сынъ, а весь въ меня!

Мать сильно сокрушалась, лежала разбитая, цѣлые дни разливалась-плакала. Это Теркина еще больше мозжило, и какъ только уѣхалъ домой отецъ, ему начало дѣлаться хуже. Хоть онъ все время былъ на ногахъ, но докторъ опредѣлилъ воспаленіе легкаго.

Бредъ начался у него. Онъ слегъ и добрую недѣлю то и дѣло терялъ сознаніе. Его перестали вообще безпокоить.

Звѣрева просто исключили, безъ права принимать въ ту же гимназію; хлопотали отецъ и губернскій предводитель. Да и не хотѣлось начальству, чтобы разнеслась исторія съ Виттихомъ. Виттиха, однако, уволили черезъ два мѣсяца, а Перновскій самъ подалъ прошеніе объ отпускѣ и перевелся куда-то далеко, за Уралъ.

Послѣ кризиса Теркинъ сталъ поправляться, но его „закоренѣлость“, его бодрый непреклонный духъ и смѣлость подались. Онъ совсѣмъ по-другому началъ себя чувствовать. Впереди—точно яма. Вся жизнь загублена. Съ нимъ церемониться не будутъ, исполнятъ то, что „аспидъ“ совѣтовалъ директору: по исключеніи изъ гимназіи передать губернскому начальству и отдать на судъ въ волость, и тамъ, для острастки и ему, и „смутьяну“ Ивану Прокофьеву, отпустить ему „сто лозановъ“, благо онъ считалъ себя богатыремъ.

Съ каждымъ днемъ своего выздоровленія все сильнѣе убѣждался онъ въ томъ, что такъ именно и будетъ. Сначала высѣкутъ въ волостной избѣ, продержатъ въ холодной, а потомъ приговоръ постановятъ: сослать его на поселеніе.

Ему это представлялось ярко, въ образахъ. Онъ видѣлъ рожи всѣхъ враговъ Ивана Прокофьева и вожаковъ, и горлановъ изъ голытьбы, слышалъ ихъ голоса на сходкѣ. Давно они лютою злобою дышатъ на его отца, не разумѣя въ своей тупости и подлости, что онъ одинъ на всемъ селѣ истинный радѣтель за правду и справедливость. Да имъ какое до этого дѣло!.. Такого случая унизить и донять Ивана Прокофьева сходъ не упуститъ, а въ судьяхъ сидятъ его отъявленные „вороги“: Павелъ Разсукинъ да Поликарпъ Стежкинъ. И глоова — ихъ человѣкъ, плутъ, подлая душонка, Степанъ Малмыжскій. Тотъ на всякое гнусное дѣло пойдетъ, только бы ему выслужиться передъ начальствомъ.

Не за себя его страшило все это, а больше за стариковъ. Ихъ это убьетъ. Иванъ Прокофьевъ не стерпитъ, подниметъ гвалтъ, проштрафится, его самого могутъ сослать. Старуха умретъ съ горя, въ нищетѣ.

Потомъ и за себя ему дѣлалось страшно и тяжко до нестерпимаго отчаянія. Цѣлыя ночи напролетъ онъ метался одинъ на своей лазаретной койкѣ.

Вѣдь у него теперь никакихъ правъ нѣтъ!.. Будутъ его „пороть“. Это слово слышитъ онъ по ночамъ—точно кто произноситъ надъ его ухомъ. Мужикъ! Безправный! Ссыльный по приговору односельчанъ! Вся судьба въ корень загублена. А въ груди трепещетъ жажда жизни, чувствуешь обиду и позоръ. Уходитъ навсегда дорога къ удачѣ, къ наукѣ, ко всему, на что онъ считалъ уже себя способнымъ и призваннымъ.

На пятый день такихъ мукъ его на разсвѣтѣ пронизала мысль:

„Лучше съ собой покончить!“

Ея онъ не испугался. Какъ ни великъ будетъ для его стариковъ ударъ—самоубійство пріемнаго сына,—но все-таки онъ не сравнится съ тѣмъ, черезъ что они могутъ пройти, если его накажутъ въ волости и сошлютъ...

Да и большой храбрости не нужно, чтобы съ собою покончить.

Мысль начала входить въ его мозгъ, какъ входитъ што-

поръ въ пробку, стойко, упорно, пока не довела до безповоротнаго приговора воли.

Но револьвера негдѣ достать. Веревку легче, но какъ? Подкупить сторожа? При немъ состоялъ особый унтеръ, суровый и полуглухой. Съ нимъ надо кричать. Изъ товарищей къ нему никого не пускали.

Голова работала днемъ и ночью. Жажда покончить съ собою все росла и переходила въ ежеминутную заботу. Выздоровленіе шло отъ этого туго: опять показалось кровохарканье, температура поднялась, ночью случался бредъ. Онъ страшно похудѣлъ; но ему было все равно,—только бы уйти „отъ жизни".

## XIV.

При лазаретѣ состоялъ фельдшеръ, по фамиліи Терентьевъ, изъ питомцевъ воспитательнаго дома. О его происхожденіи Теркинъ давно зналъ, и это ихъ сблизило. Вѣдь и его отнесла бы мать въ воспитательный, родись онъ не въ селѣ, а въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Терентьевъ ухаживалъ за нимъ и жалѣлъ его.

И докторъ, когда болѣзнь Теркина выяснилась, требовалъ отъ начальства гимназіи, чтобы Теркина оставили въ покоѣ, не запугивали его и не держали бы, какъ арестанта.

Терентьевъ давалъ Теркину книжки, видя, что онъ впадаетъ въ уныніе, по цѣлымъ днямъ лежитъ или ходитъ молча. Въ госпиталѣ домашняя аптечка помѣщалась рядомъ, въ проходной комнатѣ.

Съ лѣкарствами этой аптечки Теркинъ хорошо ознакомился. Тутъ были все невинныя средства, но онъ разглядѣлъ въ углу и порядочную склянку съ опіумомъ.

Частенько шкапчикъ оставался безъ ключа. Да фельдшеръ и не могъ имѣть никакихъ подозрѣній. Не станетъ же больной воровать спиртъ и разбавлять его водой—онъ не пьющій, да и вообще, по его мнѣнію, „натура благородная и пылкая".

Не трудно было Теркину отлить половину опіума въ пузырекъ и поставить склянку въ уголъ такъ, чтобы она не бросалась въ глаза.

Вечеромъ того дня докторъ заѣхалъ часу въ девятомъ, посмотрѣлъ температуру, справился объ аппетитѣ и прописалъ микстуру противъ безсонницы.

Уходя, онъ сказалъ ему, выславъ фельдшера:

— Послушайте, Теркинъ... не кривя душой, я могу васъ продержать здѣсь до Пасхи. Но не дольше. Можетъ-быть, еслибъ вы торжественно повинились...

— Ни за что!

Докторъ, кажется, испугался выраженія его лица и поспѣшилъ прибавить:

— Какъ знаете. Только здоровье-то надо возстановить. Что̀ бы съ вами не сталось, это вашъ единственный капиталъ.

Въ девять ушелъ фельдшеръ; сторожъ ночевалъ рядомъ, въ передней. Въ четверть десятаго Теркинъ сразу выпилъ все, что было въ пузырькѣ. Думалъ онъ написать два письма: одно домой, старикамъ, другое—товарищамъ; кончилъ тѣмъ, что не написалъ никому. Чего тутъ объясняться? Да и не дошли бы ни до стариковъ, ни до товарищей письма, какія стоило оставлять послѣ своей добровольной смерти.

Онъ ждалъ ее храбро, рука у него не дрогнула, когда выливалъ въ ротъ густую жидкость. Чуть не поперхнулся, но проглотилъ все.

И терпѣлъ, пока была возможность... А все-таки не отравился. Начались припадки; сторожъ побѣжалъ за фельдшеромъ; тотъ тотчасъ же распозналъ въ чемъ дѣло, но не донесъ. Даже доктора просилъ отъ себя—затушить дѣло, не доводить до директора.

Докторъ согласился, только замѣтилъ Теркину:

— Не слѣдовало бы насъ подводить, господинъ Теркинъ.

Больше ничего не прибавилъ; приказалъ фельдшеру наблюдать за больнымъ какъ можно внимательнѣе; высказалъ даже, съ-глазу-на-глазъ опасеніе, не начинается ли у Теркина какой-нибудь болѣзненный процессъ въ мозгу.

Терентьевъ этого не думалъ, но онъ воспользовался словами доктора.

— Знаете, что, Василій Ивановичъ,—заговорилъ онъ разъ подъ вечеръ, сидя на краю койки больного.—Вамъ не уйти съ вашимъ характеромъ отъ большого наказанія... Вы это чувствуете... Не даромъ вы на свою жизнь посягали. Одно средство,—продолжалъ онъ,—выиграть время и, быть-можетъ, совсѣмъ оправдаться—это... это...

Онъ не сразу выговорилъ.

— Что̀ такое?—спросилъ Теркинъ, не ожидая ничего стоящаго.

— Могутъ ваше состояніе признать ненормальнымъ... понимаете? У нашего Павла Сергѣевича,—такъ звали доктора,—есть нѣкоторыя сомнѣнія на этотъ счетъ.

Фельдшеръ пристально и долго на него смотрѣлъ. Въ глазахъ было желаніе помочь бѣднягѣ, разумѣется, такъ, чтобы тотъ его не выдалъ.

Ничего ему не сказалъ на это Теркинъ. Слова Терентьева запали ему въ душу.

Еще двѣ ночи безъ сна,—на него и хлоралъ уже плохо дѣйствовалъ,—и весь онъ запылалъ новой неудержимой злобой ко всему, что̀ привело его къ попыткѣ самоубійства и казало впереди розги волостного правленія, можетъ, и ссылку административнымъ путемъ.

Подвернулся лазаретный унтеръ, сталъ за что-то ворчать. Онъ бросился на него, и если бы не прибѣжавшій фельдшеръ, смялъ бы старика.

Съ того дня и Терентьевъ уже искренно подозрѣвалъ, что онъ находится въ „ирритаціи“, близкой къ припадкамъ бурнаго сумасшествія. Докторъ склонялся къ тому же мнѣнію.

Болѣзнь уходила; Теркинъ ѣлъ и спалъ лучше, но съ каждымъ днемъ онъ казался страннѣе, говорилъ ни съ чѣмъ „несуразныя“ вещи, — такъ докладывалъ о немъ унтеръ и не на шутку побаивался его.

Даже по прошествіи десяти слишкомъ лѣтъ Теркинъ не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, чего въ немъ было больше—притворства или настоящей психопатіи? По крайней мѣрѣ, въ первые дни послѣ того, какъ онъ бросился на лазаретнаго сторожа, и докторъ съ Терентьевымъ начали вѣрить въ его умственное разстройство; быть-можетъ, одна треть душевнаго недомоганія и была, но долю притворства онъ не станетъ и теперь отрицать. Въ немъ сидѣла тогда одна страстная мысль:

„Все равно погибать!.. Такъ лучше уже, разъ не привелось покончить съ собою въ лазаретѣ, отдалить минуту расправы, если удастся попасть въ сумасшедшій домъ. Тамъ или онъ покончитъ съ собою, или ему удастся, по прошествіи года, уйти отъ позорящаго наказанія. Просто, оставятъ его въ покоѣ и выпустятъ на волю, какъ неопаснаго душевно-больного“.

Ему довольно легко удавалось продѣлывать разныя „штуки“. Онъ и самъ не ожидалъ, что окажутся въ немъ такіе таланты по этой части; ничего особенно скандаль-

наго онъ не выкидывалъ, но цѣлый день говорилъ вслухъ, пѣлъ или упорно молчалъ и смотрѣлъ въ одну точку... Терентьевъ уже окончательно рѣшилъ, что его „юный благопріятель“—совсѣмъ „швахъ“.

Докторъ практически не занимался психіатріей, но такъ же, какъ и фельдшеръ, читалъ много „новыхъ книжекъ“ и, по добротѣ и гуманности своей, признавалъ для такого пылкаго субъекта, какъ Теркинъ, достаточно мотивовъ, чтобы молодой душевный организмъ былъ глубоко потрясенъ.

Онъ не настаивалъ на формальномъ освидѣтельствованіи и перевелъ Теркина въ земскую больницу, гдѣ состоялъ ординаторомъ по другому, терапевтическому отдѣленію.

Ординаторъ, завѣдывавшій палатами умалишенныхъ, заинтересовался Теркинымъ. Это былъ фанатикъ своей науки, склонный видѣть душевное разстройство во всякомъ нервномъ индивидѣ. Онъ возмущался тѣмъ, что больница на его отдѣленіи содержалась скаредно, грязно, по-старинному, и какъ онъ ни бился—не могъ ее безъ средствъ и безъ помощниковъ поставить на другую ногу. И прислуга привыкла обходиться съ больными грубо. Теркинъ сейчасъ же испыталъ это на себѣ. Его повели въ ванную. Онъ, должно-быть, нашелъ нужнымъ „показать себя“ и толкнулъ одного изъ дядекъ. Тѣ его побили. Онъ пришелъ въ неистовство, и на него надѣли „рубашку“, прежде чѣмъ докторъ явился на зовъ дежурнаго фельдшера.

Его помѣстили хоть и не въ темную, но въ нумеръ безъ мебели, съ однимъ тюфякомъ на полу, въ какихъ содержатся „буйные“, и начали наблюдать надъ нимъ черезъ дырочку въ двери.

Лежаніе на грязномъ тюфякѣ, безъ бѣлья, и снованіе взадъ и впередъ по узкой и мрачной конурѣ такъ его измучили, что онъ измѣнилъ свою систему, попросилъ прощенія у доктора и обѣщалъ быть тихонькимъ.

Свое слово онъ сдержалъ, и ему не нужно было особенно усердствовать по части притворства. Психіатръ увѣровалъ въ то, что имѣетъ дѣло съ характерной формой „спорадическаго аффекта“, которая можетъ перейти въ манію, можетъ и поддаться лѣченію. Онъ говорилъ вездѣ, въ клубѣ, у знакомыхъ, у товарищей по практикѣ, что мальчикъ Теркинъ былъ уже подверженъ припадкамъ

когда на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ два раза набуянилъ.

Такъ протянулось еще два мѣсяца. Вдругъ психіатра назначаютъ директоромъ образцоваго дома умалишенныхъ въ одной изъ сосѣднихъ губерній. Пріѣхалъ Иванъ Прокофьевъ и сталъ умолять доктора перевести и его Васю туда же. Съ отцомъ Теркинъ мрачно молчалъ, но ему удалось написать и передать ему записочку въ три слова: „Папенька, все обойдется".

## XV.

Жаркимъ лѣтомъ водворили его въ образцовомъ сумасшедшемъ домѣ.

Обширная усадьба, нѣсколько деревянныхъ бараковъ, два-три большихъ каменныхъ корпуса, паровая машина стучитъ цѣлый день, освѣщеніе электрическое, въ кухнѣ все стряпаютъ на пару, даже жаркое выходитъ готовымъ изъ парового шкапа; вокругъ поля есть запашка, рига, скотный дворъ, кузница. Въ каждомъ отдѣленіи—мужскомъ и женскомъ—мастерскія. Буйные особо, и у нихъ садики, гдѣ ихъ держатъ въ хорошую погоду почти цѣлый день. Ему предложилъ директоръ выбрать какое-нибудь ремесло. Онъ взялъ кузнечное.

Съ дѣтства его влекло къ кузнецамъ, „ковалямъ", какъ говаривали въ его селѣ Кладенцѣ и въ окружной мѣстности, да и физической силы у него было достаточно.

Директоръ не сразу согласился. Подержали его сперва на испытаніи въ другой мастерской, столярной, сказали ему:

— Здѣсь полегче работа, да и поинтереснѣе, а народъ все тихій.

Въ первые дни Теркинъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: ни мрачнаго нумера съ вонючимъ тюфякомъ, ни рѣшетокъ, ни звѣрскихъ дядекъ: ходи, гдѣ дозволено, по двору, по саду, работай въ полѣ, на гумнѣ или въ мастерской. Онъ боялся заглядывать въ отдѣленіе буйныхъ, и въ то же время его тянуло туда.

Заборъ садика женщинъ шелъ вдоль межи и неглубокаго рва. По ту сторону начиналась запашка. Разъ онъ приложился глазомъ къ щели... Стоялъ яркій знойный день. Солнце такъ и обливало весь четыреугольникъ садика. Только тамъ не было ни одного деревца. Впо-

слѣдствіи онъ узналъ, что женщины выдергивали деревца съ корнями. Начальство побилось-побилось, да такъ и бросило.

Картина на первый взглядъ самая обыкновенная. Бродятъ женщины, иныя въ ситцевыхъ распашныхъ капотахъ, а то просто въ длинныхъ рубахахъ, простоволосыя или покрытыя платками; нѣкоторыя о босу ногу сидятъ и на землѣ или валяются, поютъ, бормочутъ. Но когда онъ, не отрывая глаза отъ щели въ заборѣ, сталъ вглядываться въ этихъ женщинъ, еще незнакомый ему ужасъ безумія заползалъ ему внутрь, и губы его явственно вздрагивали.

Прямо къ нему лицомъ лежала на разрытой землѣ, въ рваной рубахѣ, баба лѣтъ за сорокъ, ожирѣлая, съ распущенными сѣдѣющими волосами, босая, очень грязная. Лежала она наполовину ничкомъ, лѣвой рукой ковыряла въ землѣ и выла.

Этого вытья онъ не забудетъ до смертнаго часа, ни землистаго лица безумной бабы, ни блеска глазъ, уходившихъ съ выраженіемъ боли и злобы въ ту сторону, откуда онъ глядѣлъ въ расщелину забора.

И другая, вправо, около угла,—тоже въ рубашкѣ, простоволосая и босая,—прислонилась къ забору, уперлась лбомъ о бревно и колыхалась всѣмъ тѣломъ, изрѣдка испуская звуки — не то плачъ, не то смѣхъ. Это было на разстояніи одного аршина отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ.

Впервые пронизала его мысль, грозная и ясная, точно смертный приговоръ:

„И ты можешь такимъ же быть, особливо здѣсь!“

Была минута, когда онъ готовъ былъ побѣжать къ директору, упасть передъ нимъ на колѣни и закричать:

— Спасите!.. Я лжецъ, обманщикъ, я только притворяюсь душевно-больнымъ! Выдайте меня начальству! Пускай оно дѣлаетъ со мною, что хочетъ!

Вѣдь здѣсь онъ либо дѣйствительно помутится, либо кончитъ самоубійствомъ, украдетъ веревку или расшибетъ себѣ голову о наковальню, когда ему позволятъ заняться кузнечнымъ дѣломъ.

Но другая, такая же почти строгая и ясная мысль обдала его холодомъ:

„Бѣги, кайся! Такъ тебѣ и повѣрили! Мало здѣсь подневольныхъ жильцовъ, доказывающихъ, что они въ здра-

вомъ умѣ и твердой памяти! Ты повинишься, а твою повинную господа ученые психіатры примутъ за новый приступъ безумія".

Ничего не могъ онъ возразить вѣскаго противъ такого довода.

Онъ самъ видѣлъ, что возможно и безъ особенной ловкости ввести въ обманъ докторовъ. Разубѣдить же ихъ будетъ гораздо мудренѣе. Если директоръ догадывался, что въ немъ на двѣ трети, а то и вполнѣ дѣйствуетъ притворство,—надо выдержать, помириться по малой мѣрѣ съ полугодовымъ срокомъ, исподволь сбрасывать съ себя притворное тихое безуміе, помочь директору, если тотъ желаетъ заблуждаться изъ доброты и жалости къ нему. Протянется цѣлый годъ—и тогда одинъ фактъ, что онъ высидѣлъ такъ долго въ сумасшедшемъ домѣ, покроетъ всѣ его проступки. Исключить исключатъ, но безъ волчьяго паспорта.

Позднѣе, онъ пересталъ бояться своихъ товарокъ по заключенію; только къ буйнымъ мужчинамъ никогда не заглядывалъ.

Тихія женщины даже интересовали его. Съ самыми курьезными онъ водилъ дружбу, насколько возможно было подъ надзоромъ. За нимъ перестали пристально слѣдить со второго же мѣсяца послѣ того, какъ его пустили въ кузницу.

До сихъ поръ живьемъ прыгаютъ передъ нимъ двѣ фигуры. Одна то и дѣло бродила по рощѣ, гдѣ тихія сидѣли и въ жаръ нѣкоторыя шили или читали. Она не могла уже ни работать, ни читать. На головѣ носила она соломенную шляпу высокимъ конусомъ, съ широкими полями, и розовую ситцевую блузу. Выдавала себя за княжну Тараканову.

— Я не потонула, — повторяла она, — князь Орловъ хотѣлъ меня загубить, но онъ же и погибъ отъ любви ко мнѣ.

И воображала, что всѣ изнывали отъ любовной страсти къ ней, хотя и скрывали это всячески.

Другая, въ дворянской общей палатѣ, тихая, чопорная, изъ старыхъ дѣвъ, разорившаяся по происканъ родственниковъ. Обо всемъ она говорила довольно толково и всегда отборными фразами; но стóило только какому-нибудь стороннему посѣтителю зайти въ палату, она останавливала

его и жаловалась на то, что ея вещи продавали сегодня утромъ въ соборѣ.

— Въ соборѣ? — изумленно переспрашивалъ ее посѣтитель.

— Да-съ, за ранней обѣдней, мою гипюровую мантилью и шубку продавали съ аукціоннаго торга.

— Вы вѣдь не были тамъ?

— Нѣтъ-съ; но мнѣ прибѣжали доложить, и мантилью всю искромсали, бахрома общипана, изъ шубки мѣхъ повыдерганъ.

Уходилъ посѣтитель — она становилась разсудительна и даже хорошо умѣла гадать, помнила, что каждая карта обозначаетъ; могла раскладывать и гранпасьянсъ.

Въ столярной мастерской его поставили за одинъ верстакъ съ молодымъ еще сельскимъ „батюшкой".

Обликъ священника поразилъ и привлекъ его сходствомъ съ одною фигурою на картинѣ Иванова—Теркинъ видѣлъ хорошія ея фотографіи.

Звали его отецъ Веніаминъ. Онъ началъ съ религіозныхъ галлюцинацій, слышалъ ночью голоса, то райскіе, то діавольскіе; проходилъ и черезъ манію преслѣдованія.

Когда Теркинъ всталъ противъ него за верстакъ, отецъ Веніаминъ былъ уже на пути къ излѣченію, — такъ думали директоръ и ординаторъ, — но держалъ онъ себя все-таки странно: усиленно молчалъ, часто улыбался, отвѣчая на собственныя мысли, говорилъ черезчуръ тихо для мастерской, гдѣ стоялъ всегда шумъ отъ пилъ, рубанковъ, деревянныхъ колотушекъ, прибиванія гвоздей желѣзными молотками. Онъ точно чего-то боялся и съ своимъ новымъ товарищемъ по верстаку разговаривалъ односложно, въ видѣ маленькихъ вопросовъ, и то когда было меньше народу въ столярной. Въ глазахъ его Теркинъ не замѣчалъ ничего враждебнаго себѣ; напротивъ, больной взглядывалъ на него иногда съ улыбкой, показывалъ ему какъ обходиться съ инструментами, называлъ ихъ всегда отрывисто и быстро.

— Это шерхѐбель, — скажетъ онъ вдругъ и ткнетъ пальцемъ, длиннымъ и прозрачнымъ, въ рубанокъ особой формы.—Вонъ тотъ зынцубель.

Разъ прибавилъ:

— И кто это надавалъ такихъ именъ! Неблагозвучно!

Цѣлыми днями Теркинъ наблюдалъ его про себя.

Передъ нимъ неизмѣнно, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, стоялъ образецъ настоящаго душевно-больного, тихаго, способнаго выздоровѣть. Онъ не говорилъ и не дѣлалъ ничего дикаго или смѣшного; но чѣмъ больше изучалъ его Теркинъ, тѣмъ отчетливѣе выдѣлялись передъ нимъ мины, звуки, взгляды, движенія, какихъ „не сочинишь“ по собственному произволу. Онъ могъ усвоить ихъ себѣ. Все это ему пригодится. Но его не оставляла боязнь — вмѣстѣ съ игрой лица и манерой держать себя самому не впадать въ психопатію.

Нѣтъ-нѣтъ и поднимется въ немъ совѣсть, и онъ готовъ покаяться отцу Веніамину въ своемъ притворствѣ. Тотъ, дѣйствительно, былъ страдалецъ, а онъ — обманщикъ. Его удерживало непріязненное чувство къ „долгополой породѣ“ еще съ дѣтства, когда онъ босикомъ бѣгалъ по улицамъ и издали кидалъ всякія обидныя прозвища дьячкамъ и понамарямъ двухъ церквей села Кладенца.

Кое-что, однако, отлиняло на него, отъ работы за однимъ верстакомъ. И онъ сталъ говорить отрывисто и часто усмѣхаться безъ всякаго повода. Онъ зналъ, что это ему не повредитъ.

## XVI.

Въ кузницѣ его поставили за одну наковальню съ Капитономъ, неизлѣчимымъ больнымъ, изъ отставныхъ солдатъ, бывшимъ всю свою жизнь кузнецомъ, сначала въ деревнѣ, потомъ въ уланскомъ полку.

Капитона доктора считали совсѣмъ безобиднымъ, любили его за веселый нравъ и послушаніе.

Большого роста, еще не старый, съ обличьемъ солдата, въ бородкѣ, подъ гребенку остриженный, онъ то и дѣло смѣялся и разсуждалъ за работой; въ свободные отъ работы часы ходилъ подбоченясь развалистой поступью, туда и сюда, въ поля, на гумно, въ другія мастерскія, вызывался молотить, или вѣять, или косить, смотря въ какую пору. Онъ же исправлялъ и всякія починки по телѣжной части.

Его узкіе темные глазки, всегда прищуренные отъ свѣта, слезились и подмигивали. Капитонъ никогда не носилъ шапки, даже зимой, и постоянно кожаный фартукъ поверхъ синей холщевой блузы.

Съ Теркинымъ у него съ перваго же дня пошли лады.

— Тебя какъ звать?

Капитонъ только что его училъ: ловчѣе колотить по раскаленному куску желѣза; они „наваривали“ сломавшуюся телѣжную ось.

— Василій.

— А по батюшкѣ, значитъ?

— Иванычъ.

— Такъ вотъ я тебѣ что скажу, Иванычъ: ты меня слушайся, не перечь, и выйдетъ изъ тебя кузнецъ заправскій.

Въ томъ, что Капитонъ говорилъ по своему главному „рукомеслу“, Теркинъ ничего не могъ подмѣтить безумнаго. Но *какъ* онъ это говорилъ—другое дѣло. Скажетъ одну фразу дѣльно и даже съ топкимъ пониманіемъ работы, и сейчасъ же, какъ только ушелъ въ сторону, и начнется возбужденная болтовня, всегда одного и того же характера.

Капитонъ былъ фантазёръ на хозяйственныя темы.

Все бы онъ тутъ передѣлалъ по-своему. Онъ не бранилъ порядковъ, какіе заведены по полевымъ работамъ и мастерскимъ, но устроилъ бы это по-другому.

И вотъ въ такихъ-то фантазіяхъ и сказывался его „пунктикъ“. Совсѣмъ нелѣпыхъ, дикихъ вещей, если ихъ брать отдѣльно, у него не выходило; но всѣ его мечтанія принимали огромные размѣры, и всего чаще трудно было догадаться, о чемъ собственно онъ толкуетъ, тѣмъ болѣе, что Капитонъ безпрестанно вплеталъ воспоминанія изъ полковой жизни по городамъ и селамъ, въ лагеряхъ, на маневрахъ, разговаривалъ вслухъ съ своими товарищами и начальниками, точно будто они стояли тутъ передъ нимъ.

И работа съ Капитономъ могла оказаться Теркину на руку.

Черезъ два-три мѣсяца онъ отлично овладѣлъ обѣими формами душевнаго разстройства: и молчаливымъ, какъ у отца Веніамина, и болтливо-возбужденнымъ, какъ у отставного унтеръ-офицера Капитона Мусатова. Онъ держался первой формы: она была удобнѣе и вѣрнѣе. Директоръ врядъ ли подозрѣвалъ его: обращался съ нимъ ласково, предлагалъ даже перевести въ привилегированное отдѣленіе и бросить тяжелое кузнечное дѣло.

— Мнѣ такъ хорошо, спасибо,—отрывисто благодарилъ

его каждый разъ Теркинъ и больше ничего не говорилъ.

До него доходило черезъ дядекъ, что директоръ его хвалитъ за трудолюбіе, за нежеланіе поступить на положеніе привилегированныхъ больныхъ, читать книжки, ничего не дѣлать, жаловаться и всячески надоѣдать.

Его и не тянуло къ книжкамъ. Онѣ ему напомнили бы только ненавистную школу. И разговоровъ съ образованными больными онъ избѣгалъ, хотя многіе лебезили, выспрашивали его, клянчили папиросочку, приставали съ разными своими глупостями, ругали докторовъ.

На нѣсколькихъ онъ далъ окрикъ, и его сторонились.

Такъ протекло около полугода. Съ наступленіемъ зимы жить стало тѣснѣе; приходилось сидѣть частенько въ камерахъ. Кузнечная работа сократилась на половину. Попросилъ и онъ „книжки почитать“. Надежда высидѣть благополучно больше года и выйти на волю безъ волчьяго паспорта все крѣпла въ немъ.

Своимъ старикамъ онъ писалъ каждый мѣсяцъ по нѣскольку строкъ, успокоивалъ ихъ, но воздерживался отъ всего, что могло показаться подозрительнымъ, слишкомъ умнымъ и складнымъ для душевно-больного.

Послѣ Новаго года старшій ординаторъ обмѣнялся мѣстомъ съ врачомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга.

Теркинъ, какъ только тотъ въ первый разъ пришелъ къ нимъ въ камеру и задалъ ему два-три вопроса, почуялъ, что это—будущій врагъ.

Его потрясло и то, что психіатръ, по фамиліи Несвѣтовъ, напоминалъ учителя Перновскаго и тономъ и даже лицомъ. И онъ оказался „изъ кутейниковъ“.

Предчувствіе не обмануло. Несвѣтовъ узналъ исторію юноши и выбралъ его предметомъ своихъ упорныхъ наблюденій.

По нѣскольку разъ на недѣлѣ онъ началъ подвергать его настоящимъ допросамъ.

Теркинъ увидѣлъ, что Несвѣтовъ не вѣритъ въ его психическую болѣзнь и хочетъ ловить его на противорѣчіяхъ научнаго характера.

Но какія это противорѣчія? Онъ не могъ знать. Книжекъ по психіатріи ему не доводилось читать, а здѣсь ихъ ему и подавно не дадутъ. Въ нихъ онъ, разумѣется, нашелъ бы, что̀ съ чѣмъ вяжется и какихъ проявленій держаться, если остановишься на одномъ какомъ-нибудь типѣ умопомѣшательства.

Когда Несвѣтовъ взбѣситъ его ехиднымъ вопросомъ, онъ пускалъ въ ходъ возбужденіе, болталъ всякій вздоръ, въ родѣ своего пріятеля Капитона; доходилъ разъ до попытки на большую „ирритацію". Но на другой день проницательный психіатръ сказалъ ему:

— Теркинъ! вы недостаточно искусно притворяетесь. У васъ то изъ одной оперы, то совсѣмъ изъ другой... Лучше было бы сознаться по доброй волѣ; а то не нынче-завтра васъ освидѣтельствуютъ построже.

Онъ это сказалъ съ глазу на глазъ и директору врядъ ли докладывалъ въ такомъ именно смыслѣ. Опасность росла съ каждымъ днемъ. Сталъ онъ замѣчать, что и директоръ иначе съ нимъ держится и совсѣмъ не тѣ вопросы задаетъ, какъ прежде.

Злобное чувство, съ родни тому, что̀ жило въ немъ и тогда еще къ Перновскому, подсказало ему доказать психіатру свое безуміе.

Ударить его чѣмъ ни попало сзади по мозжечку такъ, чтобы психіатръ самъ попалъ въ сумасшедшій домъ... Что ему за это будетъ? Онъ—невмѣняемъ; иначе зачѣмъ же его держать здѣсь? Ну, подержатъ въ секретѣ, и все обойдется; просидитъ онъ лишній годъ, зато никто уже не будетъ сомнѣваться, здоровъ онъ или боленъ... Это лучше, чѣмъ подбить другого, хоть бы того же Капитона. И тому новый докторъ не нравился.

Но врачъ былъ прозорливъ. И онъ почуялъ въ свою очередь, какія чувства возымѣлъ къ нему Теркинъ, и сталъ до нельзя остороженъ.

Одно время и совсѣмъ его какъ бы не замѣчалъ.

Директоръ къ посту уѣхалъ въ командировку за границу осматривать образцовые дома и лѣчебницы; вернуться долженъ былъ уже къ Троицѣ. Несвѣтовъ заступилъ его мѣсто.

Когда директоръ прощался съ больными, онъ Теркину сказалъ, глядя на него пристально:

— Вашимъ физическимъ здоровьемъ я доволенъ. Можетъ-быть, и вообще вамъ достаточно сидѣть у насъ...

„Понимай, молъ, какъ знаешь!"

Нѣсколько ночей ломалъ себѣ Теркинъ голову: не начать ли самому проситься на выписку? Но онъ боялся, что Несвѣтовъ подставитъ ему ногу.

Черезъ недѣлю, не больше, Несвѣтовъ пригласилъ мѣстнаго крупнаго чиновника по медицинской части, подвелъ

его къ Теркину и сталъ задавать самые коварные вопросы.

Отвѣчать на нихъ здраво Теркинъ не рѣшился и повторилъ опять одинъ изъ своихъ пріемовъ: то молчалъ, то возбужденно болталъ.

Доктора переглянулись, и въ концѣ мѣсяца его освидѣтельствовали. Несвѣтовъ далъ отъ себя подробный отзывъ, что онъ считалъ Теркина притворяющимся съ самаго поступленія въ сумасшедшій домъ.

Онъ ссылался и на мнѣніе директора. Другой ординаторъ подтвердилъ это.

На освидѣтельствованіи Теркинъ держался ловко—цѣлый годъ ученья не пропалъ даромъ. Но обличителю удалось убѣдить членовъ присутствія: его признали притворно-больнымъ и выдали опять на руки начальству.

Отъ „волчьяго паспорта“ Теркинъ не ушелъ. Его выслали въ село по этапу и выдали волостнымъ властямъ, закоренѣлымъ „ворогамъ“ его пріемнаго отца, тогда совсѣмъ больного, впавшаго въ бѣдность, разореннаго непомѣрными поборами съ его домишка и заведенія, шедшаго въ убытокъ.

И все испытанное прежде стушевалось передъ тѣмъ, черезъ что прошелъ онъ на родинѣ, въ селѣ Кладенцѣ.

## XVII.

Ни отца, ни матери къ нему не допустили, продержали больше недѣли въ холодной на хлѣбѣ и на водѣ и повели въ правленіе сѣчь.

Никогда его не наказывали розгами ни дома, ни въ гимназіи. И каждый разъ, какъ онъ вспомнитъ всю сцену этой экзекуціи, кровь бросится ему въ голову и въ вискахъ забьются жилы.

Пустая горница въ старомъ графскомъ „Приказѣ“, съ лавками по стѣнамъ, два окна противъ двери, икона въ правомъ углу. Сѣренькій холодный денекъ. Горница не протоплена, и въ ней онъ вздрагиваетъ и видитъ на полу два пучка розогъ.

Тутъ старшина, сельскій староста, двое судей, писарь, два десятника—они будутъ его наказывать.

Старшина, пройдоха и взяточникъ Степанъ Малмыжскій—мелкій прасолъ, угодникъ начальства, сумѣвшій увѣрить „горлопановъ“, что имъ только и держатся оба сельскихъ общества, на которыя раздѣлено село Кладенецъ. Какъ ярко врѣзалась въ память Теркина рыжая весну-

щатая рожа Малмыжскаго и его „спинжакъ“ и картузъ на ватѣ, сережка въ лѣвомъ ухѣ, трепаная двуцвѣтная бородка... Кажется, каждый волосокъ въ этой бородкѣ онъ могъ бы перечесть. Стоитъ ему закрыть глаза—и сейчасъ же старшина передъ нимъ, какъ живой.

Двое судей въ верблюжьихъ кафтанахъ. Оба—пьянчуги, изъ самыхъ отчаянныхъ горлопановъ, на отца его науськивали міръ; десятки разъ дѣло доходило до драки; одинъ—черный, высокій, худой; другой—съ брюшкомъ, въ „гречюшникѣ“: такъ называютъ по-ихнему высокую крестьянскую шляпу. Фамиліи ихъ и имена всегда ему памятны; разбуди его ночью и спроси: какъ звали судей, когда его привели наказывать? — онъ выговоритъ духомъ: Павелъ Разсукинъ и Поликарпъ Стежкинъ.

Они сидѣли около старшины, на правой скамьѣ отъ двери.

Сельскаго старосту онъ не такъ отчетливо помнитъ. Онъ считался „пустельгой“; передъ тѣмъ онъ только что былъ выбранъ. Но домъ его Теркинъ до сихъ поръ помнитъ—надъ обрывомъ, въ концѣ того порядка, что́ идетъ отъ монастырской ограды. Звали его Егоръ Туляковъ. Живъ онъ или умеръ — онъ не знаетъ; остальные навѣрно еще живы.

Живъ и писарь Силоамскій. Тоже изъ кутейниковъ!.. Онъ былъ самымъ лютымъ ненавистникомъ его отца. Тотъ безъ счету разъ на сходкахъ ловилъ эту „семинарскую выжигу“ въ мошенническихъ продѣлкахъ и подвохахъ, въ искаженіи текста приговоровъ и числа выборныхъ голосовъ, во всякихъ каверзахъ и обманахъ. Но писарь держался прочно; безъ него старшина, полуграмотный, не могъ шагу ступить, а судьи были вовсе неграмотные.

И наружность Силоамскаго, какимъ его увидѣлъ, войдя въ горницу, могъ бы Теркинъ нарисовать въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Средняго роста, сутулый, съ перекошеннымъ лѣвымъ плечомъ, бритое и прыщавое лицо, бѣлобрысые усики, воспаленные глаза и гнилые зубы, волосы длинные, за уши. И на немъ былъ „спинжакъ“, только другого цвѣта, а поверхъ чуйка, накинутая на плечи, вязаный шарфъ и большіе сапоги. Онъ постоянно откашливался, плевалъ и курилъ папиросу. Подъ лѣвой мышкой держалъ онъ тетрадь въ переплетѣ.

— Ну-съ, ваше степенство, — обратился къ нему пер-

вый писарь, — не благоугодно ли вамъ будетъ разоблачиться?

Старшина и судьи переглянулись.

Язвительный тонъ писаря и его хриплый голосъ обдали Теркина холодомъ и жаромъ. Розги лежали передъ нимъ. Если бъ онъ могъ, онъ схватилъ бы за горло негодяя, который издѣвался надъ нимъ передъ казнью.

Руки его стягивалъ кушакъ. Два десятника плотно налегли на него съ обѣихъ сторонъ.

— Господинъ старшина! — произнесъ онъ твердо, — съ писаремъ вашимъ я не желаю разговаривать. Но отъ васъ я въ правѣ требовать отвѣта: по какому праву вы подвергаете меня такому наказанію?

— Права захотѣлъ! Вишь какой шустрый!—зубоскалили оба судьи.

Старшина выговорилъ съ усмѣшкой:

— А вотъ ты, милый другъ, почуешь по какому праву, когда тебя хорошенько отполосуютъ.

— Развязать?—спросилъ писаря одинъ изъ десятниковъ.

— И такъ побудетъ,—отозвался старшина, — а то еще драться полѣзетъ.

— Отъ большой учености!—издѣвался писарь.—Всякую премудрость проходилъ.

Десятники начали стаскивать съ него пальто и разстегивать все, что нужно было.

Была минута,—онъ еще стоялъ,—когда ноги его дрогнули и похолодѣли. Въ глазахъ стало темнѣть. Позоръ наказанія обдалъ его гораздо бо̀льшимъ ужасомъ, чѣмъ мысль потерять разумъ въ сумасшедшемъ домѣ. Это онъ прекрасно сознавалъ.

— Что кочевряжишься! — крикнулъ ему кто-то. — Ложись!.. Ты думаешь: въ барчуки попалъ, такъ тебя и пальцемъ не тронь?.. Небось! Будешь знать, паря, какъ на̀большимъ дерзить да потомъ блажь на себя облыжно напускать.

Онъ уже лежалъ на вонючей рогожкѣ.

Въ воздухѣ свистнулъ размахъ розги. Онъ закрылъ глаза и закусилъ губы до крови, чтобы не крикнуть.

И пролежалъ все время молча, судорожно переводя дыханіе; слезы потекли у него изъ глазъ подъ самый конецъ.

Не успѣлъ онъ одѣться—уже съ развязанными руками—въ горницу вбѣжалъ отецъ его.

— Злодѣи! Душегубы!..

Негодующіе крики Ивана Прокофьева слышны ему до сихъ поръ. И внѣшность отца осталась въ его сердцѣ, какою она была въ ту минуту: широкое сѣрое пальто, черный галстукъ, подъ самый подбородокъ, пуховая смятая шляпа, огромный ростъ, возбужденное неправильное лицо, выпуклый лобъ съ пробором низкихъ волосъ, носъ луковкой, огромные глаза, борода полусѣдая двумя мочалками.

Дѣло чуть не дошло до рукопашной. Отца скрутили тутъ же и повели въ темную. И его опять посадили: въ общемъ гвалтѣ онъ замахнулся на одного изъ судей, когда тотъ такъ и лѣзъ на Ивана Прокофьева и взялъ-было его за шиворотъ.

Ихъ каждаго особо продержали еще сутокъ двое.

Сидя опять въ темной, онъ ревѣлъ отъ злости и негодованія, впадалъ въ припадки настоящей ярости. Ничѣмъ уже нельзя было смыть позорнаго клейма.

Его „отодрали“ розгами, какъ послѣдняго пропойцу или воришку. Тогда ему не пришло ни разу въ голову, что въ той же горницѣ сѣкли безъ счету самыхъ тихихъ и безобидныхъ мужиковъ только за то, что они во-время не уплатили мірскихъ поборовъ. Онъ на всю свою жизнь получилъ отвращеніе къ этому „міру“. Все, что онъ въ журналахъ и газетахъ читалъ сочувственнаго крестьянской самоуправѣ, вылетѣло разомъ и перешло въ страстное стремленіе—уйти изъ податного сословія во что бы то ни стало, правдой или неправдой; оградить себя службой или деньгами отъ новаго позора.

Вмѣстѣ съ отцомъ отвели ихъ домой. Старуха Домна Архиповна повисла ему на шею и лишилась чувствъ. Она и всегда была хилая и въ молодости считалась „кликушей“.

Первымъ словомъ отца было:

— Ну, Вася! Не могу я тебя похвалить за то, что ты больше года личину на себѣ носилъ,—это, братъ, хуже всего остального. Вѣдь вороги-то мои хотѣли донять меня тѣмъ, что надъ тобой Шемякинъ судъ справили!

Пришлось бы имъ совсѣмъ плохо, если бъ не вступился за нихъ новый членъ по крестьянскому присутствію. Отца на время оставили въ покоѣ, а его отпустили на сторону.

Задержи его тогда міръ, не выдай ему паспорта— онъ бы бѣжалъ.

Черезъ годъ досталъ онъ на дальней желѣзной дорогѣ мѣсто и быстро пошелъ въ гору. Одинъ изъ подрядчиковъ взялъ его къ себѣ въ подручные съ процентомъ сверхъ жалованья.

Тѣмъ временемъ отца сослали по приговору на поселеніе, какъ „смутьяна", возмущающаго противъ властей, когда онъ всю свою жизнь стоялъ за строжайшее исполненіе закона.

Только черезъ три года удалось ему вернуть его съ поселенія, съ опухшими ногами, съ водянкой въ груди.

Продали старики свой давно выкупленный домишко съ ветхимъ сараемъ, гдѣ было когда-то спичечное заведеніе. Онъ перевезъ ихъ въ городъ. Черезъ полгода похоронилъ отца. Старуха поскрипѣла еще года два. Онъ ей выстроилъ избушку около того кладбища, гдѣ лежитъ „смутьянъ"...

## XVIII.

— Задумались, Василій Ивановичъ?

Теркина разбудилъ отъ думъ, всколыхнувшихъ все его прошлое, возгласъ капитана Кузьмичева.

Тотъ стоялъ надъ нимъ, широко разставивъ ноги, въ томъ же картузѣ съ ремешкомъ, большихъ сапогахъ и коричневой визиткѣ.

— Да... Вышла у меня здѣсь курьезная встрѣча!

— А чаишку грѣшнаго не благоугодно?

На это Теркинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ, кажется, и не разслышалъ приглашенія капитана.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ къ кормѣ.

— Андрей Ѳомичъ! — началъ Теркинъ и оглянулся.— Вы примѣтили пассажира въ камлотовой шинели? Чинушомъ смотритъ?

— Съ орденомъ на шеѣ? ину-

— Да, да!

— Какъ же не примѣтить!

— Онъ гдѣ сѣлъ?

— Въ Ярославлѣ, кажется. И какое, я вамъ скажу, животное! Между Василемъ и Казанью я его чуть не высадилъ на берегъ, въ десятомъ часу вечера. У насъ тамъ тоже заминочка вышла. Посидѣли на перекатѣ, такъ малость... съ четверть часа, не больше. Такъ какъ бы вы

думали?.. Этотъ чинушъ началъ вдругъ вмѣшиваться и ко мнѣ съ требованіями предъявляться. Какъ, молъ, вы такъ оплошно дѣйствуете?.. Я заявленіе сдѣлаю въ газетахъ. Ахъ, молъ, ты такой-сякой! Я на него и прикрикнулъ маленько. Онъ не унялся. Сейчасъ чиномъ величаться сталъ. Статскій совѣтникъ онъ, видите ли; изволитъ прослѣдовать въ Сибирь!..

— Онъ! Онъ!—перебилъ Теркинъ разсказъ капитана.

— Вы нешто его знаете?

— А какъ бы вы думали, кто эта камлотовая шинель?

Капитану было извѣстно кое-что изъ прошедшаго Теркина. Объ ученическихъ годахъ они не такъ давно говорили. И Теркинъ разсказывалъ ему свою школьную исторію; только врядъ ли помнилъ тотъ фамилію „аспида“. Они оба учились въ ту эпоху, когда между классомъ и учителями такого типа, какъ Перновскій, росла взаимная глухая непріязнь, доводившая до взрывовъ. О прежнихъ годахъ, когда учителя дружили съ учениками, они только слыхали отъ тѣхъ, кто ранѣе ихъ на много лѣтъ кончали курсъ.

Кузьмичевъ не догадывался однако.

— Тотъ самый Перновскій, изъ-за котораго меня выгнали. Вы помните?

О томъ, что его наказывали розгами въ волости, Теркинъ никогда и никому не признавался.

— Быть не можетъ!

— Я не могу ошибиться. Да онъ и мало измѣнился.

Они повернули къ рубкѣ.

— И у васъ, поди, всю внутреннюю перевернуло отъ одного взгляда на этого субъекта?

— Повѣрите ли,—отозвался Теркинъ, сдерживая звукъ голоса,—вѣдь больше десяти лѣтъ минуло съ той поры—и такъ меня всего захватило!.. Вотъ проходилъ и просидѣлъ на палубѣ часа два. Ужъ солнце садиться стало. А я ничего и не замѣтилъ, гдѣ шли, какими мѣстами.

— Такъ, такъ,—говорилъ ласково капитанъ и глядѣлъ игривыми глазками на Теркина.—Понимаю васъ, Василій Иванычъ...

— Теперь такой господинъ для меня—мразь и больше ничего!.. Но надо же было этой физіи очутиться предо мной вонъ тамъ въ ту минуту, когда я былъ въ самомъ такомъ настроеніи...

Теркинъ не досказалъ. О любви своей онъ не началъ

бы изливаться даже и такому хорошему малому, какъ Кузьмичевъ.

Съ какой стати? Во-первыхъ, капитанъ въ скоромъ времени можетъ попасть въ его подчиненные, а во-вторыхъ, Теркинъ давно держался правила—о сердечныхъ дѣлахъ не болтать лишняго. Онъ считалъ это большой „пошлостью".

Солнце совсѣмъ уже сѣло за луговой берегъ. Теркинъ не ошибся: два часа пролетѣли незамѣтно въ образахъ прошлаго.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ капитанъ, оглядываясь въ обѣ стороны.

— Навѣрно, чай пьетъ.

— Не хотите ли спуститься въ общую каюту? Мнѣ занятно было бы при васъ, Василій Иванычъ, посшибить съ него форсу... Пройтись въ комическомъ родѣ...

— Пойдемте!

Въ громкомъ возгласѣ Теркина вырвался наплывъ еще не заснувшаго чувства. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи устроить встрѣчу Перновскаго съ своимъ бывшимъ питомцемъ.

Можетъ-быть, въ другое время и не на пароходѣ, а гдѣ-нибудь въ театрѣ, въ вагонѣ, у знакомыхъ, онъ бы и оставилъ въ покоѣ „аспида". Но къ давней обидѣ, разбереженной встрѣчей съ нимъ, прибавилась еще и досада на то, что фигура въ камлотовой шинели вышибла его изъ сладко-мечтательнаго настроенія.

Спускался онъ въ каюту, и по всему тѣлу у него пошли особаго рода мурашки — мурашки задора, приготовленія къ чему-то такому, гдѣ онъ отведетъ душу, испробуетъ свой нравъ! Онъ зналъ, что въ немъ есть доля злобности, и не стыдился ея.

Въ каютѣ стоялъ двойственный полусвѣтъ. Круглыя оконца пропускали его съ одной стороны, другая была тѣневая, отъ высокихъ холмовъ. Пароходъ шелъ близко къ берегу.

Направо и налѣво тянулись узкіе обѣденные столы. За лѣвымъ сидѣли два купца и офицеръ и пили пиво. На дальнемъ углу праваго стола, дѣйствительно, пилъ чай пассажиръ съ крестомъ на шеѣ.

Шинель онъ положилъ на табуретъ и снялъ картузъ. Голова оказалась лысая; передніе волосы онъ слѣва на-

право примазывалъ къ лысинѣ на старинный фасонъ, съ низкимъ проборомъ надъ лѣвымъ ухомъ.

Теркинъ и капитанъ вошли, остановились и обмѣнялись взглядами.

— Экземпляръ! — шопотомъ сказалъ капитанъ и крикнулъ въ дверку буфета: — Илья!.. Снаряди-ка намъ чаю порцію. Со сливками и сухарей, коли есть, а то такъ булку.

— Слушаю-съ, Андрей Ѳомичъ, — откликнулся лакей изъ буфета.

— Туда пройти? — спросилъ полушопотомъ капитанъ и показалъ рукой на тотъ уголъ, гдѣ размѣстился Перновскій.

Теркинъ протѣснился между столами и диванами и сѣлъ въ аршинъ разстоянія отъ Перновскаго; капитанъ — противъ него, у одной изъ колонокъ, поддерживающихъ потолокъ каюты.

Оба они обнажили головы. Безъ шляпы Теркинъ сейчасъ же дѣлался моложе года на два, на три. У капитана маковка рѣдѣла.

Кажется, Перновскому не очень понравилось, что они сѣли близко отъ него. Онъ посмотрѣлъ на нихъ вкось, оттянулъ нижнюю губу къ одному углу и прошелся фуляровымъ платкомъ по вспотѣвшей лысинѣ.

Пилъ онъ чай основательно, уже больше получаса; спрашивалъ и второй чайникъ горячей воды. Изъ собственной фляжки онъ подливалъ что-то темное въ стаканъ, должно-быть, ромъ.

На его сухомъ, но плечистомъ туловищѣ подержанный дорожный сюртукъ сидѣлъ мѣшковато. Грудь прикрывала не первой чистоты рубашка, и крестъ спускался ниже, чѣмъ его обыкновенно носятъ.

Лакей подалъ чай, заказанный Кузьмичевымъ.

— Прикажете мнѣ заварить, Василій Иванычъ?—громко спросилъ капитанъ.

— Пожалуйста.

Отвѣтъ Теркина заставилъ Перновскаго обернуть голову въ его сторону и оглядѣть статнаго, красиваго пассажира. На капитана онъ не желалъ смотрѣть: злился на него второй день послѣ столкновенія между Василемъ и Казанью. Онъ хотѣлъ даже пересѣсть на другой пароходъ, да жаль было потерять плату за проѣздъ.

Капитанъ закурилъ крѣпчайшую „пушку“. Отъ дыма Перновскій замѣтно поморщивался.

За другимъ столомъ разговоръ шелъ вяло. Слышно было, какъ Кузьмичевъ дуетъ на блюдечко и прихлебываетъ чай, вперемежку съ клубами дыма.

Вдругъ отчетливо и довольно громко раздался вопросъ Теркина, нагнувшагося вправо къ своему сосѣду:

— А вы, никакъ, не узнаёте меня, Фрументій Лукичъ?

Педагогъ мѣшалъ ложкой сахаръ и тотчасъ пересталъ, какъ только услыхалъ свое имя и отчество.

На лицѣ его появилась недоумѣвающая гримаса.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣтилъ онъ и поглядѣлъ на капитана.

Этотъ взглядъ значилъ: „не думаю, чтобы твой пріятель стоилъ моего знакомства“.

— Я—Теркинъ!

Перновскій промолчалъ и сталъ прихлебывать чай. Онъ узналъ ученика, позволившаго себѣ дерзость при всемъ классѣ, но не хотѣлъ въ этомъ сознаваться.

— Запамятовали?—спросилъ капитанъ и засмѣялся, откинувъ голову.—Будто?.. Сколько это лѣтъ было тому, Василій Иванычъ?

— Да лѣтъ больше десяти!

— Ну и что жъ? — выговорилъ, наконецъ, Перновскій и опять отеръ лысину платкомъ.

— Ничего!.. Весьма радъ былъ встрѣчѣ съ моимъ преподавателемъ,—сказалъ Теркинъ.

Лицо педагога пошло пятнами.

## XIX.

Купцы съ офицеромъ поднялись на палубу. Въ каютѣ остались только двое пріятелей и Перновскій.

Теркинъ уже придвинулся къ своему бывшему учителю, глядѣлъ ему прямо въ глаза и говорилъ съ разстановкой:

— Вы что же это, Фрументій Лукичъ, какъ словно меня и признать не хотите? Вѣдь то, что случилось въ гимназіи слишкомъ десять лѣтъ назадъ, быльемъ поросло. Мало ли что случается въ жизни!.. Нельзя же такъ долго серчать...

И онъ взглядомъ, брошеннымъ на капитана, передалъ ему педагога.

— Господинъ статскій совѣтникъ и на меня, кажется,

въ большой претензіи?—заговорилъ Кузьмичевъ.—Сердце у него неотходчиво. А вы, Василій Иванычъ, разсудите: ежели бы каждый пассажиръ, хотя бы и въ чинахъ, началъ распоряжаться за капитана, мы бы вмѣсто фарватера-то скрозь бы побѣжали, ха-ха!

Раскатистый смѣхъ Кузьмичева всколыхнулъ его широкую грудь. Теркинъ улыбнулся только глазами и повернулъ голову опять къ Перновскому.

— Нешто это не судьба, Фрументій Лукичъ, что мы съ вами вдругъ черезъ десять лѣтъ съ лишнимъ — и на одномъ суденышкѣ? Куда изволите слѣдовать? Къ мѣсту служенія своего?

— До Саратова ѣдетъ ихъ высокородіе,—смѣшливо замѣтилъ капитанъ.

Лицо Перновскаго становилось совсѣмъ краснымъ, влажное отъ чая и душевнаго волненія. Глаза бѣгали съ одной стороны на другую; чуть замѣтныя брови онъ то подымалъ, то сдвигалъ на переносицѣ. Злобность всплыла въ немъ и держала его точно въ тискахъ, вмѣстѣ съ предчувствіемъ скандала. Онъ видѣлъ, что попался въ руки „теплыхъ ребятъ“, что они не спроста обсѣли его и повели разговоръ въ такомъ тонѣ.

Окрикъ капитана, доставшійся ему два дня передъ тѣмъ, угроза высадить „за буйство“, все еще коломъ стояли у него въ груди, и онъ боялся, какъ бы ему не выйти изъ себя, не нарваться на серьезную непріятность. Капитанъ способенъ былъ высадить его на берегъ, а потомъ поди судись съ нимъ!

Будь въ каютѣ другіе пассажиры, онъ далъ бы имъ сейчасъ отпоръ, какого они заслуживали; кромѣ лакея, въ буфетѣ никого не оставалось, а сумерки все сгущались и помогали обоимъ „наглецамъ“, — такъ онъ уже называлъ ихъ про себя,—продолжать свое вышучиванье.

Взглядомъ своихъ веселыхъ и умныхъ глазокъ капитанъ опять передалъ педагога Теркину.

— И гдѣ же вы изволите теперь начальствовать, Фрументій Лукичъ?

Слова были отмѣнно вѣжливы, но тонъ показывалъ, куда пробирается тотъ „мужицкій пріемышъ“, который нанесъ ему когда-то оскорбленіе.

— А вы, господинъ Теркинъ, куда изволите ѣхать и въ какомъ званіи состоите?

— Я вамъ за Василія Иваныча отвѣчу, — подхватилъ

Кузьмичевъ.—Онъ въ наше товарищество пайщикомъ поступаетъ. Собственный пароходикъ у него будетъ, „Батракъ“, вдвое почище да и побольше вотъ этой посудины. Видите, вашъ ученикъ времени не терялъ, даромъ что онъ изъ крестьянскихъ дѣтей.

— На здоровье!..—выговорилъ Перновскій.

Ему страстно захотѣлось кинуть „наглецу“ что-нибудь позорящее. Онъ слыхалъ о притворномъ умопомѣшательствѣ Теркина, но не зналъ про то, что его высѣкли въ селѣ.

И въ ту же самую минуту Теркина схватила за сердце боязнь, какъ бы „аспидъ“ не прошелся насчетъ этого. У него достанетъ злобы, да и всякій бы на его мѣстѣ воспользовался такимъ фактомъ, чтобы дать отпоръ и заставить прекратить приставанье, затѣянное, какъ онъ могъ предполагать, не кѣмъ инымъ, какъ Теркинымъ.

Но страхъ его сейчасъ же отлетѣлъ. Видъ Перновскаго, звукъ голоса, вся посадка разжигали его. Пускай тотъ намекнетъ на розги. Это ему развяжетъ руки. Выпей онъ стаканъ-другой вина—и онъ самъ бы разсказалъ и при Кузьмичевѣ, черезъ что прошелъ онъ въ селѣ Кладенцѣ.

— Господинъ Перновскій, — началъ Кузьмичевъ и дотронулся до плеча педагога.—Встрѣчу вашу съ Василіемъ Иванычемъ надо спрыснуть... Илья, — крикнулъ онъ къ оконцу буфета, — подай живѣе бутылку игристаго, донского! Полынковаго, отъ Чеботарева!

— Сію минуту! — откликнулся лакей высокимъ теноркомъ.

— Позвольте мнѣ... Я хочу на палубу!

Перновскій привсталъ и отстранилъ ладонь Кузьмичева.

— Нѣтъ, Фрументій Лукичъ, посидите!

— Однако, господа!..

Приходъ лакея съ бутылкой и стаканчиками не далъ Перновскому докончить. Онъ успѣлъ только надѣть свой бѣлый картузъ на потную голову.

— Вотъ такъ!—крякнулъ капитанъ, когда розлилъ пѣнистое вино.—Вспомните студенческіе годы!

— Да я совсѣмъ не желаю пить!

Обтянутыя щеки Перновскаго блѣднѣли. Въ глазахъ вспыхивалъ злобный огонекъ.

— Желаете или нѣтъ, а пейте!

— За ваше драгоцѣнное!

Теркинъ прикоснулся своимъ стаканомъ къ стакану Перновскаго.

Они не готовились пробирать „искаріота“, заранѣе не обдумывали этой сцены. Все вышло само собою, рѣзче, съ бо̀льшимъ школьничествомъ, чѣмъ бы желалъ Теркинъ. Онъ отдавался настроенію, а капитанъ переживалъ съ нимъ ту же потребность отместки за всѣ свои мытарства.

Теркинъ еще ближе пододвинулся къ Перновскому.

— Вы намъ лучше вотъ что̀ скажите, Фрументій Лукичъ: неужели въ васъ до сихъ поръ сидитъ все тотъ же человѣкъ, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ? Міръ Божій ширится кругомъ. Всѣмъ надо жить и давать жить другимъ...

— Не знаю-съ!—перебилъ Перновскій. — И не желаю, господинъ Теркинъ, отвѣчать вамъ на такія... ни съ чѣмъ несообразныя слова. Надо бы иному разночинцу проживать до сего дня въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ за всякое озорство, а онъ еще похваляется своимъ закоренѣлымъ...

— Эге!—перебилъ капитанъ.—Вы, дяденька, кажется, серчать изволите!.. Это не порядокъ!

— Оставьте, Андрей Ѳомичъ! Дайте мнѣ отозваться на этотъ спичъ.

Теркинъ взялъ повыше плеча руку Перновскаго.

— Вамъ, коли судьба со мною столкнула, надо бы потише быть! Не одну свою обиду я, на васъ вымещаю, вмѣстѣ вотъ съ капитаномъ, а обиду многихъ горюновъ. Вотъ что̀ вамъ надо было напомнить. А теперь можете прослѣдовать въ свою каюту!

Лицо Теркина дѣлалось все нервнѣе и голосъ глуше. Перновскій хотѣлъ-было что-то крикнуть, но звукъ остановился у него въ горлѣ. Онъ вскочилъ стремительно, захватилъ свою шинель и выбѣжалъ вонъ.

## XX.

Въ тѣсной каютѣ, съ однимъ мѣстомъ для спанья, въ темнотѣ, лежалъ Перновскій съ небольшимъ часъ послѣ сцены въ общей каютѣ.

Его поводило. Онъ лежалъ навзничь, голова закатывалась назадъ по дорожной подушкѣ. Камлотовая шинель валялась въ ногахъ.

Рядомъ на доскѣ, служившей столомъ, подъ круглымъ окòнцемъ, что-то блестѣло.

Это былъ большой графинъ съ водкой. Онъ приказалъ подать его изъ буфета второго класса вскорѣ послѣ того, какъ спустился къ себѣ.

Ему случалось пить рѣдко, особенно въ послѣднее время, но раза два въ годъ онъ запирался у себя въ квартирѣ, сказывался больнымъ. Иногда пилъ только по ночамъ недѣлю-другую,—утромъ уходилъ на службу,—и въ эти періоды особенно ехидствовалъ.

И теперь онъ не воздержался. Не спроси онъ водки, его бы хватилъ ударъ.

— Мерзавцы! — глухо раздалось въ каютѣ подъ шумъ колесъ и брызгъ, долетавшихъ въ окна.—Мерзавцы!

Другого слова у него не выходило. Правая рука протянулась къ графину. Онъ налилъ полную рюмку, ничего не рòзлилъ на столъ и, приподнявшись немного на постели, проглотилъ и сплюнулъ.

Съ каждыми десятью минутами, вмѣстѣ съ усиленнымъ біеніемъ венъ на вискахъ, росла въ немъ ярость, безсильная и удушающая.

Что̀ могъ онъ сдѣлать съ этими „мерзавцами“? Пока онъ на пароходѣ, онъ—въ подчиненіи капитану. Не пойдетъ же онъ жаловаться пассажирамъ! Кому? Купчишкамъ или мужичью? Они его же на смѣхъ поднимутъ. Да и на что жаловаться?.. Свидѣтелей не было того, какъ и что̀ этотъ „наглецъ“ Теркинъ сталъ говорить ему — ему, Фрументію Перновскому!

Оба они издѣвались надъ нимъ самымъ нахальнымъ манеромъ. Оставайся тѣ пассажиры, что пили пиво за другимъ столомъ, и дай онъ раньше, еще при нихъ „достодолжный“ отпоръ обоимъ наглецамъ, и Теркинъ, и разбойникъ капитанъ разсказали бы его исторію, навѣрно, навѣрно!

А теперь терпи, лежи, кусай отъ злости губы или уголъ кожаной подушки! Если желаешь, можешь раньше высадиться на привалъ, теряй стоимость проѣзда.

Какъ онъ ни былъ разсчетливъ, но начиналъ склоняться къ рѣшенію: на разсвѣтѣ покинуть этотъ проклятый пароходъ.

Но вѣдь это будетъ позорное бѣгство! Значитъ, онъ проглотилъ „здорово живешь“ такой рядъ оскорбленій? И отъ кого? Отъ мужика, отъ подкидыша! Отъ пароход-

наго капитана, изъ бывшихъ ссыльныхъ, — ему говорилъ одинъ пассажиръ, какое прошедшее у Кузьмичева.

„Что дѣлать, что дѣлать?“ — мучительно допытывался онъ у себя самого, и рука его каждыя пять минутъ искала графина и рюмки, наливала и опрокидывала въ разгоряченное и жаждущее горло.

Графинъ былъ опорожненъ. Въ головѣ зашумѣло; въ темнотѣ каюты предметы стали выдѣляться яснѣе и получать странныя очертанія, и какъ будто края всѣхъ этихъ предметовъ съ краснымъ отливомъ.

Рука искала графина, но въ немъ уже не было ни капли.

Онъ опять приподнялся, вглядѣлся въ то, что лежитъ, и протянулъ руку къ фляжкѣ въ кожаномъ футлярѣ, къ той, что бралъ съ собою, когда пилъ чай.

Тамъ былъ ромъ. Вздрагивающими пальцами отвинтилъ онъ металлическую крышку, приставилъ къ губамъ горлышко, однимъ духомъ выпилъ все и бухнулся на постель.

Сонъ не шелъ. Въ груди жгло. Голова отказывалась уже работать, дальше перебирать, что ему дѣлать и какъ отмстить двумъ „мерзавцамъ“. Подать на нихъ жалобу или просто отправить кому слѣдуетъ донесеніе.

Эта мысль всплыла-было въ мозгу, но онъ выбранилъ себя. Онъ хотѣлъ самъ расправиться съ ними. Вызвать обоихъ! Да, вызвать на поединокъ въ первомъ же городѣ, гдѣ можно достать пистолетъ. А если они уклонятся—застрѣлить ихъ.

„Какъ собакъ! Какъ собакъ!“ — шептали его губы въ темнотѣ.

Мозгъ воспаленно работалъ помимо его приказа. Передъ нимъ встали „рожи“ его обоихъ оскорбителей, выглянули изъ сумрака и не хотѣли уходить; красное, бѣлобрысое, мигающее, насмѣшливое лицо капитана и другое, бѣлое, красивое, но злобное, страшное, съ огонькомъ въ выразительныхъ глазахъ, полныхъ отваги, дерзости, накопившейся мести.

Перновскій вскочилъ, пошатнулся, не упалъ на постель, а двинулся къ дверкѣ, нашелъ ручку и поднялся наверхъ.

Его влекло къ нимъ. Онъ долженъ былъ расказнить обоихъ: всего больше того, мужичьяго...

Позорящее мужицкое прозвище незаконныхъ людей за-

горѣлось на губахъ Перновскаго. И онъ повторялъ его, пока поднимался по узкой лѣстницѣ, слегка спотыкаясь. Это прозвище разжигало его ярость, теперь сосредоточенную, почти безумную.

Носовая палуба уже спала. На кормовой сидѣло и ходило нѣсколько человѣкъ. Безлунная, очень звѣздная ночь ласкала лица пассажировъ мягкимъ вѣтеркомъ. Подъ шумъ колесъ не слышно было никакихъ разговоровъ.

На верху рубки у правыхъ перилъ ширилась коренастая фигура капитана.

Перновскій остановился въ дверяхъ рубки. Все кругомъ его ходило ходуномъ, но ярость сверлила мозгъ и держала на ногахъ. Онъ зналъ кого ищетъ.

Сдѣлалъ онъ два-три шага по кормовой палубѣ и столкнулся лицомъ къ лицу съ Теркинымъ. Эта удача поддала ему жару.

— А-а!—почти заревѣлъ онъ.

И прозвище, брошенное когда-то Теркину товарищемъ, раздалось по палубѣ.

Пассажиры, привлеченные неистовымъ звукомъ, увидали, какъ господинъ въ бѣломъ картузѣ полѣзъ съ кулаками на высокаго пассажира въ венгерской шапочкѣ и коротком пиджакѣ.

Теркинъ не потерялся. Онъ схватилъ обѣ руки Перновскаго и отбросилъ его на какой-то тюкъ.

Капитанъ въ одну минуту сбѣжалъ внизъ и успѣлъ встать между Теркинымъ и поднявшимся на ноги Перновскимъ.

— И ты, разбойникъ!.. Каторжный! У-у!..

Съ новымъ напоромъ отчаянной отваги кинулся Перновскій и на Кузьмичева, но тотъ смялъ его мгновенно и свистнулъ.

Два матроса подбѣжали и скрутили ему руки.

— Господа! — обратился Кузьмичевъ къ пассажирамъ, и голосъ его возбужденно и весело полился по ночному воздуху. — Каковъ господинъ? Воля ваша, я его высажу!

— Еще бы!.. Такъ и надо! — раздалось изъ кучи, собравшейся тотчасъ.

Кузьмичевъ спросилъ вполголоса Теркина:

— Одобряете, Василій Иванычъ?

Злобное чувство Теркина давно уже улеглось.

Онъ все-таки не удержался и сказалъ Перновскому, продолжавшему бушевать:

— Фрументій Лукичъ! Видно, правда была, что вы тайно запивали?

Перновскій бился и выбрасывалъ бранныя слова уже безъ всякой связи: языкъ переставалъ служить ему.

— Просто скрутить—пускай проспится!

— Нѣтъ-съ!—крикнулъ начальническимъ звукомъ Кузьмичевъ, — ежели, господа, каждый пассажиръ будетъ на капитана съ кулаками лѣзть, такъ ему впору самому высадиться.

Всѣ примолкли. Каждый почуялъ, что онъ не шутитъ.

Теркинъ отошелъ къ борту и оттуда, не принимая участія въ томъ, что происходило дальше, сѣлъ на скамью и смотрѣлъ.

Пароходъ проходилъ между крутымъ берегомъ и лѣсистымъ островомъ. На островѣ виднѣлся большой костеръ. Стояли, кажется, двѣ избенки.

— Держите лѣво! — скомандовалъ капитанъ, пока матросы повели Перновскаго на носовую палубу.

Его чемоданъ и ручной багажъ склали въ одну кучу. Никто изъ пассажировъ не протестовалъ.

„Не густо ли пустилъ Андрей Ѳомичъ?“ — подумалъ было Теркинъ, но его наполнило веселое чувство отместки.

„И какой! Полежи на островѣ, отрезвись на лонѣ природы, — думалъ онъ, гладя бороду, — а тамъ строчи на насъ послѣ что хочешь!“

Шлюпку спустили на воду. Въ нее сѣли трое матросовъ и положили Перновскаго. Публика молча смотрѣла, какъ лодка причаливала къ берегу острова.

— Однако!.. — вдругъ проговорилъ кто-то, — за это и нахлобучка можетъ быть!

— Я въ отвѣтѣ! — крикнулъ Кузьмичевъ, стоя надъ лѣвымъ кожухомъ.

## XXI.

Послѣ отъѣзда Теркина Серафима отправилась къ отцу.

— Починили мостъ? — спросила она своего кучера, когда они подъѣзжали къ рѣчкѣ.

Еще третьяго дня пролетка чуть не завязла правымъ переднимъ колесомъ въ щель провалившейся доски.

— Не видать чтой-то, Серафима Ефимовна.

Кучеръ Захаръ, молодой малый, съ серьгой въ ухѣ, чистоплотный и франтоватый,—онъ брилъ себѣ затылокъ

черезъ день,—обернулъ къ ней свое загорѣлое широкое лицо съ темной бородкой и улыбнулся.

— Проѣзжай шагомъ!

Замедленный ходъ лошади вызвалъ въ Серафимѣ желаніе прислониться къ задку крытой пролетки; верхъ ея былъ полуопущенъ.

Она сидѣла подъ зонтикомъ изъ чернаго кружева и была вся въ черномъ, въ томъ самомъ туалетѣ, какъ и въ тотъ вечеръ свиданія съ Теркинымъ у памятника, предъ его отъѣздомъ. Ея миндалевидные глаза обошли медленно кругомъ.

Мостъ старый, съ пошатнувшимися перилами, довольно широкій, приходился наискосокъ отъ темнаго деревяннаго зданія, по ту сторону рѣчки, влѣво отъ плотины, гдѣ она была запружена.

Фасадъ съ галлерейками закрывалъ отъ взгляда тѣхъ, кто шелъ или ѣхалъ по мосту, бокъ мельницы, гдѣ дѣйствовалъ водяной приводъ. Справа, изъ-за угла зданія, виднѣлись сажени березовыхъ дровъ, старое кулье, вороха рогожъ, разная хозяйственная рухлядь.

Съ рѣки шелъ розовый отблескъ заката. Позади высился городъ, мягко освѣщенный, съ полосами и большими пятнами зелени по извилинамъ овраговъ. Бѣлыя и красныя каменныя церкви ярко выдѣлялись въ воздухѣ, и кресты горѣли искрами.

Серафима посмотрѣла вправо, гдѣ за рѣкой на набережной, въ полверстѣ отъ города, высилась кирпичная глыба съ двумя дымовыми трубами.

Это была паровая мельница, построенная лѣтъ пять назадъ. Она отняла у отца ея двѣ трети „давальцевъ“. На ней мололи тотъ хлѣбъ, что хранился въ длинномъ рядѣ побурѣлыхъ амбаровъ, шедшихъ вдоль берега рѣки, только ниже, у самой воды. Сваи, обнаженныя послѣ половодья, смотрѣли частоколомъ, и поверхъ его эти бурые ящики, все одной и той же формы, точно висѣли въ воздухѣ.

Отъ той вальцовки и покачнулись дѣла Ефима Галактіоныча. Врядъ ли послѣ него останется что-нибудь, кромѣ дома съ мельницей да кое-какихъ деньжонокъ.

Дочь его и не хотѣла бы думать объ этомъ, да не можетъ. Ей довольно противно сторожить смерть отца. Она не считаетъ себя ни злой, ни бездушной. Но отецъ такъ мучится, что для него кончина—избавленіе.

Съ той минуты, какъ она вернулась ночью домой отъ Теркина, въ нее еще глубже проникло влеченіе къ деньгамъ Калеріи—„казанской сироты“, напустившей на себя святость. Вѣдь той ничего не нужно, кромѣ своей святости... Зачѣмъ „сестрѣ милосердія“ капиталъ?

Когда пролетка, привскочивъ легонько на послѣднемъ бревнѣ моста, въѣхала на противоположный берегъ рѣчки, Серафима задала себѣ именно этотъ вопросъ.

По разрыхленной песчаной дорогѣ,—мостовой тутъ не было,—они подъѣхали къ крылечку, приходившемуся подъ наружной галлерейкой, безъ навѣса.

Съ него неширокая лѣстница вела сначала на галлерейку, потомъ съ площадки въ чистыя комнаты хозяевъ, занимавшихъ весь передъ ветхаго зданія.

На крыльцѣ Серафима поправила вуалетку и сказала кучеру:

— Захаръ, ты пріѣзжай за мною, когда всенощная отойдетъ... Или, лучше, когда барина въ клубъ свезешь.

— Слушаю-съ, Серафима Ефимовна.

Сережка въ ухѣ кучера ярко блеснула при поворотѣ пролетки.

Молодая женщина легко взбѣжала на площадку, но тамъ остановилась и какъ бы прислушивалась.

Беззвучно и жарко было на этой площадкѣ, гдѣ пахло теплыми старыми бревнами наружной стѣны. Только подальше за дощатой дверью, приходившейся посединѣ галлерейки, жужжалъ шмель.

Она знала, что мать не спитъ. Если и приляжетъ, то гораздо раньше, часу во второмъ, а теперь уже восьмой.

Мать не видала она больше сутокъ. Въ эти сорокъ часовъ и рѣшилась судьба ея. Ей уже не уйти отъ своей страсти... „Вася“ взялъ ее всю. Только при мужѣ или на людяхъ она еще сдерживаетъ себя, а чуть осталась одна—все въ ней затрепещетъ, въ головѣ—пожаръ, безумныя слова толпятся на губахъ, хочется цѣловать мантилью, шляпку, въ которой она была тамъ, наверху, у памятника.

И вотъ сейчасъ, когда она остановилась въ трехъ шагахъ отъ двери въ помѣщеніе родителей, ее точно что дернуло, и краска вспыхнула на матово-розовыхъ щекахъ, глаза отуманились.

Она любила и немножко боялась матери, хотя та всегда ее прикрывала передъ отцомъ во всемъ, за что была бы

буря. Если бы не мать, она до сей поры изнывала бы подъ отцовскимъ надзоромъ вотъ въ этомъ бревенчатомъ домѣ, въ опрятныхъ низковатыхъ комнатахъ, безмолвныхъ и для нея до нестерпимости тоскливыхъ.

Но мать—не слабая, рыхлая насѣдка. Въ ней не меньше характера, чѣмъ въ отцѣ, только она умнѣе и податливѣе на всякую мысль, чувство, шутку, проблескъ жизни. Ей бы не въ мѣщанкахъ родиться, а въ самомъ тонкомъ барствѣ. И отъ нея ничего не укроешь. Посмотритъ тебѣ въ глаза—и все пойметъ. Вотъ этого-то взгляда и пугалась теперь Серафима.

Какъ она жила до сихъ поръ, мать знала, по крайней мѣрѣ знала то, какъ она живетъ съ мужемъ, „каковъ онъ есть человѣкъ", видѣла, что сердце дочери не нашло въ такомъ мужѣ ничего, кромѣ сухости, чванства, бездушныхъ повадокъ картежника.

Про ихъ встрѣчи съ Теркинымъ она какъ будто догадывалась. Серафима разсказала ей про ихъ первую встрѣчу въ саду, не все, конечно. Съ тѣхъ поръ она нѣтъ-нѣтъ да и почувствуетъ на себѣ взглядъ матери, взглядъ этихъ небольшихъ сѣрыхъ впалыхъ и проницательныхъ глазъ, и сейчасъ должна взять себя въ руки, чтобы не проговориться о перепискѣ, о тайныхъ свиданіяхъ.

Но все это было только начало. А теперь? Какъ она взглянетъ прямо въ лицо матери?.. Вѣдь у нея любовникъ...

„Любовникъ!"—произнесла Серафима про себя и стала холодѣть. Вдругъ какъ она не выдержитъ?.. Нѣтъ, теперь до смерти отца—ни подъ какимъ видомъ!..

Ея нервно вздрагивающая рука въ длинной перчаткѣ взялась за скобку.

Дверь была одностворчатая, обитая зеленой, мѣстами облупившейся, клеенкой.

Она оказалась запертой изнутри. Это удивило Серафиму.

Она заглянула въ окно передней, выходившее на галлерейку. Въ передней никого не было.

Родители ея держали прежде, кромѣ стряпухи, дворника, кучера, еще работницу и чистую горничную. Теперь у нихъ только двѣ женщины. Лошадей они давно перевели.

Она постучала въ окно разъ-другой.

Отперли ей не сразу.

— Ахъ! барышня!

Такъ Аксинья, пожилая женщина въ головкѣ и кацавейкѣ, до сихъ поръ зоветъ ее.

— Что это?.. Почему вы заперлись?—торопливо и вполголоса спросила Серафима.

— Извините, барышня, — Аксинья говорила такъ же тихо, — боялась я... Потому ночь цѣлую не спамши... Ефимъ Галактіонычъ мучились шибко. Я и прикурнула.

— А теперь какъ папенька?

— Къ вечернямъ имъ полегче стало, забылись... Докторъ два раза былъ.

— Мамаша почиваетъ?

— Ужъ не могу вамъ сказать... Сама-то я спала... Врядъ ли почиваютъ. Онѣ завсегда на ногахъ.

— Если мамаша отдыхаетъ, не буди ее... Я посижу въ гостиной... Пройди, узнай.

Она нарочно услала Аксинью въ дальнюю комнату, гдѣ мать ея спала съ тѣхъ поръ, какъ она стала себя помнить, чтобы ей самой не входить прямо къ Матренѣ Ниловнѣ. Въ гостиной она больше овладѣетъ собою. Ея внезапное волненіе тѣмъ временемъ пройдетъ.

Аксинья отворила ей дверь въ большую низковатую комнату съ тремя окнами. Свѣтъ сквозь полосатыя шторы ровно обливалъ ее. Воздухъ стоялъ въ ней спертый. Окна боялись отпирать. Хорошая рядская мебель въ чехлахъ занимала двѣ стѣны въ жесткой симметріи: диванъ, столъ, два кресла. Въ простѣнкахъ узкія бронзовыя зеркала. На стѣнахъ олеографіи въ рамахъ. Чистота отзывалась раскольничьимъ домомъ. Крашеный полъ такъ и блестѣлъ. По немъ отъ одной двери къ другой шли бѣлые половики. На окнахъ цвѣты и бутыли съ краснымъ уксусомъ.

Какъ только Аксинья скрылась за дверью во внутреннія комнаты, Серафима пододвинулась къ одному изъ зеркалъ, потянула вуалетку, чтобы ея лицо ушло подъ тюль до рта, и вглядывалась въ свои глаза и щеки — не могутъ ли они ее выдать?

## XXII.

Мать подошла къ ней такъ тихо, что она встрепенулась, когда та окликнула ее:

— Здравствуй, Симочка!

Серафима перелистывала нумера старой „Нивы“, ле-

жавшіе на столѣ около лампы еще съ той поры, когда она ходила въ гимназію.

— Ахъ, маменька! Здравствуйте!

Онѣ поцѣловались три раза, какъ всегда, по-купечески.

Небольшого роста, широкая въ плечахъ, моложаваго выразительнаго лица, Матрена Ниловна ходила въ платкѣ, по старому обычаю. На этотъ разъ платокъ былъ легкій крепоновый, темно-лиловый, повязанный распущенными концами внизъ по плечамъ и заколотый аккуратно булавками у самаго подбородка. Подъ платкомъ виднѣлась темная кацавейка, ея неизмѣнное одѣяніе, и такая же темная шерстяная юбка, короткая, такъ что видны были замшевыя туфли и чистые шерстяные чулки домашняго вязанья.

Матрена Ниловна не передала дочери своей наружности. Волосъ изъ-подъ надвинутаго на лобъ платка не было видно, но они у нея оставались попрежнему русые, цвѣта орѣховаго дерева, густые, гладкіе и безъ сѣдины. Брови, такого же цвѣта, двумя густыми кистями лежали надъ выпуклостями глазныхъ орбитъ. Проницательные и впалые глаза, сѣрые, тѣнистые, съ крапинками на зрачкахъ, особенно молодили ее. Въ крупномъ свѣжемъ рту сохранились зубы, твердые и бѣлые, подбородокъ слегка двоился.

— Что папенька?

Серафима проговорила это тише, чѣмъ обыкновенно говорила въ гостиной.

Онѣ еще стояли посреди комнаты.

— Да что, Симочка... Столь плохъ, столь плохъ!.. Сегодня больно на зарѣ маялся, сердешный. Я хотѣла-было за тобой посылать... Заливаетъ ему грудь-то... ни лежать, ни сидѣть... Теперь вотъ забылся... И я пошла отдохнуть...

— Простите, маменька, я васъ разбудила.

— Не спала я... Какой тутъ сонъ!..

Кистью правой руки Матрена Ниловна истово перекрестила ротъ; она не могла сдержать нервной зѣвоты.

— Спасибо, Симочка, заѣхала... Муженекъ-то вернулся небось?

Серафима знала, что Матрена Ниловна въ такихъ же чувствахъ къ Рудичу, какъ и она сама.

— Вчера пріѣхалъ.

— Съ чѣмъ? Съ пустушкой или повысили?

— Къ осени обѣщали товарища прокурора.

— Жалованья-то больше нешто?

— Нѣтъ, меньше.

— Ну, такъ чему же тутъ радоваться?

— Ходъ теперь другой будетъ.

— Все едино! Въ клубѣ на зеленомъ сукнѣ спуститъ.

Полныя губы Матрены Ниловны повела косвенная усмѣшка. Сѣрые бойкіе глаза остановились на дочери, но не особенно пристально. Ихъ затуманивали душевная горечь и большое утомленіе.

Серафима все-таки опустила рѣсницы, хотя уже не боялась выдать себя. Разговоръ самъ пошелъ въ такую сторону, что ей нечего было направлять его.

Онѣ присѣли на диванъ. Матрена Ниловна прикоснулась правой рукой къ плечу дочери. Въ свою „Симочку“ она до сихъ поръ была влюблена, только не проявляла этого въ нѣжныхъ словахъ и ласкахъ. Но Серафима знала отлично, что мать всегда будетъ на ея сторонѣ, а чего она не можетъ оправдать, напримѣръ, ея „невѣрія“, то и на это Матрена Ниловна махнула рукой.

— Свой разумъ есть,—говаривала она.— Сколь это ни прискорбно мнѣ... Уповаю на милость Божію... Онъ, Батюшка, просвѣтитъ ее и помилуетъ.

Она не поблажала ей ни въ чемъ, что было противъ ея правилъ, выговаривала, но всегда точно старшая сестра или, много, тетка, какъ бы разсуждала вслухъ. Не хотѣла она и подливать масла въ ихъ супружескіе нелады. Если она и сейчасъ такъ высказалась насчетъ своего зятя, то потому, что у нихъ давно уже установился этотъ тонъ. Въ сердцѣ Матрены Ниловны не закрывалась ранка горечи противъ того „лодыря“, который сманилъ у нихъ со старикомъ единственную ихъ дочь, красавицу и умницу. Не случись этого „Божьяго попущенія“, Симочка, конечно, попала бы за какого-нибудь милліонера по хлѣбной или другой торговлѣ. Мало ли ихъ по Волгѣ? Есть и такіе, что учились въ Казани въ студентахъ, а коренного дѣла своего не бросаютъ.

Боязнь выдать себя совсѣмъ отлетѣла отъ Серафимы. Роковое слово „любовникъ“ уже не прыгало у нея въ головѣ. Мать проститъ ей, когда надо будетъ признаться.

И такъ ей стало легко, почти весело... Она даже застыдилась. Отецъ умираетъ черезъ комнату, а она въ такихъ чувствахъ!

— По тебѣ стосковался,—все такъ же тихо продолжала

Матрена Ниловна,—задыхается, индо посоловѣетъ весь, а чуть маленько отлегло, сейчасъ спроситъ: „Симочка не побываетъ ли?“

Наклонившись къ лицу дочери, она прибавила чуть слышно:

— За эти мѣсяцы вотъ какъ онъ разнемогся, тебя сталъ жалѣть... не въ примѣръ прежняго. И ровно ему передъ тобой совѣстно, что оставляетъ дѣла не въ прежнемъ видѣ... Вчерашняго числа этакъ поглядѣлъ на меня, у самого слезъ полны глаза, и говоритъ: „Смотри, Матрена, хоть и малый достатокъ Серафимѣ послѣ меня придется, не давай ты его на съѣденіе муженьку... Домъ твой, на твое имя записанъ... А остальное что—въ руки передамъ. Сторожи только, какъ бы во снѣ духъ не вылетѣлъ“...

Дочь слушала, низко опустивъ голову. Ей хотѣлось спросить:

„Папенька, значитъ, завѣщанія не оставитъ?“

Но вопросъ не шелъ съ губъ. Не завѣщаніе безпокоило ее, а вопросъ о деньгахъ ея двоюродной сестры Калеріи.

— Коли папеньку самого раздумье разбираетъ, отчего же онъ не распорядится? — такъ же тихо, какъ мать, спросила она.

— Утречкомъ, говоритъ, коли отпуститъ хоть чуточку, достань мнѣ шкатунку краснаго дерева и подай.

Онѣ помолчали.

— Стало-быть,—выговорила Серафима слишкомъ какъ-то спокойно,—въ этой шкатулкѣ и капиталъ Калеріи?

Ихъ взгляды встрѣтились. Лицо Матрены Ниловны потемнѣло, и она тотчасъ же отвела голову въ сторону.

Калерія и ее мозжила. Ничего она не могла по совѣсти имѣть противъ этой дѣвушки. Развѣ то, что та еще подросткомъ отъ старой вѣры сама отошла, а Матрена Ниловна тайно оставалась вѣрна закону, въ которомъ родилась, больше, чѣмъ Ефимъ Галактіонычъ. Не совладала она съ ревностью матери. Калерія росла „потихоней“ и „святошей“ и точно всѣмъ своимъ нравомъ и обликомъ хотѣла сказать:

„Смотрите на насъ съ Симочкой. Я — праведница, и меня Господь Богъ за это взыщетъ; а та — грѣшница, только и думаетъ, что о суетномъ и мірскомъ, предана всѣмъ плотскимъ вожделѣніямъ“.

Гдѣ же ей взять наружностью противъ Симочки! А все-таки, когда она здѣсь жила передъ тѣмъ, какъ въ

Петербургѣ въ „стриженыя“ сбѣжала, стоящіе молодые люди почитали ее больше, чѣмъ Симочку, хоть она и по ученію-то шла всегда позади.

Не хотѣла Матрена Ниловна помириться и съ тѣмъ, что „святошѣ“ достанутся, быть-можетъ, большія деньги,— она не знала сколько именно, —а Симочкѣ какой-нибудь пустякъ. Ея душу непріязнь къ Калеріи колыхала точно какой тайный недугъ. Она только сдерживалась и съ глазу на глазъ съ дочерью и наединѣ съ самой собою.

Все это было какъ будто и грѣшно, а грѣха она и боялась и не любила по совѣсти. Но ежеминутно она сознавала и то, что не выдержитъ напора жалости къ дочери и ревниваго чувства къ Калеріи. Если представится случай поступить явно къ выгодѣ Симочки, — она не устоитъ.

— Зачѣмъ же откладывать? — заговорила немного погромче Серафима и бросила долгій взглядъ въ сторону двери, гдѣ черезъ комнату лежалъ отецъ. — Ежели папенька проснется да посвѣжѣе будетъ... вы бы ему напомнили. А то... неровенъ часъ. Онъ самъ же боится.

Говорить дальше въ такомъ же смыслѣ Серафимѣ тяжело было. Она перемѣнила положеніе своего гибкаго и роскошнаго тѣла. Щеки у нея горѣли.

— Какъ жарко!

Этотъ возгласъ былъ для нея большимъ облегченіемъ.

— Ты бы шляпку-то сняла, — замѣтила Матрена Ниловна. — Вонъ она какая у тебя, прости Господи, ровно улей какой.

И мать тихо засмѣялась.

Пока Серафима вынимала длинныя булавки изъ волосъ и клала шляпку на столъ, Матрена Ниловна, оправивъ концы платка, какъ бы про себя выговорила:

— Извѣстное дѣло, зачѣмъ откладывать. Каковъ-то онъ, голубчикъ, проснется?...

Ей уже представлялась „шкатунка“ изъ краснаго дерева съ мѣдными бляшками и наугольниками, съ секретнымъ ящикомъ старинной работы... Тамъ лежитъ капиталъ Калеріи. И сдается ей, что Ефимъ Галактіонычъ поручитъ ей распоряженіе этими деньгами.

Дрожь повела ей плечи, а въ комнатѣ было не меньше двадцати градусовъ.

Дверь изъ передней пріотворили. Показалась „головка“ Аксиньи.

— Матушка, — долгимъ шопотомъ протянула она, — Ефимъ Галактіонычъ никакъ проснулись. Слышала я, кашлянули.

— Хорошо, — хозяйскимъ тономъ отвѣтила Матрена Ниловна. — Скажи имъ: Серафима, молъ, Ефимовна пріѣхали.

Мать и дочь поглядѣли одна на другую и встали съ дивана.

## XXIII.

Въ концѣ девятаго часа Серафима ѣхала домой.

Пролетка медленно поднималась по „дамбѣ", — такъ называютъ мощеную дорогу отъ набережной въ городъ.

Фонари только что начали зажигать. Небо висѣло густое и низкое, полное звѣздъ.

На одну звѣзду съ изумруднымъ блескомъ вдумчиво смотрѣла Серафима.

Все обошлось хорошо, лучше, чѣмъ она могла желать.

Отца она видѣла въ темнотѣ его чуланчика. Онъ лежалъ цѣлый день въ угловой каморкѣ безъ оконъ, гдѣ кровать приткнута къ стѣнѣ, и между ея краемъ и стеклянной дверью меньше полуаршина разстоянія. Мать сколько разъ упрашивала его перебраться въ комнату, гдѣ они когда-то спали вмѣстѣ, но онъ не соглашался.

Въ каморкѣ было такъ темно, что она не могла отчетливо разглядѣть отцовскаго лица, замѣтила только, что оно раздулось; грудь была обнажена сверху; косой воротъ рубашки откинутъ.

Отецъ полусидѣлъ въ постели, прислонившись къ высоко-взбитымъ подушкамъ. Показалось ей, что борода еще посѣдѣла, и глаза смотрѣли на нее гораздо мягче обыкновеннаго.

Небывалое волненіе охватило ее, когда она наклонилась къ нему и взяла руку, уже налитую водой, холодную. Передъ ней полумертвецъ, а она боится, какъ бы онъ не проникъ ей въ душу, какимъ-нибудь однимъ вопросомъ не распозналъ: съ какими затаенными мыслями стоятъ онѣ съ матерью у его кровати.

— Дочка, — перехваченными звуками говорилъ ей отецъ, — ты на меня не ропщи!

— Папенька! Что вы!—смогла она отвѣтить и противъ воли заплакала.

— Не моя вина, милая... Времена не тѣ... все пошло на умаленіе.

— Чего тутъ, Ефимъ Галактіонычъ!—вмѣшалась мать.— Нѣшто она что?... Ужъ ты не разстроивай себя... безъ нужды. Полегче тебѣ сѣдни, вотъ бы и сказалъ намъ, какое твое желаніе.

Мать не договорила. Она слышала ея голосъ сбоку и немного сзади отъ себя.

„Догадается!—подумала Серафима.—Какъ бы не испортить всего!“

Но отецъ самъ потребовалъ шкатулку. Она помогла матери достать ее изъ-подъ столика въ проходной комнаткѣ, отдѣлявшей гостиную отъ каморки, гдѣ лежалъ отецъ.

Шкатулка показалась ей чрезвычайно легкой, должнобыть, отъ возбужденія. Онѣ обѣ держали ее передъ отцомъ.

Онъ дрожащими и налитыми пальцами досталъ ключъ съ цѣпочки, висѣвшей у него на груди, и долго не могъ отпереть. Наконецъ, пружина музыкально прозвенѣла, и крышку онъ откинулъ съ ихъ помощью.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ уже совсѣмъ замирающимъ голосомъ, — тутъ... Пальцемъ надавите въ правомъ углу, и отскочитъ планочка.

У него еще достало силъ показать, какъ слѣдовало надавить.

— Что тамъ найдете... больше ничего и нѣтъ... Нигдѣ не ищите, въ другомъ мѣстѣ... И по-божески, по-божески...

Отецъ началъ метаться. Чтобы запереть шкатулку, пришлось снять съ его шеи цѣпочку, гдѣ, кромѣ ключа, висѣлъ большой оловянный крестъ и ладанка.

Она думала — онъ кончается. Мать поспѣшно убрала шкатулку и прибѣжала на ея зовъ.

— За докторомъ послать-инъ, Ефимъ Галактіонычъ?— спросила мать, сдерживая рыданія.

И Серафима готова была разрыдаться.

Если бы у отца хватило тѣлесныхъ силъ сказать ей еще разъ: „Смотри, дочка, не обижай Калеріи, не бери грѣха на душу!“ — она упала бы на колѣни и во всемъ призналась бы.

Но отецъ ослабъ. Онѣ обѣ страшно испугались: думали, сейчасъ отойдетъ. Пометался онъ съ минуту, по-

томъ ему стало легче; онъ наклонился и чуть слышно выговорилъ:

— Подь сюда, Серафима.

Она опустилась на колѣни. Отецъ благословилъ ее и поцѣловалъ въ голову.

— Прощай, дочка, — еле слышно прошепталъ онъ. — Живи по-божески... Муженекъ не задался... Терпѣть надо... По-честному...

Она тихо плакала; но въ ней уже ничто не влекло ее къ признанію. Да и какъ бы она покаялась?.. Зачѣмъ?.. Чтобы потрясти отца, убить его на мѣстѣ?

Слезы облегчили ее. Мать тоже тихо плакала.

— Ну, подите!

Въ гостиной они обнялись и, отойдя къ печкѣ въ дальній уголъ, пошептались.

— Пришлите за мной... ежели ночью... папенька отходить будетъ.

— Зачѣмъ? — сказала Матрена Ниловна. — Онъ благословилъ тебя. Теперь ужъ не встать ему, сердешному...

О „пакетѣ“ онѣ больше не говорили, но между ними и безъ словъ что-то было условлено.

„Васѣ деньги нужны до зарѣзу, а досталъ ли онъ у того барина?“

Серафима спросила себя и сейчасъ же подумала о близкой смерти отца. Неужели ей совсѣмъ не жалко потерять его? Опять обвинила она себя въ бездушіи. Но что жъ ей дѣлать: чувство у нея такое, точно она его уже похоронила и ѣдетъ съ похоронъ домой. Гдѣ же взять другого настроенія? Или новыхъ слезъ? Она поплакала тамъ, у кровати отца, и на колѣнки становилась.

Жутко ей передъ матерью за „любовника“, но теперь она больше не станетъ смущаться: узнаетъ мать или нѣтъ—ей отъ судьбы своей не уйти. И съ Рудичемъ она жить будетъ только до той минуты, когда имъ съ матерью достанется то, что̀ лежитъ въ потаенномъ ящикѣ отцовской шкатулки.

Есть у ней предчувствіе, что Вася денегъ у того барина не добудетъ. Завтра или послѣзавтра должна придти къ ней депеша, адресованная „до востребованія“. Каждое утро она будетъ сама ходить на телеграфъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вернулся изъ Москвы мужъ, она за собою слѣдитъ. Но ей не нужно особенно себя сдерживать. Онъ для нея точно какой-то постоялецъ. Ни злобы,

ни раздраженія, ни желанія показать, какъ она къ нему относится... Только бы онъ не вздумалъ нѣжничать.

И третьяго дня, и сегодня она жаловалась на головную боль, нарочно лежала передъ обѣдомъ. Она не будетъ больше „принадлежать“ Северу Львовичу ни подъ какимъ видомъ.

Про себя она зоветъ мужа „Северъ Львовичъ“, и это имя „Северъ“ кажется ей сегодня смѣшнымъ. Да и весь-то онъ—такое ничтожество... Теперь мужъ ничего не можетъ надъ ней, ровно ничего. Еще много двѣ недѣли,—она опять подумала о смерти отца,—и ея слѣдъ простылъ.

И нисколько ей не страшно скрыться отсюда. „Скандалъ!“—закричатъ всѣ въ городѣ. Быть на линіи прокурорши и жить домомъ, считаться самой красивой молодой дамой—и вдругъ бѣжать... Съ кѣмъ?.. Про ея связь врядъ ли кто знаетъ. Можетъ-быть, догадывается одна пріятельница... Сочтутъ за тайную нигилистку. Нарочно, молъ, влюбила въ себя судебнаго чиновника, вывѣдала отъ него какія-нибудь тайны и убѣжала за границу. Про то, какъ она живетъ съ нимъ, конечно, говорятъ въ городѣ, знаютъ, что онъ игрокъ, но думаютъ, должно-быть, что она до сихъ поръ влюблена въ него; жалѣютъ, пожалуй, или называютъ „дурой“. Она въ послѣднюю зиму мало выѣзжала, была всего на двухъ-трехъ вечерахъ въ клубѣ, ухаживателей не поощряла, по цѣлымъ недѣлямъ сидѣла одна. Да и какая охота приглашать кого-нибудь? Северъ Львовичъ начнетъ каждый разъ умничать, гримасы строить, колкости говорить, показывать, какой онъ джентльменъ и какая она „мужичка“ и „моветонка“. Въ первый годъ она еще терпѣла, а съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтила Теркина, не желала выносить этихъ „фасоновъ“.

И съ той самой поры она считаетъ себя гораздо честнѣе. Нужды нѣтъ, что она вела больше года тайныя сношенія съ чужимъ мужчиной, а теперь отдалась ему,—все-таки она честнѣе. У нея есть для кого жить. Всю свою душу отдала она Васѣ, вѣритъ въ него, готова пойти на что угодно, только бы онъ шелъ въ гору. Эта любовь замѣняла ей все... Ни колебаній, ни страха, ни вопросовъ, ни сомнѣній!..

И вдругъ она запѣла вполголоса на самомъ крутомъ подъемѣ дамбы:

„О, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой!“

Давно она выучила этотъ романсъ, на слова Майкова, еще въ гимназіи. Сейчасъ же заметалась передъ ней вся обстановка того ужина съ цыганами, гдѣ она впервые увидала Васю.

Ея родной городъ, въ ту минуту пустой и дремотный, пріучилъ ее съ дѣтства къ разговорамъ о чувствахъ и любовныхъ исторіяхъ... Въ немъ, въ его лѣтнихъ гуляньяхъ, въ жизни большой рѣки, въ военныхъ стоянкахъ, въ пикникахъ зимой, въ опереткѣ,—было что-то тайно-гулливое. Въ здѣшнихъ женщинахъ рано сказывается характеръ, независимость рѣчи и замашекъ. Какъ она сама грубила всѣмъ, лѣтъ съ двѣнадцати!.. Сколько было у нея маленькихъ романовъ съ гимназистами!.. Какихъ „дѣловъ“ наслышалась она въ тотъ же возрастъ, въ родѣ убійства одного извѣстнаго кутилы офицеромъ въ притонѣ... И она знала—*гдѣ именно*.

Вотъ она какая была „гадкая дѣвчонка“, хоть и не хуже другихъ.

А теперь она вся трепетала и рвалась къ тому, кто взялъ ее на жизнь и смерть. И выходило, что она теперь какъ будто честнѣе!

## XXIV.

Долго пришлось Серафимѣ ждать возвращенія мужа изъ клуба. Захаръ поѣхалъ за нимъ къ двѣнадцати.

Цѣлый часъ просидѣла она за піанино. На нее нашла неудержимая потребность пѣть.

Но сначала она раздѣлась, поспѣшно побросала все на полъ и на свою кровать. Горничная съ маслистымъ лицомъ бродила какъ сонная муха.

Она дала на нее окрикъ:

— Положи капотъ и ступай!.. Ты мнѣ надоѣла, Ѳеня!

Спальня была угловая комната въ четыре окна. Два изъ нихъ выходили на палисадникъ. Домъ—деревянный, новый, съ крылечкомъ — стоялъ на спускѣ въ котловину, въ тихой улицѣ по дорогѣ къ кладбищу.

Большая тишина обволакивала его ночью. Изрѣдка трещотка ночного сторожа засвербитъ справа, и звукъ надоѣдливо простоитъ въ воздухѣ съ минуту, и потомъ опять мертвая тишина. Даже гулъ пароходныхъ свистковъ не доходитъ до нихъ.

Когда Серафима надѣла капотъ—голубой съ кружевомъ, еще изъ своего приданаго — и подошла къ трюмо, чтобы

распустить косу, она, при свѣтѣ одной свѣчи, стоявшей на ночномъ столикѣ между двумя кроватями, глядѣла на отраженіе спальни въ зеркалѣ и на свою свѣтлую, рослую фигуру, съ обнаженной шеей и полуоткрытыми руками.

Въ этой спальнѣ прошла ея замужняя жизнь. Все въ ней было *ея*, данное за ней изъ родительскаго дома. Обѣ орѣховыя кровати, купленныя на ярмаркѣ въ Нижнемъ у московскаго мебельщика Соловьева съ „Усьтретенки“, какъ произносила ея мать; вотъ это трюмо оттуда же; коверъ, кисейныя шторы, отдѣлка мебели изъ „морозовскаго“ кретона, съ восточными разводами... И два золоченыхъ стульчика въ углу около пялецъ... Къ пяльцамъ она не присаживалась съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ.

Тутъ, въ этомъ супружескомъ покоѣ, она стала умнѣть. Съ каждымъ мѣсяцемъ обнажалась передъ ней личность ея „благовѣрнаго“. Не долго тщеславіе брало въ ней верхъ надъ способностью оцѣнки. Да и не очень-то она преклонялась, даже когда выскочила за него замужъ, предъ его „бѣлой костью“. Мужчины по теперешнимъ временамъ всѣ равны передъ неглупой и красивой молодой женщиной. Не то что она—все-таки дочь почтенныхъ людей, по мѣстному купечеству, гимназистка съ медалью,—какая-нибудь дрянь, потаскушка, глядишь, влюбитъ въ себя перваго въ городѣ богача или человѣка въ чинахъ, дворянина съ титуломъ и помыкаетъ имъ какъ собачонкой. Мало развѣ она знаетъ такихъ исторій?

И ничего-то въ ея жизни съ Северомъ Львовичемъ не было душевнаго, такого, что ее дѣлало бы чище, строже къ себѣ, добрѣе къ людямъ, что закрѣпляло бы въ сердцѣ связь съ человѣкомъ, если не страстно любимымъ, то хотя съ такимъ, котораго считаешь выше себя.

Она стала портиться. Въ дѣвушкахъ у нея были порывы, всякія благородныя мысли, жалость, способность откликаться на горе, на бѣду. И было время—она втайнѣ завидовала этой самой Калеріи. И ее днями влекло куда-нибудь, гдѣ есть большое дѣло, на которое стоитъ положить всю себя, коли нужно, и пострадать.

Съ мужемъ все это выѣло у нея, ровно червякъ какой сточилъ. Не полюби она Васи—что бы изъ нея вышло?

„Гулящая бабенка!“—почти вслухъ выговорили ея губы въ ту минуту, когда правой рукой Серафима приподняла

тяжелую косу, взявъ ее у корней волосъ, и сильнымъ движеніемъ перекинула ее черезъ плечо, чтобы освѣжить лицо.

Со свѣчой въ рукахъ прошлась она потомъ вдоль всѣхъ трехъ комнатъ, узковатой столовой и гостиной, такой же угловой, какъ спальня, но больше на цѣлое окно.

Не жаль ей этого домика, хотя въ немъ, благодаря ея присмотру, все еще свѣжо и нарядно. Опрятность принесла она съ собою изъ родительскаго дома. Въ кабинетѣ мужа, по ту сторону передней, только слава, что „шикарно“,—подумала она ходячимъ словомъ ихъ губернскаго города, а ни къ чему прикоснуться нельзя: пыль, все кое-какъ поставлено и положено. Но Северъ Львовичъ не терпитъ, чтобы перетирали его вещи, дотрогивались до нихъ... Онъ называетъ это: „разночинская чистоплотность“.

Нѣтъ, не жаль ей ничего въ этомъ домикѣ. Жаль одного только—годовъ, проведенныхъ безъ любви, въ постыломъ сожительствѣ.

„Хуже всякой адвокатской содержанки!“ — гнѣвно подумала она, поставила свѣчу на піанино, подняла крышку и нѣсколько разъ прошлась по гостиной взадъ и впередъ.—„Разумѣется, хуже содержанки!“—повторила она. Содержанку любятъ для нея самой, тратятся на нее, хоть и не уважаютъ ея, зато изъ-за нея обманываютъ женъ, попадаютъ часто въ уголовщину, рѣжутся, отравляются... А она?.. Только и есть утѣшеніе, что Северъ Львовичъ не завелся еще никѣмъ на сторонѣ. Оттого, конечно, что у него, какъ у игрока, всѣ другія страсти вышло. Да и случая не представлялось. Его никто не любитъ; онъ вездѣ держитъ себя чванно, съ язвой, все какъ-то ежится, когда разговариваетъ съ губернскими дамами, всѣмъ своимъ тономъ показываетъ, что онъ — настоящій баринъ, правовѣдъ, сенаторскій сынъ и принужденъ жить въ трущобѣ, среди разночинцевъ и ихъ *самокъ* — его любимое слово. И какая въ этомъ сладость, что онъ ея ни на кого не промѣнялъ, даже если бъ она и любила его?.. Она до сихъ поръ ему не противна. Есть у него дома женщина, ничего ему не стоитъ, ея деньги всѣ ушли на него же. Шутка! Безъ малаго тридцать тысячъ!

Эта цифра зажглась въ ея головѣ какъ огненная точка. Васѣ нужно какъ разъ столько. Даже меньше! Будь у нея въ ящикѣ или въ банкѣ такія деньги, она ушла бы

съ нимъ, вотъ сейчасъ уложилась бы, послала бы Ѳеню за извозчикомъ и прямо бы на пароходъ или на желѣзную дорогу, съ ночнымъ поѣздомъ.

Почему не встрѣтила она Васи четыре года назадъ? И свободна была, и деньги были, и любовь бы настоящая, безповоротная погнала ее подъ вѣнецъ, а не самолюбивая блажь дѣвчонки, удостоенной ухаживанія барича-правовѣда.

Щеки Серафимы пылали. Ей стало нестерпимо-противно на самое себя. Бранныя слова готовы были соскочить съ ея разгоряченныхъ красныхъ губъ.

И такъ же нестерпимо-жалко сдѣлалось Васи. Онъ, бѣдный, долженъ теперь биться изъ-за двадцати тысячъ. Скорѣе всего, что не достанетъ... Или впутается въ долгъ за жидовскіе проценты.

Она сѣла у піанино порывисто, чтобы освободить себя отъ наплыва горечи, и взяла нѣсколько сильныхъ аккордовъ.

Что было, то прошло! Онъ ее любитъ... Она ему принадлежитъ! Чего же больше? Еще недѣля, двѣ—и не будетъ ея въ этихъ постылыхъ комнатахъ.

Она запѣла вдругъ тотъ цыганскій романсъ, который помогъ имъ сойтись съ первой же встрѣчи: „Коль счастливъ я съ тобой бываю“... Это она за него поетъ, за Васю... И словъ ей не нужно: слова глупыя и старомодныя, довольно одной мелодіи.

Много-много разъ повторила она одинъ мотивъ... Потомъ запѣла другой романсъ на тѣ слова, что она начала вслухъ произносить, когда ея пролетка поднималась наверхъ дамбы:

„О, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой!“

Она вспомнила не одни эти два стиха, а и дальше всѣ куплеты. Какъ только кончился одинъ куплетъ, въ головѣ сейчасъ выскакивали первыя слова слѣдующаго, точно кто ей ихъ подсказывалъ. Она даже удивилась... Спроси ее, знаетъ ли она это стихотвореніе Майкова, она отвѣтила бы, что дальше двухъ первыхъ стиховъ врядъ ли пойдетъ...

Когда въ горлѣ сказалась усталость, Серафима посмотрѣла на часы въ столовой—было половина двѣнадцатаго, и опять она заходила уже вдоль всѣхъ трехъ комнатъ... Двѣ стояли въ темнотѣ.

Послѣ возбужденія, улегшагося за піанино, голова заработала спокойнѣе въ виду послѣднихъ рѣшительныхъ вопросовъ.

Зачѣмъ бѣжать? Почему не сказать мужу прямо: „Не хочу съ тобой жить, люблю другого и ухожу къ нему?“ Такъ будетъ прямѣе и выгоднѣе. Всѣ станутъ на ея сторону, когда узнаютъ, что онъ проигралъ ея состояніе. Да и не малое удовольствіе—кинуть ему прямо въ лицо свой приговоръ. „А потомъ довести до развода и обвѣнчаться съ Васей... Нынче такой исходъ самое обыкновенное дѣло. Не Богъ знаетъ что и стоитъ, какихъ-нибудь три, много четыре тысячи!“—подумала Серафима.

„Какъ бы не такъ! Отпуститъ онъ по доброй волѣ! Дастъ онъ разводъ! И чтобы на себя вину взять—ни за что! Въ немъ крючкотворецъ сидитъ, законникъ, сыщикъ, „представитель общественной совѣсти“, какъ онъ величаетъ себя. Да и не хочетъ она „по-честному“,—ей припомнились слова отца,—уходить отъ него. Онъ этого не стоитъ... Пускай ни о чемъ не догадывается въ своемъ самодовольствѣ и чванномъ самообожаніи. На тебѣ: любила два года, ѣздила на свиданія въ Нижній, здѣсь видалась у тебя подъ носомъ и ушла, осрамила тебя больше, чѣмъ самое себя“...

Серафима начала громко шептать.

И ни разу ей не представился вопросъ: „а поймаетъ и вызоветъ по этапу?“

## XXV.

Пробило и двѣнадцать. Она не слыхала боя часовъ.

Не раздѣваясь, прилегла она на кушетку въ гостиной и задремала. На піанино догорала свѣча.

Обыкновенно она ложилась часу въ первомъ и не ждала мужа. Онъ возвращался въ два, въ три. И сегодня Захаръ будетъ его ждать, пожалуй, до разсвѣта. Если Северъ Львовичъ проигрался, онъ раздѣнется у себя въ кабинетѣ, на цыпочкахъ войдетъ въ спальню и ляжетъ на свою постель такъ тихо, что она почти никогда не проснется. Но чуть только ему повезло—онъ входитъ шумно, непремѣнно разбудитъ ее, начнетъ хвалиться выигрышемъ, возбужденно забрасывать ее вопросами, выговаривать ей, что она сонная...

Серафима сначала задремала, потомъ крѣпко заснула. Ее разбудилъ звонокъ въ передней.

Она раскрыла глаза и сразу не могла распознать, гдѣ лежитъ и какой часъ дня. Въ два окна, выходившія на дворъ, вливался уже отблескъ утренней зари; окна по уличному фасаду были закрыты ставнями. Въ гостиной стоялъ двойственный свѣтъ.

Съ кушетки ей видна была дверь въ сѣни. Позвонили еще разъ. Заспанная Ѳеня отворила, наконецъ. Северъ Львовичъ вошелъ и крикнулъ горничной:

— Сколько разъ надо звонить?

„Проигрался“,—сказала Серафима про себя.

Сонъ совсѣмъ отлетѣлъ, и она сообразила, что уже свѣтаетъ.

Она, еще не поднимаясь съ кушетки, продолжала издали смотрѣть на мужа, пока Ѳеня стаскивала съ него свѣтло-гороховое очень короткое пальто, на шелковой полосатой подкладкѣ. Шляпу, свѣтлую же, онъ также отдалъ горничной.

На лицо его падало довольно свѣту изъ окна передней,—лицо моложаво-обрюзглое, овальное, бритое, кромѣ длинныхъ и тонкихъ усовъ; что-то актерское было въ этомъ лицѣ, въ глазахъ съ опухлыми вѣками, въ прямомъ короткомъ носѣ, въ гримасѣ рта. Онъ одинъ во всемъ городѣ вставлялъ въ лѣвый глазъ монокль. Темнорусые волосы замѣтно рѣдѣли на головѣ.

Такой же моложавый, сухой и малорослый станъ въ двубортной синей разстегнутой визиткѣ, изъ-подъ которой выглядывалъ бѣлый жилетъ. На ногахъ красно-желтые башмаки, тоже единственные въ городѣ.

Ему на видъ казалось за тридцать.

„Проигрался!“—рѣшила еще разъ Серафима и, не притворяясь спящей, лежала въ той же полусогнутой позѣ.

— Вы здѣсь?.. Съ какой стати, а?

Голосъ его слегка въ носъ и вздрагивающій непріятно прошелся по ея нервамъ.

— Надѣюсь, меня не ждали?

Опять этотъ ненавистный отрывистый говоръ затрещалъ, точно ломающаяся сухая скорлупа гороховыхъ стручьевъ.

Мужъ пріучалъ жену къ хорошему тону, былъ съ ней на „вы“ и только въ самыхъ интимныхъ разговорахъ переходилъ на „ты“. Она привыкла называть его „Северъ Львовичъ“ и „ты“ не говорила ему больше года, съ поѣздки своей на ярмарку.

— Такъ, заснула...

Серафима сладко потянулась и свои бѣлыя обнаженныя руки закинула за спину. Одна нога въ атласной черной туфлѣ съ цвѣтнымъ бантомъ свѣсилась съ кушетки. Мужъ ея возбужденно прошелся по гостиной и щелкнулъ нѣсколько разъ языкомъ. Съ этой противной для нея привычкой она не могла помириться.

— Который часъ?—лѣниво и глухо спросила она.

— Не знаю... видите, свѣтаетъ.

И онъ засмѣялся короткимъ и высокимъ смѣхомъ, чего съ нимъ никогда не бывало.

„Должно-быть, здорово обчистили его!“—выговорила она про себя.

— Неужели все время въ клубѣ?

И этотъ вопросъ вышелъ у нея лѣниво и небрежно.

— Сначала... да. А потомъ... у этого пріѣзжаго инженера.

— Какого?

„Очень мнѣ нужно знать!“—добавила она мысленно.

— Ахъ, Боже мой. Я вамъ говорилъ. Несвисѣцкій... Запржецкій. Полячишко!.. Шулеръ!..

Онъ сдержалъ свое раздраженіе, откинулъ бортъ визитки на одинъ бокъ, засунулъ большой палецъ за выемку жилета и сталъ, нервно закинувъ голову.

— Несомнѣнный шулеръ... И этакихъ мерзавцевъ въ клубъ пускаютъ!

— Вы зачѣмъ же съ нимъ садились?

— Развѣ это написано на лбу?.. Игра вдвоемъ.

— Въ пикетъ?

— Нѣтъ, въ палки.

— Колоду подмѣнилъ?

„И зачѣмъ я съ нимъ разговариваю?—подумала она.— Какое мнѣ дѣло? Чѣмъ больше продулся, тѣмъ лучше“.

Когда она говорила, мысленно у ней выскакивали рѣзкія, неизящныя слова.

— Въ клубѣ... нѣтъ, это немыслимо! — онъ заходилъ, все еще съ большимъ пальцемъ въ выемкѣ жилета.—Нѣтъ, у себя, въ нумерѣ...

— Ловко! — вырвалось у нея такимъ безцеремоннымъ звукомъ, что Рудичъ вскинулъ на нее свой монокль. — Значитъ, къ нему отправились?..

Нельзя было... Ты понимаешь. Я былъ въ такомъ проигрышѣ.

Онъ незамѣтно для себя сталъ говорить ей „ты“.

— На сколько же?

— На очень значительную сумму. На очень!..

— Совѣстно выговорить, небось?

Такого тона Северъ Львовичъ еще не слыхалъ отъ жены.

Въ другое время онъ остановилъ бы ее однимъ какимъ-нибудь движеніемъ перекошеннаго рта, а тутъ онъ только выкинулъ монокль изъ орбиты глаза и быстро присѣлъ на кушетку, такъ быстро, что она должна была подвинуться.

— Серафима, ты понимаешь... теперь для меня, въ такую минуту... на-дняхъ должна придти бумага о моемъ назначеніи...

— И вы еще больше спустили?

Сквозь свои пушистыя рѣсницы, съ вѣками, немного покраснѣвшими отъ сна, она продолжала разглядывать мужа. Неужели эта дрянь могла командовать ею, и она по доброй волѣ подчинилась его фанаберіи и допустила себя обобрать до нитки?.. Ей это казалось просто невозможнымъ. И вся-то его фигура и актерское одутлое лицо такъ мизерны, смѣшны. Просто взять его за плечи и вытолкнуть на улицу—бо́льшаго онъ не заслуживалъ. Никакихъ уколовъ совѣсти не чувствовала она передъ нимъ, даже не вспомнила ни на одно мгновеніе, что она — невѣрная жена, что этотъ человѣкъ въ правѣ требовать отъ нея супружеской вѣрности.

Онъ провелъ бѣлой барской ладонью по своей лысѣющей головѣ и почесалъ затылокъ.

— Словомъ... мой другъ... это экстраординарный проигрышъ. Я могъ бы, какъ... представитель, ты понимаешь... судебной власти... арестовать этого негодяя. Но нужны доказательства...

— Не дурно было бы!—перебила она.—Самъ же игралъ до пѣтуховъ у шулера и самъ же арестовать его явился... Ха-ха!

Такого смѣха жены Рудичъ еще никогда не слыхивалъ.

— Ты пойми, — онъ взялъ ее за руки и примостился къ ней ближе,—ты должна войти въ мое положеніе...

— Да сколько спустили-то?

— Сколько, сколько!..

— Тысячу или больше?

— Тысячу!.. Какъ бы не такъ! Подымай выше!..

Онъ самъ соскочилъ съ своего обычнаго тона.

— Ну, и что жъ?

Этотъ возгласъ Серафимы заставилъ его взять ее за талію, прилечь головой къ ея плечу и прошептать:

— Спаси меня!.. Серафима! Спаси меня!.. Попроси у твоего отца. Подѣйствуй на мать. Ты это сдѣлаешь. Ты это сдѣлаешь!..

Его губы потянулись къ ней.

— Никогда!..—выговорила рѣзко и твердо Серафима и оттолкнула его обѣими руками.

— Ты съ ума сошла!

Онъ чуть было не упалъ.

— Отправляйтесь спать!

И когда онъ опять протянулъ къ ней обѣ руки со слащавой гримасой брезгливаго рта, она отдалила его колѣнями и однимъ движеніемъ поднялась.

У дверей столовой она обернулась, стала во весь ростъ и властно прокричала:

— Не смѣйте ко мнѣ показываться въ спальню! Слышите!.. Ни спасать васъ, ни жить съ вами не желаю! И стращать меня не извольте. Хоть сейчасъ пулю въ лобъ... на здоровье! Но ко мнѣ ни ногой! Слышите!

Она пробѣжала черезъ столовую въ спальню, захлопнула дверь и звонко повернула ключъ.

И когда она отъ стремительности почти упала на край своей кровати, то ей показалось, что она дала окрикъ прислугѣ или какому-нибудь провинившемуся мальчишкѣ, котораго запрутъ въ темную и высѣкутъ...

## XXVI.

Теркинъ шелъ по тропѣ мимо земляныхъ подваловъ, гдѣ хранился керосинъ, къ конторѣ, стоявшей подальше, у самой „балки“, на спускѣ къ берегу.

Солнце пекло.

Онъ былъ весь одѣтъ въ парусину; впереди его шагалъ молодой сухощавый брюнетъ въ свѣтлой ластиковой блузѣ, шелковомъ картузѣ и большихъ сапогахъ; это и былъ главный техникъ на химическомъ заводѣ Усатина, того „благопріятеля“, у котораго Теркинъ надѣялся сдѣлать заемъ.

Сегодня утромъ онъ не засталъ его въ усадьбѣ. Усатинъ уѣхалъ въ городъ за двадцать верстъ, и его

ждали къ обѣду. Онъ долженъ былъ вернуться прямо въ контору.

Туда они и шли съ Дубенскимъ,—такъ звали техника съ завода изъ-за Волги. Тотъ также пріѣхалъ по дѣлу. И у него была „большая спѣшка“ видѣть Арсенія Кирилыча.

Усатинъ наѣзжалъ одинъ въ эту приволжскую усадьбу, гдѣ когда-то онъ сосредоточилъ торгъ керосиномъ. Семейство его проживало съ конца зимы гдѣ-то за границей.

Теркина принялъ нарядчикъ. Онъ еще помнитъ его съ того времени, когда самъ служилъ у Арсенія Кирилыча; его звали Верстаковъ: ловкій, немножко вороватый малый, употреблявшійся больше для разъѣздовъ, уже пожилой.

Верстаковъ ему обрадовался и повелъ его сейчасъ же наверхъ, гдѣ помѣщаются комнаты для гостей.

— Надолго къ намъ, Василій Иванычъ?—спросилъ онъ его тономъ дворовaго.

Прежде онъ держался съ нимъ почти какъ равный съ равнымъ.

На его вопросы о хозяинѣ, его дѣлахъ, новыхъ предпріятіяхъ и планахъ Верстаковъ отвѣчалъ отрывочно, съ особеннымъ поворотомъ головы въ сторону, видимо съ умышленной сдержанностью.

Но Теркинъ не хотѣлъ допытываться; только у него что-то внутри защемило. Какъ будто въ уклончивыхъ отвѣтахъ Верстакова онъ почуялъ, что Усатинъ не можетъ быть настолько при деньгахъ, чтобы дать ему двадцать тысячъ, хотя бы и подъ залогъ его „Батрака“, а крайній срокъ взноса много черезъ десять дней, да и то еще съ „недохваткой“. Остальное ему повѣрятъ подъ вексель до будущей навигаціи.

Тамъ же въ усадьбѣ дожидался Усатина и его техникъ или „делектуръ“, какъ называлъ его Верстаковъ. Они другъ другу отрекомендовались за чаемъ.

Дубенскаго онъ сразу опредѣлилъ: навѣрно изъ „технологическаго“, съ большимъ гономъ, идей самыхъ передовыхъ,—можетъ, уже и побылъ гдѣ-нибудь въ мѣстахъ „отдаленныхъ“, — нервный, на все долженъ смотрѣть ужасно серьезно, а хозяйское дѣло считать гораздо ниже дѣла „меньшей братіи“.

Такъ выходило по соображеніямъ Теркина изъ повадки

и наружности техника: лицо подвижное, подслѣповатъ, волосы длинные, бородка плохо растетъ, говоритъ жидкимъ теноромъ, отрывисто, руками то обдергиваетъ блузу, то примется за бородку. О пріятномъ тонѣ, объ умѣньѣ попасть въ ноту съ чужимъ человѣкомъ онъ заботится всего меньше.

За чаемъ Теркинъ узналъ отъ него, что Усатинъ долженъ тотчасъ же отправиться въ Москву, можетъ-быть, не успѣетъ даже переночевать.

— Вамъ по какому дѣлу? — спросилъ Дубенскій, тревожно поглядѣлъ него и, не дождавшись отвѣта, добавилъ быстро: — Я вѣдь такъ спросилъ... понимаете... Можетъ... какое свѣдѣніе нужно... по заводу?

— Нѣтъ, я по другимъ статьямъ,—отвѣтилъ Теркинъ съ усмѣшкой.

Малый ему скорѣе нравился, но прямо ему говорить: „я, молъ, заемъ пріѣхалъ произвести“,— онъ не считалъ умѣстнымъ. Лучше было повести разговоръ такъ, чтобы самъ „интеллигентъ“ распоясался.

— Расширили дѣло на заводѣ?—освѣдомился онъ добродушно-небрежнымъ тономъ, какъ человѣкъ, которому обстоятельства Усатина давно извѣстны. — Вѣдь Арсеній Кирилычъ хотѣлъ, помнится мнѣ, сосѣднюю лѣсную дачу заполучить и еще корпусъ вывести для разныхъ спеціальныхъ производствъ?

— Нѣтъ, дача не куплена... и все по-старому... даже посокращено дѣло...

Техникъ тыкалъ папиросой въ пепельницу, говоря это.

— Что жъ? Охладѣлъ патронъ или сбытъ не тотъ противъ прежняго?

— Разныя причины... понимаете... въ другую сторону были направлены главные интересы. Арсеній Кирилычъ— человѣкъ, какъ вамъ извѣстно, увлекающійся.

— Еще бы!

— Да и конкуренція усилилась. Прежде въ этомъ районѣ едва ли не одинъ всего заводъ былъ, а нынче... расплодились. И подвозъ... по новымъ чугункамъ...

— Такъ, такъ!

Слушая техника, Теркинъ изъ-за самовара вглядывался въ него.

„Вѣдь тебя, *тàря*, — по-мужицки думалъ онъ, — что-нибудь мозжитъ... также нетерпящее... въ чемъ твоя

подоплека замѣшана... И тебѣ предстоитъ крупный разговоръ съ патрономъ...“

Ему стало его вдругъ жаль, точно онъ его давно знаетъ, хотя онъ могъ бы быть недоволенъ и помѣхой лишняго человѣка, и тѣмъ, что этотъ „делéктуръ“ разстроенъ. Конечно, дѣло, по которому онъ пріѣхалъ, денежное и непріятное.

Стало-быть, есть разныя заминки въ оборотахъ Арсенія Кирилыча... Почему же онъ самъ-то такъ вѣритъ, что у него легко перехватить крупноватый кушъ? Вѣдь не наобумъ же онъ дѣйствовалъ?.. Не малый младенецъ. Не свистунъ какой-нибудь!

Не дальше какъ по веснѣ онъ видѣлся съ Усатинымъ въ Москвѣ, въ „Славянскомъ Базарѣ“, говорилъ ему о своемъ „Батракѣ“, намекалъ весьма прозрачно на то, что въ концѣ лѣта обратится къ нему.

И тотъ ему отвѣтилъ, похлопавъ по плечу:

— Весьма радъ буду, Теркинъ, поддержать васъ... Напомните мнѣ мѣсяца за два... письмомъ.

Онъ и напомнилъ. Правда, отвѣта не получилъ, но это его тогда не смутило. А весной, когда они встрѣтились въ Москвѣ, Усатинъ „оборудовалъ“ новое акціонерное дѣло по нефтяной части и говорилъ о немъ съ захлебываніемъ, приводилъ цифры, безъ хвастовства упоминалъ о дивидендѣ въ двадцать три процента, шутя предлагалъ ему нѣсколько акцій „на разживу“, и Теркинъ ему, такъ же шутя, сказалъ на прощанье:

— Мнѣ теперь, Арсеній Кирилычъ, всякій грошъ дорогъ. Дайте срокъ, ежели Волга-матушка не подкузьмитъ на первыхъ же рейсахъ — и подѣлитесь тогда малой толикой вашихъ акцій.

Что говорить, человѣкъ онъ „рисковый“, всегда разбрасывался, новую идею выдумаетъ и кинется впередъ на всѣхъ парахъ, но смѣтки онъ и знаній—огромныхъ, кредитомъ пользовался по всей Волгѣ громаднымъ; самые прожженные кулаки вѣрили ему на-слово. „Усатинъ себя заложитъ, да отдастъ въ срокъ“: такая прибаутка сложилась про него давнымъ-давно.

Къ тому же Арсеній Кирилычъ самъ когда-то пострадалъ, посидѣлъ малую толику за свое „направленіе“. Онъ не въ дѣльцы себя готовилъ, а по ученой части; ходилъ въ народъ, хотѣлъ всю свою душу на него положить и въ скоромъ времени попался. Это его на другую дорогу

повернуло. Черезъ пять-десять лѣтъ, онъ уже гремѣлъ по Волгѣ, ворочалъ оборотами въ сотни тысячъ. А все въ немъ старая-то закваска не высыхала: къ молодежи льнулъ, ходъ давалъ тѣмъ, кто, какъ Теркинъ, съ волчьимъ паспортомъ выгнанъ былъ откуда-нибудь, платилъ за бѣдныхъ учащихся, поддерживалъ въ двухъ земствахъ все, что дѣлалось толковаго на пользу трудового люда.

Усатинъ приласкалъ Теркина, приставилъ къ отвѣтственному дѣлу, а когда представилась служба крупнѣе и доходнѣе, опять по желѣзнодорожной части, онъ самъ ему все схлопоталъ и, отпуская, наставилъ:

— Смотрите, Теркинъ! Подъ вашей командой перебываетъ тысяча рабочихъ. Не давайте, насколько можете, эксплуатировать ихъ, гноить подъ дождемъ, въ шалашахъ, кормить вонючей солониной и ржавой судачиной, да жидовски обсчитывать!

Тогда Теркину даже не очень нравилось, что Усатинъ такъ носится съ мужиками, съ рабочими, часто прощаетъ тамъ, гдѣ слѣдовало строго взыскать. Но его уваженіе къ Арсенію Кирилычу все-таки росло съ годами—и къ его высокой честности, и къ „башкѣ“ его, полной всякихъ замысловъ, одинъ другого удачнѣе.

Правда, начали до него доходить слухи, что Усатинъ „зарывается“... Кое-кто называлъ его и „прожектеромъ“, предсказывали „крахъ“ и даже про его акціонерное общество стали поговаривать какъ-то странно. Не дальше, какъ на-дняхъ, въ Нижнемъ на ярмаркѣ, у Никиты Егорова въ трактирѣ, привелось ему прислушаться къ одному разговору за сосѣднимъ столомъ...

Можетъ-быть, Усатинъ и зарвался. Только скорѣе онъ въ трубу вылетитъ, чѣмъ измѣнитъ своимъ правиламъ. Слишкомъ онъ для этого гордъ... Такіе люди не гнутся, а ломаются, даромъ что Арсеній Кирилычъ на видъ мягкій и покладистый.

## XXVII.

Подходя къ конторѣ, Дубенскій обернулся и, защищаясь ладонью отъ палящаго солнца, спросилъ:

— Не хотите ли въ садикѣ посидѣть? Тамъ и тѣнь есть.

— И весьма... Можетъ, ждать Арсенія Кирилыча долгонько придется,—возбужденно отозвался Теркинъ.

Они уже были у забора.

— Къ полудню долженъ быть.

Техникъ отворилъ дверку въ палисадникъ и впустилъ перваго Теркина. Контора—бревенчатый новый флигель съ зеленой крышей—заднимъ фасомъ выходила въ палисадникъ. Противъ крылечка стояла куна тополей. По обѣимъ сторонамъ лѣсенки пустили раскидистую зелень кусты сирени и бузины.

— Да вотъ на лѣсенкѣ посидимъ,—сказалъ Теркинъ.— Тутъ всего прохладнѣе. Здоровая же нынче жара! Какъ думаете, градусовъ чуть не тридцать на припекѣ?

— Около того... Не угодно ли?

Техникъ протянулъ ему свою папиросницу.

— Много благодаренъ... Какъ васъ по имени-отчеству?

— Петръ Ивановъ...

Съ лица Дубенскаго не сходило выраженіе ущемленности. Теркину еще больше захотѣлось вызвать его на искренній разговоръ; да, кажется, это и не трудно было.

— Въ Москву депешей что ли требуютъ Арсенія Кирилыча? — спросилъ онъ умышленно-небрежнымъ тономъ и выпустилъ дымъ папиросы вбокъ, не глядя на Дубенскаго, сѣвшаго ниже его одной ступенькой.

— Три телеграммы пришли... Одна даже на мое имя... Потому я и знаю... Первыя двѣ получены съ нарочнымъ вчера еще.

— Да вѣдь Арсеній Кирилычъ въ городѣ?..

— Отъ насъ станція ближе... Оттуда прямо посылаютъ...

— Значитъ, приспичило?

Дубенскій взглянулъ на него съ наморщеннымъ лбомъ и выговорилъ слегка дрогнувшимъ звукомъ:

— Все по обществу... этому.

— По какому? По нефтяному дѣлу?

— Именно.

— Въ правленіи, поди, чего натворили? Кассиръ сбѣжалъ, али что? По нынѣшнему времени это самый обыкновенный сюрпризъ.

— Нѣтъ... видите ли...

Техникъ снялъ картузъ и отеръ платкомъ потъ съ высокаго, уже морщинистаго лба.

— Да вы, Петръ Ивановичъ, не думайте, пожалуйста, что я у васъ выпытываю. Ни Боже мой!.. Въ дѣловые секреты внѣдряться не хочу... Но вамъ уже извѣстно, что я у Арсенія Кирилыча служилъ, много ему обязанъ,

безусловно его почитаю. Слѣдственно, къ его интересамъ не могу быть равнодушенъ.

Глаза Теркина загорѣлись, и онъ, обернувшись къ технику всѣмъ лицомъ, говорилъ теплыми нотами.

Тотъ накрылся, сдѣлалъ громкую передышку и вытянулъ ноги.

— Вы ничего не читали въ газетахъ? — неувѣренно и опять съ приподнятой бровью спросилъ онъ.

— Да я больше недѣли и газеты-то въ рукахъ не держалъ. Все на пароходахъ путаюсь, вверхъ и внизъ.

— Тогда, конечно...

„Не рѣчистъ ты, милый другъ“,—подумалъ Теркинъ.

— А нешто что-нибудь такое есть? Травля какая... Набатъ забили?

— Именно, именно... И такъ нежданно. Подняли тревогу... Письма... Обличенія... Угрозы...

— Угрозы? Чѣмъ же стращаютъ и по какому поводу?

— Это... сложно... долго разсказывать... разумѣется, въ каждомъ акціонерномъ предпріятіи, — щеки Дубенскаго начали краснѣть, и глаза забѣгали,—какою цѣлью задаются? На что дѣйствуютъ?.. На буржуазную алчность. Дивидендъ! Вотъ приманка!

— А то какъ же?

Вопросъ Теркина прозвучалъ вѣско и серьезно.

— Да развѣ трудовымъ людямъ, — еще нервнѣе спросилъ Дубенскій, — вотъ такимъ хоть бы, какъ вы и я, слѣдуетъ откармливать буржуевъ?

„Ну да, ну да, — думалъ Теркинъ, — ты изъ такихъ. Не уходился еще...“

— Не давать хорошаго дивиденда, — выговорилъ онъ спокойно,—такъ и акціи не поднимутся въ цѣнѣ, и предпріятіе лопнетъ. Это—буки-азъ—ба.

— Конечно, конечно! Буки-азъ—ба... Но есть предѣлъ... Можно... вы понимаете... можно, по необходимости, подчиняться условіямъ капиталистическаго хозяйства.

— Какого?—переспросилъ Теркинъ.

— Капиталистическаго... понимаете... буржуйнаго... Но если перепустить мѣру и... какъ бы сказать... спекулировать на усиленныя приманки—это не обходится безъ... понимаете?..

„Безъ шахеръ-махерства“,—добавилъ про себя Теркинъ.

— Понимаю,—протянулъ онъ вслухъ и сдунулъ пепелъ съ папиросы.

— Ну, вотъ, — оживленнѣе и смѣлѣе продолжалъ Дубенскій, — и надо, стало-быть, усиленно пускать въ ходъ все, что привлекаетъ буржуя.

„Экъ заладилъ,—перебилъ про себя Теркинъ,—буржуй да буржуй!"

— Это вы буржуемъ-то вообще состоятельныхъ людей зовете?—спросилъ онъ съ улыбочкой.

— Представителей капиталистическаго хозяйства...

— Да позвольте, Петръ Иванычъ, вы все изволите употреблять это выраженіе: капиталистическое хозяйство... И въ журналахъ оно мнѣ кое-когда попадается. Да какое же хозяйство безъ капитала?

Онъ хорошо понималъ, куда клонитъ Дубенскій, и самъ не прочь былъ потолковать о томъ, какъ бы надо было людямъ трудовымъ и новымъ заводить, что можно, сообща. Но его этотъ техникъ началъ раздражать болѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Такое „умничанье" считалъ онъ неумѣстнымъ и двойственнымъ въ человѣкѣ, пошедшемъ по дѣловой части. Что хочется ему поскорѣе начать хозяйствовать—это естественно... Или общество устроить по-честнѣе, такъ, чтобы каждый пайщикъ пользовался доходомъ сообразно своей работѣ, какъ, напримѣръ, въ томъ пароходномъ товариществѣ, куда онъ самъ вступаетъ... А вѣдь этотъ Дубенскій не въ ту сторону гнетъ... Онъ, навѣрно, сочувствуетъ затѣямъ въ родѣ крестьянскихъ артелей изъ интеллигентовъ.

И Теркину вспомнился тутъ его разговоръ на пароходѣ съ тѣмъ писателемъ, Борисомъ Петровичемъ. Онъ ему прямо сказалъ тогда, что считаетъ такія затѣи вредными. Тамъ, въ крестьянскомъ быту, еще скорѣе можно вести такое артельное хозяйство, коли желаешь, сдуру или отъ великаго ума, впрягать себя въ хомутъ землепашца, а на заводѣ, на фабрикѣ, въ большомъ промысловомъ и торговомъ дѣлѣ...

Дубенскій не сразу ему отвѣтилъ.

— Не въ томъ вопросъ... — началъ онъ еще нервнѣе.—Безъ капитала нельзя. Но на кого работать?.. Вотъ что-съ!.. У Арсенія Кирилыча были совсѣмъ другія идеи... Онъ хотѣлъ дѣлать рабочихъ участниками... вы понимаете?

— Понимаю!.. Это въ видѣ процента, что ли?

— Именно.

— Противъ этого я не буду говорить... Но опять не

сразу же... Надо спервоначалу поставить дѣло на прочный фундаментъ...

— А вышло по-другому, — голосъ Дубенскаго упалъ,— совсѣмъ по-другому. Понадобились... я вамъ сказалъ... пріемы... дѣлечества... понимаете? И въ этихъ случаяхъ можно очутиться въ сообщникахъ, не желая этого...

„Вотъ оно что! — подумалъ Теркинъ. — Видно, и тебя впуталъ хозяинъ-то!“

— О чемъ же собственно въ газетахъ гвалтъ подняли?—спросилъ онъ строже и даже нахмурился.

— Мнѣ, право... весьма непріятно излагать вамъ это... Конечно, тутъ есть какая-нибудь интрига...

— Подвохъ!.. Со стороны меньшинства? Или дѣйствительно проруха какая?

— Есть... къ сожалѣнію... и кое-что похожее на правду.

— Да неужто Арсенію Кирилычу серьезныя гадости предстоятъ? Преслѣдованіе?

„Неладно, неладно“,— прибавилъ Теркинъ про себя, и ему стало вдругъ ясно, что онъ уѣдетъ отсюда съ пустыми руками.

— Арсенія Кирилыча вызываютъ безотлагательно. Надо сейчасъ же принять мѣры.

— Онъ—ума палата... Въ разныхъ передрягахъ бывалъ... Да къ тому же, какъ я его разумѣю, ничего безчестнаго, неблаговиднаго онъ на душу свою не возьметъ... Не такой человѣкъ.

„А почемъ ты знаешь?“—поправилъ онъ самого себя.

И ему захотѣлось, забывая про неудачу своей поѣздки къ Усатину, поглядѣть на то, какъ Усатинъ поведетъ себя, и во что именно завязилъ онъ одну ногу... а можетъ, и обѣ.

— Очень, очень... все это прискорбно!

— Возгласъ Дубенскаго отзывался большой горечью.

Теркинъ сбоку оглядѣлъ его и подумалъ:

„Какой ты техникъ, директоръ?.. Тебѣ бы лучше книжки сочинять или общежитія на евангельскій манеръ устраивать“.

— Да вѣдь вы—служащій... ваше дѣло сторона. Коли вы передъ акціонерами прямо не отвѣтственны?—спросилъ Теркинъ, нагнувшись къ Дубенскому.

— Въ настоящую минуту... весьма трудно отвѣтить вамъ... вы понимаете... весьма трудно.

## XXVIII.

Загудѣвшій вдали колокольчикъ прервалъ Дубенскаго.

— Это Арсеній Кирилычъ?—спросилъ Теркинъ.

— Онъ, онъ!

Оба встали и вернулись къ наружному крыльцу съ навѣсомъ и двумя лавками.

Тамъ уже дожидалось нѣсколько человѣкъ мелкихъ служащихъ, всѣ въ лѣтнихъ картузахъ и такихъ же большихъ сапогахъ, какъ и Дубенскій.

— Арсеній Кирилычъ ѣдутъ, — доложилъ одинъ изъ нихъ технику и снялъ картузъ.

Тотъ поблагодарилъ его наклоненіемъ головы.

— Онъ навѣрно въ конторѣ побудетъ, — сказалъ Дубенскій Теркину, пропуская его впередъ.

Справа изъ сѣней была просторная комната въ четыре окна, отдѣланная какъ конторы въ хорошихъ сельскихъ экономіяхъ: сѣренькіе обои, нѣсколько картъ и расписаній по стѣнамъ, шкапы съ картонами, письменный столъ, накрытый клеенкой, гнутая вѣнская мебель.

Но и въ ней стояла духота, хотя всѣ окна были настежь.

— Здѣсь посидимъ или пойдемъ на крылечко? — спросилъ Теркинъ, не выносившій духоты.

Можно было еще кое-что повывѣдать у Дубенскаго. Но онъ не любилъ никакихъ подходовъ. Пожалуй, есть и какая-нибудь нешуточная загвоздка... Быть-можетъ, и ничего серьезнаго для кредита Усатинской фирмы нѣтъ, а этотъ нервный интеллигентъ волнуется изъ-за личной своей щепетильности, разрѣшаетъ вопросъ слишкомъ тревожной совѣсти.

Но... газеты? Обличительный набатъ?.. Положимъ, у насъ клевета и диффамація самый ходкій товаръ, и на всякое чиханье не наздравствуешься... Однако, не стали бы изъ-за однѣхъ газетныхъ утокъ слать три депеши сряду.

Дубенскій такъ былъ поглощенъ предстоящимъ объясненіемъ съ Усатинымъ, что не слыхалъ вопроса Теркина и заходилъ взадъ и впередъ по конторѣ.

Вопроса своего Теркинъ не повторилъ и присѣлъ къ окну, ближайшему отъ крыльца.

Черезъ двѣ-три минуты показалась коляска въ родѣ

тарантаса на рессорахъ, слѣва изъ-за длиннаго амбара, стоявшаго поодаль, по дорогѣ изъ уѣзднаго города.

Саженъ за тридцать острые глаза Теркина схватили фигуру Усатина. Онъ ѣхалъ одинъ, съ откинутымъ верхомъ и фартукомъ, въ облакѣ темноватой степной пыли. Лошади, всѣ въ мылѣ, темнобурой масти, отлично съѣзженныя, широко раскинулись своимъ фронтомъ. Коренникъ подъ темнокрасной дугой съ двумя колокольчиками иноходью раскачивался на крупныхъ рысяхъ; пристяжныя, посвѣтлѣе „рубашкой“, скакали головами врозь, съ длинными гривами, всѣ въ бляхахъ и ремняхъ, съ концами, волочившимися по землѣ. Молодой кучеръ былъ въ бархатной безрукавкѣ и низкой ямской шапкѣ съ перомъ.

„Ожирѣлъ, Богъ съ нимъ, Арсеній Кирилычъ, — подумалъ Теркинъ, продолжая оглядывать его. — Трехпудовый купчина... Барское обличье совсѣмъ потерялъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, Усатинъ даже въ послѣдніе три мѣсяца, — они видѣлись весной, — сдѣлался еще тучнѣе. Тѣло его занимало все сидѣнье просторнаго фаэтона, грузное и большое, въ чесунчовой парѣ; голова ушла въ плечи, круглая и широкая; двойной подбородокъ свѣсился на рубашку; борода точно повылѣзла, такая же русая, какъ и прежде, безъ замѣтной на разстояніи сѣдины; только острые темносѣрые глазки прорѣзали жиръ щекъ и точечками искрились изъ-подъ крутыхъ бровныхъ орбитъ, совсѣмъ почти безъ бровей. Ротъ сохранялъ свою свѣжесть и сочность, съ маленькими зубами. На все лицо ложилась тѣнь отъ соломенной шляпы съ вуалемъ на англійскій манеръ.

„Важно катитъ! — подумалъ Теркинъ, засмотрѣвшись охотницки на тройку, и почувствовалъ пріятное, чисто русское ощущеніе лихости и молодечества. — Важно!.. Кабы на такихъ же полныхъ рысяхъ и во всемъ прочемъ!“

И ему захотѣлось вѣрить, что такой человѣкъ, какъ Арсеній Кирилычъ, не свихнется; что всѣ эти газетные слухи просто „враки“, и только такой „головастикъ“, какъ Дубенскій, можетъ мучиться изъ-за подобныхъ пустяковъ.

За нѣсколько шаговъ до крыльца храпъ лошадей заслышался явственно, и пыль, вздымаясь высокими клу-

бами, совсѣмъ закрыла фигуру Усатина, когда онъ подъѣзжалъ-къ конторѣ.

Оба они, и Теркинъ, и Дубенскій, вышли на крыльцо.

Усатинъ грузно вылѣзалъ, опираясь на руку одного изъ служащихъ. Перваго увидалъ онъ Теркина.

— А!.. Василій Иванычъ!.. Вы какъ?..

Окликъ, сдѣланный молодымъ, немного шепелявымъ голосомъ, показалъ Теркину, что Усатинъ забылъ про ихъ разговоръ въ Москвѣ и про то письмо, которое онъ писалъ ему на-дняхъ, извѣщая о своемъ пріѣздѣ... Быть-можетъ, не получилъ его...

Они поздоровались.

— Мы вотъ съ господиномъ Дубенскимъ разсудили перехватить васъ, Арсеній Кирилычъ, по дорогѣ въ усадьбу. Пожалуй, отсюда прямо на чугунку укатите... Васъ ждутъ депеши. Съ моимъ личнымъ дѣломъ я повременю... А письма моего вы развѣ не получили?

— Какого письма?

— Изъ Ярославля я вамъ писалъ на той недѣлѣ?..

— Нѣтъ... Вы куда же адресовали?

— Да сюда, въ усадьбу.

— Я больше недѣли мыкаюсь...

И видя, что Дубенскій съ первымъ лицомъ переминается съ ноги на ногу, Усатинъ быстро повернулся въ его сторону и не договорилъ.

— Петръ Иванычъ?.. У васъ, стало, что-нибудь экстренное?

— Три депеши, Арсеній Кирилычъ. Одна была на мое имя. Вотъ онѣ.

Дубенскій вынулъ изъ кармана три телеграммы и съ дрожью въ пальцахъ подалъ ихъ.

— Изъ Москвы?—спросилъ Усатинъ.

Теркину показалось, что голосъ его дрогнулъ.

И, не раскрывая телеграммъ, онъ обратился, все еще у крыльца, къ служащимъ:

— Вамъ тоже къ спѣху?

— Какъ же, Арсеній Кирилычъ...—отвѣчалъ за всѣхъ стоявшій впереди худой высокій малый, съ длинной желтой бородой.—Насчетъ теперь...

Бѣлой пухлой рукой Усатинъ сдѣлалъ движеніе.

— Хорошо!.. Господа, я сейчасъ къ вамъ... Только отпущу ихъ... Пожалуйте въ комнаты.

Теркинъ и Дубенскій вернулись въ контору, гдѣ Дубенскій опять началъ ходить взадъ и впередъ.

— Послушайте... Петръ Иванычъ,—окликнулъ его Теркинъ, стоя у двери.

— Что вамъ?—разсѣянно отозвался Дубенскій.

— Коли вамъ надо сейчасъ же объясниться съ Арсеніемъ Кирилычемъ, я могу и въ садикъ пойти.

— Нѣтъ... Зачѣмъ же... Вѣроятно, онъ сейчасъ поѣдетъ въ усадьбу...

— Да вѣдь я вижу, Петръ Иванычъ... вы самъ не свой... Право, я лучше въ садикъ выйду.

Теркинъ взялся за ручку двери, и только что онъ отворилъ ее—столкнулся на порогѣ съ Усатинымъ.

— А вы куда?—звонко спросилъ тотъ, входя въ контору и снявъ шляпу.

Черепъ его совсѣмъ полысѣлъ, и только кругомъ въ уровень ушей шла полоса русыхъ, плотно остриженныхъ волосъ съ легкой просѣдью.

Депешъ онъ еще не читалъ и держалъ ихъ въ другой рукѣ.

— До васъ у Петра Иваныча неотложное дѣло... Я на воздухѣ побуду.

— Да развѣ такъ приспичило, Дубенскій?

— Вы депеши еще не прочли?—спросилъ техникъ съ удареніемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ...

Теркину захотѣлось остаться посмотрѣть, измѣнится ли Усатинъ въ лицѣ, когда прочтетъ депешу.

Первую, уже распечатанную, пришедшую на имя Дубенскаго, Усатинъ раскрылъ и пробѣжалъ.

— А! вотъ что!—глухо вырвалось у него.—Предполагаю, какого содержанія остальныя двѣ... Господа... Ѣдемъ. Я вскрою эти депеши у себя въ кабинетѣ.

— Быть-можетъ,—началъ Дубенскій,—вамъ отсюда придется ѣхать на станцію.

— Нѣтъ, другъ мой... я и безъ того измучился. Если нужно, я поѣду завтра... да и то... Я знаю тѣхъ... московскихъ. Сейчасъ голову потеряютъ.

Глаза его перебѣгали отъ Дубенскаго къ Теркину... Лысина была влажная. Носъ, нѣсколько вздернутый и тонкій — на такомъ широкомъ и пухломъ лицѣ — сохранялъ свое прежнее характерное выраженіе.

— Ѣдемте, господа... И первымъ дѣломъ выкупаемся.

Еще разъ пробѣжалъ онъ депешу и наморщилъ лобъ.

Но двухъ остальныхъ онъ такъ и не вскрылъ.

„Малодушіе закралось,—подумалъ Теркинъ,—чуетъ что-нибудь очень невкусное...“

Но вѣра въ этого человѣка еще не дрогнула въ немъ. И желаніе отвести ему бѣду зашевелилось въ его душѣ.

## XXIX.

Въ гостиной, съ дверью, отворенной на обширную террасу, было свѣжѣе, чѣмъ на воздухѣ. Спущенныя шторы не пропускали яркаго свѣта, а вся терраса стояла подъ парусиннымъ навѣсомъ.

Теркинъ оглядывалъ комнату—большую, неуютную, немножко заброшенную. Мебель покрывали чехлы. Хозяйскаго глаза не чувствовалось. Правда, семейство Усатина за границей. Но все-таки было что-то въ этой гостиной, точно предвѣщавшее крахъ.

Усатинъ, когда они пріѣхали, провелъ Дубенскаго въ кабинетъ. Голоса ихъ не доносились въ гостиную, да Теркинъ и не думалъ прислушиваться... Объясненіе затянулось. Онъ закурилъ уже третью папиросу.

Дверь изъ кабинета выходила тоже на террасу, за угломъ.

Заслышался, наконецъ, гулъ разговора. По террасѣ шли Усатинъ и Дубенскій. Они остановились въ глубинѣ ея, противъ того кресла, гдѣ сидѣлъ Теркинъ.

Техникъ ерошилъ волосы и двигался бокомъ, заслоненный обширнымъ туловищемъ Усатина. И на лицѣ Арсенія Кирилыча Теркинъ тотчасъ же распозналъ признаки волненія. Щеки нервно краснѣли, въ губахъ и ноздряхъ пробѣгали струйки нервности, только глаза блестѣли попрежнему.

— Какъ знаете! Я васъ не желаю насильно удерживать, — дошли до слуха Теркина слова Арсенія Кирилыча, — но не слѣдовало, милый мой, такъ рано труса праздновать!..

Онъ обернулся въ сторону открытой настежь двери и увидалъ Теркина.

— Значитъ, вы сейчасъ обратно?—рѣзче спросилъ онъ вслѣдъ затѣмъ Дубенскаго.

Тотъ что-то пробормоталъ и торопливо протянулъ руку,

сдѣлалъ два шага по террасѣ назадъ, потомъ повернулъ и прошелъ гостиной, чтобы проститься съ Теркинымъ.

— Перетолковали?—спросилъ Теркинъ.

— Да-съ... Я ѣду... сейчасъ... Очень жаль, что не удалось...

Дубенскій не договорилъ, стиснулъ руку Теркина и быстро зашагалъ къ двери въ переднюю. Волосы его были въ безпорядкѣ, все лицо влажное.

— Ну, будьте здоровы!

Свое пожеланіе Теркинъ пустилъ ему вслѣдъ стоя.

— А!..—окликнулъ его сзади Усатинъ. — Вотъ это чудесно! Какая прохлада! Мы здѣсь и закусимъ... Въ столовой навѣрно духота... Только еще рано... Мы посидимъ, потолкуемъ... Не угодно ли на диванъ?

Онъ взялъ Теркина за плечо и повелъ его къ низкому дивану у одной изъ внутреннихъ стѣнъ.

— Вотъ сюда... Позвольте раскурить о вашу папиросу.

Они разсѣлись... Усатинъ закурилъ и раскинулся по спинкѣ дивана.

— У-фъ!..—выпустилъ онъ воздухъ звонкой нотой.

— Вамъ, Арсеній Кирилычъ, навѣрно не до меня и не до моихъ дѣлъ, — началъ Теркинъ искренно и скромно.—Что-то у васъ такое стряслось...

— Вы знаете? Изъ газетъ?

Вопросъ Усатина зазвучалъ рѣзко.

— Нѣтъ, отъ господина Дубенскаго... я кое-что...

— Господинъ Дубенскій,—прервалъ уже раздражительнѣе Усатинъ,—какъ я ему сейчасъ на прощанье сказалъ, слишкомъ скоро труса празднуетъ.

Онъ ударилъ себя по ляжкѣ и перемѣнилъ положеніе своего грузнаго тѣла.

— Удивительное дѣло!.. Кажется, я всѣмъ такимъ господамъ, какъ милѣйшій Петръ Иванычъ, давалъ и даю ходъ. Безъ моей поддержки ему бы не выбраться изъ мизеріи поднадзорнаго прозябанія.

— А господинъ Дубенскій изъ нелегальныхъ былъ?

— Помилуйте!.. И какъ еще!.. Теперь онъ директоръ значительнаго завода. Пять тысячъ жалованья и процентъ. Во мнѣ было достаточно времени увѣриться. Я никого изъ работающихъ со мною не подведу.

— Вы-то!

Это восклицаніе вылетѣло у Теркина задушевной нотой.

— Только со мной идти надо впередъ смѣло, не бо-

яться риска, временныхъ заклепокъ, подвоховъ, газетной брехни, всякихъ дешевыхъ обличеній, даже прокурорскаго надзора... на случай доносовъ...

— А нешто до этого дошло, Арсеній Кирилычъ? — вполголоса спросилъ Теркинъ, слегка нагнувшись къ Усатину.

— Дошло ли?!

Усатинъ прищурился на Теркина и мотнулъ головой.

— Доносъ, навѣрно, сдѣланъ на-дняхъ... Въ обѣихъ депешахъ говорится про это.

И, какъ бы спохватившись, онъ перебилъ себя восклицаніемъ:

— Я знаю и чувствую, откуда это идетъ. За все свое прошлое приходится отвѣчать теперь, Теркинъ... Вѣдь вашего отца, сколько я помню, его односельчане доконали?

— Въ Сибирь сослали,—подсказалъ Теркинъ.

— За что?

— Смутьянъ, вишь, былъ... Правду всѣмъ въ глаза говорилъ.

— А я весь свой вѣкъ ворочалъ дѣлами и въ гору шелъ, не измѣняя тому, что во мнѣ заложили лучшіе годы, проведенные въ университетѣ. Вотъ мнѣ и не хотятъ простить, что я шестидесятыми годами отзываюсь, что я врагъ всякой татарской надувастики и рутины... И поползли клопы изъ всѣхъ щелей,—клопы, которымъ мы двадцать лѣтъ назадъ пикнуть не давали. А по нынѣшнему времени они ко двору.

— Вѣрно, вѣрно, Арсеній Кирилычъ.

— Такіе клопы—мерзкая гадина, и надо ее истреблять персидскимъ порошкомъ, а не трусить... Вы, навѣрно, въ газетахъ уже читали...

— Ей-ей, не читалъ, Арсеній Кирилычъ. Я уже говорилъ господину Дубенскому, что больше недѣли листка въ глаза не видалъ.

— Тѣмъ лучше!.. Гнусная интрига, направленная противъ меня. Я вамъ за завтракомъ разскажу въ общихъ чертахъ... Разумѣется, если всѣ, кто у меня служитъ, будетъ такъ же щепетиленъ и слабъ душою, какъ господинъ Дубенскій, не мудрено подъ каждое дѣло подкопаться.

Видно было, что на техника онъ въ сильныхъ сердцахъ и долженъ излить сначала все, что у него накипѣло внутри.

— Помилуйте! — закричалъ онъ и подвинулся къ Теркину.—Вы завѣдуете технической частью въ акціонерномъ дѣлѣ, вы прямо не замѣшаны, не значитесь ни членомъ правленія, ни кассиромъ, и вдругъ, оттого, что дѣло связано, между прочимъ, и съ производствомъ, по которому вы давали свою экспертизу, вы сейчасъ — караулъ! И готовы стать на сторону тѣхъ, кто строчитъ доносы и бьетъ набатъ въ завѣдомо шантажныхъ газетчонкахъ!.. Все это, чтобы выгородить свое цивйческое цѣломудріе, ха, ха!..

Усатинъ быстро поднялся и заходилъ по гостиной.

Въ первый разъ видѣлъ Теркинъ такую раздраженность въ своемъ бывшемъ хозяинѣ.

Но онъ съ нимъ былъ согласенъ, хотя и не зналъ, изъ-за чего Дубенскій „выгораживалъ“ себя на случай исторіи по акціонерному обществу. Усатинъ, навѣрно, разскажетъ ему, въ чемъ дѣло, не теперь, такъ позднѣе. Несомнѣнно, однакожъ, что минута для займа двадцати тысячъ неподходящая, и лучше будетъ первому не заводить объ этомъ рѣчи.

— Теркинъ!—заговорилъ опять Усатинъ, подойдя плотно къ дивану,—вы у меня переночуете?

— Съ удовольствіемъ, Арсеній Кирилычъ.

— Передъ завтракомъ мы съѣздимъ выкупаться... Вы мнѣ писали... по дѣлу... я вѣдь, батюшка, не нашелъ вашего письма. Теперь я вспомнилъ нашъ разговоръ въ „Славянскомъ Базарѣ“... Вамъ кредитъ нуженъ?

— Точно такъ.

— Приблизительно, на какую сумму?

Глаза Усатина заиграли. Въ нихъ что-то промелькнуло, какое-то мгновенное соображеніе.

— Тысячъ на двадцать.

— Эхъ, милый мой! И зачѣмъ вы у меня тогда не попросили прямо въ Москвѣ?.. Я бы тогда и сорокъ далъ..

— Хотѣлъ самъ извернуться.

— Да вы мнѣ напомните, въ чемъ дѣло.

Теркинъ кратко и дѣловито разсказалъ ему про своего „Батрака“.

— Такъ!.. Ну, тутъ можно и безъ залога обойтись... Дайте мнѣ срокъ, какую-нибудь недѣлю, все наладить въ Москвѣ, тогда мы и это уладимъ.

— Ой-ли? Арсеній Кирилычъ! — радостно вскрикнулъ Теркинъ и поднялся.

Глаза Усатина продолжали играть. Онъ что-то обдумывалъ.

— Поѣдемте купаться на рѣку... а тамъ поѣдемъ и еще обширно перетолкуемъ.

## XXX.

До разсвѣта не могъ заснуть Теркинъ наверху, въ той комнатѣ, которую отвелъ ему нарядчикъ Верстаковъ.

Такого душевнаго переполоха давно не случалось съ нимъ.

Только къ концу ранняго обѣда, когда Арсеній Кирилычъ велѣлъ подать домашней водянки и стараго коньяку, стало ему вдомекъ, къ чему подбирается его бывшій хозяинъ.

— Вы сами знаете, Теркинъ,—началъ Усатинъ другимъ тономъ, спокойнѣе и задушевнѣе,—крупныя дѣла не дѣлаются безъ нѣкоторыхъ компромиссовъ.

Не сразу уразумѣлъ онъ, на чемъ произошла „заминка“ въ новомъ акціонерномъ предпріятіи, пущенномъ въ ходъ Арсеніемъ Кирилычемъ. Какъ онъ ни прикрывалъ того, что стряслось въ Москвѣ, своей діалектикой, но „уголовщиной“ запахло.

Появились разоблаченія подставныхъ акціонеровъ и дутаго дивиденда, растраты основного капитала и фиктивной цѣны акцій, захваченныхъ на двѣ трети Усатинымъ и его подручными. Можно было весьма серіозно опасаться вмѣшательства администраціи и даже прокурорскаго надзора.

И какъ Усатинъ ни замазывалъ сути дѣла, какъ ни старался выставить все это „каверзой“, съ которой легко справиться, Теркинъ распозналъ, что тотъ не на шутку смущенъ и долженъ будетъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь экстреннымъ мѣрамъ, разумѣется, окольными путями.

Прежде чѣмъ Усатинъ заговорилъ о „маленькой услугѣ“, онъ уже подумалъ:

„Будетъ меня пытать и предложитъ нелегальную сдѣлку“.

— Рискъ пустой, — сказалъ Усатинъ, подбадривая его своими маслянистыми глазками. — А вы мнѣ покажете, Теркинъ, что добро помните... И я вамъ даю слово—въ одну недѣлю уладить ваше дѣло по уплатѣ за пароходъ... на самыхъ льготныхъ для васъ условіяхъ.

Конечно, если вѣрить въ звѣзду Арсенія Кирилыча

и рискнуть, то можно даже примоститься къ дѣлу, буде оно пойдетъ опять полнымъ ходомъ, заставить заплатить за себя двадцать тысячъ, которыхъ даромъ никто не дастъ... Но придется за это впутать себя въ цѣлую „махинацію“, взять съ Усатина дутыхъ векселей на сотню тысячъ и явиться подставнымъ владѣтелемъ не одного десятка акцій.

И Усатинъ не сдѣлаетъ этого, не заручившись документами, покрывающими его фиктивный долгъ, такими же дутыми. Кто говоритъ! Это сплошь и рядомъ дѣлается во всякихъ банкахъ, обществахъ, ликвидаціяхъ и администраціяхъ.

Уходя спать, Теркинъ сказалъ Усатину:

— Утро вечера мудренѣе, Арсеній Кирилычъ, позвольте мнѣ все обсудить... Слишкомъ ужъ внезапно все это налетѣло на меня.

На что тотъ сказалъ ему:

— Только завтра за чаемъ вы мнѣ отвѣтите: да или нѣтъ. Мнѣ надо взять поѣздъ въ часъ дня, и въ случаѣ вашего согласія мы двинемся вмѣстѣ въ Москву.

До разсвѣта онъ провозился въ постели, перебиралъ на всякіе лады: можетъ онъ или нѣтъ пойти на такое дѣло, и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ уклониться, хотя бы задержка въ отысканіи двадцати тысячъ испортила всѣ его расчеты.

Это рѣшеніе не успокоило его... Онъ началъ добираться до глубины своихъ побужденій.

Изъ благороднаго ли оно источника вытекло?.. Честность ли это?.. Или просто смѣтка, боязнь влопаться въ уголовное дѣло?..

Кажется, больше второе, чѣмъ первое. И такая оцѣнка своей совѣсти огорчила его чрезвычайно... Даже потъ выступилъ у него на лбу.

„Стало-быть,—пыталъ онъ себя,—будь я увѣренъ, что все останется шито-крыто, иди предпріятіе Усатина ни шатко ни валко, не поднимай никто тревоги въ газетахъ, я бы, пожалуй, рискнулъ помочь ему въ его дѣлеческихъ комбинаціяхъ, предъявилъ бы, когда нужно, дутые документы и явился бы на общее собраніе съ чужими акціями?“

И на этотъ вопросъ онъ не могъ почему-то отвѣтить себѣ:

„Нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ!“

Арсенія Кирилыча онъ любилъ, готовъ былъ оказать для него услугу... Такъ почему же онъ отказывается теперь, когда тому грозитъ прямая бѣда?..

На это онъ отвѣчалъ сначала, что Усатинъ „покачнулся“, а съ этимъ и его вѣра въ него... Значитъ, онъ ужъ не прежній Арсеній Кирилычъ. Тотъ ни подъ какимъ видомъ не сталъ бы подстроивать такую „механику“.

А кто его знаетъ?.. Можетъ, онъ и прежде способенъ былъ на то же самое, да только пыль въ глаза пускалъ, всѣхъ проводилъ, въ томъ числѣ и его, простофилю.

„Нужды нѣтъ,—оправдывалъ себя Теркинъ,—если онъ и проводилъ меня, я-то самъ честно вѣрилъ въ него, считалъ себя куда рыхлѣе въ вопросахъ совѣсти, а теперь я вижу, что онъ на то идетъ, на что, быть-можетъ, я самъ не пошелъ бы въ такихъ же тискахъ“.

„Почемъ ты знаешь?“ — вдругъ спросилъ онъ самого себя, и въ груди у него сразу защемило... Увѣренности у него не было, не могъ онъ ручаться за себя. Да и кто можетъ?.. Какой дѣлецъ, любитель риска, идущій въ гору, съ пылкой головой, съ обширными замыслами?

Какъ можетъ онъ оградить самого себя, разъ онъ въ дѣлахъ да еще безъ капитала, съ плохимъ кредитомъ, отъ того, что не вылетитъ въ трубу и не попадетъ въ лапы прокурорскаго надзора?..

Съ каждыми пятью минутами онъ все больше и больше запутывался, послѣ того, какъ пришелъ къ твердому выводу: на посулы Усатина не итти.

— Этакая ерунда!—произнесъ онъ вслухъ, скинулъ съ себя одѣяло и всталъ.

Дольше онъ не желалъ теребить себя, но въ душѣ все-таки оставалось неяснымъ: заговорила ли въ немъ честность или только жуткое чувство уголовной опасности, нежеланіе впутаться въ темное дѣло, гдѣ можно очутиться и въ дуракахъ?

Онъ поднялъ штору, открылъ окно и поглядѣлъ на даль, въ сторону берега, гдѣ круто обрывался оврагъ. Все было залито розовымъ золотомъ восхода... Съ рѣки пахнуло мягкой прохладой.

Тотчасъ же, не умываясь, онъ присѣлъ къ столу, досталъ изъ своего дорожнаго мѣшка бумаги и конвертъ и быстро написалъ письмо Арсенію Кирилычу, гдѣ прямо говорилъ, что ему трудно будетъ отказываться, и онъ

проситъ не пенять на него за то, что уѣхалъ, не простившись, на пароходную пристань.

Одѣвшись, онъ сошелъ тихонько внизъ и разбудилъ Верстакова, который спалъ въ комнатѣ возлѣ передней.

Верстаковъ, когда узналъ, что онъ хочетъ уѣхать чераз часъ и нужно ему запрячь лошадь, почему-то не удивился, а, выйдя на крыльцо, шопотомъ началъ разспрашивать про „исторію“. Всѣмъ своимъ видомъ и тономъ нарядчикъ показывалъ Теркину, что боится за Арсенія Кирилыча чрезвычайно, и самъ сталъ проговариваться о разныхъ „недохваткахъ“ и „прорѣхахъ“ и по заводу, и по нефтяному дѣлу.

— Батюшка, Василій Иванычъ,—просительно кончилъ онъ, придя за вещами Теркина въ его комнату,—позвольте на васъ надѣяться. Признаться вамъ по совѣсти, ежели дѣло крякнетъ — пропадетъ и мое жалованье за цѣлыхъ семь мѣсяцевъ.

— Неужто не получалъ?—спросилъ удивленно Теркинъ.

— Ей-же-ей!.. Вамъ я довольно извѣстенъ... На что гожусь и на что нѣтъ... Вы теперича сами хозяйствовать собираетесь... не оставьте вашими милостями!

Этого нарядчика, еще не стараго, юркаго, прошедшаго хорошую школу, онъ зналъ, считалъ его не безъ плутоватости, но если бы ему онъ понадобился, отчего же и не взять?

„Чего тутъ? — поправилъ онъ себя. — Ты сначала кредитъ-то себѣ добудь да судохозяиномъ сдѣлайся!“

— Хорошо! — отвѣтилъ онъ вслухъ и пристально поглядѣлъ на сухую жилистую фигуру и морщинистое лицо Верстакова, ловко и безъ шума снарядившаго его въ дорогу.

— Чаю не угодно? Значитъ, Арсенія Кирилыча не будить?

— Ни подъ какимъ видомъ. Только письмо ему подать. А чаю я напьюсь на пароходѣ.

У крыльца стояла долгуша въ одну лошадь. Верстаковъ вызвался и проводить его до станціи, да Теркинъ отклонилъ это.

„Немножко какъ будто смахиваетъ на бѣгство, — подумалъ онъ про себя по пути къ пристани.—И отъ чего я бѣгу? Отъ уголовщины или отъ дѣла съ дурнымъ запахомъ?“

И на этотъ вопросъ онъ не отвѣтилъ.

## XXXI.

— Позвольте вамъ сказать... Капитанъ не приказываетъ быть около руля.

Съ этими словами матросъ обратился къ Теркину, стоявшему около лѣваго кожуха на пароходѣ „Сильвестръ".

— Почему такъ?—спросилъ онъ и нахмурился.—Вездѣ пассажиры перваго класса имѣютъ право быть наверху.

— Вонъ тамъ не возбраняется.

Матросъ указалъ на верхнюю палубу, обширную, безъ холщеваго навѣса. Она составляла крышу американской рубки, съ семейными каютами.

И онъ прибавилъ:

— Наше дѣло подневольное. Капитанъ гнѣваются.

Теркинъ не хотѣлъ поднимать исторіи. Онъ могъ отправиться къ капитану и сказать, кто онъ. Надо тогда выставляться, называть свою фамилію, а ему было это неудобно въ ту минуту.

— Ну, ладно,—выговорилъ онъ и вернулся на верхнюю палубу, гдѣ посрединѣ шелъ двойной рядъ скамеекъ, бѣлыхъ, какъ и весь пароходъ.

Ему не хотѣлось выставляться. Онъ былъ не одинъ. Съ нимъ ѣхала Серафима. Дня за три передъ тѣмъ они сѣли на этотъ пароходъ ночью. Она ушла отъ мужа, какъ только похоронили ея отца, оставила письмо,—мужъ игралъ въ клубѣ,— и взяла съ собою одинъ чемоданъ и сумку.

Третій день идутъ они кверху. Пароходъ „Сильвестръ"— плохой ходокъ. Завтра утромъ должны быть въ Нижнемъ. Завечерѣло, и ночь надвигалась хмурая, безъ звѣздъ, но еще не стемнѣло совсѣмъ.

Во всѣ эти дни Теркинъ не могъ овладѣть собою.

Вотъ и теперь, ходя по верхней палубѣ, онъ и возбужденъ, и подавленъ. Ему жутко за Серафиму, не хочется ни подо что подводить ее. Нарочно онъ выбралъ такой пароходъ: на немъ все мелкіе купцы, да простой народъ, татары. Пассажировъ перваго класса почти нѣтъ. Занялъ онъ двѣ каюты, одна противъ другой. Серафима хотѣла помѣститься въ одной, съ двумя койками; онъ не согласился. Онъ просилъ ее днемъ показываться на палубѣ съ опаской. Она находила такую осторожность „трусостью" и повторяла, что желаетъ даже „скандала",—это только поскорѣе развяжетъ ее навсегда.

Уже на второй день поутру начало уходить отъ Теркина то блаженное состояніе, когда въ груди таетъ радостное чувство; онъ даже спросилъ себя разъ:

„Неужли выше этого счастья и не будетъ?“

Однако, женщина владѣла имъ, какъ никогда. Это—связь, больше того,—сообщничество. „Мужняя жена“ бѣжала съ нимъ. Въ его жизнь клиномъ вошло что-то такое, чего прежде не было. Онъ чуялъ, что Серафима хоть и не приберетъ его къ рукамъ,—она слишкомъ сама уходила въ страсть къ нему,—но станетъ съ каждымъ днемъ тянуть его въ разныя стороны. Нельзя даже предвидѣть, куда именно. И непремѣнно отразится на немъ ея существо, взгляды, пристрастія, увлеченія, растяжимость „бабьей совѣсти“,—онъ именно такъ выражался,—суетность во всѣхъ видахъ.

Досадно было ему думать объ этомъ и расхолаживать себя „подлыми“ вопросами, сравненіями.

Взглядъ его упалъ на группу пассажировъ, вправо отъ того мѣста, гдѣ онъ ходилъ, и сейчасъ въ головѣ его, точно по чьему приказу, выскочилъ вопросъ:

„А нѣшто не то же самое всякая плотская страсть?“

Спинами къ нему сидѣли на одной изъ скамеекъ, раздѣлявшихъ пополамъ палубу, женщина и двое мужчинъ, молодыхъ парней, смахивающихъ на мелкихъ приказчиковъ или лавочниковъ.

На женщину онъ обратилъ вниманіе еще вчера, когда они пошли отъ Казани, и догадался, кто она, съ кѣмъ и куда ѣдетъ.

Ей было уже за тридцать. Сразу восточный нарядъ,—голову ея покрывалъ бархатный колпакъ съ какимъ-то мѣшкомъ, откинутымъ на бокъ,—показывалъ, что она татарка. Шелковая короткая безрукавка ловко сидѣла на ней. Лицо подрумяненное, съ насурмленными бровями, хитрое и худощавое, могло еще нравиться.

Теркинъ призналъ въ ней „хозяйку“, ѣздившую съ ярмарки домой, въ Казань, за новымъ „товаромъ“.

И товаръ этотъ, въ лицѣ двухъ дѣвушекъ, одной толстой, грубаго лица и стана, другой—почти ребенка, показывался изрѣдка на носовой палубѣ. Онѣ были одѣты въ шапки и длинныя шелковыя рубахи съ оборками и множествомъ дешевыхъ бусъ на шеѣ.

Ему и вчера сдѣлалось непріятно, что они съ Серафимой попали на этотъ пароходъ. Ихъ первыя ночи прохо-

дили въ такомъ сосѣдствѣ. Надо терпѣть до Нижняго. При хозяйкѣ, не отказывавшейся отъ заигрыванія съ мужчинами, состоялъ хромой татаринъ, еще мальчишка, прислужникъ и скрипачъ, обычная подробность татарскихъ притоновъ.

Эта досадная случайность грязнила ихъ любовь.

До Теркина долеталъ смѣхъ обоихъ мужчинъ и отрывочные звуки голоса татарки, говорившей довольно чисто по-русски. Она держала себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ, не хохотала нахально, а только отшучивалась.

Лакей принесъ пива. Началось угощенье, но безъ пьянства. Поднялся наверхъ по трапу и татаринъ-скрипачъ и, ковыляя, подошелъ къ группѣ.

„Еще этого не хватало!—съ сердцемъ подумалъ Теркинъ.—Кабацкая музыка будетъ. И того хуже!“

Ужъ, конечно, на его „Батракѣ“ ничего подобнаго не можетъ случиться. Такихъ „хозяекъ“ съ дѣвицами и музыкантами онъ формально запретитъ принимать капитану и кассирамъ на пристаняхъ, хотя бы на другихъ пароходахъ товарищества и дѣлалось то же самое.

Не будь необходимости проѣхать до Нижняго тихонько, не называя себя, избѣгая всякаго повода выставляться, онъ бы и теперь заставилъ капитана „прибрать всю эту нечисть“ внутрь, приказать татаркамъ сидѣть въ каютахъ, что̀ обыкновенно и дѣлается на пароходахъ получше, съ бо̀льшимъ порядко̀мъ.

„Нешто не все равно?—повторилъ онъ свой вопросъ,—вѣдь и тутъ то же влеченіе!“

Онъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли, ушелъ на самую корму, сѣлъ на якорь. Но и туда долетали гоготаніе мужчинъ, угощавшихъ татарку, и звуки ея низкаго, непріятнаго голоса. Нѣкоторыя слова своего промысла произносила она по-русски, съ безсознательнымъ цинизмомъ.

Голова Теркина заработала помимо его воли, и все новые ѣдкіе вопросы выскакивали въ ней точно на зло ему...

Можетъ ли быть полное счастье, когда оно связано съ утайкой и вотъ съ такими случайностями? Навѣрно, здѣсь, на этомъ самомъ пароходѣ, если бы прислуга, матросы, эта „хозяйка“ и ея кавалеры знали, что Серафима не жена его да еще убѣжала съ нимъ, они бы стали назы-

вать ее однимъ изъ циническихъ словъ, вылетѣвшихъ сейчасъ изъ тонкаго, слегка скошеннаго рта татарки.

И такъ все пойдетъ, пока Серафима не обвѣнчается съ нимъ. А когда это будетъ? Она не заикнулась о бракѣ ни до побѣга, ни послѣ. Таинство для нея ничего не значитъ. Пока не стоитъ она и за уваженіе, за почетъ, помирится изъ любви къ нему со всякимъ положеніемъ. Да, пока... а потомъ?

Онъ впервые убѣждался въ томъ, что для него обычай не потерялъ своей силы. Неловкость положенія непремѣнно будетъ давить его. Къ почету, къ уваженію онъ чувствителенъ. За нее и за себя онъ еще не мало настрадается.

Мужъ Серафимы—теперь товарищъ прокурора. По доброй волѣ онъ не пойдетъ на разводъ, не возьметъ на себя вины, или надо припасти крупную сумму для „отступного“.

Да и не чувствовалъ онъ себя въ брачномъ настроеніи. Бракъ—не то. Бракъ—дѣло святое даже и для тѣхъ, у кого, какъ у него, нѣтъ крѣпкихъ вѣрованій.

Чего онъ ждалъ и ждалъ со страхомъ — это вопроса: „положимъ, она тебя безумно любитъ, но развѣ ты застрахованъ отъ ея дальнѣйшихъ увлеченій?“ И этотъ вопросъ пришелъ вотъ сейчасъ, все подъ раздражающій кутежъ двухъ мѣщанъ въ короткихъ пиджакихъ и свѣтлыхъ картузахъ.

Въ такомъ настроеніи онъ не хотѣлъ спускаться къ Серафимѣ внизъ, пить чай, но ему было бы также непріятно, если бы она, соскучившись сидѣть одна, пришла сюда на верхнюю палубу.

Одно только сладко щекотало: чувство полной побѣды, сознаніе, что такая умная, красивая, нарядная, рѣчистая женщина бросила для него, мужичьяго сына, своего мужа, каковъ бы онъ ни былъ,—барина, правовѣда, на хорошей дорогѣ.—„А такіе, съ протекціей, забираются высоко“,—думалъ онъ.

## XXXII.

Въ каютѣ Серафимы стемнѣло. Она ждала Теркина къ чаю и немного вздремнула, прислонившись къ двумъ подушкамъ. Одну изъ нихъ предложилъ ей Теркинъ. У нея взята была съ собою всего одна подушка. Когда она собралась на пароходъ, пришлось оставить остальныя дома,

вмѣстѣ со множествомъ другого добра: мебели, бѣлья, столоваго и спальнаго, зимняго платья, даже серебра, всякихъ ящичковъ и туалетныхъ вещицъ, принадлежавшихъ ей, а не Рудичу, купленныхъ на ея деньги.

Но полчаса передъ тѣмъ она проснулась и обвела своими прекрасными, съ алмазнымъ отблескомъ глазами голыя и бѣлесоватыя стѣны каюты, сумку, лежавшую въ углу, матрацъ и пикейное одѣяло, добытые откуда-то Теркинымъ, и ей не стало жаль своей хорошей обстановки и всего брошеннаго добра.

Вытребовать все это отъ Севера Львовича не удастся, да она и не хочетъ. Пускай продастъ и проиграетъ. Она ему написала, что онъ можетъ распорядиться всѣмъ, какъ ему угодно.

Что̀ ей въ этомъ добрѣ? Вася съ ней! Она начала съ нимъ новую жизнь.

— Вася, Вася!—повторяли безслышно ея губы.

Ей непріятно только то, что онъ проситъ ее поменьше показываться на палубѣ. Конечно, это показываетъ, какъ онъ на нее смотритъ! Но чего ей бояться и что терять? Если бы она не ставила выше всего его любви, жизни съ нимъ, она, жена товарища прокурора, у всѣхъ на виду и въ почетѣ, не ушла бы такъ скандально.

Для нея нѣтъ ни скандала, ни непріятностей, ни страховъ, ни сожалѣній, ничего!..

Мужчины, видно, изъ другого тѣста сдѣланы, хотя бы и такіе пылкіе и смѣлые, какъ ея Вася. У нихъ слишкомъ много всякихъ дѣлъ, всюду ихъ тянетъ, не даетъ имъ окунуться съ головой въ страсть...

Она остановила себя. Ни въ чемъ не желаетъ она обвинять его. Онъ ее любитъ. Вѣритъ она и въ то, что еще ни одна женщина его такъ не „захлеснула“.

Это его выраженіе; оно ей нравится, какъ вообще всякія мѣткія народныя слова. Они—одного поля ягода. Въ ихъ жилахъ течетъ крестьянская кровь. Оба разночинцы. И это званіе ихъ не коробитъ. Если ему хотѣлось выйти въ люди, добиться званія почетнаго гражданина, то только затѣмъ, чтобы оградить свое достоинство. „Развѣ можно насъ не быть *чѣмъ-нибудь*,—говорила она себѣ,—если не хочешь рисковать, что тебя всякій становой оборветъ, а то такъ и засадитъ въ темную? Впрочемъ,—продолжала она разсуждать,—вѣдь не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, она сама слышала, что на ярмаркѣ тѣлесно нака-

зали такого же почетнаго гражданина. Возьмутъ, да и пропишутъ".

Все тамъ, внутри, — она не могла опредѣлить, гдѣ именно: въ груди или въ мозгу, — говорило ей, что ея судьба безповоротно связана съ Васей. Если ей суждено „пойматься" на этой любви, то она все въ нее уложитъ до послѣдней капли своихъ силъ, страсти, ума, жизненности.

Нѣтъ для нея съ того часа, какъ она пошла на первое свиданіе съ Васей, разницы между *своимъ* и *его* добромъ. И сладко ей это полное отсутствіе чувства собственности.

Половина приданаго пошла такъ же на мужа; но тамъ деньги ухлопаны въ его игрецкое безпутство, потому что она сразу не умѣла себя поставить, глупа была, подчинялась ему изъ тщеславія. И скоро начала жалѣть, дѣлать ему сцены, и до и послѣ первой встрѣчи съ Васей.

Какая сила деньги—она теперь хорошо знала. Въ ея теперешнемъ положеніи, свой капиталъ, хотя бы и маленькій, охъ, какъ пригодится! Вѣдь она никакихъ правъ не имѣетъ на Васю. Онъ можетъ ее выгнать, когда ему вздумается. У матери остались, правда, домъ съ мельницей, но она отдала ихъ въ аренду... не Богъ знаетъ какую. Тысячу рублей, врядъ ли больше. Матери и самой надо прожить.

И все-таки она не можетъ крѣпко держаться ни за какія деньги, ни за большія, ни за малыя.

Сейчасъ отдастъ она Васѣ все до послѣдней копейки... Это для нея самой одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ оселковъ того, что̀ онъ для нея.

Ее тяготитъ та сумма, которую она везетъ съ собою въ дорожномъ мѣшкѣ.

Въ лицѣ Серафима ощутила внезапную теплоту, какъ только ея мысль перешла на эту „сумму".

Передъ ней опять нѣмая сцена. Вотъ мать ея вынимаетъ изъ шкатулки, той самой шкатулки, что̀ отецъ передъ смертью велѣлъ подать къ нему на кровать, большой пакетъ. На немъ написано рукой отца съ ошибками правописанія: „Племянницѣ моей, Калеріи, все находящееся въ семъ конвертѣ оставляю въ полную собственность. Сумма сія, въ билетахъ и серіяхъ, а которая и въ закладныхъ листахъ, достается на ея долю, потому какъ пріумножена на ея деньги. И прошу я племянницу мою

Калерію: тетку не оставить и дочь мою Серафиму такимъ же манеромъ, ежели, паче чаянія, онѣ придутъ въ денежное разстройство".

Все это крупными буквами было написано на свободной отъ печатей сторонѣ пакета, въ какіе вкладываются дѣловыя бумаги.

Онѣ обѣ переглянулись; мать сломала печать и выговорила шопотомъ:

— Ну, Господи, благослови!

Помнится, даже перекрестилась своимъ раскольничьимъ крестомъ, съ заносомъ руки вправо и влѣво на самый уголъ плеча.

Печать была крупная и не сразу подалась. Въ конвертѣ оказалась подкладка изъ толстой марли.

Заперлись онѣ въ спальнѣ матери. Сѣли обѣ на край постели, вытряхнули изъ пакета всѣ цѣнныя бумаги. Много ихъ выпало разныхъ форматовъ и цвѣта: розовый, зеленый, голубой, желтоватый колеръ ободковъ заигралъ у нея въ глазахъ, и тогда первая ея мысль была:

„У Васи будутъ деньги на пароходъ, если онъ и не раздобудетъ у того барина".

Купоны нигдѣ почти не были отрѣзаны, кромѣ серій. Стали онѣ считать, считала она, а мать только тяжело переводила духъ и повторяла изрѣдка: „Ну, ну!" Перечли два раза. Она все записала на бумажку. Вышло, безъ купоновъ, тридцать-одна тысяча триста рублей.

Мать отдала ихъ ей всѣ и сказала:

— Симочка!.. Мы передъ Калеріей не много провинимся, ежели изъ этихъ денегъ что̀ удержимъ. Воровать мы у ней не будемъ. Зачѣмъ ей этакой капиталъ?.. Она все равно, что Христова невѣста... Пущай мы съ тобой про то знаемъ. Когда нужно, окажемъ ей пособіе.

Въ умѣ она къ словамъ матери добавила:

„Двадцать тысячъ Васѣ пригодятся. А десять мы придержимъ. На что Калеріи больше тысячи рублей?.. На глупости какія?.. Стриженымъ раздавать?.."

Отъ матери она хоронила свое рѣшеніе—совсѣмъ убѣжать—до самой послѣдней минуты.

Наканунѣ она сказала ей, уѣзжая домой:

— Мамаша, ежели мнѣ невмоготу будетъ выносить мое постылое житье съ Рудичемъ, вы не подымайте тревоги. Вамъ будетъ извѣстно, гдѣ я. Здѣсь вы жить не хотите. Вотъ поѣдете къ роднымъ. Коли тамъ вамъ придется по

душѣ, наймете домикъ и перевезете свое добро. А разлетится къ вамъ Рудичъ—вы сумѣете его осадить.

Въ сумкѣ увезла она капиталъ Калеріи, но ничего еще не говорила объ этомъ Васѣ. Онъ тоже молчитъ про то, съ какимъ отвѣтомъ уѣхалъ отъ Усатина. Что-то ей подсказывало, что ни съ чѣмъ.

Сегодня она должна довести до того, чтобы онъ взялъ себѣ двадцать тысячъ. Будетъ онъ допытываться, чьи это именно деньги—она скажетъ; а нѣтъ—такъ и не надо говорить. Могъ и отецъ оставить ей съ матерью.

Она еще разъ и долго поглядѣла на мѣшокъ, потомъ поднялась и взяла его со стула въ углу, положила на столикъ, подъ окномъ, спустила штору, зажгла свѣчу и стала ждать его такъ нетерпѣливо, что хотѣла даже подняться на палубу.

Ночь совсѣмъ уже понадвинулась надъ пароходомъ.

## XXXIII.

Чай они пили въ каютѣ Теркина, напротивъ черезъ узкій коридорчикъ.

Былъ уже десятый часъ въ исходѣ. На такомъ же узкомъ откидномъ столикѣ у окна чайный приборъ расползся безпорядочно.

Серафима сидѣла на кровати, облокотясь о кожаную подушку, Теркинъ—на стулѣ, противъ окна. Штора была спущена. Горѣла одна свѣча. Въ каютѣ было душно.

Разговоръ пошелъ не совсѣмъ такъ, какъ она желала. Теркинъ все еще не разсказалъ ей подробно, съ чѣмъ онъ возвращался отъ Усатина. Въ Нижнемъ они рѣшили сейчасъ же переѣхать на чугунку, съ пристани, и съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ дальше, въ Москву, гдѣ она и останется, а онъ съѣздитъ еще разъ въ Нижній.

— У меня, — заговорилъ онъ, закуривая папиросу, — тамъ, по Яузѣ, въ сторону отъ дороги къ Троицѣ, намѣчено мѣстечко. Ты московскія-то урочища мало знаешь, Сима?

— Совсѣмъ не знаю. Даже въ Сокольникахъ не была. Мы ѣздили въ Москву зимой.

— Чудесное есть мѣстечко... около Свиблова. На лодкѣ можно спуститься по Яузѣ... Берега-то всѣ въ зелени. Мнѣ одинъ человѣчекъ уступитъ свою дачку... Ему какъ разъ надо ѣхать на нѣсколько недѣль въ Землю Войска Донского.

— Найдемъ!.. По мнѣ, пожалуй, хоть и подъ Нижнимъ. Есть прекрасныя мѣста, туда по Окѣ, за Соляными амбарами.

— Нѣтъ, этого не нужно, Сима!.. Особливо во время ярмарки. Никакого нѣтъ резону тамъ оставаться.

Онъ немножко нахмурилъ брови, но тотчасъ же его большіе глаза, со слезой, улыбнулись, и онъ протянулъ ей руку.

— Ты ужъ довѣрься мнѣ,—выговорилъ онъ, оглядывая ее, и потомъ подхватилъ ея руку, — она хотѣла что-то достать на столикѣ,—и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

Отъ этой ласки она трепетно прильнула къ нему головой и тихо, чуть слышно сказала:

— Вася! какъ же ты... тамъ въ Сормовѣ покончилъ?.. Вѣдь дѣло-то не ждетъ... Пароходъ твой, чай, давно готовъ?

— Готовъ,—небрежно выговорилъ Теркинъ.

— Сядь сюда... поближе ко мнѣ!

Она усадила его рядомъ съ собою, сама пододвинулась къ подушкѣ и оставила обѣ руки въ его рукахъ.

— Вотъ такъ. А то я тебя совсѣмъ не чувствую...

Онъ негромко разсмѣялся и взялъ ее за талію.

— Должно-быть, тотъ баринъ... тамъ на низу... не при деньгахъ?

Теркинъ помолчалъ.

— Зачѣмъ намъ съ тобой, Сима, о дѣлахъ перебирать!.. Это еще успѣется. Какая тебѣ въ этомъ сладость?..

— Нѣтъ!.. Ты напрасно, Вася!—Она выпрямила станъ и поглядѣла на него въ бокъ. — Все, что ты и твои заботы, планы — это и моя жизнь. Больше у меня нѣтъ никакой, да и не будетъ!

Ея голосъ, низковатый и слегка вздрагивающій, проникалъ въ него и грѣлъ. Такъ можетъ звучать только беззавѣтная любовь.

И чего ему скрытничать?.. Вѣдь это — самолюбіе мужчины, не что другое... Не хочется сказать прямо: „Да, я потерпѣлъ осѣчку и денегъ у меня нѣтъ, и врядъ ли я ихъ добуду въ теченіе августа“.

У него всегда второе душевное движеніе лучше перваго. И въ эту минуту и во скольких случаяхъ жизни онъ такъ вотъ и ловилъ себя и поправлялъ.

— Что жъ!—вымолвилъ онъ, тряхнувъ головой.—Лгать не хочу. Усатинъ теперь и самъ такъ запутался, что дай Богъ отъ уголовщины уйти.

— Какъ такъ?

Онъ разсказалъ ей просто, что видѣлъ и слышалъ отъ Дубенскаго и самого Усатина.

— Покачнулся, значитъ? — спросила она и опустила голову.

— Этого мало, Сима. Покачнулся не въ однихъ дѣлахъ... а въ правилахъ своихъ. Это ужъ не прежній Усатинъ. Мнѣ прямо посулъ сдѣлалъ, чтобы я его прикрылъ... дутымъ документомъ.

Онъ съ большимъ оживленіемъ разсказалъ и про „подходъ“ Усатина.

— Разумѣется... ты отказался. Нешто ты пойдешь на это?.. Другіе пойдутъ, а не ты.

Губы ея прикоснулись къ его лбу.

И она подумала въ ту же минуту:

„Не приметъ онъ нашихъ денегъ. Будетъ доискиваться, не украли ли мы ихъ у Калеріи?“

Это ее смутило, но она не дала смущенію овладѣть собою и снова прижалась къ нему.

— Вася!.. Бѣда не велика... Деньги найдутся.

Онъ поглядѣлъ на нее быстро и отвелъ глаза.

Ему бы слѣдовало сейчасъ же спросить: „Откуда же ты ихъ добудешь?“ — но онъ ушелъ отъ такого вопроса. Отецъ Серафимы умеръ десять дней назадъ. Она третьяго дня убѣжала отъ мужа. Про завѣщаніе отца, про наслѣдство, про деньги Калеріи онъ хорошо помнилъ разговоръ у памятника; она пока ничего ему еще не говорила, или, лучше, онъ самъ какъ бы умышленно не заводилъ о нихъ рѣчи.

То была въ немъ деликатность. Онъ такъ объяснялъ это. Но теперь приходилось сдѣлать два-три вопроса, отъ которыхъ не слѣдовало бы отвертываться, если поступать по строгой честности.

— Видишь...—продолжала Серафима тихо, но тревожнѣе, чѣмъ бы нужно. — Послѣ отца осталось... больше, чѣмъ мы съ мамашей думали... И никакого завѣщанія онъ не оставилъ.

— Не оставилъ? — переспросилъ Теркинъ и вскинулъ на нее глазами.

— Ей-же-ей!.. Никакого! — почти вскрикнула она и схватила его за руку. — Никакого завѣщанія... Онъ при мнѣ, еще тогда, какъ ты уѣхалъ къ Усатину, велѣлъ подать шкатулку и разсказалъ...

Она какъ будто запнулась.

„А деньги Калеріи?“ подсказалъ себѣ Теркинъ.

— Однако... выражалъ свою волю... устно или... оставилъ для передачи.... твоей двоюродной сестрѣ?..

— Вася! — еще порывистѣе перебила его Серафима и положила горячую голову на его лѣвое плечо, — зачѣмъ ей деньги?.. Я ужъ тебѣ говорила, какая она... И опять же отецъ и къ ней обращается.

— Значитъ, есть завѣщаніе?

— Нѣтъ, я тебѣ покажу... просто на пакетѣ написано... И прямо говорится, чтобы она подѣлилась и съ матерью, и со мною.

— Однако... капиталъ оставленъ прямо ей... Стало, ея деньги были въ оборотахъ отца, и онъ, какъ честный человѣкъ, не пожелалъ брать грѣха на душу.

— Вася! Милый! Зачѣмъ такъ ставить дѣло?.. Маменька и я вольны распорядиться этими деньгами, какъ намъ совѣсть наша скажетъ... Мы не ограбимъ Калеріи. Да она первая, коли на то пошло, дастъ намъ взаймы.

— Это дѣло десятое, Сима!

И онъ почувствовалъ, что подается.

— Но я такъ, изъ рукъ въ руки отъ тебя, одной тысячи не приму, пока ты къ ней не обратишься... Да и то мнѣ тяжко будетъ одолжаться изъ такого источника.

— Это почему?

На рѣсницахъ ея заблестѣли двѣ крупныя слезинки.

— Тебѣ стыдно... Ты гнушаешься. Источникъ нехорошъ!.. Спасибо!..

Она готова была разрыдаться.

— Сима! Развѣ я въ такомъ смыслѣ?.. Ты не понимаешь меня!

Его сильныя руки обнимали ее... Она подъ его ласками утихла сразу.

— Нѣтъ!.. Позволь!.. Позволь!

Серафима вскочила, взяла дорожный мѣшокъ, торопливо отперла ключикомъ и достала оттуда пакетъ.

Теркинъ слѣдилъ за ней глазами. Онъ не могъ подавить въ себѣ вопроса: какая сумма лежала тамъ?

— Вотъ, милый, смотри... и подпись отца.

— Я читать не стану... Уволь... Я вѣрю тебѣ.

Ея руки, вздрагивая, начали вынимать изъ пакета цѣнныя бумаги.

„Стало, онѣ печать-то сломали?“ спросилъ мысленно Теркинъ, но не выговорилъ вопроса вслухъ.

Вся койка на томъ мѣстѣ, гдѣ Серафима сейчасъ сидѣла, покрылась серіями, билетами и закладными листами.

— Тутъ слишкомъ на тридцать тысячъ... Вася! Ты видишь... во всякомъ случаѣ останется еще, ежели и взять сейчасъ двадцать.

И, не давая ему говорить, она вынула двѣ сумки изъ замши.

— Милый!.. Сдѣлай ты мнѣ одолженіе... Уложимъ все это въ сумки, раздѣлимъ поровну и надѣнемъ на грудь. Мало ли что̀ можетъ случиться въ дорогѣ... Этого-то ты мнѣ не можешь отказать.

Она все такъ же порывисто накинула ему на шею одну изъ сумочекъ и стала складывать билеты.

Теркинъ глубоко вздохнулъ.

## XXXIV.

Сильнѣйшій толчокъ разбудилъ его и заставилъ привскочить. Онъ спалъ крѣпко. Прошло болѣе двухъ часовъ, какъ онъ вернулся отъ Серафимы съ замшевымъ мѣшкомъ на груди.

Въ первыя три-четыре секунды онъ не могъ опредѣлить, что̀ это такое за толчокъ. Рука его потянулась къ столику за спичками.

Въ каютѣ было совсѣмъ темно.

Но сейчасъ же догадался онъ, что стряслась бѣда.

На палубѣ и по всему корпусу парохода возрастающій шумъ; гдѣ-то затрещало; крики и бѣготня; рѣжущее шипѣніе паровъ.

„Тонемъ!“ мгновенно рѣшилъ онъ, всталъ на ноги, успѣлъ зажечь свѣчу и натянуть на себя пиджакъ. Онъ спалъ въ жилетѣ и одѣтый, прикрываясь пледомъ. Подъ подушкой лежалъ его бумажникъ. Онъ сунулъ его въ боковой карманъ и ощупалъ замшевую сумку.

„Здѣсь!“ радостно подумалъ онъ и, ничего не захвативъ съ собою, рванулся изъ своей каюты.

Онъ уже переживалъ минуты настоящей опасности и зналъ, что не теряется. Въ головѣ его сейчасъ же становилось ясно и возбужденно, какъ отъ большого пріема хины.

Надо спасти себя, Серафиму и деньги, а на все прочее

добро махнуть рукой... Съ нимъ былъ чемоданъ и мѣшокъ... Съ нею также.

Онъ уже сообразилъ, — на это пошло пять секундъ,— что ударъ нанесенъ какимъ-нибудь встрѣчнымъ пароходомъ, что ударило въ носовую часть и навѣрно проломило ее. Каюты пассажировъ второго класса навѣрно уже затоплены. Можетъ взорвать и паровикъ.

— Серафима Ефимовна! Серафима Ефимовна!..

Онъ стучалъ въ дверку ея каюты и трясъ ее за ручку.

— Ты, Вася?—спросонья откликнулась она.

— Тонемъ! Выбѣгайте! Коли раздѣты, все равно!..

Онъ поглядѣлъ влѣво, гдѣ была дверь на палубы. Тотъ край парохода еще не затонулъ.

Въ ихъ коридорчикѣ пассажировъ, кажется, не было.

На палубѣ гамъ возрасталъ. Пронеслись надъ нимъ слова въ рупоръ:

— Что жъ вы, разбойники! На утекъ? Спасай пассажировъ! Черти! Слышите аль нѣтъ?..

Теркинъ соображалъ такъ же ясно и возбужденно,—а руками продолжалъ трясти ручку двери,—что пароходъ, налетѣвшій на нихъ, уходитъ, пользуясь темнотой ночи, и такъ у него закипѣло отъ этой подлости, что онъ чуть не выскочилъ на палубу.

Серафима отомкнула задвижку. Она была полуодѣта, съ разстегнутымъ лифомъ пеньюара.

— Что такое?

Въ полутемнотѣ онъ не могъ разглядѣть ея лица, но голосъ не выдавалъ большого переполоха.

— Спасаться надо, Сима! Вотъ что...

— Тонемъ?

— Наскочилъ пароходъ!..

Она начала хватать платье, мѣшокъ.

— Ничего съ собой не брать!—почти грозно крикнулъ онъ и потянулъ ее за руку. — Мѣшокъ на тебѣ... тотъ... замшевый?

— На мнѣ, — отвѣтила она перехваченнымъ звукомъ, но онъ почуялъ, что она въ обморокъ не упадетъ и будетъ его слушать.

— Какъ же, Вася, весь багажъ погибнетъ?

Онъ даже ничего не отвѣтилъ и потащилъ ее за собой.

Въ его головѣ уже всплыла совершенно отчетливо фигура спасательнаго обруча съ названіемъ парохода, ко-

торый онъ вчера видѣлъ на кормѣ. Всего одинъ такой обручъ и значился на „Сильвестрѣ“.

Первымъ движеніемъ Теркина было броситься къ кормѣ и схватить обручъ... Онъ сдѣлалъ это въ темнотѣ, держась другой рукой за руку Серафимы.

На верхней рубкѣ капитанъ, спросонья выскочившій въ одномъ бѣльѣ изъ своей каюты, его помощникъ, рулевые—метались, кричали въ рупоръ, ругались съ пассажирами.

Вода хлынула черезъ проломъ въ каюты второго класса и затопила правую часть палубы, проникла и въ машинный трюмъ.

Въ темнотѣ народъ бѣгалъ, ахалъ, бранился скверными словами; татарки ревѣли; какой-то купецъ вопилъ благимъ матомъ:

— Голубчики! Православные!.. Отпустите душу на покаяніе! Тысячи не пожалѣю!

— Катеръ!—крикнулъ сиплымъ надорваннымъ звукомъ капитанъ.

О немъ въ первыя минуты всѣ забыли, но Теркинъ вспомнилъ. Наканунѣ онъ, ходя наверху, подумалъ: „Еще слава Тебѣ, Господи, что одинъ катеръ имѣется; на иныхъ пароходахъ и того нѣтъ!“

И всѣ, какъ ополоумѣвшее стадо, бросились къ катеру, подтянутому у одного изъ бортовъ кормовой части.

Одними изъ первыхъ подбѣжали къ нему Теркинъ и Серафима.

Теркинъ впослѣдствіи не могъ бы разсказать, какъ этотъ катеръ былъ спущенъ на воду среди гвалта, давки и безурядицы; онъ помнилъ только то, что ему кого-то пришлось нечаянно столкнуть въ воду,—кажется, это былъ татарчонокъ-музыкантъ. Въ рукахъ его очутился топоръ, которымъ онъ отрубилъ канатъ, и, обхвативъ Серафиму за талію, онъ хотѣлъ протискаться къ рулю, чтобы править самому.

Пароходъ, проломившій имъ носъ, утекалъ предательски. Капитанъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться минутой и на всѣхъ парахъ подойти какъ можно ближе къ плоскому берегу, продолжалъ ругать въ рупоръ утекавшій пароходъ, который, наконецъ, остановился, но саженяхъ въ тридцати.

Вся правая половина была уже затоплена. И катеръ не могъ отчалить сразу: запутался за какой-то канатъ.

Въ него все еще прыгалъ народъ, обезумѣвшій отъ страха, но многіе падали мимо, въ воду.

Теркинъ не помнилъ и того, когда именно, сейчасъ же или минуты черезъ три-четыре, катеръ накренило и половина спасавшихся попала въ воду.

Съ этой минуты все у него осталось въ памяти до мелочей.

— Вася!.. Я здѣсь!..—раздалось около него.

Его руки точно какимъ-то чудомъ охватили станъ Серафимы. Она вся вздрагивала, держась за его плечо, приподнялась въ водѣ и крикнула:

— Плывемъ!..

Спасательный снарядъ былъ еще на немъ. Оба они умѣли плавать; онъ даже славился еще въ гимназіи тѣмъ, что могъ доплывать безъ усталости до средины Волги.

— На тебѣ мѣшокъ? — спросилъ онъ, овладѣвъ собой окончательно.

— На мнѣ!..

Платье мѣшало имъ, прилипло къ тѣлу, тянуло на дно, но ихъ подхватила обоихъ разомъ могучая страсть къ жизни; они оба почуяли въ себѣ такую же могучую молодость и смѣлость.

Позади раздавались крики утопавшихъ. Теркинъ ихъ не слыхалъ. Ни на одно мгновеніе не заговорило въ немъ желаніе броситься къ тѣмъ, кто погибалъ, кто не умѣлъ плавать. Онъ спасалъ Серафиму, себя и оба замшевыхъ мѣшка. Подруга его плыла рядомъ; онъ снялъ съ себя обручъ и накинулъ на нее. Въ обоихъ чувство жизни было слишкомъ цѣпко. Они должны были спастись и черезъ три минуты находились уже внѣ опасности. До берега оставалось десятокъ другой саженей.

— Вася!.. Милый!.. — повторяла Серафима, набираясь дыханія.

Ея руки и ноги усиленно работали, голова поднималась надъ уровнемъ воды, и распустившіеся волосы покрывали ей почти все лицо. Они были уже въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ берега. Ихъ ноги начали задѣвать за песокъ.

Можно было идти въ бродъ.

— Милый!.. Ты со мной!.. И деньги не пропали... Твои теперь деньги!.. Слышишь, твои!..

Она глубоко вздохнула, и вразъ они стали на ноги. Но вода была имъ по поясъ.

Сзади слышались крики и удары веселъ о воду.

## XXXV.

Густое облако разорвалось вдоль, и черезъ узкую скважину выглянулъ мѣсяцъ.

Впереди, невдалекѣ отъ низменнаго берега, чуть-чуть отдѣлялись отъ сумрачнаго беззвѣзднаго неба стѣны обгорѣлаго собора съ провалившимся куполомъ. Ниже шли остатки монастырской ограды.

Теркинъ и Серафима, всѣ мокрые и еще тяжело дышащіе, шли на красный огонекъ костра. Тамъ они обсушатся.

— Робинзоны? А? Сима?—спросилъ на ходу Теркинъ.

Серафима разсмѣялась. Все это было такъ ново. Могли погибнуть и не погибли. Деньги цѣлы и невредимы. И костеръ точно для нихъ кто-то разложилъ. Давно ей не было такъ весело. Ни одной минуты не пожалѣла она о всѣхъ своихъ туалетахъ, бѣльѣ, вещахъ. Теперь это все затоплено. Пускай! Дѣло наживное.

— Да, Вася!.. Ты—Робинзонъ! Я—Пятница!—выговорила она и вздрогнула.

— Что, лихорадитъ?—спросилъ онъ заботливо.

— Побѣжимъ!

Они пустились бѣжать. Спасательный обручъ она бросила, какъ только вышла на берегъ. И Теркина начинала пробирать дрожь. Платье прилипло еще плотнѣе, чѣмъ въ водѣ. Въ боковомъ карманѣ визитки онъ чувствовалъ толстый бумажникъ, въ немъ лежали взятыя на дорогу деньги и нужные документы. И къ груди, производя ощущеніе чесотки, прилипла замшевая большая сумка съ половиной всей суммы, спасенной ими обоими.

Пробѣжались они съ четверть версты.

Вотъ они и у костра. Его пламя вблизи лизало яркими языками рогожныя стѣнки шалаша. Около костра, спинами, сидѣло двое.

— Богъ помочь, ребята!—крикнулъ Теркинъ.

Сидѣвшіе у костра обернулись.

Одинъ—старичокъ, крошечнаго роста, сморщенный, беззубый, въ низкой шляпенкѣ, отозвался жидкимъ голоскомъ:

— Откуда Богъ несетъ?

Другой былъ паренекъ лѣтъ семнадцати, въ рваномъ полушубкѣ, но въ сапогахъ. Его круглое бѣлое лицо, еще

безбородое, краснѣло отъ пламени костра. Онъ что-то палочкой переворачивалъ по краямъ костра, гдѣ уже лежала зола.

— Присѣсть можно? — спросилъ Теркинъ. — А, православные?

— Нештò!.. Садись...

— Вы никакъ рыбаки?—спросилъ онъ старика.

— Займаемся по малости.

Теркинъ посадилъ Серафиму. Свою визитку онъ сбросилъ и повѣсилъ ее на уголъ шалаша.

Оба они, все еще веселые и возбужденные, начали грѣться. Отъ нихъ пошелъ паръ. Рыбаки оглядывали ихъ: старикъ—исподлобья, парень—во всѣ глаза; онъ даже пересталъ переворачивать то, что̀ лежало подъ золой.

— Небось, картошку печете?—спросилъ Теркинъ, угадавъ то, что̀ дѣлаетъ парень.

— Нештò,—прошамкалъ старикъ.—А вы откуда будете?

— Потонули, дѣдушка. Съ парохода!—звонко отвѣтила Серафима и разсмѣялась.

Она сидѣла бокомъ къ костру, вытянувъ ноги. Туфли удержались на ея ногахъ; она ихъ сняла и поставила на золу.

— Ишь ты!—вымолвилъ старикъ.

Теркинъ началъ разсказывать, какъ на нихъ налетѣлъ пароходъ, и они пошли ко дну, какъ спаслись вплавь.

— Пресвятая Богородица!

Старикъ перекрестился.

— Значитъ, какъ есть?.. Все потравили, ваше степенство?—спросилъ паренекъ.

Теркинъ понялъ, что тотъ принималъ его за купца.

— Какъ есть,—повторилъ онъ.—А картошка-то, малый, у тебя, поди, готова? Вотъ барыню-то угостилъ бы!..

— Съ нашимъ удовольствіемъ, — добродушно отвѣтилъ парень.

Черезъ полчаса Серафима спала въ шалашѣ, подъ визиткой Теркина, высохшей у костра. Онъ самъ сидѣлъ, прикрывшись рогожей, и поддерживалъ огонь.

Мужиковъ не было видно. Парня онъ услалъ въ городъ Макарьевъ. Развалины его монастыря и ярмарочныя зданія виднѣлись отсюда. Городъ лежитъ позади и его не видно было. Теркинъ узналъ отъ рыбаковъ, что въ городѣ „настоящей гостиницы“ нѣтъ, а только постоялые дворы. Даже свѣжей булки трудно достать иначе, какъ

въ базарные дни, когда ихъ привозятъ изъ-за Волги, изъ Лыскова, гдѣ живетъ и „все начальство“. Но паренекъ оказался шустрый. Теркинъ далъ ему мелочи, — карманныя его деньги, точно чудомъ, не выпали изъ панталонъ,—и наказалъ: найти ямщика съ тарантасикомъ или съ телѣжкой почище и пріѣхать сюда, и захватить, коли не добудетъ попоны или ковра, хоть двѣ рогожки, прикрыть барыню. Парень, — его звали „Митюнька“, — обѣщалъ все это доставить „въ наилучшемъ видѣ“ и къ разсвѣту.

Старичокъ пошелъ къ лодкѣ улаживать снасть. И ему Теркинъ сунулъ въ руку двугривенный.

Съ теплomъ большая истома стала разбирать его у костра. Но онъ боролся съ дремотой. Заснуть на берегу въ глухомъ мѣстѣ было рискованно. Кто знаетъ, тотъ же беззубый мужичокъ могъ вернуться и уложить ихъ обоихъ топоромъ.

Да и паренекъ, кто его знаетъ, могъ привести съ собою изъ города пару молодцовъ, тоже не съ пустыми руками.

Курить было нечего. Папиросница осталась въ каютѣ. На душѣ у него младенчески тихо и ясно. Онъ даже не особенно радъ своему спасенію. Ему теперь кажется, что онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ спастись. Такой пловецъ, какъ онъ!.. Ударъ пришелся по носовой части, каюта не была сразу затоплена.

Да, но Серафима?.. Его находчивости обязана она тѣмъ, что лежитъ теперь въ шалашѣ и спитъ дѣтскимъ сномъ.

Спокойно, самоувѣренно мысли о превосходствѣ мужчины проникали въ его голову. Гдѣ же женщинѣ противъ мужчины!.. Ѣхала бы она одна? И деньги потеряла бы. Навѣрно!.. Безъ платья, безъ копейки, безъ паспорта... Должна была бы вернуться къ мужу, если бъ осталась въ живыхъ.

„Безъ паспорта,—мысленно повторилъ онъ. — А по какому виду будетъ она теперь проживать? Ну, на дачѣ можно недѣлю, другую протянуть. Дать синенькую мѣстному уряднику—и оставятъ тебя въ покоѣ. Но потомъ?“

Ему непріятно, что такіе житейскіе вопросы („каверзные“,—выговорилъ онъ про себя) забрались въ него. Онъ не могъ отдаться одной радости отъ сознанія, что *она* жива, спасена имъ, лежитъ вонъ въ шалашѣ, что ея

судьба связана съ его судьбой, и никому не принадлежитъ она, кромѣ него.

Дремота опять подкралась къ нему, и „каверзные“ вопросы уходили...

Ему представились, всплыли внезапно, какъ всегда въ полузабытьѣ, обѣ „рожи“ мужиковъ: круглыя щеки „Митюньки“, съ козырькомъ фуражки, переломленнымъ посрединѣ лба, и морщинистое маленькое лицо старика, въ низкой шляпенкѣ, съ курчавыми сѣдѣющими волосами, въ верблюжьемъ зипунѣ.

Они — мужики настоящіе, заволжскіе. И ему пріятно, что къ нимъ онъ не почувствовалъ жуткаго недовѣрія, не съежилось его сердце, какъ всегда бываетъ съ нимъ отъ прикосновенія простого народа, особливо на Волгѣ. Эти же рыбаки дали имъ съ Серафимой обогрѣться, накормили картошкой. Митюнька побѣжалъ въ городъ, добудетъ лошадей.

„Все мужики!“ — тихо, улыбаясь, выговорилъ Теркинъ, щуря глаза на огонь.

И ему вспомнилась сказка Салтыкова о двухъ генералахъ, попавшихъ на необитаемый островъ.

„Ну, нѣтъ, я бы нашелся,—увѣренно подумалъ онъ.— Во мнѣ не барская, а крестьянская кровь, небось!.. Избу срубимъ, коль на то пошло!“

Глаза его начали слипаться. Дрова потрескивали.

## XXXVI.

Извозчичья пролетка остановилась, не доѣзжая Воскресенскихъ воротъ, у праваго тротуара, идущаго вдоль Историческаго музея, въ Москвѣ.

Теркинъ выскочилъ первый и высадилъ Серафиму.

Только вчера „обмундировались“ они, какъ шутя отзывался Теркинъ. Онъ купилъ почти все готовое на Тверской и въ пассажахъ. Серафима обшивалась дольше, но и на нее пошло всего три дня; два платья были уже доставлены отъ портнихи, остальное она купила въ магазинахъ. Ни ей, ни ему не хотѣлось транжирить, но все-таки у нихъ вышло больше шестисотъ рублей.

— Вотъ эта?—спросила Серафима и указала свободной рукой на часовню.

День стоялъ очень жаркій, небывалый въ половинѣ августа. Свѣту было столько на площадкѣ передъ Иверской,

что пучки восковыхъ свѣчъ внутри часовни еле мерцали изъ темноты.

— Эта самая,—отвѣтилъ Теркинъ.

Серафима никогда не бывала тутъ, или если и проѣзжала мимо, то не останавливалась. Она всего разъ и была въ Москвѣ, и то зимой.

Тогда она въ „это“ не входила. Родители не наказывали ей ставить свѣчу, и мать, и отецъ даже въ единовѣріи „церковнымъ“ святынямъ не усердствовали.

И Теркинъ сегодня утромъ, — они стояли на Мясницкой въ номерахъ, — не мало удивился, когда Серафима сказала ему:

— Прежде всего заѣдемъ къ Иверской.

Правда, они собрались осмотрѣть Кремль, Грановитую палату и дворецъ, пройтись назадъ Александровскимъ садомъ и завтракать у Тѣстова, но объ Иверской, для того, чтобы прикладываться къ иконѣ, рѣчи не было.

Въ Теркинѣ въ послѣдніе годы совсѣмъ заглохли призывы вѣрующаго. Больше пяти лѣтъ онъ не бывалъ у исповѣди. Его чувство отворачивалось отъ всего церковнаго. Духовенства онъ не любилъ и не скрывалъ этого; терпѣть не могъ встрѣтить рясу и поповскую шапку или шляпу съ широкими полями.

Когда, въ первый вечеръ ихъ знакомства, Серафима дала ему понять, что она ни къ православію, ни къ расколу себя не причисляетъ, это его не покоробило. Напротивъ!

Сегодня приглашеніе поклониться Иверской удивило его, но не раздражило.

„Что жъ,— подумалъ онъ тотчасъ же, — дѣло женское! Столько передрягъ пережила, бѣдная!.. Отъ мужа ушла, чуть не погибла на пароходѣ, могла остаться безъ гроша... Все добро затонуло. Вотъ старыя-то дрожди и забродили... Все-таки въ благочестивомъ домѣ воспитана“...

Ему даже это какъ будто понравилось подъ конецъ. Натура Серафимы выяснялась передъ нимъ: вся изъ порыва, когда говорила ея страсть, но въ остальномъ скорѣе разсудочная, безъ твердыхъ правилъ, безъ идеала. Въ любимой женщинѣ онъ хотѣлъ бы все это развить. На какой же почвѣ это установить? На хорошихъ книжкахъ? На мышленіи? Онъ и самъ не чувствуетъ въ себѣ такого грунта. Не было у него довольно досуга, чтобы

путемъ чтенія или бесѣдъ съ „умственнымъ“ народомъ выработать себѣ кодексъ взглядовъ или вѣрованій.

Такъ онъ вѣдь мужчина; у него всегда будетъ, какой ни на есть, „царь въ головѣ“, а женщина, почти каждая, вся изъ однихъ порывовъ и уколовъ страсти.

На паперти часовни въ два ряда выстроились монахини. Богомольцы всходили на площадку и тутъ же клали земные поклоны. Серафима никогда еще въ жизнь свою не подходила къ такому мѣсту, извѣстному на всю Россію. Она не любила прикладываться, когда мать брала ее въ единовѣрческую церковь, и врядъ ли сама поставила хоть одну свѣчу.

Ему не хотѣлось допытываться, почему она захотѣла быть у Иверской. Вѣдь не изъ одного же любопытства!..

На паперти она не дѣлала поклоновъ и даже не перекрестилась, но проникла въ часовню и тамъ опустилась на колѣни.

Теркинъ оставался у паперти.

Молча поднялись они къ Никольскимъ воротамъ подъ руку.

Въ Кремлѣ пробыли они больше часа, осмотрѣли соборы, походили и по Грановитой палатѣ; во дворецъ ихъ не пустили.

Въ двѣнадцатомъ часу возвращались они пѣшкомъ по главной аллеѣ Кремлевскаго сада. Имъ обоимъ хотѣлось ѣсть. Кремль оставилъ въ нихъ ощущеніе чего-то крупнаго, такого, что̀ не нуждается ни въ похвалахъ, ни въ обсужденіи. Вся внутренность Успенскаго собора стояла еще у Серафимы передъ глазами: громадный, уходящій вверхъ иконостасъ, колонны, тусклый блескъ позолоты, куда ни кинешь взглядъ, что-то „индійское“, опредѣлила она, когда вышла на площадь къ Красному крыльцу. Грановитая палата ее немного утомила и не прибавила ничего новаго къ тому, съ чѣмъ она выходила изъ Успенскаго собора.

— Такъ мы „подъ машину“?—спросилъ ее Теркинъ.

Они уже миновали темный проходъ подъ мостомъ, ведущій отъ Троицкихъ воротъ къ башнѣ „Кутафьѣ“, направляясь къ Тѣстову.

Онъ прижималъ локтемъ ея руку и заглядывалъ ей подъ шляпу, такую же темную, съ большими полями, какъ и та, что погибла со всѣмъ остальнымъ добромъ на пароходѣ „Сильвестръ“.

У него на душѣ осталось отъ Кремля усиленное чувство того, что онъ „русакъ“. Оно всегда сидѣло у него въ глубинѣ, а тутъ всплыло такъ же сильно, какъ и отъ картинъ Поволжья. Никогда не жилось ему такъ смѣло, какъ въ это утро. Подъ рукой его билось сердце женщины, отдавшей ему красоту, молодость, честь, всю будущность. И не смущало его то, что онъ среди бѣла дня идетъ объ-руку съ бѣглой мужней женой. Кто бы ни встрѣтился съ ними, онъ не побоится ни за себя, ни за бѣглянку.

Вотъ сейчасъ будутъ они сидѣть въ трактирѣ, въ общей залѣ, слушать „машину“, ѣсть разстегаи на міру: смотри, кто хочетъ.

— Подъ машину!—задорно повторила Серафима и остановила его передъ большими воротами. — Погляди, Вася, какая эта Москва характерная! Прелесть!

И такъ имъ обоимъ сдѣлалось молодо, что они готовы были пуститься назадъ по липовой аллеѣ въ горѣлки.

Снизу отъ экзерциргауза грузно скакалъ съ форейторомъ зеленый вагонъ конки, грохоталъ и звенѣлъ, такъ же задорно и ухарски, какъ и они оба чувствовали себя въ ту минуту.

— А позавтракаемъ,— подхватилъ Теркинъ, — сейчасъ сядемъ на конку и въ Сокольники. Видишь, вонъ станція.

Завтракъ ихъ „подъ машиной“ затянулся до третьяго часа. Было все такъ же жарко, когда они, пройдя подъѣздъ, остановились у станціи поджидать вагона къ Сухаревкѣ и дальше до Сокольниковъ.

На Теркинѣ былъ свѣтлый пиджакъ на распашку. Въ правомъ боковомъ карманѣ лежалъ бумажникъ съ нѣсколькими нужными письмами, одной распиской, книжкой пароходныхъ рейсовъ его „Товарищества“ и рублей до четырехсотъ деньгами.

Еще у Тѣстова Серафима замѣтила ему:

— Вася, смотри, какъ у тебя бумажникъ отдулся.

— Ничего!—небрежно замѣтилъ онъ.—Я еще не помню, чтобы меня обокрали. А я ли не ѣзжалъ!..

Подползъ вагонъ снизу. Дожидалось нѣсколько человѣкъ.

Только что Теркинъ вошелъ въ вагонъ и Серафима за нимъ слѣдомъ, какъ ихъ спереди и сзади стѣснили въ узкомъ проходѣ вагона: спереди напиралъ приземистый мужчина въ чуйкѣ и картузѣ, въ родѣ лавочника; сзади

оттѣснили Серафиму двое молодыхъ парней, смахивающихъ на рабочихъ.

— Что вы толкаетесь!.. Съ ума сошли!—крикнулъ Теркинъ.

Чуйка пролѣзла мимо него на заднюю площадку.

— Садись! Мѣсто есть!—сказалъ Теркинъ Серафимѣ, и почему-то инстинктивно схватился за боковой карманъ. Бумажникъ его выхватили.

— Держи!.. Жулики! Бумажникъ!—крикнулъ онъ тотчасъ же и бросился изъ вагона.

Вышла суматоха. Многіе видѣли, какъ два парня побѣжали на Тверскую. Чуйка исчезла, должно-быть, юркнула въ ворота дома Московскаго трактира.

— Городовой!—крикнулъ Теркинъ, не растерявшись.

Городового близко не оказалось.

## XXXVII.

— Вотъ не угодно ли просмотрѣть фотографіи извѣстныхъ карманщиковъ?

Офицеръ положилъ передъ Теркинымъ на подоконникъ большой, уже потрепанный альбомъ и лѣниво пошелъ въ другую комнату.

Теркинъ присѣлъ на стулъ и откинулъ покрышку альбома. Позади его у стола, гдѣ сидѣлъ другой полицейскій офицеръ, шло разбирательство. Хриплый мужской голосъ раздавался вперемежку съ женскимъ, молодымъ, жирнымъ и высокимъ.

— Ахъ, какъ не стыдно такъ говорить!—жалобно протянулъ женскій голосъ.

— А то какъ же?—зло перебилъ мужской.—Извѣстно, платье ты заложила... Небось, гдѣ оно нашлось? Въ портерной?

— Иванъ Дороѳеичъ! Бога вы не боитесь!.. У васъ дѣвушки и безъ того точно колодницы какія! Господи!

Раздалось всхлипываніе.

— Мели еще! Поскуда!

— Постойте, любезнѣйшій!—проговорилъ голосъ полицейскаго.

Не оглядываясь, Теркинъ понялъ, кто тутъ тягался передъ „поручикомъ“, — содержатель „дешеваго“ дома съ своей „дѣвушкой“, откуда-нибудь изъ Пильникова или отъ Яузскаго моста. Онъ слыхалъ про эти мѣста, но самъ никогда тамъ не бывалъ.

Разбирательство мѣшало ему уйти въ разсматриваніе фотографій московскихъ карманниковъ. Да онъ и не надѣялся найти портретъ жулика, что̀ выхватилъ у него бумажникъ два дня назадъ.

Лицо и тѣлесный складъ того, видомъ лавочника, который толкалъ его спереди, достаточно врѣзалсись ему въ память: рябинки по щекамъ, бородка съ просѣдью, круглыя ноздри; кажется, въ одномъ ухѣ сережка. Но онъ ли выхватилъ у него бумажникъ или одинъ изъ тѣхъ парней, что̀ напирали сзади? А тѣхъ онъ не могъ бы распознать, не кривя душой; помнитъ только лиловую рубаху навыпускъ одного изъ нихъ, и только.

Да и вообще онъ ни крошечки не вѣритъ въ успѣхъ дознанія и поисковъ. Онъ даже не очень охотно давалъ показаніе въ участкѣ, гдѣ продиктовалъ текстъ заявленія, появившагося на другой день въ газетахъ. А сегодня, когда онъ подалъ новое письменное заявленіе начальнику сыскной полиціи, вонъ въ той большой комнатѣ, ему хотѣлось сказать:

„Извините за безпокойство. Вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ".

Начальникъ задалъ ему два-три вопроса строгимъ голосомъ, съ унылымъ взглядомъ человѣка, которому такая „пустяковина", какъ кража изъ пиджака четырехсотъ рублей, нимало не занимательна.

И потомъ, когда онъ говорилъ съ офицеромъ, пригласившимъ его ознакомиться съ альбомомъ извѣстныхъ карманниковъ и другихъ воровъ, ему еще яснѣе стало, что „ничего изъ этого не выйдетъ".

— У васъ и документы были въ бумажникѣ?—спросилъ его офицеръ.—Паспортъ?

— Паспорта не было; но два-три письма дѣловыхъ... И расписка одна...

— Денежная?

— Да, денежная.

Офицеръ усмѣхнулся и посмотрѣлъ въ бокъ.

— Видите... У здѣшнихъ жуликовъ бываетъ иногда такая повадка. Деньги они прикарманятъ, а ежели бумаги, паспорты и другое что̀—въ почтовый ящикъ опустятъ, который поближе.

— Честность, значитъ, есть... своего рода джентльменство.

— Какъ видите.

— А на этотъ разъ они не разсудили такъ поступить?

— Почтовое вѣдомство намъ препроводитъ... коли что́ найдется въ ящикахъ.

Все это говорилось тономъ совершеннаго равнодушія. Теркинъ глядѣлъ на офицера и думалъ, какая ему, должно-быть, тоска на этой постылой службѣ... Воспитывался онъ, навѣрно, въ юнкерскомъ училищѣ, вышелъ въ драгуны, по службѣ не повезло, куда же идти?.. Въ полицію. Смыслилъ онъ въ лошадяхъ, въ хорошей ѣздѣ, книжки почитывалъ, барышень умѣлъ смѣшить, ну, въ картишки... А тутъ надо интересоваться нравами и повадками „господъ жуликовъ", принимать къ сердцу всякую обывательскую непріятность, постоянно работать головой, изощрять свою память и наблюдательность. Тоскища!

Альбомъ, развернутый передъ Теркинымъ на подоконникѣ, держался не въ особенномъ порядкѣ. Нижнія карточки плохо сидѣли въ своихъ отверстіяхъ, не шли сплошными рядами, а съ промежутками. Но все-таки было много всякаго народа: мужчинъ, женщинъ, скверно и франтовато одѣтыхъ, бородатыхъ и совсѣмъ безбородыхъ, съ скопческими лицами, смуглыхъ и бѣлобрысыхъ. И фамиліи показывали, что тутъ стеклись воры и карманники съ разныхъ русскихъ окраинъ: мелькали польскія, нѣмецкія, еврейскія, хохлацкія фамиліи.

На одной фамиліи Теркинъ остановился.

— Кашица,—прочелъ онъ вслухъ.

Такой фамиліи онъ еще никогда не слыхалъ.

Карманникъ Кашица снятъ былъ въ шапкѣ и въ чуйкѣ съ мерлушковымъ воротникомъ. И, вглядываясь въ него, Теркинъ подумалъ:

„А вѣдь тотъ былъ въ этомъ родѣ".

Сходство съ жуликомъ, толкавшимъ его въ вагонъ конки, показалось ему довольно близкимъ: какъ будто есть и рябины, и бородка такого же рисунка; въ глазахъ что-то, оставившее слѣдъ въ памяти.

Больше минуты вглядывался онъ въ лицо Кашицы... И похожъ и не похожъ!..

— Ну, что?.. Не признали никого?—раздался сзади молодой басистый голосъ поручика.

Теркинъ обернулся.

— Съ однимъ какъ будто есть сходство. И фамилія у него такая курьезная,—Кашица.

— Очень можетъ быть... коли онъ на свободѣ... Это узнать не трудно.

Теркинъ всталъ.

— Нѣтъ, поручикъ, положительно утверждать не могу... Если бы дошло до судебнаго разбирательства — не присягну...

— Ужъ это ваше дѣло!..

Теркину пришла мысль о сыщикѣ.

— Всего бы лучше...—сказалъ онъ вполголоса,—на сыщика руку наложить. Хорошій процентъ ему...

— Безъ сыщика и не обойдется...—уклончиво отвѣтилъ офицеръ и спросилъ, поворачиваясь на каблукахъ: — Адресъ вашъ изволили оставить?

— Какъ же!

Онъ далъ адресъ меблированныхъ комнатъ, откуда сегодня же они должны были переѣхать за городъ.

Потянуло поскорѣе уйти изъ душныхъ низкихъ комнатъ сыскного отдѣленія, разомъ „поставить крестъ“ на своей потерѣ, хотя, въ виду близкихъ большихъ платежей, деньги на карманные расходы были бы весьма и весьма не лишнія.

Воздухъ этихъ комнатъ, пропитанный запахомъ канцелярской пыли, сургуча и сапожной кожи, хваталъ его за горло. Онъ много видалъ видовъ, но рѣдко попадалъ въ такія мѣста, какъ полицейскіе участки, съѣзжіе дома, „кутузки“. Въ настоящей тюрьмѣ или острогѣ и совсѣмъ не бывалъ, даже въ качествѣ посѣтителя.

Гадливое чувство поднималось въ немъ... Все тутъ пахло развратомъ, грязью самой мелкой плутоватости и кровью звѣрскихъ убійствъ. Лица сновавшихъ полицейскихъ, унтеровъ, какихъ-то подозрительныхъ штатскихъ въ темной и большой передней наполнили его брезгливой тревогой и вмѣстѣ острымъ сознаніемъ того, какъ онъ въ душѣ своей и по всему характеру жизни и дѣлъ далекъ отъ этого трущобнаго царства.

На крыльцѣ садика, куда выходилъ фасадъ зданія, Теркинъ, только что надѣвшій шляпу въ сѣняхъ, опять снялъ ее, какъ дѣлаютъ невольно, выходя изъ духоты на свѣжій воздухъ.

Но на дворѣ было едва ли не жарче, чѣмъ въ комнатахъ сыскного отдѣленія.

Онъ остановился и поглядѣлъ на переулокъ сквозь рѣшетку забора... Тамъ стояли два извозчика... Изъ-за

сосѣднихъ домовъ искрился крестъ какой-то близкой церкви.

Вдругъ его что-то пронзило. Ощущеніе было ему давно извѣстно. Нѣсколько лѣтъ, когда онъ просыпался, первой его мыслью являлись внутреннія слова: „тебя сѣкли въ волостномъ“... И краска вспыхивала на щекахъ... Иногда это замѣнялось картиной сумасшедшаго дома и уколомъ совѣсти въ формѣ словъ: „ты носилъ личину“.

И тутъ совершенно такъ же, съ внезапнымъ приливомъ къ щекамъ, онъ услыхалъ внутри себя вопросъ:

„А ты чѣмъ лучше карманника Кашицы?“

Вопросъ переплелся тотчасъ же съ вереницей устыжающихъ мыслей: о деньгахъ Калеріи, о платежѣ за пароходъ.

Вѣдь онъ уже пошелъ на сообщничество съ Серафимой. На груди его замшевая сумка и въ ней деньги, нужныя для того, чтобы спустить на воду пароходъ „Батракъ“.

## XXXVIII.

Пастухъ заигралъ на длинной берестовой трубѣ.

Подъ этотъ звукъ проснулся Теркинъ...

Онъ лежалъ въ мезонинѣ дачи, передѣланной изъ крестьянской избы. Сзади, изъ балконной двери на галлерейку, въ отверстіе внутренней подвижной ставни проходилъ лучъ зари. Справа окно было только завѣшено коленкоровой шторой. Свѣтъ уже наполнялъ низкую и довольно просторную комнату, гдѣ, кромѣ желѣзной кровати, стояли умывальникъ и шкапъ для платья да два стула.

Особая деревенская тишина обволакивала его. Звукъ трубы дѣлалъ ее еще ощутительнѣе. Пастухъ игралъ совсѣмъ такъ, какъ бывало въ селѣ Кладенцѣ, когда надо было выгонять корову.

Онъ лежалъ съ полузакрытыми глазами и прислушивался. Давно ему не приводилось просыпаться такъ рано на деревенскомъ просторѣ. Думать, соображать, отдаваться заботамъ дня, заглядывать въ будущее—не хотѣлось.

Внизу почиваетъ Сима. Тамъ спаленка тѣсная, въ одно окно и съ такой же узкой желѣзной кроватью. Онъ могъ бы ночевать внизу. Но на этомъ онъ не безъ умысла не настаивалъ, что, кажется, ей не очень понравилось.

Но онъ находилъ, что такъ лучше. Прислуга можетъ принимать ихъ за мужа и жену, но все-таки пристойнѣе не давать повода къ лишнимъ разговорамъ.

Да и не это одно. Зачѣмъ сразу повторять супружескую жизнь... „перины, подушки", — какъ онъ выражался въ этихъ случаяхъ.

Такъ онъ думалъ вчера, когда они улаживали свое дачное житье, а теперь его полудремота переходила отъ ощущеній утра къ чувству тихаго довольства и ласки, обращенной на подругу.

Пересталъ играть пастухъ. Протянулось нѣсколько минутъ. Изъ-за рѣки долетѣло блеянье. Гдѣ-то калитка скрипнула на ржавыхъ петляхъ. Дергачъ задергалъ въ низинѣ. И еле-еле схватывало ухо звуковое трепетаніе жаворонка.

Рубиновый отсвѣтъ пропалъ. Мягкій снопъ свѣта залилъ комнату.

— Нечего валяться! — выговорилъ вслухъ Теркинъ и сбросилъ съ себя пикейное одѣяло.

Все внизу спало глубокимъ сномъ: Серафима, горничная, кухарка, даже кухонный мужикъ, взятый изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Теркинъ наскоро умылся и, накинувъ на себя пальто прямо поверхъ рубашки и въ туфляхъ, спустился на цыпочкахъ по узкой лѣсенкѣ, которая вела на заднее крыльцо.

Емко втянулъ онъ въ себя воздухъ на холодкѣ зардѣвшагося утра.

Особенной свѣжестью росы еще отзывался этотъ воздухъ. Ночи стали уже холоднѣе, и внизъ по лощинѣ, куда Теркинъ повернулъ по дорогѣ въ овражекъ, бѣлая пелена покрывала озимые всходы. И по деревьямъ овражка ползли разрывчатые куски жидкаго тумана.

Какъ ему жаль было ружья и собаки! Они остались тамъ, на Волгѣ, въ посадѣ, гдѣ у него постоянная квартира, поблизости пароходной верфи. Тамъ же и все остальное добро. На „Сильвестрѣ" погибла часть платья, туалетныя вещи, разныя бумаги. Но все-таки у него было такое чувство, точно онъ начинаетъ жить сызнова, по выходѣ изъ школы, съ самымъ легкимъ багажомъ — безъ кола, безъ двора.

Да „кола и двора" у него и до сихъ поръ какъ слѣдуетъ нѣтъ. Изъ крестьянскаго общества онъ давно ухо-

лился. Домишко Ивана Прокофьича послѣ смерти старухи отдалъ въ аренду, потомъ продалъ.

А захотѣлось ему въ эту минуту, когда онъ спускался къ овражку, владѣть землей, да не здѣсь, а на Волгѣ, съ усадьбой на горѣ, съ паркомъ, чтобы въ лѣсу была не одна сотня десятинъ, и рыбная ловля, и пчельникъ, и заливные луга, свой конскій заводъ.

И вспомнилось ему, какъ онъ еще мальчуганомъ гостилъ съ отцомъ въ промысловомъ селѣ „Заводное", вверхъ по Волгѣ въ сосѣдней губерніи, на луговомъ берегу, и какъ онъ забирался на колокольню одной изъ двухъ церквей и по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на барскую усадьбу съ паркомъ, который спускался внизъ къ самой рѣкѣ. Все внутри его пылало жаждой обладать такимъ угодьемъ, сдѣлаться богатеемъ и купить у господъ всю ихъ „дачу" вмѣстѣ съ дремучими лѣсами. Онъ не зналъ этихъ господъ, а не любилъ ихъ. И тогда въ домѣ уже никто не жилъ. Цвѣтникъ и паркъ стояли въ забросѣ. У него сердце болѣло за все это приволье.

И вотъ теперь передъ нимъ открывается даль владѣльческаго обладанія. Черезъ два-три дня онъ поѣдетъ въ Нижній вносить за „Батрака" двадцать тысячъ и спускать пароходъ на воду, дѣлать свой первый рейсъ вверхъ по Волгѣ. Онъ проѣдетъ мимо того села Кладенца, гдѣ его сѣкли, и мимо той усадьбы, гдѣ строевые лѣса стоятъ въ глубинѣ.

Глаза Теркина мечтательно глядѣли вдаль лощины, откуда бѣлая пелена уже исчезла подъ тепломъ утреннихъ лучей. Онъ сталъ припоминать свои дѣтскія ощущенія, когда онъ лазилъ на колокольню села „Заводное". Тогда такая усадьба казалась ему чѣмъ-то сказочнымъ, въ родѣ тѣхъ сокровищъ и чертоговъ, что вставали передъ нимъ, еще передъ поступленіемъ въ гимназію, надъ разрозненной частью „Тысячи и одной ночи".

А теперь это было если неосуществимо сегодня-завтра, то возможно, вѣроятно, если „Батракъ" принесетъ съ собой удачу. Пароходъ, участіе въ „Товариществѣ"—это только ступеньки, средство расширить „районъ". Къ лѣсу тянетъ его... И тянетъ не такъ, какъ гнуснаго скупщика, который рубитъ и корчуетъ, хищнически истребляетъ вѣковые кряжи сосноваго бора, полнаго чудесной русской мощи и поэзіи.

Нѣтъ! Не о томъ мечтаетъ онъ, Василій Теркинъ, а

какъ разъ объ охраненіи родныхъ богатствъ. Если бы судьбѣ угодно было, чтобы такія угодья, какъ лѣсная дача при усадьбѣ „Заводное“, попали въ его руки,—онъ положилъ бы на нее всю душу, завелъ бы раціональное хозяйство съ правильными порубками. Можетъ-быть, и совсѣмъ бы не рубилъ десятки лѣтъ и сдѣлалъ бы изъ этого дремучаго бора „заказникъ“. Будутъ у него дѣти, и дѣтямъ бы завѣщалъ его, какъ неприкосновенную, неотчуждаемую собственность, какъ майоратъ,—такъ у баръ водится, которые ограждаютъ свой родъ отъ обѣднѣнія.

Быстрой легкой походкой поднялся онъ изъ овражка, гдѣ черный лѣсокъ расползся по подъемамъ, и вышелъ проселкомъ на самый верхъ волока.

Оттуда виднѣлись красная крыша и рѣзко штукатуренныя стѣны какой-то фабрики. Онъ уже слышалъ звонъ фабричнаго колокола, когда сходилъ отъ себя сверху.

Вотъ чего онъ не будетъ заводить. Хоть бы у него денегъ куры не клевали. Фабричное дѣло! Мастеровщина! Заводская голытьба, пьяная, ярыжная, франтоватая, развратная, оторванная отъ сохи и топора.

Онъ не обмазываетъ медомъ „мужичка“; онъ, еще двѣ недѣли назадъ, въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ, доказалъ, что крестьянству надо сначала копейку сколотить, а потомъ уже о спасеніи души думать. Но развѣ мужикъ скопитъ ее фабричной лямкой? Три человѣка на сотню выбьются, да и то самые плутоватые; остальные, какъ онъ выразился тогда,—„осатанѣютъ“.

Это самое слово употребилъ онъ мысленно, и сейчасъ передъ нимъ всплыло нервное и доброе лицо любимаго писателя; онъ вспомнилъ и то, что ему тогда хотѣлось поискреннѣе исповѣдаться Борису Петровичу.

А теперь пошелъ ли бы онъ по доброй волѣ на такую исповѣдь, вотъ по дорогѣ въ тотъ лѣсъ, на полномъ досугѣ?

Онъ мотнулъ на особый ладъ головой и произнесъ вслухъ:

— Мало ли что!

„Батракъ“ ждетъ тамъ, на Волгѣ, въ Сормовѣ. Сегодня же онъ выдастъ вексель Серафимѣ. Это ея дѣло — вѣдаться съ той, со святошей, съ Калеріей.

Самый этотъ звукъ „Калерія“ былъ для него непріятенъ.

То ли дѣло Серафима! Красавица, свѣжа какъ распустившійся розанъ, умница, смѣлая и преданная всѣмъ

существомъ своимъ и безъ всякихъ глупыхъ причудъ. Она вѣритъ ему. Когда ей понадобится капиталъ, она знаетъ, что онъ добудетъ его.

## XXXIX.

Извивами между кудрявыхъ веселыхъ береговъ протекаетъ Яуза. Лодка лѣниво и плавно повернула за выдавшійся мысокъ, гдѣ у самаго обрыва разросся кленъ, и корни, на половину обнаженные, глядѣлись въ чуть замѣтное вздрагиванье проточной воды.

На рулѣ сидѣла Серафима, на веслахъ—Теркинъ. Они ѣздили кататься внизъ по Яузѣ, къ парку, куда владѣлецъ пускаетъ публику, и гдѣ устроена театральная зала.

Вечеръ медлилъ надвигаться. Розовато-желтоватый край неба высился надъ кустами и деревьями прибрежья. Тепло еще не уходило... Стояли двадцатыя числа августа.

Работая веслами, безъ шляпы, въ томъ самомъ пиджакѣ, откуда у него выхватили въ Москвѣ бумажникъ, Теркинъ любовался Серафимой, сидѣвшей сбоку, съ тонкой веревкой, накинутой вокругъ ея стана, въ свѣтлой фланелевой рубашкѣ съ отложнымъ матросскимъ воротникомъ. На ней тоже не было шляпки. Волоса на лбу немного разметались. Грудь высокая, драпированная складками мягкой рубашки, тихо колыхалась. Засученныя по локоть руки двигались медленно, туда и сюда, и бѣлизна ихъ блестѣла минутами отъ этихъ движеній. И въ лицѣ она немного порозовѣла. Пышный полуоткрытый ротъ выступалъ ярче обыкновеннаго на фонѣ твердыхъ щекъ, покрытыхъ янтарнымъ пушкомъ.

— Благодать!—тихо выговорилъ Теркинъ.

Онъ приподнялъ весла надъ водой, и капли западали въ воду.

И тотчасъ же онъ воззрился влѣво, въ одно крутое мѣсто берега, гдѣ виднѣлись темныя мужскія фигуры. Тамъ, кажется, разведенъ былъ и огонекъ.

Еще вчера кухонный мужикъ разсказывалъ ему, что на Яузѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ они теперь катались, московскіе жулики собираются къ ночи, дѣлятъ добычу, ночуютъ, кутятъ. Позднѣе и пошаливаютъ, коли удастся напасть на запоздавшаго дачника, особливо барыню.

— Про вашу покражу, — сказалъ ему мужикъ, — навѣрно они превосходно все знаютъ.

Объ этомъ именно вспомнилъ Теркинъ.

— Сима!—погромче окликнулъ онъ,—держи-ка полѣвѣе, вонъ къ тому обрыву.

И онъ ей разсказалъ про свой разговоръ съ кухоннымъ мужикомъ.

Она разсмѣялась и выпрямила станъ.

— Что жъ, Вася, ты хочешь знакомство съ ними свесть?

— Почему нѣтъ? Небось! Не ограбятъ! Да у меня жъ ничего и нѣтъ. Развѣ пиджакъ снимутъ. Мы подъѣдемъ, я спрыгну. Попрошу огонька. А ты взадъ и впередъ покатайся. Когда я крикну: ау!—подплывай. Ты вѣдь умѣешь грести? Справишься?

— Еще бы! — увѣренно и весело откликнулась Серафима и ловко стала направлять носъ лодки къ крутому обрыву, гдѣ виднѣлась утоптанная въ травѣ узкая тропа, шедшая внизъ, къ водѣ.

По этой тропѣ и вскарабкался Теркинъ. Стало немного темнѣть.

Однимъ скачкомъ попалъ онъ наверхъ, на плѣшинку, подъ купой деревьевъ, гдѣ разведенъ былъ огонь и что-то варилось въ котелкѣ. Пониже, на обрывѣ, примостился на корточкахъ молодой малый, испитой, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и опоркахъ на босу ногу. Онъ курилъ и держалъ удочку больше, кажется, для виду. У костра лежала, подобравъ ноги въ сапогахъ, баба, въ родѣ городской кухарки; лица ея не видно было изъ-подъ надвинутаго на лобъ ситцеваго платка. Двое уже пожилыхъ мужчинъ, съ обликомъ настоящихъ карманниковъ, валялись тутъ же.

— Огоньку можно?—звонко спросилъ Теркинъ у того, что удилъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Ни онъ, ни товарищи его не выказали удивленія и только переглянулись между собою. Женщина не поднялась съ мѣста и даже повернула голову въ другую сторону.

— Кашицу варите? — спросилъ той же звонкой и ласковой нотой Теркинъ и, закуривъ папиросу, подошелъ къ костру.

— Супъ-потафё! — хрипло и насмѣшливо отвѣтилъ одинъ изъ валявшихся, въ холстинномъ грязномъ картузѣ и непомѣрно широкихъ штанахъ, какіе носятъ полотеры.

— А что, братцы, — заговорилъ Теркинъ, не покидая

ласковаго тона. — Вы вѣдь всѣ знаете другъ друга (оба лежавшіе у костра приподнялись немного): вотъ у меня на-дняхъ выхватили бумажникъ, у Воскресенскихъ воротъ, на конкѣ... денегъ четыреста рублей. Ихъ теперь, извѣстное дѣло, и слѣдъ простылъ. Мнѣ бы бумаги вернуть... письма нужныя и одну расписку... Они вѣдь все равно господамъ рыцарямъ тумана ни на что не пригодятся.

— Какъ вы сказали? — переспросилъ хриплый. — Рыцарямъ?..

— Тумана... Такая книжка есть. Цѣлое сообщество... господъ артистовъ по вашему промыслу, въ городѣ Лондонѣ.

— Ишь ты! — пустилъ глухой нотой карманникъ въ картузъ.

Теркинъ не сомнѣвался, что всѣ они не просто шатуны, а профессіональные воры.

— Такъ вотъ, братцы, — продолжалъ онъ еще веселѣе и добродушнѣе.—Ваши товарищи иногда паспорты и бумаги возвращаютъ, опускаютъ въ почтовый ящикъ. Объ этомъ мнѣ въ сыскномъ отдѣленіи говорили. И со мной бы такъ можно обойтись. Ежели за это награду пожелаете... я не откажу... А затѣмъ прощайте!

Онъ сбѣжалъ внизъ и крикнулъ:

— Ау!

Лодка была въ двухъ аршинахъ. Серафима однимъ ударомъ веселъ врѣзалась носомъ въ то мѣсто, гдѣ кончалась тропа, и Теркинъ вскочилъ.

Они молчали минуты съ двѣ, на обратномъ пути вверхъ по рѣкѣ.

Потомъ онъ передалъ ей разговоръ съ „жуликами“, и она сказала съ лаской въ глазахъ:

— Школьникъ ты, Вася! Молоденькій какой! Моложе меня! Даромъ, что на десять лѣтъ старше!

Но когда они причаливали къ доскамъ пристани, около купальни, и сквозь густо темнѣвшую стѣну липъ чьего-то сада, онъ увидѣлъ главку старинной церкви, построенной въ видѣ шатра, Теркинъ, совершенно такъ же, какъ на крыльцѣ сыскного отдѣленія, почувствовалъ, какъ его пронзила мысль:

„А ты чѣмъ лучше ихъ?“

Это даже разсердило его; онъ хотѣлъ бы подавить, если бъ можно было, быстрый приливъ краски къ щекамъ, котораго, однако, Серафима не замѣтила.

— Присядемъ вонъ туда, на скамью. Немножко отдохнемъ.

Она указала ему рукой на скамью, стоявшую въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, около низкаго частокола. Надъ скамьей нагнули свои вѣтви двѣ старыя березы. Стволы ихъ были совсѣмъ изрѣзаны.

Теркинъ провелъ ее подъ руки, но не сѣлъ рядомъ съ ней, а сталъ разбирать нарѣзки одной изъ березъ.

— Вася!—окликнула она его.—Сядь, милый!

Онъ сѣлъ.

— Что ты вдругъ смолкъ?.. А?.. Точно тебя холодной водой облили.

— Ничего. Съ какой стати?..

Онъ выговорилъ это возбужденно и заглянулъ ей въ лицо.

— Нѣтъ! Я знаю... что тебя мозжитъ!.. Вотъ завтра ты въ Нижній собрался. Пароходъ на воду спускать. И вмѣсто того, чтобы на всѣхъ парахъ идти, ты опять теребишь себя. Глупости какія!

Это „глупости какія“ вышло у нея такъ мило, что онъ не воздержался и взялъ ее за талію.

— Извѣстно, глупости! Со мной нечего хитрить, Вася. Я не приму векселя.

— Ну, этого я не допущу!—почти гнѣвно выговорилъ онъ, поднялся и заходилъ передъ ея глазами.

— Сядь, сядь! Не бурли! Что это въ самомъ дѣлѣ, Васенька! Такой дивный вечеръ, тепло, звѣздочки вонъ загораются. На душѣ точно ангелы поютъ, а ты со своими глупостями... Зачѣмъ мнѣ твой вексель? Разсуди ты по-купечески... А еще дѣловымъ человѣкомъ считаешь себя! Выдалъ ты мнѣ документъ. И прогорѣлъ. Какой же намъ отъ этого профитъ будетъ? А?..

— А умру я? Утону? Или на желѣзной дорогѣ вагонъ разобьетъ?

— Такъ что жъ?

— У тебя заручка есть.

— Какая? Вася! Побойся Бога! Хочешь непремѣнно въ покойники записываться... Гадость какая! Ну, умрешь. Я предъявлю вексель. Что же останется, коли пароходъ у тебя на одну треть въ кредитѣ? Заводъ, небось, прежде всѣхъ другихъ кредиторовъ пойдетъ?

— Вонъ какой дѣлецъ выискался!—шутливо вскричалъ онъ, но тотчасъ же перемѣнилъ тонъ, сѣлъ опять рядомъ

съ нею, взялъ ея руку и сказалъ тихо, но сильно:—Безъ документа я денегъ этихъ не возьму. Сказано—сдѣлано!

Они помолчали.

— Ахъ, вы, мужчины! Законники! Точно дѣти малыя! Какъ знаешь! Только, чтобы до твоего отъѣзда ни одного слова больше объ этихъ деньгахъ. Слышишь?

Поцѣлуй звонко разнесся въ засвѣжѣвшихъ сумеркахъ.

— Дурачокъ ты, Вася! Нужды нѣтъ, что мы не вѣнчаны съ тобой! Но насъ судьба веревочкой перевязала, слышишь? Мужъ да жена—одна сатана! Знаешь поговорку?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ и опустилъ голову.

## XL.

— Молись Богу!—раздалась команда.

Молодой раскатистый голосъ пронесся по всему пароходу „Батракъ".

Капитанъ Подпасковъ, изъ морскихъ шкиперовъ, весь въ синемъ, нервный, небольшого роста, съ усами, безъ бороды—снялъ свою фуражку, обшитую галуномъ, и перекрестился.

Рядомъ съ нимъ, впереди рулевого колеса, стоялъ и Теркинъ, взявшись за мѣдныя перила.

И онъ снялъ поярковую низкую шляпу и перекрестился вслѣдъ за капитаномъ.

Всѣ матросы выстроились на нижней палубѣ,—сзади шла верхняя, надъ рубкой семейныхъ каютъ,—въ синихъ рубахахъ и шляпахъ, съ красными кушаками, обхватывая овалъ носовой части. И позади ихъ линіи въ два ряда лежали арбузы ожерельемъ нѣжно-зеленаго цвѣта—грузъ какого-то торговца.

Всѣ пассажиры носовой палубы обнажили головы.

Теркинъ, не надѣвая шляпы, кивнулъ раза два на пристань, гдѣ въ проходѣ у барьера, только что заставленнаго рабочими, столпились провожавшіе „Батрака" въ его первый рейсъ, вверхъ по Волгѣ: два пайщика, свободные капитаны, конторщики, матросы, полицейскіе офицеры, нѣсколько дамъ, всѣ пріѣхавшіе проводить пассажировъ.

— Путь добрый, Василій Иванычъ! — послалъ громче другихъ стоявшій впереди капитанъ Кузьмичевъ.

Его большая кудельно-рыжая голова высилась надъ другими, и могучія плечи, стянутыя неизмѣнной коричневой визиткой.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ!—крикнулъ ему въ отвѣтъ Теркинъ и махнулъ фуражкой.

Кузьмичевъ разсчитывалъ, кажется, попасть на его „Батракъ“, но Теркинъ не пригласилъ его, и когда тотъ сегодня утромъ, передъ молебномъ и завтракомъ, сказалъ ему:

— Василій Иванычъ! вѣдь тотъ аспидъ, котораго мы спустили съ „Бирюча“, судомъ меня преслѣдуетъ...

Онъ ему уклончиво отвѣтилъ:

— Ничего не возьметъ!

И не сказалъ ему:

„Не бойтесь! Если будутъ тѣсненія, переходите ко мнѣ“.

Въ ту минуту, когда онъ крикнулъ: „Смѣлымъ Богъ владѣетъ“, онъ забылъ про исторію съ Перновскимъ и думалъ только о себѣ, о движеніи впередъ по горѣ жизни, гдѣ на самомъ верху горѣла золотомъ и самоцвѣтными каменьями царь-птица личной удачи.

Солнце било его прямо въ темя полуденнымъ лучомъ; онъ оставался безъ шляпы, когда, послѣ команды капитана, „Батракъ“ сталъ плавно заворачивать вправо, пробираясь между другими пароходами, стоявшими у Сафроньевской пристани, противъ площади Нижнебазарной улицы.

Онъ любовался своимъ „Батракомъ“. Весь бѣлый, съ короткими трубами для отвода пара,—отдушины были позаграничному, вызолочены,—съ четырьмя спасательными катерами, съ полосатымъ тикомъ, покрывавшимъ верхнюю палубу бѣлой рубки, легкій на ходу, нарядный и чистый, весь разукрашенный флагами, „Батракъ“ сталъ сразу лучшимъ судномъ товарищества. И сразу же въ эти послѣдніе дни августа привалило къ нему столько груза и пассажировъ, что сегодня, полчаса до отхода, хозяинъ его далъ приказаніе больше не грузить, боясь сѣсть за Сормовымъ, на томъ перекатѣ, гдѣ онъ самъ сидѣлъ на „Бирючѣ“.

Надъ нимъ слѣва высился горный берегъ Нижняго. Зелень обрывовъ уходила въ синее небо безъ малѣйшаго облачка; на полгорѣ краснѣла затѣйливая пестрая глыба Строгановской церкви, а дальше ютились домики Гребешка; торчалъ обрубокъ Муравьевской башни и монастырь рѣзко бѣлѣлъ колокольнями, искрился крестами главъ.

Еще дальше расползлась ярмарка; точно сѣрый многолапчатый паукъ раскинулась она по двумъ рукавамъ Оки и плела свою паутину изъ такого же сѣраго товара на

фонѣ желто-сѣрыхъ песковъ, тянувшихся въ обѣ стороны. И куда ни обращался взглядъ, вездѣ, на двухъ великихъ русскихъ рѣкахъ, обмелѣвшихъ и тягостно сдавленныхъ перекатами, тѣснились носы и кормы судовъ, ждущихъ ходу внизъ и вверхъ, съ товаромъ и промысловымъ людомъ, пришедшимъ на нихъ же сюда, къ Макарію, праздновать ежегодную тризну передъ идолами кулацкой наживы и мужицкой страды.

Уши у него заложило отъ радостнаго волненія; онъ не слыхалъ ежеминутнаго гудѣнія пароходныхъ свистковъ и только все смотрѣлъ впередъ, на плесъ рѣки, чувствуя всѣмъ существомъ, что стоитъ наверху рубки *своего* парохода и пускаетъ его въ первый рейсъ, полнымъ груза и платныхъ пассажировъ, идетъ противъ теченія съ подмывательной силой и смѣлостью, не боится ни перекатовъ, ни полнаго безводья, ни конкуренціи, никакой незадачи!..

Губы его стали шевелиться и что-то выговаривать.

Изъ самыхъ раннихъ ячеекъ памяти внезапно выскочили стихи — и какіе! — нѣмецкіе, что̀ его и удивило, и порадовало. По-нѣмецки онъ учился, какъ и всѣ его товарищи, черезъ пень-колоду. Въ пятомъ классѣ нѣмецъ заставилъ ихъ всѣхъ учить наизусть одну изъ балладъ Шиллера.

— „Er stand auf seines Daches Zinnen“, — выговорилъ Теркинъ уже громко подъ ритмическій грохотъ машины.

— „Er stand auf seines Daches Zinnen“, — повторилъ онъ, и память подсказала ему дальше:

„Und schaute mit ergötzten Sinnen
Auf das beherrschte Samos hin!“

И онъ ярче, чѣмъ въ отроческіе годы, вызвалъ передъ собой картину эллинской жизни. Такое же побѣдное солнце... Властитель стоитъ на плоской крышѣ съ зубцами, облитой свѣтомъ, и любуется всѣми своими „восхищенными чувствами“ покореннымъ островомъ. Самосъ — его! Самосъ у него подъ ногами... Смиренный пьедесталъ его величія и мощи!..

Древне-греческій городъ съ цѣлымъ островомъ—и одинъ изъ безчисленныхъ волжскихъ пароходовъ, которому красная цѣна шестьдесятъ тысячъ рублей!

„Василій Иванычъ!.. Не хватили ли, батюшка, черезъ край?“ — остановилъ онъ себя съ молодой усмѣшкой и

тутъ только замѣтилъ, что все время стоялъ безъ шляпы; „Батракъ“ уже миновалъ Сибирскую пристань.

„А кто его знаетъ, каковъ онъ былъ этотъ Самосъ?“— думалъ онъ дальше, и струя веселаго, чисто волжскаго задора разливалась по немъ.—„Вѣдь это только у поэтовъ выходитъ все великолѣпно и блистательно, а на самомъ-то дѣлѣ, на нашъ аршинъ, оказывается мизерно. И храмы-то ихъ знаменитые меньше хорошей часовни. Пожалуй, и Самосъ—тотъ же Кладенецъ, когда онъ былъ стольнымъ городомъ. И Поликратъ не выше старшины Степана Малмыжскаго?“

Село Кладенецъ, его родина, всплыло передъ его внутреннимъ зрѣніемъ такъ отчетливо, какъ никогда. Имя Степана Малмыжскаго вызвало тотчасъ незабываемую сцену наказанія розгами въ волостномъ правленіи.

Еще засвѣтло подойдетъ онъ на „Батракѣ“ къ Кладенцу... Что-то будутъ гуторить теперешніе заправилы схода — такіе же, поди, плуты, какъ Малмыжскій, коли увидятъ его, „Ваську Теркина“, подкидыша, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, передъ рулевымъ колесомъ, хозяиномъ и заправилой такой „посудины“?

Чувство пренебрежительнаго превосходства не допустило его больше до низкихъ ощущеній стародавней обиды за себя и за своего названнаго отца... Издали сниметъ онъ шляпу и поклонится его памяти, глядя на погостъ около земляного вала, гдѣ не удалось лечь Ивану Прокофьичу. Косточки его, хоть и въ другомъ мѣстѣ, радостно встрепенутся. Его Вася, штрафной школьникъ, позорно наказанный его „ворогами“, идетъ по Волгѣ на всѣхъ парахъ...

И тутъ только его возбужденная мысль обратилась къ той, кто выручилъ его, на чьи деньги онъ спустилъ „Батрака“ на воду. Тамъ, около Москвы, любящая, обаятельная женщина, умница и до гроба вѣрная помощница, рвется къ нему. Въ Нижній онъ уговорилъ ее не ѣздить. Теперь ей уже доставили депешу, пущенную послѣ молебна и завтрака.

Въ депешѣ онъ повторилъ ея любимую поговорку:

„Мужъ да жена—одна сатана“.

— Вѣрно!.. Одна сатана!—выговорилъ онъ всей грудью и крикнулъ капитану:—Давайте полный ходъ!

# Оглавленіе XI тома.


стр.

Ранніе выводки. Повѣсть. . . . . 3

Трупъ. Разсказъ . . . . . 108

**ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.** Романъ въ 3-хъ частяхъ.

Часть первая . . . . . 147

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

## „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“ 1898-го года,

СОДЕРЖАЩУЮ

# „ИСТОРІЮ ИСКУССТВЪ“

(архитектуры, скульптуры, живописи и проч., и проч.)

## СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи **П. П. ГНѢДИЧА.**

„Исторія Искусствъ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1898 г. въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ,—по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца,—которые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 страницъ, болѣе 2000 гравюръ и около 50 хромолитографій и рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ.

**Выходящее въ 1898 году изданіе «Исторіи Искусствъ» представляетъ собою повтореніе и точную копію стереотипнаго изданія 1897 года.**

Открытая нами въ истекающемъ 1897 г. подписка на „Исторію искусствъ“ въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ имѣла крупный успѣхъ, и каждый новый выпускъ встрѣчалъ весьма сочувственный пріемъ въ публикѣ и лестные отзывы печати. По вышедшему уже изданію, которое разошлось въ очень значительномъ количествѣ экземпляровъ, можно судить о томъ, насколько объемъ, число рисунковъ и внѣшній роскошный видъ изданія соотвѣтствуютъ даннымъ нами обѣщаніямъ. Въ настоящее время осталось очень немного полныхъ экземпляровъ изданія, цѣна за которые повышена до 16 руб. (безъ пересылки). Но въ виду множества продолжающихъ поступать къ намъ заявленій о желаніи подписаться на „Исторію Искусствъ“ съ разсрочкою платежа, мы рѣшили на 1898 годъ вновь открыть подписку на это изданіе въ 12 выпускахъ, которые будутъ выходить по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца, съ сохраненіемъ прежней (неповышенной) цѣны и на тѣхъ же условіяхъ разсрочки, какъ и въ 1897 г.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по одному выпуску ежемѣсячно: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 12 р., безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, 13 р.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ перес. въ Москву и во всѣ города и мѣстн. Россіи 14 р.; съ пересылкой за границу 16 руб.

**Допускается разсрочка платежа на 2 3, 4 и 6 сроковъ.**

Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Отдѣльные выпуски „ИСТОРІИ ИСКУССТВЪ“ не продаются, и изданіе съ наложеннымъ платежемъ не высылается. Только первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно, съ пересылкою, за 1 р., который можно присылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ. Лица, выписавшія первый выпускъ „ИСТОРІИ ИСКУССТВЪ“, могутъ подписаться на нее со 2-го выпуска, уплачивая, понятно, однимъ рублемъ меньше.

При подпискѣ „ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ“ высылается только выпусками, по одному выпуску ежемѣсячно, причемъ, на основаніи правилъ Газетной Экспедиціи, изданіе въ переплетахъ не высылается. Но для подписчиковъ имѣются въ отдѣльной продажѣ 3 изящныхъ переплета по цѣнѣ 3 руб., съ перес. 4 руб.

Желающимъ же получить сразу все изданіе (12 выпусковъ) 1897 г. оно можетъ быть выслано изъ числа немногихъ оставшихся экземпляровъ по повышенной цѣнѣ, уплачиваемой сполна при требованіи: безъ пересылки—16 р., а въ 3 изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ съ кожаными корешками—20 р. За ящикъ и упаковку взимается 75 к. Пересылка по жел. дорогѣ или чрезъ транспортную контору, съ уплатою ея стоимости на мѣстѣ, или почтою (слишкомъ дорого) за 27 ф., въ перепл. за 30 ф. по разстоянію.

---

Для любителей особо роскошныхъ изданій отпечатано **50 нумерованныхъ** экз. „Исторіи Искусствъ“ на **слоновой** бумагѣ. Цѣна каждаго экз. безъ пересылки **50 руб.**, въ 3 переплетахъ—**55 руб.**; вѣсъ 37 фунтовъ, въ переплетахъ—40 фунт.; условія упаковки и пересылки—тѣ-же (см. выше).

Требованія и деньги адресовать: **въ контору изданій А. Ф. Маркса. С.-Пе-**

20p.